K-107
1861 №9-10
168982

БИБЛІОТЕКА
П. Я. ДОРОШЕНКА.

Петр Доратвић

05
А 48.5-0-IX-X

ОСНОВА

1861

СЕНТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзарь, XXXIV. Частина поэми: «Черниця Маръяна», **Т. Г. Шевченка.**

II. Дневникъ **Т. Г. Шевченка.**

III. Народня Слава, Солоница, Зза Дунаю, Что есть мнѣ и тебѣ, жено? **П. А Кулiша.**

IV. Русалка, **Ломуса.**

V. Матусине Благословенiя, **Олекси Стороженка.**

VI. Украинскiя незабудки, **П. А. Кулиша.**

VII. Съ того свiту, Кумейки, **П. А. Кулiша.**

VIII. Обзоръ украинской словесности. V. Гоголь, **П. А. Кулиша.**

IX. Зъ народнiхъ устъ: I) Се така баба, що чортъ iй на маховихъ вилахъ чоботи оддававъ, **Олекси Стороженка.** II) Жидiвська Дяка, **Митра Олельковича.**

X. Исторiя Украiни, **П. А. Кулiша.**

XI. Памятнов дѣло.

XII. Передовые Жиды, **П. А. Кулиша.**

XIII. О повѣсги Кузьменка, **П. А. Кулиша.**

XIV. Грамота на Рошицы, **М. А. Стаховича.**

XV. Правительственныя постановленiя и распоряженiя, касающiяся Южнорусскаго края.

XVI. Вiсти.

XVII. Объясненiе къ рисункамъ «Живописной Украины», **Л. Ж.**

XVIII. Отъ редакцiи.

XIX. Объясненiе неудобопонятныхъ украинскихъ словъ.

ГИ

К 107.

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.»
Владиміръ Мономахъ.

ПРОВЕРЕНО ЦНБ 1945

1861

СЕНТЯБРЬ.

БИБЛІОТЕКА Украінського Інституту Марксизму-Ленінізму № 14295

УКРАЇНСЬКИЙ МАРКСИСТСЬКИЙ ІНСТИТУТ БІБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Октября 21 дня, 1861 года.

Ценсоръ *Ст. Лебедевъ.*

К 107.
891.79 (05)
0-45
108985
ПРОВЕРЕНО
№ 14252
Библіотека Кубанскаго Педагогическаго Института

КОБЗАРЬ.

XXXIV.

ЧАСТИ́НА ПОЭМИ:

ЧЕРНИ́ЦЯ МАРЪЯ́НА.

Эта поэма, какъ можно догадываться, написана была Т. Гр. Шевченкомъ вслѣдъ за *Катериною*. Черневой, неполный, подлинникъ ея писанъ почти весь карандашомъ. Поправокъ почти нѣтъ въ рукописи, но оригиналъ, очевидно, содержитъ въ себѣ первый набросокъ. Отъ-этого нѣкоторые стихи не дописаны, въ другихъ не соблюденъ размѣръ; нѣкоторые состоятъ изъ повтореній, а въ одномъ мѣстѣ, черта, проведенная отъ слова *оддáмъ*, которымъ начинается неизвѣстный намъ стихъ, показываетъ, что авторъ былъ намѣренъ дополнять и совершенствовать свою поэму. Много въ ней стиховъ слабыхъ, много мѣстъ растянутыхъ, но, какъ набросокъ, поэма эта весьма замѣчательна; она дышетъ свѣжею силою молодаго еще таланта, и есть въ ней мѣста высоко-поэтическія. Указывать ихъ мы не будемъ, предоставляя читателю удовольствіе отыскать самому лучшее между слабымъ и прекрасное между хорошимъ. Я списалъ ее съ оригинала, часто очень нечеткаго и сбивчиваго, собственноручно, и нѣкоторыя мѣста редактировалъ, замѣняя, по-возможности, авторскую работу, что́ и означено въ примѣчаніяхъ.

П. Кулишъ.

У неділю на ви́гоні
Дівча́та гуля́ли,
Жартува́ли зъ парубка́ми,
Де-які співа́ли —
Про до́світки, вечорни́ці
Та якъ би́ла ма́ти,

Щобъ зъ козако́мъ не стоя́ла...
Звича́йно — дівча́та,
То про своє́ все й співа́ють,
Яка́ про що зна́е.
Ажъ ось, съ хло́пцемъ стари́й сліпе́ць
Въ село́ шкандиба́е;
Въ рука́хъ чо́боти; на пле́чахъ
Ла́тана торби́на
У старо́го. А дити́на,
Серде́шна дити́на,
Обідрана, ле́две, ле́две
Носе́ ноженя́та...
Безтала́нний синъ Катру́сі.
»Дивітця, дівча́та,
Кобза́рь иде́, кобза́рь иде́!«
Та всі, я́ко мо́га,
Хло́пцівъ ки́нули, — побігли
Зострічать сліпо́го.
»Діду-се́рце, голу́бчику!
Заграй намъ що-не́будь:
Я шага́ дамъ; я — чере́шень;
Я напою́ ме́домъ;
А тимъ ча́сомъ одпочи́нешъ,
А ми потанцюємъ.
Загра́й же намъ яку́-не́будь!«
— »Чу́ю, лю́бі, чу́ю!
Спаси́бі вамъ, моі квіти,
За сло́во ласка́ве.
Загра́въ би вамъ, та ба́чите —
Спра́ви нема́, спра́ви.
Учо́ра бувъ на база́рі —
Ко́бза зопсува́лась,
Развали́лася...«
— «А стру́ни?«
— »Тілько три оста́лось.«
— »Та хочъ на трёхъ яку-не́будь!«
— »На трёхъ? Охъ, дівча́та!
И на одній коли́сь-то гравъ,

Та ба́, вже не гра́ти!
Пострива́йте жъ, мої лю́бі,
Тро́шки одпочи́ну...
Ся́дьмо, хло́пче.«
Посіда́ли.
Розвяза́въ торби́ну;
Ви́йнявъ ко́бзу; разівъ зо́ два
Уда́ривъ по рва́нихъ...
»Що́ бъ вамъ загра́ть?... Пострива́йте...
Черни́цю Маръя́ну...
Чи чува́ли, чи не чу́ли?....
Слу́хайте жъ, дівча́та,
Та ка́йтеся...
Давно́ коли́сь
Була́ собі ма́ти;
Бувъ и ба́тько, та не ста́ло, —
Оста́лась вдово́ю...
Ой оста́лась удово́ю [1],
Та й не молодою, —
Изъ вола́ми, изъ воза́ми,
Зъ мало́ю дочко́ю.
Росла́ дочка́ Маръя́ночка [2]
Ви́росла, якъ па́нна,

---

[1] Этого стиха недоставало у Шевченка, очевидно, по недосмотру. *П. К.*

[2] Этотъ и слѣдующіе стихи, очевидно, не были читаны авторомъ послѣ перваго наброска, и потому въ нихъ много разъ нарушена мѣра. Шевченко, безъ сомнѣнія, выправилъ бы ихъ лучше, нежели это сдѣлано мною; но чтобы не придать ему собственнаго вкуса моею редакціею и сберечь мелкія, по необходимости сглаженныя мною черты, помѣщаю его стихи точь-въ-точь. (То-же сдѣлано мною и дальше). *П. К.*

Росла́ дочка́ Маръя́на,
А ви́росла, якъ па́нна,
Чернобрі́ва, уродли́ва,
Хочъ за пана гетьма́на.
Ста́ла ма́ти гада́ти
Та зя́тя една́ти,
А Маръя́на не до па́на
Вихо́дила стоя́ти, —
Не до па́на товсто́го,
Уса́того, старо́го,
До Петруся́, въ гаю́, въ лу́зі,
Що-вечора святого:

Чорнобрíва, уродли́ва —
Хочъ би й за гетьмана.
Ста́ла ма́ти міркува́ти
Та зя́тя една́ти,
А Маръя́на не до па́на
Ходи́ла стоя́ти, —
Не до па́на уса́того,
Сідо́го, старо́го, —
До Петруся́, що-ве́чора,
Ве́чора свято́го.
Розмовля́ла, жартува́ла,
Обніма́ла, мліла,
Въ раю́ жила́... а и́ноді
Пла́кала, німіла.
»Чого́ пла́чешъ, моя́ пта́шко?«
Петро́ запита́е.
Вона́ гля́не, усміхне́тця:
»И сама́ не зна́ю«.
— »Мо́же, ду́маешъ, поки́ну?
Ні, моя́ рибчи́но.
Бу́ду́ ходи́ть, бу́ду люби́ть,
По́ки не заги́ну.
Хиба́ було́ коли́ въ сві́ті,
Щобъ ті, що кохали́сь,
Розійшли́ся, не взяли́ся, —
Живи́ми оста́лись?«
— »Ти жарту́ешъ, мій го́лубе!
Ти чувъ, що співа́ють...
То́ кобзарі вига́дують;
Бо, сліпі́, не зна́ють, —
Бо не ба́чять, що е бро́ві,
Чо́рні й ка́рі о́чи
И висо́кий станъ коза́чий,
И гнучки́й дівочий, —
Що е ко́си, чо́рні ко́си,
Коза́цька чупри́на, —
Що на мо́ву на Петро́ву
Въ глухій домови́ні

Усмíхнýся... скажý ёмý:
»Орле сизокри́лий!
»Люблю́ тебе́ й на тімъ свíті,
»Якъ на сімъ люби́ла.«
Ота́къ, се́рце, обнимімось,
Ота́къ поцíлýю!
Неха́й вку́пі захова́ють...
Умрý — не почýю...
Не почýю...«
Обняли́ся,
Обняли́сь, зомлíли.
Ота́къ вони́ люби́лися,
На той свíтъ хотíли [1],
Щобъ на той свíтъ переступи́ть,
Та не по íхъ ста́ло...
Що-ве́чора схо́дилися,
И ма́ти не зна́ла,
Де Маръя́на до півночи,
Съ кимъ вона́ гуля́ла.
»Воно́ мале́, ще дити́на,
Нíчо́го не зна́е.«
Угада́ла стара́ ма́ти,
Та не все вгада́ла:
Знать, забу́ла, що коли́сь же
Сама́ дівувала [2].
Угада́ла ма́ти... Маръя́на — дити́на,
Не зна́ла, якъ тре́ба на сімъ свíті жить,
Ду́мала ні лю́ди, ані домови́на
Съ Петромъ не розлу́чять — умíла люби́ть [3].
Ду́мала, що тілько кобзарі співа́ють,

---

[1] Вмѣсто этого стиха было сперва написано:
Ота(къ) и хотíли.
П. К.

[2] Эти два стиха написаны были сперва такъ:
Знать, забу́ла, що мину́ло, —
Чи не дівува́ла.
П. К.

[3] Этотъ стихъ у Шевченка такъ:
Съ Петро́мъ не розня́ть — умíла люби́ть.
П. К.

Бо сліпі́, не ба́чять ка́рихъ оченя́тъ,
Що тільки лякаю́ть молоди́хъ дівча́тъ...
Лякаю́ть, дівча́та, пра́вдою лякаю́ть.
И я васъ лякаю́, бо те ли́хо зна́ю...
Бода́й на сімъ сві́ті нікóли не знать
Того́, що я зна́ю!... Мину́ло, дівча́та, —
Се́рце не засну́ло — я васъ не забу́въ;
Люблю́ васъ и дóсі, якъ діточóкъ ма́ти;
Бу́ду вамъ співа́ти, пóки не заги́ну...
Тойді, мої лю́бі, якъ мене́ не ста́не,
Згада́йте про ме́не, про мою́ Маръя́ну, —
Я вамъ съ того́ світа се́рцемъ усміхнусь...
Усміхнуся...«
Та й запла́кавъ.
Диви́лись дівча́та,
Не пита́ли, чого́ пла́че,
Та й на́ що пита́ти?
Мину́лося — помага́ло
Ласка́ве дівóче
Щи́ре сло́во...
»Вибача́йте...
(Уте́ръ сліпі́ óчи)
Вибача́йте, мої лю́бі!
Не́хотя журю́ся...
Такъ óтъ, ба́чите, Маръя́на
Зъ убóгимъ Петру́семъ
Що-ве́чора розмовля́ла,
А ма́ти не зна́ла.
Дивува́лась: »Що се таке́
»Маръя́ну спітка́ло?
»Чи не пристрітъ? Ся́де ши́ти —
»Не те вишива́е;
»Замісь *Гри́ця*, заду́мавшись,
»*Петруся* співа́е [1];

[1] *Грицемъ* называется пѣсня:
Ой не ходи, Гри́цю, на ті вечорниці,
а *Петрусемъ* —
Полюби́ла Петру́ся,
Та й сказа́ти боюся. *П. К.*

»Ча́сомъ со́нна розмовля́е,
«Поду́шку цілу́е...«
Ма́ти спе́ршу сміялася:
Ду́мала — жарту́е;
По́тімъ ба́чи(ть), що не жа́рти,
Та й ка́же Маръя́ні:
»Тре́ба старостівъ намъ жда́ти [1],
»Та, мо́же, й одъ па́на.
»Ти вже ви́росла — не вро́ку,
»Уже́ й дівува́ла;
»Я вже ду́маю, що ба́чишъ [2],
(Наси́лу сказа́ла),
»Що вже й за́міжъ, коли́ те́е...»
— »А за кого́, ма́мо?»
— »Хто вподо́ба, то (я) й оддамъ.»
Співа́е Маръя́на:
»Мину́лася твоя́ до́ля,
»На-віки мину́ла...
»Чомъ ти вчо́ра, якъ верну́лась,
»На-вікъ не засну́ла?
»Було́ бъ ле́гше въ домови́ні
»Одино́кій спа́ти.
»Тойді, мо́же бъ, надъ тобо́ю
»Запла́кала ма́ти.
»Тепе́ръ ма́ти не запла́че,
»Та й не заспіва́е;
»А ли́ха ще бу́де, бу́де,
»По́ки заховаю́ть!«

Отаке́-то, моі лю́бі,
Бува́ на сімъ сві́ті:
Одна́ дочка́ у ма́тери,
Та й тій тя́жко жи́ти...

---

[1] У Шевченка этотъ стихъ такъ:
Тре́ба буде старостівъ жда́ти.
П. К.

[2] Этотъ стихъ написанъ былъ сперва такъ:
Я вже ду́маю, що й те́е...

По садо́чку похожа́е,
Слізонькы́ втира́е;
Поглядáе на со́нечко —
Пече́, а не ся́е.
Стоіть собі середъ не́ба,
Мовъ сміетця зъ не́і.
Воно́ не зна, що Маръя́на
Ра́да бъ підъ земле́ю
Заховáтьця одъ ма́тери,
Щобъ не почуть знову
Тії мо́ви, що вже чу́ла,
Проклятоі мо́ви.
Воно́ не зна, що якъ за́йде
Спочи́ти за га́емъ,
Петру́сь ви́йде на доли́ну,
Петру́сь заспіва́е,
Петру́сь ії роспита́е,
Якъ братъ загово́рить,
Поцілу́е, роспита́е
Про лю́тее го́ре.
Не зна́ла Маръя́на, чого се́рце мліе,
Чого́ пла́чуть очі... на́ що ёго́ знать?
Хи́литця топо́ля, куди́ вітеръ віе...
Тя́жко одино́кій на степу́ стоя́ть.
Уто́митця вітеръ — топо́ля спочи́не:
Ота́къ и дівóча мине́ хуртови́на.
Тя́жко одино́кій въ степу́ зострічáть,
А ще гірше лю́бій попе́реду знать,
Де́ и я́къ спіткáе лиха́я годи́на.
Несподівано Маръя́на
Зостріла недо́лю;
Співа́-було́, а и́ноді
Дае́ слёза́мъ во́лю.
Сама́ не зна́, чого́ пла́че;
Мо́же, се́рце й чу́е,
Та не вміе росказáти
Про те́, що віщу́е.

Разъ увéчері Маръя́на,
Якъ ма́ти заснýла,
Пішла́ слýхать соловéйка,
Мовъ зро́ду не чýла.
Ви́йшла въ садо́къ, послýхала,
Сама́ заспіва́ла,
Та й замо́вкла; підъ я́блуню
Тихéсенько ста́ла,
Запла́кала, якъ дити́на
Безъ ма́тери пла́че...
Петро́ стоїть передъ нéю —
Нічо́го не ба́чить.

»Одда́й мені, моя́ ма́мо,
»Та не за старо́го,
»Одда́й менé, моé сéрце,
»Та за молодо́го.
»Неха́й стари́й бурлаку́е,
»Гро́ши заробля́е,
»А молоди́й менé лю́бить,
»До́лі не шука́е.
»Не шука́е, не блука́е
»Чужи́ми степа́ми.
»Свої воли́, свої вози́,
»А міжъ парубка́ми,
»Якъ ма́ківка на вгоро́ді,
»Цвіте–процвіта́е.
»Ма́е по́ле, ма́е во́лю,
»Та до́лі не ма́е.
»Его́ до́ля — мої бро́ві,
»Мої ка́рі о́чі;
»Моé сло́во — па́нство-ца́рство,
»Нічо́го не схо́че.
»У кайда́нахъ, моя́ си́за,
»Та не сиротóю,
»Тілько, ма́мо, що(бъ) плакати,

»Щобъ співáть зо мнóю.
»Оддáй...
— »Дóчко моя́, Маръя́но!
»Оддáмъ тебé за пáна
»За старóго, багáтого,
»За сóтника Йвáна.«
— »Умрý сéрце мáмо,
»За сóтникомъ Йвáномъ.»
— »Не вмрешъ, бýдешъ панувáти,
»Бýдешъ дітокъ годувáти.«

Мáти гáлка, мáти чóрна,
Літáючи, кря́че;
Чорнобріва дівчи́нонька,
Хóдя гáемъ, плáче.
Летúть гáлка черезъ бáлку
Въ степý погуля́ти,
А дівчúна нýдить свíтомъ, —
Ні съ кимъ розмовля́ти.
Не пускáє íї мáти
Врáнці до кринúці,
Ні жúта жать, ні лёну брать,
Ні на вечірнúці,
Де дівчáта съ парубкáми
Жартýють, співáють,
Та про мéне, чорнобріву,
Нúшкомъ розмовля́ють:
»Багáтого дочкá бáтька,
»Шляхéцького рóду...«
Тя́жко, мáмо, вáжко, мáмо...
Нá що далá врóду?
Нá що брóви змалювáла,
Далá кáрі óчі?
Усé далá, тільки дóлі —
Дóлі дать не хóчешъ.
Нá що менé годувáла,
Нá що доглядáла?

По́ки ли́ха я не зна́ла,
Чо́мъ не заховала́?

Не слу́хала стара́ ма́ти,
Лягла́ спочива́ти,
А Маръя́на запла́кала,
Ле́дві пішла́ съ ха́ти.
»Злякала́ся«, ду́ма ма́ти:
»Неха́й перепла́че!«
А Маръя́на за слёза́ми
И світу не ба́чить.
Пішла́ въ садо́къ... се́рце мліе,
Якъ згада́е па́на.
Се́рце мое́, ри́бко моя!
Маръя́но, Маръя́но!
Пострива́йте... заспівала —
Пішла́ луна́ га́емъ, —
Не про *Гри́ця*,—про *Петруся*,
Такъ и вилива́ла.
Заспівае, опи́нитця,
Послу́ха та зно́ву, —
Ажъ голосо́къ утоми́вся.
Петро́вої мо́ви
Не чуть, нема́, не гука́е,
Не кли́че: »Маръя́но!
»Де ти, пта́шко? ви́линь, се́рце,
»Серденько кохане!«
Нема́ Петра́, не чуть Петра́...
Не вже жъ то поки́нувъ
Сирото́ю чорнобріву
При лихій годи́ні?..
Поба́чимо... А тимъ ча́сомъ
По-надъ те́мнимъ га́емъ,
Якъ руса́лка жде місяця,
Маръя́на блука́е.
Не співа́е чорнобріва,
Тя́жко, тя́жко пла́че...
Ой верни́ся, подиви́ся,

Зрадли́вий коза́че!
Утоми́лась би Маръя́на, —
Уто́ми не чу́е;
Безъ Петруся́ въ гаю́, въ лу́зі
Хо́дячи ночу́е.
На східъ со́нця червоніе,
Хова́ютця зо́ри;
Иде́ дівчина до ха́ти,
Несе́ свое́ го́ре.
Пришла́ въ ха́ту — спа́ла ма́ти;
Гля́нула на не́і:
»Ой якъ би́ ти, ма́мо, зна́ла,
«Яко́ю змі́ю
»Окрути́ла мое́ се́рце,
»Рідноі дити́ни...«
Та й упа́ла на посте́лю,
Якъ у домови́ну!...

Т. Шевченко.

Мы не теряемъ надежды добыть эту поэму въ полномъ, обработанномъ видѣ. Говорили намъ, что экземпляръ ея хранится у издателя альманаха *Сніпъ*, г. Корсуна, котораго убѣдительно просимъ сообщить намъ эту драгоцѣнность. *Ред.*

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Пятый отрывокъ.

16 іюля.

Послѣ заката солнца заштилѣло, и въ первомъ часу ночи вѣтеръ поднялся отъ зюйдъ–оста, вѣтеръ тихій и ровный, такой самый, какой нуженъ для нашей почтовой лодки. Дождавшись разсвѣта, я вскарабкался на самую высокую прибрежную скалу и просидѣлъ тамъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ захотѣлось ѣсть, т. е. до полудня. Не увидѣвши на горизонтѣ ни завѣтнаго, никакого паруса, я въ унынiи пришелъ на огородъ, и, въ ожиданiи обѣда, принялся за свою ветчину подорожнюю. Копченый продуктъ мой съ каждымъ днемъ умаляется. Еще нѣсколько дней ожиданія—и отъ него останутся ни–къ–чему годныя руины. Хорошо, если я поѣду черезъ Астрахань. Тамъ есть лавки сарептскихъ колонистовъ, а между ними, вѣроятно, есть и колбасныя. Безъ колбасы нѣмецъ и дня не проживетъ, слѣдовательно, копченый продуктъ можно пополнить. А если придется прогуляться черезъ Гурьевъ и Уральскъ, по злачнымъ и серебрянымъ берегамъ благочестиваго Урала? тогда что? Аппетитъ въ торбу, а зубы на полку, или, во избѣжаніе голодной смерти, прикинуться ворожейкой, а лучше всего—мученикомъ за вѣру, растригою–попомъ. Тогда, какъ по щучью велѣнью, все явится передъ тобой, начиная съ каймыка и джурмицы и оканчивая *свальнымъ грѣхомъ*. Отвратительно! хуже всякихъ язычниковъ...

Въ 1848 году, послѣ трехмѣсячнаго плаванія по Аральскому морю, мы возвратились въ устье Сыръ–Дарьи, гдѣ должны были провести зиму. У форта, на островѣ Косъ–Аралѣ, гдѣ занимали гарнизонъ уральскіе козаки, вышли мы на берегъ. Уральцы, увидѣвъ меня съ широкою, какъ лопата, бородою, тотчасъ смекнули дѣломъ, что я—

непремѣнно мученикъ за вѣру. Донесли тотчасъ же своему командиру, а тотъ, не будучи дуракъ, зазвалъ меня въ камышъ да бацъ передо мною на-колѣни. «Благословите», говоритъ, «батюшка! Мы», говоритъ, «уже все знаемъ». Я тоже, не будучи дуракъ, смекнулъ въ чѣмъ дѣло, да и хватилъ самымъ раскольничьимъ благословеніемъ. Восхищенный эсаулъ облобызалъ мою руку, и вечеромъ задалъ намъ такую пирушку, какая намъ и во снѣ не грезилась.

Вскорѣ послѣ этого казуса, уже обривши бороду, отправился я въ Раимъ—главное тогда укрѣпленіе на берегу Сыръ–Дарьи. Въ Раимѣ встрѣтили меня Уральцы съ затаённымъ восторгомъ, а отрядный начальникъ, тоже не будучи дуракъ, испросивъ мое благословеніе, предложилъ мнѣ 25 рублей, отъ которыхъ я неблагоразумно отказался, и этимъ, по ихъ понятіямъ, безпримѣрнымъ безкорыстіемъ, подвинулъ благочестивую душу старика отговѣться въ табунѣ, въ кибиткѣ, по секрету, и, если возможность позволитъ, причаститься отъ такого безпримѣрнаго пастыря, какъ я.

Чтобы не нажить себѣ хлопотъ съ этими сѣдыми безпримѣрными дураками, я поскорѣе оставилъ укрѣпленіе, и уже аккуратно, каждую недѣлю два раза, брѣю себѣ бороду. Случись это глупое, смѣшное происшествіе гдѣ–нибудь на берегахъ Урала, гдѣ были бы женщины, я не раздѣлался бы такъ легко съ этими изувѣрами. Весь фанатизмъ, вся эта мерзость, гнѣздится въ ихъ распутныхъ дочеряхъ и женахъ. Въ Уральскѣ постоянно набитъ острогъ бѣглыми солдатами—ихъ мнимыми пресвитерами, и, несмотря на явныя улики, они благоговѣютъ передъ этими разбойниками и бродягами. И это не простые, а почетные чиновные козаки... Непонятная закоснѣлость!

Послѣ полудня отошелъ вѣтеръ къ зюйдъ–весту, прямо въ лобъ почтовой лодкѣ.

17 іюля.

Вѣтеръ все тотъ же, какъ заколдованный. Передъ вечеромъ, по направленію Астрахани, на горизонтѣ показался пароходъ. Въ укрѣпленіи засуетились, увидя это неожиданное явленіе, а въ особенности капитанъ К–въ, съ своимъ почетнымъ карауломъ и съ ординарцами. Но кого несетъ пароходъ? никому положительно неизвѣстно. Но всѣ, даже самые умѣренные фантазеры, догадывались, что если не В. К. К. Н., то непремѣнно адмирала, губернатора астраханскаго. Послѣдней догадки, или предположенія, капитанъ К–въ сначала и слушать не хотѣлъ.

Но, внимая доводамъ ученаго друга своего, лекаря Н–го, о невозможности такого чисто–историческаго событія въ такомъ темномъ уголкѣ имперіи, какъ наше укрѣпленіе,—и ученый мужъ подкрѣпилъ свое мнѣніе историческими фактами, сказавши, что послѣ Петра Великаго, изъ членовъ царской фамиліи, никто не посѣтилъ не только полуострова Мангишлака, даже знатнаго портоваго города Астрахани. Противъ этого аргумента сказать было нѣчего. Но смѣтливый капитанъ К–въ нашолся, сказавши: «ну, чтожъ? если и не В. К., такъ по-крайней мѣрѣ губернаторъ: все же особа въ генеральскомъ чинѣ, и почетный караулъ необходимъ». На такое простое, по видимому, слово, даже ученый мужъ полѣзъ въ карманъ за возраженіемъ. Но, увы! пока ученый эскулапъ рылся въ своемъ умственномъ карманѣ, таинственная задача разрѣшилась. Прискакалъ козакъ съ пристани, и донесъ коменданту, что на параходѣ, кромѣ его командира, лейтенанта П–на, никого не имѣется. Гора мышь родила...

Комендантъ послалъ тарантасъ за командиромъ парохода, и велѣлъ его просить къ себѣ на огородъ. А я, чтобы мой походъ въ укрѣпленіе не втунѣ совершился, зашелъ въ казармы и побрился; потомъ зашелъ къ М–скому, посмѣявшись надъ совершившимся. Мы, по–поводу подобнаго же происшествія, случившагося въ 1847 году въ Орской крѣпости, перенесли нашъ разговоръ въ Орскую крѣпость,—какъ ему, такъ и мнѣ хорошо пáмятную. И. М–скій, своимъ неживописнымъ слогомъ, такъ живо описывалъ эту не живописную пустынную крѣпость, что я заслушался его,—и первые темные дни моей неволи просвѣтлѣли и улыбнулись въ моемъ воспоминаніи. Неужели и для настоящаго моего положенія придетъ когда–то свѣтлое улыбающееся воспоминаніе? Фактъ передъ глазами, а все–таки не вѣрится.

Въ девятомъ часу вечера я возвратился на огородъ, и засталъ еще моряковъ, громко–любезничавшихъ съ комендантшею. Но мнѣ такъ опротивѣло пустое хвастовство, что я издали, заслышавъ громкіе голоса, сдѣлалъ полъ–оборота направо, и до пробитія зари обошелъ вокругъ укрѣпленія. Несвоевременная прогулка утомила меня и, прежде времени, къ великому моему удовольствію, уложила спать, за что́ я въ душѣ поблагодарилъ любезныхъ астраханскихъ мореходовъ.

Сонъ мой не былъ, однакожъ, такъ спокойный, какъ я ожидалъ: впродолженіи ночи, я нѣсколько разъ просыпался и наблюдалъ вѣтеръ. Передъ разсвѣтомъ вѣтеръ затихъ, и я, въ надеждѣ на его непостоянство, успокоился и заснулъ. Во снѣ видѣлъ я Кулиша, Костомарова

и Семена Артемовскаго, будто бы я встрѣтилъ ихъ въ Лубнахъ, во время успенской ярмарки,—Кулиша и Костомарова въ обыкновенныхъ, а Артемовскаго—въ какомъ-то театральномъ костюмѣ; въ этомъ фантастическомъ нарядѣ онъ представлялся на улицѣ Петру В., а я тутъ же, для Кулиша, рисовалъ молодого слѣпого лирника въ тирольскомъ костюмѣ. Продолженію этой безалаберщины помѣшалъ мой услужливый дядька: онъ принесъ мнѣ на огородъ новый китель и разбудилъ меня, за что́ наградилъ я его большимъ огурцомъ и рѣдькой.

Вѣтеръ не измѣнилъ моей надеждѣ: къ утру отошелъ къ зюйдъ-осту. Пароходъ поутру вышелъ изъ гавани и направился къ Кизляру. Я проводилъ его глазами на горизонтъ, принялся за свой чайникъ и потомъ за журналъ.

18 іюля.

Кончивши сказаніе о вчерашнемъ событіи, я началъ мечтать о рюмкѣ водки и умѣренномъ кускѣ ветчины,—какъ присылаютъ за мной Б-ва просить на чашку кофе: нашъ Филатъ чему и радъ. Пошелъ я. Прихожу. Командирша тутъ же, послѣ поздоровашья, начала рѣчь о вчерашнихъ гостяхъ. Я спросилъ о цѣли ихъ кратковременнаго пребыванія на нашихъ берегахъ, и на прямой мой вопросъ получилъ отвѣтъ довольно косвенный, и перепутанный, какъ водится, отступленіями, ни къ чему не ведущими. Однимъ-словомъ, я выслушалъ изъ милыхъ устъ такую чепуху, какой иному не удастся выслушать и въ модномъ салонѣ. Гостей оказалось не два, какъ я полагалъ, а пятеро, кромѣ флотскихъ— командира парохода и его штурмана, весьма образованнаго (по словамъ разсказчицы) молодаго человѣка, еще трое штатскихъ, два ученые, а третій — докторъ; и что пароходъ ходитъ около нашихъ береговъ, для какихъ-то наблюденій, и что штатскіе ученые должны быть не ученые, а просто—политическіе педанты, потому что говорили о вліяніи на здѣшнюю туркменскую орду; одинъ изъ нихъ, что помоложе, блондинъ съ длинными волосами à la-мужикъ, можетъ-быть и дѣйствительно только ученый, потому-что, вмѣстѣ съ Данилевскимъ и другими, участвовалъ въ экспедиціи Бера, и что точно такъ же какъ и Беръ, собираетъ степной полынь и другія травы, и что онъ спрашивалъ обо мнѣ, но такъ двусмысленно, что милыя собесѣдницы даже косвенно не умѣли удовлетворить его любопытства, и, какъ я догадываюсь, ловко отстранивши этотъ, по ихъ понятіямъ, щекотливый

вопросъ, онѣ, какъ водится, перенесли свою бесѣду въ Астрахань, прямо въ персидскія лавки съ канаусомъ и другими недорогими матеріями.

Если это былъ сколько-нибудь порядочный человѣкъ, то какое понятіе получилъ онъ о нашемъ бонтонѣ, о сливкахъ здѣшняго дамскаго общества?— —

Собравши такія положительныя свѣдѣнія о вчерашнихъ таинственныхъ посѣтителяхъ, я, разумѣется, пересталъ объ нихъ думать и до самого обѣда лежалъ подъ вербою и читалъ Либельта. О вѣтрѣ я также старался не думать. Онъ изъ меня душу вытянетъ—этотъ проклятый зюйдъ-вестъ. На однѣ сутки, на полсутокъ отойди онъ къ осту—и я свободенъ. Невыносимая пытка!

За обѣдомъ опять завязался разговоръ о таинственныхъ путешественникахъ, и, благодаря коменданту, онъ въ-половину пояснилъ это загадочное событіе. Въ числѣ вчерашнихъ гостей не было главнаго двигателя всей этой суматохи, именно—астронома, который остался на пароходѣ, и дѣлалъ вычисленія. Звѣздочетъ сей присланъ гидрографическимъ департаментомъ, повѣрить астрономическіе пункты на берегахъ Каспійскаго моря, опредѣленные въ прошломъ году какимъ-то другимъ звѣздочетомъ. Вотъ настоящая цѣль неожиданнаго прибытія парохода къ нашему берегу. А два ученые мужа, которые сдѣлали честь огороду и его милымъ обывательницамъ своимъ посѣщеніемъ, не кто иной, какъ одинъ — чиновникъ, мнимый политическій агентъ, отправляющійся на службу въ гебрійскій городъ Баку; а другой—учитель словесности при Астраханской гимназіи, пользующійся свободнымъ каникулярнымъ временемъ, и чуть ли еще не землякъ, потому-что передалъ мнѣ поклонъ черезъ здѣшняго плацъ-адъютанта, за что́ я ему сердечно благодаренъ.

Таинственное происшествіе, къ немалому удивленію нашихъ романическихъ дамъ, объяснилось очень просто и даже прозаически. Но новость, которую сообщилъ плывущій въ Баку чиновникъ, мнѣ кажется, просто, сочиненіемъ будущаго великаго администратора. Онъ сообщилъ, и даже съ подробностями, что образовалась коммерческая компанія пароходства на Каспійскомъ морѣ, на началахъ Тріестскаго Ллойда, и что уже вызываетъ морскихъ офицеровъ служить на ея пароходахъ съ правомъ чинопроизводства, и что уже назначены три директора, и что онъ—сей будущій великій администраторъ — ѣдетъ въ Баку занять мѣсто помощника при директорѣ, нѣкоемъ баронѣ

БІБЛІОТЕКА Українського Інституту Марксизму-Ленінізму № 14295
ЦЕНТРАЛЬНА НАУ… БІБЛІОТЕКА Х.Д.У. Інв. № 19711

Вр. съ содержаніемъ 1500 р. сер. въ годъ. Что́ будетъ дѣлать этотъ Ллойдъ въ Каспійскомъ озерѣ и какое довѣритъ порученіе этому помощнику директора, выпущенному въ настоящемъ году, по его словамъ, изъ С.-Петербургскаго университета?

Съ закатомъ солнца вѣтеръ отошелъ къ зюйдъ-осту, но слабый, безнадежный. Кончится ли наконецъ это грустное существованіе, это однообразное записываніе однообразнѣйшихъ безконечныхъ дней?

19 іюля.

Съ закатомъ солнца вѣтеръ засвѣжѣлъ и отошелъ къ норду. Обрадовавшись такому неожиданному явленію, я принялся ходитъ вокругъ укрѣпленія и до пробитія зари обошелъ четыре раза, — значитъ я сдѣлалъ безъ присѣсту 12 верстъ. Прогулка порядочная, но я не почувствовалъ и тѣни усталости. Ночь лунная, прекрасная, и я не перенесъ своего лагеря въ бесѣдку, оставивъ его подъ вербою, чтобы удобнѣе было наблюдать вѣтеръ по флюгеру, вертящемуся на голубятнѣ. Часы въ укрѣпленіи пробили 12, вѣтеръ перемѣнился и не слабѣлъ. Добрый знакъ. Въ надеждѣ на добрый знакъ, я задремалъ, и на крыльяхъ волшебника Морфея перелетѣлъ въ Орскую крѣпость и въ какой-то татарской лачугѣ нашелъ М. Лазаревскаго, Левицкаго и еще какихъ-то земляковъ, играющихъ на скрипкахъ и поющихъ малороссійскія пѣсни. Я присоединилъ и свой теноръ къ капеллѣ, и мы пѣли стройно и согласно:

У степу могили зъ вітромъ говорили.

Не кончивши этой пѣсни, мы начали другую, а именно — ***Петруся***, и я такъ громко пропѣлъ стихи:

Люблю́, ма́мо, Петру́ся,
Погово́ру бою́ся, —

что капелла наша замолчала, а я, на послѣдней нотѣ, проснулся. Очнувшись отъ этого сладкаго сновидѣнія, я посмотрѣлъ на флюгеръ. Вѣтеръ, слава Богу, все тотъ же — не перемѣнился. Поворочался, прочиталъ, сколько помню, стиховъ изъ пѣсни про счастливаго, бѣлолицаго соперника Гриця, снова заснулъ, моля Орфея продолжать прерванное сновидѣніе.

Морфей исполнилъ мою молитву, только не совсѣмъ. Онъ перенесъ меня въ какой-то восточный городъ, утыканный, какъ иглами,

11781

высокими минаретами. Въ тѣсной улицѣ этого восточнаго города, встрѣчаю я будто бы ренегата, Н. Э. П—ва въ зеленой чалмѣ и съ длинною бородою, а Б—въ и рядомъ съ нимъ — С. Г—вна П — ва — сидятъ на балконѣ, и тоже въ турецкомъ костюмѣ. Они что-то говорили о Кіевскомъ пашалыкѣ. Но мнѣ на лицо вскочила холодная лягушка и я проснулся. Перенеся одръ свой въ бесѣдку, я снова-было скорчился подъ шинелью, но, при всемъ моемъ стараніи, заснуть не могъ. У меня все вертѣлся передъ глазами ренегатъ П—въ съ своимъ всемогущимъ покровителемъ и съ своею, красавицей-супругой. Гдѣ онъ? и что теперь съ нимъ?

Въ ожиданіи утра, я на этомъ полновѣсномъ фундаментѣ построилъ каркасъ поэмы, въ родѣ *Анжело* Пушкина, перенеся мѣсто дѣйствія на востокъ, и назвалъ ее: *Сатрапъ* и *Дервишъ*. При лучшихъ обстоятельствахъ, я непремѣнно исполню этотъ удачно – проэктированный планъ. Жаль, что я плохо владѣю русскимъ стихомъ, — а эту оригинальную поэму нужно непремѣнно написать порусски.

Есть еще у меня въ запасѣ одинъ планъ, основанный на происшествіи въ оренбургской странѣ. Не присоединить ли его, какъ яркій эпизодъ, къ *Сатрапу* и *Дервишу?* Не знаю только, какъ мнѣ быть съ женщинами на Востокѣ. Женщины—безмолвныя рабыни, а въ моей поэмѣ онѣ должны играть первыя роли,—ихъ нужно провести — какъ онѣ въ самомъ дѣлѣ были—нѣмыми бездушными рычагами позорнаго дѣйствія.

Если бы я зналъ, что эта общипанная *Ласточка* (названіе почтовой лодки) не принесетъ мнѣ свободы, я сегодня приступилъ бы къ дѣлу, вопреки поговоркѣ—*тише ѣдешь, дальше будешь*.

Пока я записывалъ свои сновидѣнія, вѣтеръ отошелъ къ весту, и *Жаворонокъ* (другая почтовая лодка) на всѣхъ парусахъ полетѣлъ въ Гурьевъ. Несносный вѣтеръ, мучительная неизвѣстность!

20 іюля.

Ильинъ день. Илія — *косматъ;* такъ пишется онъ въ Библіи. Онъ не оставилъ посебѣ, подобно другимъ пророкамъ, писаннаго пророчества. У Палестинскихъ Магометанъ (если вѣрить Норову) онъ пользуется такимъ же почетомъ, какъ у Евреевъ и христіанъ.

Ильинъ день. Ильинская ярмарка въ Ромни, — теперь, кажется, въ Полтавѣ. Въ 1845 году, я случайно видѣлъ это знаменитое тор-

жище. Три дня сряду глоталъ пыль, и валялся въ палаткѣ покойнаго *Павла Викторовича Свички*. Самъ онъ себя называлъ только огаркомъ отъ большой свѣчки, и сальнымъ огаркомъ. Это былъ сынъ того самаго полковника Свички, что, шутки ради, закупилъ, во время контрактовъ въ Кіевѣ, все шампанское вино, безъ всякой коммерческой цѣли, а такъ, чтобы подурачить польскихъ пановъ, пріѣхавшихъ въ Кіевъ съ единственною цѣлью покутить, а въ своемъ мѣстечкѣ *Городищѣ* (Пирятинскаго уѣзда) онъ учредилъ заставу, чтобы не пропускать никого ни идущаго, ниже въ берлинѣ ѣдущаго, не накормивъ его до-отвалу и не напоивъ до положенія ризъ. Послѣ такихъ шутокъ, натурально, что послѣ большой Свѣчки едва остался маленькій огарокъ, да и тотъ скоро погасъ. Миръ праху твоему, мой благородный друже!

Тогда же я, въ первый разъ, видѣлъ геніальнаго артиста *Соленика* въ ролѣ Чупруна *(Москаль-чарівникъ)*: онъ показался мнѣ естественнѣе и изящнѣе неподражаемаго Щепкина. И московскихъ цыганъ тогда же я въ первый и въ послѣдній разъ слышалъ и видѣлъ, какъ они отличались передъ ремонтерами и прочею пьяною публикою; и какъ, въ заключеніе своего дико-грязнаго концерта, они хоромъ пропѣли:

Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы...
Подожди немного —
Отдохнешъ и ты, —

намекая этимъ своимъ пьянымъ покровителямъ, что имъ тоже не мѣшало бы отдохнуть немного и съ силами собраться для завтрашняго пьянства.

Думалъ ли ведикій германскій поэтъ, а за нимъ и нашъ великій Лермонтовъ, что ихъ глубоко-поэтическіе стихи будутъ отвратительно-дико пѣты пьяными цыганами передъ соборомъ пьянѣйшихъ ремонтеровъ? Имъ и во снѣ не снилась грязная пародія...

Что-же я еще видѣлъ тогда замѣчательнаго на этомъ замѣчательномъ торжищѣ? Кажется, ничего больше. Познакомился съ распутнымъ старикомъ Я — чемъ (отцомъ извѣстнаго) и съ его меньшимъ сыномъ. Еще познакомился съ однимъ изъ безчисленныхъ членовъ фамиліи — Р—з—ко, и на третій день моего пребыванія въ Ромнѣ, купилъ на жилетъ какой-то матеріи, фунтъ донскаго балыка и,

съ поименованнымъ Р—з—кою, выѣхалъ изъ этого омута на *Ромодановскій шляхъ*... Вотъ и все, что́ я на досугѣ припомнилъ о Роменской ярмаркѣ по поводу Ильина дня.

20 іюля,—день, въ который я предполагалъ проститься съ моею тюрьмою, та́къ написалъ и Лазаревскому и Кухаренку, — а вѣте ъ—олицетворенная судьба, распорядился иначе. Что́ дѣлать! посидимъ еще за моремъ, да подождемъ погоды. Въ продолженіи Ильина дня и ночи, вѣтеръ не шелохнулся. Мертвая тишина...

21 іюля.

Записавши Роменскія воспоминанія, я, по случаю воскресенія, пошелъ въ укрѣпленіе побриться и, отъ перваго унтеръ–офицера Кулиха, услышалъ, что въ 9–мъ часу утра пришла почтовая лодка. Побрившись, скрѣпя сердце я возвращался на огородъ, и выходя изъ укрѣпленія встрѣтилъ смотрителя полугоспиталя Б—ва, и онъ первый поздравилъ меня съ свободой, 21 іюля 1857 года, въ 11 часовъ утра.

Въ первомъ часу получилъ отъ Залѣсскаго письмо, отъ 30 мая.

Отъ трехъ часовъ пополудни до трехъ часовъ пополуночи сидѣли подъ вербою съ Фіялковскимъ, пили чай и лимоновку и на–выдержку прочитали нѣсколько мѣстъ Либельта.

22 іюля.

По–случаю сего радостнаго для меня событія можно бы и оставить небольшой пробѣлъ въ сей прозаической хроникѣ. Но такъ какъ въ физической моей дѣятельности, или, лучше сказать, бездѣйствія не послѣдовало рѣшительной перемѣны и, какъ кажется, раньше 8 дня августа не должно ожидать сицевой перемѣны, то во избѣжаніе рѣшительнаго бездѣйствія, а паче—соблазнительной лимоновки, и буду, не нарушая заведеннаго порядка, по утрамъ нагрѣвать свой чайникъ и число за числомъ, стройно какъ солдатская шеренга, вести свой журналъ. Отъ бездѣлья и это рукодѣлье.

Сегодня комендантъ сказалъ мнѣ, что онъ не можетъ дать мнѣ пропускъ отъ Новопетровскаго укрѣпленія, черезъ Астрахань, до Петербурга, потому–что онъ не имѣетъ приказа по корпусу о моемъ увольненіи, и если таковой приказъ не получится на слѣдующей почтѣ, то предполагаемое мною живописное, спокойное и дешевое путешествіе

Волгою не состоялось. Но это поправная бѣда. Въ Оренбургѣ, съ помощію друзей моихъ Б–но и Г–на, я возставлю свои оскудѣвшіе финансы. Жаль только, что не нужное удаленіе отъ прямого пути заставляетъ меня отказаться отъ желанія видѣть въ нынѣшнемъ году художественную выставку въ академіи: опоздаю; а еще больше жаль, что я долженъ отсрочить радостное свиданіе съ Лазаревскимъ и прочими моими земляками–друзьями; а еще болѣе жаль мнѣ, что совершенно лишніе 1000 верстъ отдалятъ отъ меня минуту блаженнѣйшаго счастія, минуту, въ которую я сердечною слезою благодарности омочу руку моей благороднѣйшей заступницы графини Н–и И–ны и ея великодушнаго супруга. О, мои незабвенные благодѣтели! Безъ вашего человѣколюбиваго заступничества, безъ вашего теплаго родственнаго участія къ моей печальной судьбѣ, я бы задохся въ этомъ безотрадномъ заточеніи. Благодарю васъ, мои заступники, мои избавители! Вся радость, все счастіе, вся моя свѣтлая будущность суть ваше нетлѣнное добро, мои единые, мои святые заступники!

Графу Оедору Петровичу съ этою же почтою я напишу письмо. О, какъ бы мнѣ не хотѣлось писать этихъ бездушныхъ каракуль, которыя выражаютъ только одну чопорную вѣжливость, и ничего больше. Графинѣ Н–и И–нѣ я не могу теперь писать: все, что́ бы я ни написалъ ей, это и тѣни не выскажетъ того восторженнаго, сладкаго чувства благодарности, которымъ переполнено мое сердце, и которое я могу излить только слезами, при личномъ моемъ свиданіи съ нею.

Лазаревскому, вмѣсто письма, пошлю эти двѣ тетради моего журнала: пускай читаетъ съ Семеномъ, во ожиданіи меня—его искренняго, счастливаго друга.

На сегодня довольно. Пойду въ укрѣпленіе, достану свѣжихъ чернилъ отъ Кулиха, новое перо и бумаги на третью тетрадь для сего журнала. Настала новая эпоха въ моей старой жизни. Должно быть все новое...

23–го іюля.

Кулихъ, снабдивши меня бумагою, перомъ и чернилами, предложилъ мнѣ съ собою пообѣдать, быть можетъ въ послѣдній разъ. На такой трогательный доводъ сказать было нечего, и я согласился тѣмъ охотнѣе, что и Фіялковскій, веселый и умный малый, случился тутъ же, и тоже не отказывался отъ солдатской трапезы. Кулихъ, какъ каптенармусъ, къ обыкновеннымъ щамъ и кашѣ прибавилъ ку-

сокъ жареной баранины; я досталъ изъ кармана большой огурецъ (безъ этого лакомства я не являюсь въ укрѣпленіи), а Фіялковскій тоже досталъ изъ кармана, и поставилъ на столъ, бутылку съ водкой. Не пышно, но съ апетитомъ, и такъ искренно-весело мы пообѣдали, какъ дай Богъ всѣмъ добрымъ людямъ такъ каждый день обѣдать. За обѣдомъ и послѣ обѣда, Фіялковскій забавно подтрунивалъ надъ К-омъ, его чиномъ и въ особенности надъ его тепленькимъ мѣстомъ. К-хъ, чтобы отдѣлаться отъ неистощимаго Фіялковскаго, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: какъ мнѣ нравится книга, которую онъ принесъ для меня изъ Уральска? Я, разумѣется, сказалъ, что очень нравится. На что Фіялковскій страшно захохоталъ, и громогласно назвалъ — Либельта просто дурнемъ, за то, что онъ написалъ такую книгу, П-цкаго за то, что онъ купилъ эту книгу, а К-а *допельтовымъ* дурнемъ за то, что онъ 500 верстъ несъ на плечахъ своихъ эту пустую, увѣсистую книгу. К—хъ не на-шутку обидѣлся такой нецеремонной критикой, и требовалъ ясныхъ доказательствъ на такую грубую клевету. Чтобы утишить возникавшую ссору, я пригласилъ пріятелей къ себѣ на огородъ, пить чай. Предложеніе было принято, и мы отправились подъ мою вербу. Либельтъ лежалъ у меня подъ подушкой, и я, во ожиданіи чайника, предложилъ Фіялковскому прочитать вслухъ страничку изъ сего великаго творенія. Онъ охотно это исполнилъ. Кулихъ не повѣрилъ слышанному. Онъ думалъ, что Фіялковскій импровизируетъ и продолжаетъ трунить надъ его тяжелою ношею, вырвалъ у него изъ рукъ книгу и прочиталъ самъ весь параграфъ *о фантазіи*. Что? спросилъ Фіялковскій наивно изумленнаго Кулиха. П—кій, отвѣчалъ онъ, цивилизованный дурень: вотъ и все! Насмѣшки Фіялковскій возобновилъ съ прежней силою, пока не остановилъ его своимъ приходомъ общій нашъ пріятель К-ни. Этотъ безсовѣстный пьяница, ради рюмки лимоновки, не постыдился подойти къ намъ и поздравлять меня съ полученіемъ свободы. Мы встали и разошлись въ разныя стороны, предоставивъ въ полное распоряженіе незваннаго гостя чайникъ и бутылку съ лимоновкой. Вѣжливость за вѣжливость.

Ночь была лунная, тихая, очаровательная ночь. Я долго гулялъ по огороду, а нѣжныя наши дамы, изъ опасенія простудиться, сидѣли за сальнымъ огаркомъ въ вонючей киргизской кибиткѣ. Имъ бы предложить эстетику Либельта: что бы онѣ изъ нея сдѣлали? Навѣрное—папильотки. И это естественно. Для человѣка-матеріалиста, которому

Богъ отказалъ въ святомъ, радостномъ чувствѣ пониманія его благодати—его нетлѣнной красоты, для такого получеловѣка, всякая *теорія прекраснаго* ничего больше какъ пустая болтовня; для человѣка же, одареннаго этимъ божественнымъ разумомъ—чувствомъ, подобная теорія также пустая болтовня и еще хуже—шарлатанство. Если бы эти безжизненные ученые эстетики, эти хирурги прекраснаго, вмѣсто теоріи, писали исторію изящныхъ искусствъ, тутъ была бы очевидная польза. Вазари переживетъ цѣлые легіоны Либельтовъ.

24 іюля.

Передъ разсвѣтомъ прошелъ сильный дождь съ грозою; около огорода въ запруженную балку налилось съ каменныхъ овраговъ столько воды, что можно плавать порядочной лодкѣ, что̀ мы и пробовали съ И–емъ А–чемъ послѣ обѣда. Жаль, что, въ этой лощинѣ, песчаный грунтъ и вода на поверхности его не можетъ удержаться долго; а какое бы было украшеніе и польза этому безводному мѣсту!

Вечеромъ капитанъ К–въ объявилъ мнѣ, съ претензіей на благодарность, что онъ, по приказанію коменданта, отдалъ приказъ по полубатальону о моемъ увольненіи, за что̀ я нижайше благодарилъ господина коменданта.

НАРО́ДНЯ СЛА́ВА.

Нема́ въ ме́не ро́ду,
Нема́е дружи́ни,
Ані бра́та-това́риша
На всій Украі́ні.
Ду́ма сумови́та—
То́ моя́ роди́на;
Се́рце одино́ке —
Вірная дружи́на;
Степи́, го́ри и доли́ни —
Товари́ство-побрати́ми.

Роспущу́ я свої ду́ми,
Та й не позбіра́ю:
Ростекли́ся, суму́ючи,
По рідному кра́ю.
Одъ Лима́ну до Есма́ні
Жовтіе пшени́ця;
Я, безрідний, одино́кий,
Всю́ди чужени́ця.
Одъ Лима́ну до Есма́ні
Моги́ли чорніють;
Ой жнуть лю́де, рідъ изъ ро́домъ,
И нада́льше сію́ть...

Ой по тихъ моги́лахъ, у–го́ру висо́кихъ,
По тихъ гробови́щахъ, у зе́млю глибо́кихъ,
Лежи́ть мого́ ро́ду безъ ліку.
По тихъ степа́хъ, по го́рахъ Дніпро́вихъ,
По ба́лищахъ и луга́хъ Низо́вихъ
Живе́ ёго́ сла́ва одъ віку до віку.

Ой встань, сла́во,
Уста́нь ра́но,
Ви́йди, сла́во,
Изъ тума́ну...

Ти безрідному — роди́на,
Одино́кому — дружи́на,
Товари́ство — на Вкраїні,
Одра́донька — на чужи́ні.

СОЛО́НИЦЯ.

Ду́ма.

(1596).

I.

Іду по́лемъ чи́стимъ,
Гля́ну о́комъ би́стримъ—
Филю́ютця жо́вті ни́ви
Жи́томъ колоси́стимъ.

Уроди́ло жи́то,
Та нікому жа́ти: [1]
Пішли́ на́ші хліборо́би
Списа́ми ора́ти,—

Списа́ми ора́ти,
Тру́помъ засіва́ти... [2]
Ой які́–то бу́демъ жни́ва
Съ того́ сіву ма́ти!

II.

Кри́кне товари́ство:
»Наliва́йку, дру́же!
Не впевня́йся, си́зий о́рле,
На лейстро́вихъ ду́же; [3]

»Бо ті лейстрови́і
Ви́росли въ нево́лі:
Ой не вде́ржять про́тивъ вітру
Корогви́ у по́лі.«

III.

Бу́йний вітеръ віе,
Наганя́е хма́ри:
Чи то́ Ту́рки наступа́ють,
Чи хи́жі Тата́ре?

Ой не Ту́рки, не Тата́ре,
Християнська си́ла,
Мо́въ хма́рами грому́чими,
Та́боръ обложи́ла.

Ста́ли недоля́шки
По́ручъ изъ Ляха́ми,
Обгорну́ли Наliва́йцівъ
Леестровика́ми.

Украіно рідна!
Чи се жъ твоі діти
Круго́мъ ша́нці покопа́ли,
Щобъ на своіхъ би́ти? [4]

»Ой хто изъ Жолко́вськимъ,
Тому́ панува́ти,
А хто ста́не зъ Наliва́йкомъ,
Тому́ погиба́ти.«

Пова́бились на́ші
На мо́ву лука́ву,
Затопта́ли, закаля́ли
Коза́цькую сла́ву.

IV.

Ой ви, Наliва́йці,
Молоді орля́та!
Ой пора́ вамъ гости́й ва́шихъ,
Пора́ привіта́ти.

Блисну́ла грімни́ця
Изъ чо́рноі хма́ри:

Повали́лись–покоти́лись
Пішаки́ й рейта́ре.

V.

Кри́кне панъ Жолко́вський
На па́нське вій́ско:
»Не стина́йтесь, пани́ бра́ття,
Зъ Наliва́йкомъ бли́зько.

»Роскида́йте, бра́ття,
Шовко́ві наме́ти,
Иззива́йте усю́ шля́хту
На гучні бенке́ти.

»Бу́демо гуля́ти,
Пива́, меди́ пи́ти,
А козаківъ Наliва́йцівъ
Го́лодомъ мори́ти.«

VI.

Бенкету́е шля́хта,
Игра́ючи въ ка́рти,
А козаки́ лейстровики́
Додержують ва́рти.

Поскида́ла шля́хта
Панце́ри й шиша́ки,
Бо козаки́ лейстровики́
Ві́рні, якъ соба́ки.

VII.

Ки́нувсь Наliва́йко
Одъ бро́ду до бро́ду;
Сюди́ тру́дно й туди́ тру́дно—
Нема́ перехо́ду!

Ки́нувсь Наliва́йко
Одъ ва́лу до ва́лу:

»Ой оддáйте, менé, брáття,
Ляхáмъ на потáлу!«

VIII.

Чогó, чогó слáвна
Солонúця стáла?
Що козакú Наливáйці
На ій воювáли.

Солóніі млáки [5]
Слізми просоліли,
Що козакú Наливáйці
Воювáть не вміли.

Воні́ воювáли
Чотúрі недíлі,
Одъ безхлібъя, одъ безвíддя
Рýки обомліли.

Воні́ воювáли,
И кровъ розливáли,
Бунчукú й шаблі підъ нóги
Ворогáмъ поклáли.

Воні́ воювáли,
Та й довоювáлись,
Що Ляхáмъ та недоля́шкамъ
Въ невóлю достáлись.

IX.

Бýйні вітрú, бýйні,
Осúпалось жúто:
Дóбра дóля тимъ судúлась,
Що зъ гармáтъ побúто¡

Нежáтіі нúви
Въ–нівець обернýлись:

Тяжке́ ли́хо тимъ суди́лось,
Що зъ войни́ верну́лись!

Су́мно дощі, су́мно
Зерно́ прибива́ють:
Ой безъ батьківъ мале́ньки
Дітки вироста́ють.

Вироста́йте, дітки,
Въ щасли́ву годи́ну,
Ой рятуйте–визволя́йте
Ще разъ Украіну!

П. Кулішъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДУМѢ: »СОЛО́НИЦЯ.«

1.—Стр. 26, ст. 6.

Уроди́ло жи́то,
Та нікому жа́ти:

Въ народной пѣснѣ о походѣ на линію поется:

Посіяли, поорали,
Та нікому жа́ти:
Пішли́ на́ші коза́ченьки
Линіі копа́ти.

2.—Стр. 26, ст. 10.

Пішли́ на́ші хліборо́би
Списа́ми ора́ти.

Польско-козацкія войны были не только борьбою религіи съ религіею, не только народа съ народомъ, но и стремленіемъ кореннаго народонаселенія старорусскихъ земель отстоять права вольности народной по отношенію къ польскимъ панамъ (1). Поэтому-то, при всѣхъ мрачныхъ чертахъ своихъ съ одной и

---

(1) Въ самомъ началѣ войнъ козацкихъ, задача его сдѣлалась очевидна для пановъ, но только паны никакъ не сознавали себя виновными въ томъ, что такая задача явилась въ массѣ Украинскаго простонародія. Гетманъ Жолкевскій, преслѣдуя Наливайка, въ 1596 году, писалъ къ королю: Brzidko asz y spominacz do czego się to swowolenstwo bralo, iakie spominanie maiestatu W. Kro. Mczi, iakie zamisli o Cracowie stoliczi slawnei W. Kro. Mczi, rozbicziu, witraczeniu stanu szlacheczkiego... (*Zrzòdla do Dz. Polsk.*, przez M. Grabowskiego i Al. Przezdzieckiego, I. 72).

другой стороны, эта борьба достойна вдохновенія поэтовъ и изученія мыслителей. Въ послѣднее время, нѣсколько польскихъ перьевъ, не весьма впрочемъ сильныхъ, вооружились за достоинство аристократическихъ представителей старой, давно покончепной борьбы. Не входя съ ними въ діалектическіе диспуты, приведемъ имъ свидѣтельство о господствующихъ классахъ въ Рѣчи-Посполитой ихъ же писателя, современника Наливайка и Хмельницкаго. Онъ много разъ путешествовалъ по Европѣ; современники прозвали его, за разнообразныя его свѣдѣнія, Польскимъ Варрономъ, а извѣстный польскій писатель нашего времени, Юліанъ Бартошевичъ (*Hist. Literat. Polskiej*, str. 383) признаетъ за нимъ рыцарское праводушіе: Prawość miał rycerską). Этотъ писатель, по имени Симонъ Старовольскій, въ знаменитой книгѣ своей: Reformacya Obyczajów Polskich (стр. 105—111), пишетъ: Czworakie albowiem u nas zdzierstwo, a zgoła niepohamowane prawem żadnem, znajduje się Polacy moi. Pierwsze starostów i dzierżawców rozmaitych dóbr rzeczypospolitej, którzy co wiedzieć jakich ciężarów, robocizn i podatków nie wkładają na ubogie poddane królewskie, (a drudzy i swoich własnych ledwie nie ze skóry odzierają) nic na komisye, nic na dekreta królewskie nie dbając. A gdy które go prawem przycisną i inkwizycyami, tedy ci panowie co przy dworze natenczas będą, jeden drugiego ratują, omawiają przed królem jako mogą, przyczyniają się za oskarżonym, chłopy gromią, strofują, straszą i odpowiadają im, aby koniecznie sprawy odstąpili, i zamilczeli krzywd swoich nieznośnych. A gdy którzy z chłopów rozumniejszych, spodziewając się jakiej poprawy, stoją mocnie przy prawie swojem i nie ustają z suplikami do dworu,— wnet ich pozabijać każą, albo potopić, a chudobę jeśli jaką mieli konfiskować, i między szczwacze swoje rozdać, zadawszy chłopu utopionemu, że buntownik był, że opryszek, że złodziejską z pogranicznemi przewodnią trzymał. I taci *quorum os maledictione et amaritudine plenum est*, urzędnikowie, ekonomowie i służkowie wierni, albo raczej zauszniczkowie panów swoich, którzy *linguis suis dolose agebant*, przywiodą wnet pany do tego, że będą *veloces pedes eorum ad effundendum sanguinem*. — — Drugie zdzierstwo jest tak panów wielkich, jako i szlachty miernej zuchwałey, którzy podróże z gromadnemi orszakami czyniąc, nie płacą w gospodach co natrawią, na polu szkody ludziom ubogim czynią, a ich gwardye niekarne przez wsie albo miasteczka jadąc co jeno po drodze potkają—porwą; gęś, kurę, barana, ser, masło, kiełbasy, chusty i wszelakie naczynia domowe, chłopu do komory wpadłszy. A panowie, skargę słysząc, albo się skryć każą temu co uszkodził, albo chłopa pofukają i obuszkować każą, że o lada co turbuje jego mości. A tym też sposobem i z rzemieślnikami, i z kupcami wszędzie poczynają, na bórg rzeczy nabrawszy, albo robić sobie co rozkazawszy, nigdy się nie iszczą nikomu, nie płacą, ale zawsze się z prace cudzej i najeść i napić i zbogacić chcą, kaduki upraszając po ludziach co możniejszych, tak zażywota ich co jeno mają wydzierają, jako i dziatkom ich ubogim, po śmierci onych.— —Trzecie zdzierstwo czynią w Polszcze wszystkie urzędy, przełożeństwa, i sądy tak wielkie jako i małe.— —Czwarte zdzierstwo czyni w Polszcze żołnierz, który Boga zapomniawszy i sprawiedliwość jego, jest ojczyznie swej teraz harpią i tyranem nieubłaganym.— —Idzie żołnierz na wojnę, drze, łupi ludzie ubogie, i bracia swoję. Jest na wojnie w obozie, na czaty wysyła na wszystkie strony, jak w nieprzyjacielskiej ziemi. Z wojny się wraca, drze, bierze, łupi po staremu, jakoby to z hołdowanego poganina, i w jednej wsi wyjada, z drugiej wóz skarbny picuje, z trzeciej do domu swego posyła, a z dziesięcin pieniądze wybiera. I by to ieszcze jedna chorągiew

brała, a dalej tak plądrując niepostępowała, tedyby jakokolwiek *sustinuissem utique*, ale jedna chorągiew wybrawszy co może wydrzeć ze wsi wynijdzie, a druga tegoż dnia zarazem następuje, trzecia nazajutrz. I tak niemasz tak podłej wioski, tak lichej mieścinki, coby w niej trzydzieści i czterdzieści chorągwi nie brało. Aż się ludzie z niej rozejdą, płacząc, przeklinając i o pomstę ze wszystkiego serca wołając. Этой-то жажды мести и удовлетворяли козаки, которыхъ отдѣльные интересы совпадали съ интересами простонародья вездѣ, гдѣ они ни появлялись. Чтобы дорисовать картину неистовствъ коронnаго и панскаго войска, которое, большею частью состояло изъ благородной шляхты, не говоря уже о ротмистрахъ, хорунжихъ, поручикахъ и прочая, которые были всѣ безъ исключенія чистѣйшей, благороднѣйшей дворянской крови, скажемъ, что въ *Актахъ Западной Россіи* напечатаны документы, которыми одно и то же правительство увольняетъ одни города на нѣсколько лѣтъ отъ податей и пошлинъ за то, что они претерпѣли татарскій набѣгъ, а другіе—также на нѣсколько лѣтъ за то, что въ нихъ квартировало войско (См. т. 1-й, стр. 347 и 350.) Между рукописями С.Петербургской публичной библіотеки авторъ нашелъ наивныя жалобы отъ войска королю: что когда войско идетъ походомъ и приближается къ какому-нибудь городу или мѣстечку, то мѣщане, узнавъ объ этомъ, заблаговременно ломаютъ мосты на рѣкахъ, запираютъ ворота и защищаютъ отъ него переправы и проходы, какъ отъ непріятеля. (См. фоліантъ Польскаго отдѣла рукописей, №94, стр. 244, 465—469 (годъ 1637) и 711—718 (годъ 1639).

3.—Стр. 26, ст. 16.

Не вспѣлйся, сúзий дрле,
На лейстрóвихъ дуже.

За бунты противъ воеводъ, старостъ и коронныхъ гетмановъ, изъ козацкаго реестра выключались всѣ безпокойныя головы. Эти козаки, выписанные изъ реестра, и потому называвшіеся *выписчиками* (wypiszczyki), отличались отвагою, какъ люди, которымъ нечего терять, и постоянно враждовали съ реестровыми козаками, которыхъ они ненавидѣли, которымъ завидовали и которыхъ старались поднимать противъ установленныхъ сеймомъ властей, чтобы общимъ возстаніемъ возвратить утраченныя права и, вмѣсто управленія дворянскаго (воеводско-старостинскаго), установить въ Украинѣ управленіе козацкое, основанное на общей для всего населенія подачѣ голосовъ. Таковъ былъ искони идеалъ общественнаго благоустройства у украинскаго простонародья (1), и ради этого-то идеала помогало оно козацкимъ ополченіямъ, и на козаковъ, часто поступавшихъ съ нимъ варварски, смотрѣло обыкновенно какъ на своихъ защитниковъ.

4.—Стр. 27, ст. 16.

Щобъ на своіхъ бúти.

Въ народной пѣснѣ о разореніи Сѣчи поется:

Ой уклонúлися тому Турасóві,
А що пiдъ нимъ дóбре жúти,

---

(1) Dyaryusz Okolskiego, str. 81: O jak wiele tego *in bello servili* najduje się, którzy życzą, aby odrobina panów i szlachty nie zostawała, aby uszczerbek majestat królewski cierpiał, a chłopski regiment następował!

Ой тілько тéе та и неприя́тно,
Що на своїхъ тре́ба би́ти.

5.—Стр. 29, ст. 8.

Соло́нці мла́ки

Мла́ками называются мочары въ низинахъ. Трава ростетъ по нимъ только изрѣдка, потому что они пропитаны горькою солью.

ЗЗА ДУНАЮ.

Олександрі Михайловні К.

Поки́ну, поки́ну
Чужу́ю чужи́ну,
Та на Украіну
Со́коломъ поли́ну.
Ой хто жъ мене́ до́ма
Щи́ро привіта́е,
Лю́бо въ ві́чі гля́не,
Про життя́ спита́е?
Привіта́ють ме́не
Вовки́-сірма́нці,
Залігши доро́гу
Въ зеле́німъ байра́ці:
«Го́ді тобі жи́ти
За ти́химъ Дуна́емъ:
Ми на те́бе, дру́же,
Давно́ вже чига́емъ;
Го́ді тобі здо́бичъ
У насъ одбива́ти —
Зъ світломъ доглида́ти
Убо́гоі ха́ти.
Неха́й те́мна нічка
Ха́ту обгорта́е,
На́ше се́рце хи́же
По-вікъ звеселя́е.

Привітають ме́не
Яструби́ зъ орла́ми,

Роспусти́вши кри́ла
По-надъ города́ми:
«Ой ми тобі лю́бо
У ві́чі загля́немъ,
Твої́ очі-зо́рі
Изъ лю́ба доста́немъ.
Го́ді прозира́ти
У дале́кі віки,
Голу́би́ти въ се́рці
Наді́ї вели́кі.
Пре́дки твої въ шля́хти
Хати́ відбива́ли, —
Своїмъ тіломъ въ по́лі
Вовківъ годува́ли, —
Паня́нські робро́ни
На уну́чи дра́ли, —
Лиси́ці зъ іхъ тру́пу
Се́рце виіда́ли, —
Оча́ми–зоря́ми
Дале́ко сяга́ли, —
Яструби́ зъ орла́ми
Очі і́мъ клюва́ли: —
Ой то́ твоя́ до́ля,
Ой то твоя воля;
Втіка́й на чужи́ну
Изъ рідного по́ля!
Тобі рідъ-роди́на —
Чужа́я чужи́на,
На́ша лю́ба здо́бичъ —
Сла́вна Украі́на...»

П. Кулішъ.

РУСА́ЛКА.

Мицке́вичова баллада.

Ой що́ жъ то за хло́пець,
Хорбши́й, вродли́вий?

Що́ то́ за дивчи́на крій ёго?
Хо́дять надъ водо́ю
Тихо́ю ступо́ю, —
Світить молоди́къ срібноро́гий.

Году́е дівчи́на
Хло́пця ягідка́ми,
Що въ га́ю зеле́німъ набра́ла,
А вінъ ій голо́вку
Квітча́е квітка́ми...
Пе́вне жъ то кохáная па́ра!

Скоро день пога́сне,
Зійде місяць я́сний —
Вже воні́ вихо́дять изъ га́ю:
Хло́пець той — мисли́вий,
Стріле́ць уродли́вий;
Хто така́ дівчи́на — не зна́ю.

Звідкіля́ прихо́дить —
Не пита́й даре́мне;
Якъ вона́ зника́е — Богъ зна̀е.
Мовъ зоря́ засвітить
Попідъ га́емъ те́мнимъ;
Мовъ и́скра въ темно́ті, згаса́е.

»Скажи́ мені пра́вду,
Се́рденько дівчи́но,
(На́ що ти зъ ума́ мене́ зво́дишъ!)
Де́ твоя́ хати́на?
Хто твоя́ роди́на?
Зъ яко́го села́ сюди́ хо́дишъ?

»Літечко мина́е,
Ли́стя опада́е,
Холо́дні зближа́ютця но́чи;
Не въ га́ю, а въ ха́ті
Му́шу цілува́ти
Твоє́ ли́чко, твоі ка́рі о́чі.

»Коли́ жъ ти безрідня,
Се́рденько дівчи́но, —
Ходімъ до мое́і госпо́ди;
Жи́тимемъ съ тобо́ю,
Якъ ри́ба зъ водо́ю;
Всі ма́тимешъ въ ме́не виго́ди.

»Що въ ме́не доста́токъ
И худо́би ста́токъ;
Що въ ме́не и ві́вці й бжоля́та;
Що въ ме́не світли́ця —
Царе́ві годи́тця;
Моя́ ма́ти твоя́ бу́де ма́ти.«

— »Ой коза́че-ту́мо,
Го́рда-пи́шна ду́мо!
Не йме тобі мое́ се́рце віри.
Ма́ти говори́ла,
Що въ васъ така́ віра,
Якъ на си́німъ мо́рі піна.

»Ма́ти говори́ла,
Що въ васъ стільки ла́ски,
Якъ на ти́химъ ста́ві ря́ски;
Соловъе́мъ співа́ешъ,
А се́рцемъ буя́ешъ, —
На и́ншую мене́ проміня́ешъ.«

— »Се́рденько дівчи́но!
Отъ же на колінахъ
Кляну́сь тобі місяцемъ, зоря́ми,
Присяга́ю не́бомъ,
Земле́ю и пе́кломъ,
Що не бу́де и́ншоі міжъ на́ми!«

— »Ой місяцю-кня́зю!«
Озва́лась дівчи́на,
»Я тебе́ за свідка призива́ю.

Якъ сло́во злама́е,
Неха́й покара́е
Ёго́ твоя́ си́ла свята́я!«

Ско́ро зговори́ла —
Мовъ ви́росли кри́ла,
Голу́бкою поміжъ вітття ли́не.
Наза́дъ оберну́лась,
Лука́во всмихну́лась, —
Мовъ та и́скра, у те́мряві ги́не.

Шкода́ здоганя́ти,
Шука́ти, гука́ти!
Пішла́ луна́ по га́еві су́мно.
Ніхто́ не озва́вся,
Ані засмія́вся.
Зоста́всь коза́къ самъ собі ду́мно.

Ду́мае–гада́е,
Додо́му верта́е,
Суму́ючи, понадъ со́нною водо́ю.
Ти́хо, ти́хо въ лісі,
Хиба́ тільки тріснe
Суха́ вітка въ ёго підъ ного́ю.

По со́нній води́ці
Про́міння блищи́тця:
Срібноро́гий въ во́ду зазира́е.
Ажъ ось изза га́ю
Вітре́ць подиха́е, —
Ясна фи́ля по о́зеру гра́е.

Чи то́ жъ забіли́ла
На о́зері піна,
Чи то́ ди́вне появи́лось ди́во:
Що посередъ піни,
Мовъ би на карти́ні,
Зъяви́лося дівча́ уродли́ве?

Молоде́нька, го́жа,
Якъ по́вная ро́жа,
Покро́плена ра́ннёю росо́ю.
То співомъ озве́тця,
То сміхомъ заллетця,
Бере́ о́чі, ва́бить се́рденько краcóю.

»Коза́че мисли́вий,
Хло́пче уродли́вий!«
Озва́лася изъ срібноі піни:
»Чого́ въ ночі блу́дишъ
И се́рденькомъ ну́дишъ
По зрадли́вій, лука́вій дівчи́ні?

»Го́ді сумува́ти,
Важе́нько здиха́ти!
Ходи́, се́рце, до ме́не гуля́ти.
Бу́демъ танцюва́ти,
Якъ ри́бонька гра́ти,
Якъ ла́стівка, по воді черка́ти.

»Або́ підъ водо́ю
Ля́жемо зо мно́ю
На мяко́му, лилійному ло́жі.
Ти́хими реча́ми
Й ка́рими оча́ми
Роскажу́ я тобі про всі дива́ Бо́жі.«

Зъ води́ вирина́е —
Якъ сріблó сия́е...
Му́тить ёму́ ду́шу нагота́ дівóча.
А вона́ сміе́тця,
Якъ ри́бонька въе́тця,
Якъ голу́бка, до ёго бурко́че.

Ой ма́нить слова́ми
Й чо́рними брова́ми,
Весе́лкою по воді кружля́е.

То зновъ порина́е,
Лебідкою гра́е,
Въ срібні бри́зьки во́ду розбива́е.

Заби́лось серде́нько:
Підбігъ вінъ близе́нько,
Хо́че ско́чить въ во́ду и не хо́че.
А срібная фи́ля
Но́ги ёму́ зми́ла...
Дзюркоти́ть — и підмива́ — й лоско́че.

Ва́бить ёго́, тя́гне;
Се́рце въ гру́дяхъ та́не,
Мовъ ёго́ до ло́ня ми́ла пригорта́е.
И божбу́ свяму́ю,
И тоску́ нему́ю —
Усе́, про все коза́къ забува́е.

Ри́нетця у во́ду;
Пи́шную уро́ду
Окомъ, се́рцемъ и душе́ю обійма́е,
Пливе́, доплива́е,
Ру́ки простяга́е,
И до се́рця лю́бо дівча́ пригорта́е.

Ой гля́не–спогля́не
На ли́чко румя́не —
Що́ за ди́во, що́ за но́ве чу́до!
Се жъ ёго́ коха́на,
Забу́тая па́ра!
Зни́кла ра́зомъ зъ очей ёму́, лу́да.

»А ти жъ присяга́вся
И місяцемъ кля́вся!..
Бу́де жъ тобі ка́ра по заслу́зі:
По́ки місяць світить,
Бу́дешъ ти ходи́ти
Надъ водо́ю у вели́кій ту́зі.«

Ско́ро зговори́ла —
Зашуміла фи́ля...
Підъ водо́ю обо́е сховали́сь.
Де вони́ гуля́ли,
Лю́бо розмовля́ли,
Ні жа́дного сліду не оста́лось.

Тільки, якъ день зга́сне,
Зійде місяць я́сний
И загля́не въ таемни́чі во́ди, —
Изъ о́зера ри́не
Вродли́ва дівчи́на,
Зу́стрічъ — хло́пець хоро́шої вро́ди.

Вона́ надъ водо́ю
Сия́е красо́ю,
А вінъ ту́жить у те́мному га́ю.
Хло́пець той — мисли́вий,
Стрі́ле́ць уродли́вий;
Хто така́ дівчи́на — не зна́ю.

Ло́мусъ.

МАТУ́СИНЕ БЛАГОСЛО́ВЕННЯ.

(Зъ оповіда́нь Олексія Петро́вича Стороже́нка).

Отце́вська-ма́тчина моли́тва зо дна мо̀ря вийма́е,
Одъ гріхвъ ду́шу визволя́е,
На по̀лі й на мо́рі на по́мічъ помага́е.

Народня дума.

Мині часте́нько дово́дилось, клопота́вшися ремо́нтомъ, ки́датись туди́-сюди́ по Вкраіні до кінськихъ табунівъ.

По доро́зі изъ Ромна́ до Прилу́ки, все, було́, становлю́ся на нічъ у селі К** на въїзди́мъ-дворі знако́мого мені козака́, Тара́са Самсо́новича Корота́я, діда розу́много, письме́нного и до́бре собі замо́жного. Повиво́дивши діте́й у лю́де, вінъ поділи́въ худо́бу свою, доста́токъ до́брий, зоставивъ собі тільки сами́й двіръ уїзди́й и тихо дожива́въ віку зъ свое́ю дружи́ною, до́брою та клопітно́ю бабу́сею.

Тара́съ Самсо́новичъ дожива́въ сёмого деся́тку лі̀тъ, а ще бра́вий бувъ, кремезни́й дідо́къ, съ по́глядомъ би́стримъ, а воло́сся ёму́, біле якъ цві̀тъ на садахъ, тро́хи до плечей не спада́ло. На виду́ здава̀вся черезъ те ще свіжійший. Марья́на Ону́пріевна, дружи́на ёго, весе́ла, привітна́, грубе́нька зъ ста́ну бабу́ся, ходи́ла по-міськи́й, такъ, у кантанку́, и завя́зувалась чо́рною габо́вою ху́сткою ни́зько на ло́бі. Старі жили́ собі въ лю́бій зго́ді по старосві̀тському звича́ю; у розмо́вахъ съ собо́ю зва́ли одно́ одно́го по йме́ню и ба́тькові, та усе́ на «ви», а не ина́ко.

Старіший синъ ви́служивсь на губе́рського секретаря́, моло́дший въ Роменські ку́пці написа́вся, а дочка́, то на па́нстві вже жила́, за дворяни́номъ. Тарасъ Самсоновичъ, чи то зъ по́хвалки вінъ,

чи такъ яко́сь на жартъ, а все було́ ста́ршого дра́жнить *Его́ Благоро́діе*, ме́ншого—*Господа́ Купе́ць*, а дочку́ прозва́въ *Німке́нею*—черезъ те́, ма́біть, що вона у су́княхъ ходи́ла, въ мо́днихъ убо́рахъ.

Стари́й бувъ ду́же го́стрий на язикъ,—ва́жний зъ нёго бувъ гаду́ла, охо́ту мавъ пореготать, а и́нколи й підсмія́ти кого́, та все прймовками смішними, и що бо́вкне на глумъ, ти бери́ собі на умъ, а скажешъ слово—на все въ ёго на́йдетця прика́зка. Бувъ у всіхъ на пова́зі и на ймовірности. Селя́не въ сва́ркахъ и роспра́вахъ не йшли до́ судівъ и до зе́мського нача́льства; а все до ёго удава́лися, и ёго ви́рікъ прийма́вся безъ о́зву и апеля́ції. На́що вже паничі судові, и ті ёго опа́сувались: не одного́ опе́нтавъ вінъ передъ грома́дою и на чисту воду ви́вівъ. Більшъ двадця́тка годъ служи́въ за Го́лову; гара́здъ умівъ зако́нівъ и до́брого ладу́ дово́дивъ спра́вамъ.

Госпо́да Тара́са Самсо́новича діли́лася скрізни́ми сінцями на дві полови́ні — одна оддава́лася для проізжа́чихъ підъ номері; у дру́гій живъ самъ.

У ме́не душа́ раділа на поро́зі цёго́ не бу́чного, але до-вели́ка чепурно́го, захи́сного житла́. Га́рно побіляні стіни викраша́лися образка́ми заграни́чнёі літогра́фіі. Ви́шарований, ви́геблёваний помістъ лощивъ якъ нови́й; замість ла́вокъ роста́влено стільці и кана́пъ підъ ба́евими клітча́стими чо́хлами. Въ кутку́, підъ божни́чкою, на столі, окро́мъ книжо́къ церко́вних, лежа́ли ще *Письмо́вникъ Курга́нова*, *Пропо́вѣди Лева́нды*, *Лѣствица на небо* и другі того́жъ розбо́ру книжки́, а съ підъ що́тівъ диви́лась здорова ку́па губе́рських відомостей; а божни́чка-жъ то уквічана васи́льками, кану́пером, а́глицькою мьятою,—такъ и розлива́лися зъ іхъ па́хощі по поко́яхъ.

Одъ уїздно́го дво́ру одля́га́ла широ́ка лева́да зъ ставко́мъ, садко́мъ, горо́дом, баштано́мъ, а въ-коне́ць лева́ди стоя́въ хо́льварокъ, зъ хаза́йствомъ Марьяни Ону́пріевни: па́сіка, обо́ра и пти́шня для дробини́, зъ ку́чками, чи то ко́йцями.

Разъ, на схо́ді Се́рпня, зъ-ра́нку, коло одина́дцятої годи́ни, бри́чка моя́ ста́ла підъ цімъ же въїзднім дворце́мъ. Тара́съ Самсо́новичъ седівъ на ла́вочці біля двере́й и ду́же зра́дівъ, мене́ поба́чивши.

—»Заня́то, неприйма́ю!» гукну́въ. Шука́йте ги́ншого підъ́їзду! На́ що це похо́жо?—приїхали не ночува́ть, а тільки попа́сувать.»

— »Пи́льне діло, Тара́съ Самсо́новичъ« каза́въ я, вилі́за́ючи зъ бри́чки; »ну́жда зако́нъ переміня́е.«

— »Ну, Богъ зъ ва́ми! на сей разъ вибача́ю; а вдру́ге, да́лебі, не пущу́!«

Я обіня́въ старо́го и по-друзькій зъ нимъ чмо́кнулись.

— »Якъ же тебе́ Богъ ми́луе?« пита́ю.

— »Дя́кувать Бо́гу—до́бре. —Навідали насъ неда́внечко нашї. Господа́ Купе́ць прибо́зивъ жінку молоду́ пока́зувати; а підъ той часъ и Ёго́ Благоро́діе зъ сімъ'ёю, и Німке́ня зъ чоловіком нагоди́лись; спаси́бі імъ, зъ ти́ждень прогостюва́ли. Отъ було вёсело! За тежъ, ві́ри не дасте́, яка́ тепе́ръ ну́да! Після я́рмарку и то́ргу нема́! Самъ собі сиджу́, якъ ба́чите.

— »А Марья́на Ону́пріевна?«

—»Зовсімъ здуріла. Узяла́ до се́бе на розва́гу ону́ка. Ба́чте, не ма́ла ба́ба кло́поту, та купи́ла порося́—и во́зитця зъ нимъ, якъ кітъ зъ осели́дцемъ. Ба́витця, гра́етця въ-ко́ні. Ска́зано—старе́, якъ мале́. А вінъ, соба́чий синъ, пу́дить стару́ безъ ми́лости, що ій вже й такъ запа́лъ и шпатъ вки́пулись! Онъ-о́нъ—подивітця: ну, не здуріла жъ на старість?

Тара́съ Самсо́новичъ показа́въ на Марья́ну Ону́пріевну, що са́ме ви́скочила зъ-за причілку. Хочъ яка́ була вмо́рхана, хочъ я́къ зади́халась, а голова́ на́бікъ, та звива́етця якъ та́я орчико́ва, стриба́е та брика́е; а жва́вий хло́пчикъ при здоро́вью, шостачо́къ на года́, тягну́въ ії за пояски́, пришпилені до капо́та.

—»Бо́же ми́лостивий,« каза́въ да́ле Тара́съ Самсо́новичъ, хита́ючи голово́ю:« яке́ навісне́ се́рце—у тихъ бабо́къ! Та го́ді мордува́тьця,« грімнувъ дідъ: подивітця лише́нь, яко́го го́стя Богъ намъ послався!»

Стара припини́лась. На-си́лу духъ зво́дила—такъ збігалась. Угледівши мене́, затули́ла видъ рука́ми, и ми́ттю ки́нулась у-две́рі. На поро́зі посіяла черевика, ажъ плю́хнувся на рундуці.

— »Діду!« сказа́ло хлопця́, пока́зуючи черевика: «коби́ла розкува́лась!»

Зареготали́сь ми.

—»Отъ до чо́го доіздивсь, собáчий си́ну!» говори́въ стари́й, жáлуючи ону́ка, слáвненького хлопчи́ну.» Озьми́ жъ підко́ву, да бáбу підку́й.»

—»Німке́нинъ?» спитáвъ я, гла́дючи хло́пчика.

—»Ні, се Его́ Благоро́дія; тажъ и воно, якъ бачите, благородіе собі, хочь такé, якъ за дéнежку пістолéтъ; та все не нашъ братъ, мужи́къ. Про́симо ми́лости до хáти.» —

Перехо́дивши сі́ни, ми чу́ли дзвінки́й го́лосъ Марьяни Ону́пріевни, якъ вонá опоряджáла въ пекáрні, загáдуючи нáймичкамъ:— »Ріжъ каплуна́, запáрюй тісто, біжи́ по ра́ки, унеси́ мáсла зъ зні-мокъ.«

Тарáсъ Самсóновичъ приймáвъ менé за гостя и нікóли не хотівъ плáти за обідъ та пóпаси коней, а щобъ не бу́ти ви́ннимъ ёму́, я що-рáзу привóзивъ гости́нчика: кни́жечку, образóчокъ, або цигарки́: на се вінъ бувъ здóрово ла́сий и звавъ іхъ головé́шками. Той разъ я привізъ розмалёвану літографóвану картúнку: штурму Варшáви, та скри́нечку ли́хенькихъ цигарóкъ. Стари́й любовáвъ картúнку, да чогóсь усé стогнáвъ и ку́лився, згáдуючи, що я не зостáнуся въ ёго почувáти. —

—»Не любі мені ва́ши подару́нки й трóхи» говори́въ мені зъ жáлёмъ: «годъ не бáчились, а заіхали на часóкъ; а менібъ трéба багáцько́ зъ вáми побалáкать, та де-що й росказáти—тепéръ нічóго не почу́ете!»

Пóкижъ що, стари́й не вгавáвъ, и часъ нечутнó бли́зився до обіду. Хазя́йка увійшлá до насъ зъ розжéврілимъ відъ огню́ ли́чемъ и завіти́ла насъ до садку́, де воні́ літнёго заспіль чáсу обідали.

Обідъ бувъ споря́женний підъ гілля́стимъ дубóмъ, таки́мъ, що мóже ёго́ тромъ не обня́ть. Навкруги́ ду́ба гря́дочка квасóлі та бóбу, котри́хъ пáростя, поспліта́вшися на тичкáхъ, роскішно повили́сь буйно-я́рою зéленню мáло-що не до верховúни, и тимъ ще бíльший робúло холодóкъ коло ду́ба. День бувъ душни́й, сóняшне прóміння нáче спікáло усю́ зéмлю, а підъ ду́бомъ було́ свіжо, простóро и відрадóстно. Меже двомá дернóвими лáвами стоя́въ накри́тий стíлъ, застáвляний мискáми, горшкáми, макíтрами.

— »Оце нáше гульбище«, промóвивъ стари́й.

— »Тутъ лíтомъ сидимó увéсь день, а въ хáту тільки спáть идемó«.

Стари́й прочита́въ го́лосно Отче нашъ, тай узяли́сь ми до смачно́го обіду.

На за́куску натруси́ли гливъ, дуль, грушо́къ бергамо́тъ, сли́вокъ зъ дере́вья, яке́ було́ по близу́, напоси́ли зъ баштану́ динь та кавунівъ.

— »А вамъ, бачу́,« сказа́въ сміючи́сь хазя́инъ, »нашъ дубъ сподо́бавсь... по всій око́лиці тако́го не знайти.«

— »Чудо́вий! що́ ви ёму лічите ро́ківъ?«

— »Двісті годъ кла́сти; ми его звемъ *Мату́сине Благословіння;* та па́дькаемось коло ёго, коли́бъ ви зна́ли, мовъ коло мало́ї дити́ни.«

— »Черезь що ви ёго́ зветé—Матусине Благословіння?«

— »Зіста́ньтесь почувать, то роскажу́; а по ва́шому сказа́вши, исто́рія ёго́ ду́же га́рна, и не ка́зка або́ ви́гадка, а щи́ра пра́вда.«

— »Дру́гимъ ра́зомъ почую.«

— »Коли́ не забуду. Я збира́вся росказа́ти про ёго Гоголи́шиному паничéві Микола́йнові, та оце й до́сі роска́зую.«

— »А ви й того́ зна́ли?«

— »А тожъ! зъ са́мого малку, якъ ще ёго́ вози́ли до ніженьскихъ шкілъ. Все бува́ло въ ме́не становля́тця. Розу́мний бувъ хлопець. Вінъ тепе́ръ про насъ пи́ше щось, та й дуже, ка́жуть, до́бре пи́ше.

Мені про́бу закортіло почу́ти про того́, ду́ба; хочъ и пи́льна нужда́ була іхати, та ду́маю собі—звернути, на ну́жду.

— Що́ жъ, кажу, Тарасе Самсоновичу? Нужда и зако́нъ зміня́е. Зоста́нусь — роска́зуйте.

Марья́на Ону́пріевна пішла́ по господа́рстві, а на́ймичка дога́длива унесла́ намъ подушки́; ми простяглися на дерно́вій ла́ві.

Тихе́сенькій вітре́ць, пролита́ючи крізь листя, повінувъ на насъ па́хощами резиди́, гвозди́ківъ, та й ми, по добрімъ обіді, не счулися, якъ поснули, и про ду́ба байду́же. А проки́нувшись, за́разъ не про що, якъ про Матусине́ Благословення завели річъ. Старо́му, бачу́, то жъ кортіло. Старовина́—до́вге життя́—ти́і спо́минки. Кому́ не лю́бо до́вго на світі жити?

»Я буду вамъ такъ роска́зувати, якъ чувъ одъ свого́ діда,« почáвъ стари́й, закуривши *головешечку*; »а дідъ чувъ одъ прадіда, а мого пращура. Ді́лося це́е тоді, якъ Богданъ Хмельни́цкій рятова́въ ба́ть-

ківщину. Підня́лась ра́зомъ уся́ Вкраі́на,—хто зду́жавъ Ляха́ зъ лука, зъ оружи́ни підцю́кнути, або ки́емъ опереза́ти.

Не диво, що въ такі́й гурбі лю́ду да въ такій спра́ві святі́й прояви́лося стільки полковникі́въ, старшини́, лица́рства и такі́ ді́ялися діла́, що не чува́но першъ ніко́ли та вже ніко́ли, ма́біть, и не почу́емъ. По Ко́рсунській потре́бі, якъ збу́рені Ляхи́ розбі́глися по своіхъ замочка́хъ, гетма́нъ шобъ не да́ти імъ схамену́тьця, посла́въ на іхъ несчисленну лічбу́ охо́чого коза́цтва, що било и грабова́ло науміръ шля́хту и него́ндлівъ. Пі́дъ той часъ межъ козака́ми и межъ сами́мъ про́стимъ наро́домъ, обра́лися такі ватажки́, що постяга́вши охо́чого това́риша, ажъ на Волинь и на Подо́ль ходи́ли господа́рити. Тоді-то ви́явивсь коло Лубе́нь сла́вний по всій Украі́ні ли́царъ, кото́рого за лю́тість та си́лу ирозва́ли Вовгуре́мъ—тобъ то вовкъ. Таки́й бувъ дуже́нний, що коли роска́зовать тепе́речки, якъ вже вовки́... звелись на ягня́тъ, то пове́рнуть, гляди́, ще въ ка́зку: а тимъ ча́сомъ, якъ віри не поня́ти? Той Вовгу́ръ зде́ржувавъ у млині шістерню́, перекида́въ черезъ Сулу́ двохъ-пудо́ву ги́ру и де́сять разъ обно́сивъ коло своє́і ха́ти два ка́мені млино́вихъ, у де́сять пудъ ка́мень.

Охо́тника прийма́въ до гу́рту не ина́ко, якъ съ про́би. Хто навкругъ ха́ти три́чи обнесе́ ка́мня, той ёму́ това́ришъ, а хто шість, той братъ. У тому́-то товари́стві, въ тихъ Вовгурівцяхъ бувъ, и мій пра́щуръ, Самсо́нъ Корота́й,—пра́вий Самсо́нъ. Вели́кій, широкопле́чий и страше́нно ду́жий, дарма́ що молоди́й коза́къ ще тоді бувъ. Вінъ обні́съ кругъ ха́ти ка́мня шість разъ, зарва́вся бувъ и сёмий разъ нести́, да Вовгу́ръ вже не давъ, зъ опа́ски, щобъ хло́пець не ввереди́вся.

Набра́вши таки́хъ собі сотня́гу лицарі́въ, Вовгу́ръ погна́вся зъ своі́мъ заго́номъ на Воли́нь. Ёму́ страхъ якъ ману́лось захопи́ть у своі ру́ки князька Яре́му, що здо́рово держа́вся противъ коза́цтва, да зъ тимъ не такъ-то було́ шви́дко спра́витись. Яре́ма бувъ самъ ли́царъ, и вісько мавъ добі́рне. Скрізь, де ві́нъ перейшо́въ, зъ жовнірами своіми, усе́ огне́мъ та міче́мъ поплюндрува́въ, не жаловавши ні старо́і голови, ні маля́тка.

Разъ, після січи зъ княземъ, заго́нъ Вовгуре́вий станови́всь на ночліги пі́дъ пу́щею, а мого́ пра́щура по́слато на ча́ти, догляда́ти чи не було́ де Ляхі́въ у за́хисті. Вже на́двечіръ, зъіжджа́е ві́нъ до крини́ці, и ба́чить—набира во́ду висо́ка ставна́ ді́вчина, и така́ вже

га́рна—прега́рна,—хочъ воду зъ лица́ пий; тільки чого́сь бліда́, якъ той мрець, и о́чи запла́кані.

— »Що́ ти тутъ ро́бишъ, небо́го?« спита́въ мій пра́щуръ.

— »Воду,« ка́же »беру́ для матусі«.

— »Дежъ твоя́ матуся?«

— »Ту́течки, у лісі; слабу́е, поміра́е. Жовніри спали́ли на́ше село́, уби́ли мого́ панотця́, бра́та, матусі ра́тищемъ бікъ проколо́ли и намъ би була́ смерть неминуча, да ми похова́лися въ пущі и ось четве́ртий день ріски въ ро́ті не було́.

Пра́щуръ мій, хочъ и Вовгуря́нець, а бувъ чоловікъ чу́лий и богобоя́щий: доста́въ изъ то́рби шмато́къ хліба, пода́въ дівчині и ка́же: »веди́ мене́ до своєі матусі: мо́же я чімъ-не́будь ій у приго́ді ста́ну.«

Такъ, зъ півъ-верстви́ перейшо́вши, застанови́лися біля ду́ба. Підъ тимъ ду́бомъ лежа́ла, — дохо́дила бабуся — Бо́же мій — покрі-ва́влена, зъ попе́ченими нога́ми... ли́хо таке́, Бо́женьку! Вгле́дівши пра́щура, нина́че ожившла, о́чи ій засяли ра́дісно.

— »Коза́че!« мо́вить глу́химъ го́лосомъ, а ще вира́зно: »не по своїй во́лі ти сюди́ нагоди́вся: самъ Богъ тебе́ занісъ до насъ порятова́ти сироти́ну оцю́ безпоря́дню: (скинула окомъ на дочку). Ми коза́че, не про́стого ро́ду, и були́ зда́вна бога́ті, да ті ксёндзи́ ви́дерли въ насъ добро́ на́ше все; одного́ найдоро́жшого ска́рбу не забра́ли—віри на́шої святої благочести́вої. Гірко́і ви́пила я за свій вікъ: ще ти́жня не ви́йшло, якъ усю до дна спила́. Передъ моіми вічми вби́то мого́ чоловіка, замучено си́на мого́... (Страда́льна душа́ до землі припа́ла, на землі заридала). Дожидала я смерти, и за одно́ Бо́га прохала,—вінъ Милосердний почувъ мою моли́товъ: ти не поки́нешъ сироти́ни, міцна́ прави́ця Бо́жа підси́лить тебе́, оддя́куе.

— »Панімáтко!« сказа́въ мій пра́щуръ: «я бу́ду твоій дочці за рідного бра́та.

— »Будь ій дружи́ною: тоді бу́дешъ за ба́тка, ма́тіръ и за бра́та.«

— «Нехай же воля Бо́жа бу́де надъ на́ми!» сказа́въ пра́щуръ, и вклони́лись зъ Мару́сею (такъ звалась дівчина) до нігъ матусі.

Ла́пала напе́рсного хреста́ на гру́дяхъ, щобъ нимъ благословити, а ёго́ вже нема́е: десь на вті́кахъ загуби́ла.

— »Чимъ-же«, ста́ла тужи́ти «благословлю́ я васъ, дітки? що́ на-неза́будь оста́влю!« А делі схопи́ла жолудька́, та й прорекла́: »Не-

ха́й же надъ ва́ми, діточки мої, благословіння Бо́же спочива́е.... Возміть отцёго́ жолудька, посадіть у зе́млю, ви́росте зъ его дубъ висо́кий, и до́ти, до́кіль вінъ стоя́тиме на землі, до́ки коріння ёго́ не стру́хне підъ землею, и ви и рідъ вашъ уве́сь бу́дете щасли́ві, че́сні, довгові́чні«.

Стара зговори́ла се сло́во таки́мъ тверди́мъ ду́хомъ, на́че самъ Богъ промовля́въ іі уста́ми. И схилившись на ру́ки до Мару́сі, віддала́ Богу духъ. Мару́ся зли́ла свіми слізьми тіло мату́сине, а пра́щуръ ви́копавъ я́му ій ша́блею. Помоли́лися надъ заму́ченою, похова́ли, посіяли на моги́льці жолудьківъ. А въ тій пущі кри́вся невели́чкий хуторе́ць, мое́му пра́щурові свідомий. Вінъ завівъ туди́ Мару́сю, приручи́въ іі якийсь ба́бі, и поіхавъ.

Щось днівъ пі́сля того не въ-скілько́хъ, пра́щуръ мій поверта́вся зъ попо́мъ уже́, спра́вить надъ ма́тіръю по́хоронъ христія́нський. Мару́ся кинулась на зу́стрічку до ёго зъ щи́рою вели́кою ра́дістю. Якъ погля́нула на ёго своіми ясни́ми очи́ма, та простягну́ла білі рученя́та, то въ мого пра́щура на́че душа загорілась и впе́рве тоді засту́кало ёго се́рце вірнимъ коха́ннямъ.

Пішли́ на мату́сину моги́лу, запечатали небі́жчицю. Маруся зняла зъ се́бе дука́чикъ зъ Бо́жою Ма́тіръю и почепила на мого́ пра́щура. «Се,» каже, тобі заступниця; нехай Пречиста оборо́нить тебе́ відъ уся́коі напа́сти!

Проща́вшись зъ Мару́сею на до́вгі ча́си, пре́дко мій подарува́въ ій туги́й че́ресъ зъ червінцями, надра́тими одъ Ляхівъ. Война ще точи́лася зъ чоти́ри ро́ки и на всей той часъ Госпо́дь ви́димо борони́въ мого пра́щура. Одного́ ра́зу Вовгу́ръ посла́въ на ро́звідъ чоловіка де́сять изъ свого́ заго́ну; мій пра́щуръ бувъ въ тихъ десятёхъ. Одлуза́вши версто́въ зъ двадця́токъ и не наско́чивши нігде́ ляшківъ, вони́ нега́дки — становилися на ночлігахъ въ лі́сі, та ще, зна́ете, по до́брій ча́рці проти сну́ ви́котили, та й посну́ли бецько́мъ. Опівно́чи якъ на́че хто обуди́въ потихе́ньку мого́ пра́щура. Вінъ—зиркъ! ба́чить, що передъ нимъ висо́ка жінка, уся́ въ білому, якъ мара́ стоя́ла. Зъ о́страху вінъ наміривсь крича́ти, такъ вона́ поману́ла ёму́ руко́ю, щобъ за не́ю йшовъ; му́сивъ послу́хатись, пішовъ. Завела ёго зъ півъ-верстві, а поза́ду іхъ, сту́гомъ застугоніла кінська тупа́, вда́рила пальба́, га́ласъ підня́вся. Тутъ жінка зни́кла, не скажи́—у зе́млю ввійшла́. Сторопілий, здеревянівъ пре́дко мій и не знавъ що́ ёму́ й почина́ть. Ажъ чу́е, щось у ку-

ща́хъ зату́пало, затріща́ло, передъ нимъ ставъ якъ уко́панний Гнідко́, его́ кінь и вірний това́ришъ. Тоді вже пре́дко догада́всь, хто се его порятова́въ. Недо́вго ду́мавши, ско́чивъ на Гнідка́ та гукну́вши на ро́зні голоси́, поміть то вінъ не самъ, порва́вся виручáти своіхъ. Жовніри поду́мали, що то підмо́га козака́мъ, та й ки́нулись у–ро́стичъ. Таки́мъ по́битомъ пра́щуръ мій вирвавъ одъ неми́нучої погибе́лі пятёхъ това́ришівъ своіхъ, а четвірко наложи́ли таки́ голова́ми.

Чотирохлітня розлу́ка не прохолоди́ла въ моє́му пра́щурові кохáння, и якъ все утихоми́рилось, вінъ, ча́су не га́явши, поіхавъ до своє́і Марусі. Доізди́ть до того́ хуторця́, де ві́нъ ії поки́нувъ, ажъ и сліду ёго́ не ба́чить: все ви́горіло до пня и розпита́тьця ні въ кого. Зажури́вся мій пра́щуръ и поіхавъ на моги́лу до матýси. Тільки вона́ ёму́ й оста́лася. На моги́лі стоявъ висо́кій хрестъ и жолудькі ряснúмъ кущéмъ розросли́ся, а навкру́гъ зна́ти слі́дъ засо́хлихъ грядо́къ, де–не–где на іхъ ще квіточки́ поросталú. Ви́дно було, що те містце остáвлено и вже зъ дві літі стоіть безъ до́гляду. Помоли́вшися, уда́ривсь пита́ти Мару́сі. Куди́ приіде, скрізь погори́джа: не було́ села́, хочъ ху́тора, цілого відъ огню́. Попоіздивши кілько днівъ, нади́бавъ вінъ яко́гось со́тника и одъ то́го назна́въ, що всі жительці тогобо́чні ви́селились за Дніпро́. Тамъ було́ тоді просто́ро и безпечні́йше. Мій пра́щуръ ці́лий рі́къ ви́ізди́въ по новосі́лкахъ, уступа́въ до кожні́сенькоі ха́ти, скрізь роспи́тувавсь.

— Одного́ ра́зу заізди́ть ві́нъ до ху́тора новосілянцівъ; бачить на одшибі́ стоіть така́ сла́вна ха́тка, а кругъ не́і одо́ране пі́дъ лева́ду просто́ре місце. Війшо́въ у сіни,—нико́го нема́; вінъ черезъ дру́гі две́рі ви́йшовъ на горо́дъ,—тамъ ді́вчина яка́сь по́ле грядки́.

— »А чия́ се ха́та?» спитавсь вінъ.

— »Хазяйчина,« одмовила ді́вчина.

— »Дежъ твоя́ хазя́йка?«

— »Пішла́ до Кі́ева на про́щу.«

Отъ вінъ уже́ йти ду́ма, ажъ угле́дівъ на сторонí молоденький дубо́къ, загоро́женний лозо́ю; а навкруги́ ёго росплóдженний горо́дникъ. Могó пра́щура наче що́ торкну́ло.

— »А чого се«, ка́же вінъ, »дубо́къ сей въ таки́й у васъ ша-но́бі?«

1236

ІНСТИТУТ

— »Не скажу́«, вона́ ёму́: »що́бо хазя́йка ёго́ зве Мату́сине Благослове́ння.«

Тоді́ ві́нъ догада́всь и поча́въ роспи́тувать, яка́ зъ лица́ хозя́йка,—дівчина чи молоди́ця?

— »Дівчина« роска́зуе на́ймичка: »и га́рна така́ що на всю околі́ю дру́гої нема такої; бага́цько, сла́влють, до не́і люде́й сла́лося, и не про́сті, а осау́ли да со́тники, та вона́ и диви́тись на їхъ не хоті́ла: все кого́сь чека́е.«

Почувъ се пра́щуръ мі́й, та й зомлівъ одъ ра́дости.

— »Ну«, промо́вивъ, »прийма́й же мене́ за хазя́іна: я той сами́й, що вона́ жде.«

Вступи́въ до ха́ти: чисте́нько, біле́нько, ажъ духъ радіе. Ди́витця: въ кімна́тці помо́щена пості́ль на двохъ, на же́рдці ві́сить коза́цька оде́жа, сорочки́ то́нкого полотна́ зъ вишиваними комі́рами; на при́печку чо́боти червоні́, на кілку́ ша́пка, а на вікні́ лю́лька, не сказавъ би—тутъ живъ коза́къ, а не дівчи́на. Пре́дко мі́й поны́ривъ го́лову: для ко́гожъ це вона́ зладна́ла зо́діжъ? се, пе́вно, су́дженій у неі!.. Та́къ-то ти вволи́ла оста́нню во́лю мату́сину! та́къ оце па́мятуешъ обі́тню клятьбу́ на непрости́глому ще ті́лі ма́тернёму! Дакъ не бува́тижъ сёму́! не моя́, такъ и пічия! Ви́рву зъ ко́ренемъ Мату́сине Благослове́ння, що ёго ти неварта; роски́ну ха́ту и задавлю́ тебе́ під'ъ не́ю якъ лю́ту га́дину!..

Зі́рвався зъ се́рцемъ до того́ дубка́ и руку вже простя́гъ, щобъ ёго ви́корчить, та миттю запини́вся. Пьять ро́кивъ, погада́въ, ми були́ въ розлу́ці, мо́же вона́ лічила мене́ за поги́бшого, а якъ поба́чить, що живи́й, то жениха́ свого́ одцура́ется. А про те, коли́ вона́ ёго́ лу́чче лю́бить, то Богъ зъ не́ю; я ста́ну ій за бра́та.« Потімъ того встроми́въ своє́ ратище біля ду́ба, да й ка́же на наймичку:

— »Якъ твоя господи́ня ве́рнетця та поба́чить се ра́тище, то сама́ пізна́е, хто ёго́ поста́вивъ. Скажи́ ті́льки ій: коли́ вона́ мене ще не забу́ла и лю́бить, то неха́й привьяже до ра́тища черво́ну коро́вку; коли́жъ ні, то неха́й чепля́ бі́лу.«

Самъ поіхавъ на пу́щу и зві́дти визира́въ на лева́ду. Сидить день, сиди́тъ другий день, ни їсть ни пье, ни спить; на тре́йтій зцемігся—засну́въ. И присни́тця ёму́ матуся, буцімъ попрова́дила ёго́ зъ-під'ъ висо́кого ду́ба по зеле́ній оболо́ні до це́ркви. Ле́дві ступи́въ на поріг церко́вний, назу́стрічь ёму́ Маруся, у́брана, якъ до ві́н-

ця́, обійняла́ его́, поціловáла. Проки́нувсь вінъ, ди́витця—червóна корогóвка грáе зъ вітромъ: сéрце въ ёго заколоти́лось, трóхи не ви́скочить; сівъ на коня́, та й дмухну́въ до Мару́сі. Стріла ёго́ на порóзі зъ хлібомъ, зъ сілью, склони́лася до землі, заговори́ла: «Орле мій, съ-підъ тéмноі хмáри відъ Бóга мені нáсланий, мату́сею признáчений, сéрцемъ моімъ нарекóваний! зá що се ти поневіря́ешъ нáші лю́бощі?... Все щó бáчивъ у світли́ці, все то для тéбе, могó гóлуба си́зого, наготóвано; про тебе тільки я й думала, и Бога благáла, щобъ поверну́ли тебе до мéне. Уступи́жъ до своі хáти, господáру мій лю́бий! стань мені сироти́ні тáтомъ, мáмою и брáтікомъ ріднéсенькимъ.»

Тутъ мій прáщуръ ще не мавъ и чáсу гарáздъ оглéдітьця зъ тіхъ рáдощивъ вели́кихъ, а тутъ Богъ несé старéнького діда, прóситця обночувáти. Роздиви́лись—той самий панотéць, що ховáвъ мату́сю.

Назáвтре жъ іхъ перевінчáвъ и вже не пійшóвъ дáлі.

Поблагослови́въ іхъ Госпóдь си́номъ одинáчкомъ, щастли́вимъ та довгімъ вікомъ. Пращуръ мій вмеръ на сто и пéршімъ рóку, а пращури́ха на девяддесятъ-трейтімъ. Оби́два перестáвились на одному́ ти́жневі, якъ за ру́ки побрáлись.

Після тóго всі моі прéдковья переживáли за девятдеся́тъ годъ, тільки бáтько мій вісімдеся́тъ-пьять живъ, и то тогó, що молодóго віку багáцко приня́въ гóря.

Черезъ стільки годівъ, молитвáми нашоі мату́сі, Богъ насъ не зоставля́е; ми щасли́ві, довговічні и не булó въ нáшимъ рóді ні одного нещáсливого чоловіка. Що вже въ ту халеру! я́къ вона скрізь по світу души́ла безъ ми́лости людéй! до насъ и не доторкну́лась.

Шану́емо вéлико нáшого ду́ба и кóжне зъ нáшоі сімьі, виряжáючись въ далéку дорóгу, Бóгу помоли́вшися, прихóдить поклóнитьця Мату́синому Благослóвенню и для одвóду відъ себе напáсти, берé зъ собóю жолудькá.» —

Дя́кувавъ я старóму за егó оповідáння, а тутъ и сóнечко, якъто кáжуть, примерхло—лу́чченько стáло іхати холодкóмъ. Попрощались ми. Поіхавъ я и все ду́мавъ, якá-то нáша гáрна старовинá була! щó-то за лю́де, що то за ду́ши були въ насъ підъ ту вели́ку руіну! Та дежъ вонó ділося? нá що попереводилось, що теперъ мáло такихъ людéй задéржалось на світі, прóстихъ и щи́рихъ и богобоязяи́вихъ, якъ отцей Тарасъ Семéновичъ. Тільки й жити намъ спóминками. Ну,

та дарма́. Хочъ оди́нъ дубъ зоставсь, та багато на ёму жолуді́въ... Матуся наша, Вкраі́на, не покинула насъ безъ свого благословенія.

Проі́хавъ я ски́льки верстівъ; думки влежались; со́нце сі́ло; и въ голові́ въ ме́не ти́хий по́мрокъ зали́гъ, — ті́льки щось несказа́нне на душі́ лю́бо мені сия́ло. Не хотячи, оглянувся назадъ: село хова́лось за могилами, окриваючись пи́ломъ вечірнімъ, а ще зоривъ вели́чно вскрай не́ба дубъ той старе́нний — »Матусине Благословення«.

А. М.

УКРАИНСКІЯ НЕЗАБУДКИ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ НЕВОЗВРАТНАГО ВРЕМЕНИ.

(Писано довольно давно, и собственно для памяти любознательному потомству.)

I.

Краткая характеристика дворянъ Квачей.

Дворяне Квачи давно ужь процвѣтаютъ въ уѣздѣ, который центромъ своимъ имѣетъ городъ Сто́вбуръ, и потому называется Сто́вбурскимъ. Въ настоящее время дворянскій родъ Квачей значительно размножился, и мудрено даже представить, чтобы когда-нибудь перестали ихъ считать десятками въ Сто́вбурскомъ уѣздѣ. Три брата, окруженные многочисленными семействами, составляютъ надежную опору этой, можно сказать, знаменитой фамиліи. Старшій изъ нихъ, Гаврило Петровичъ Квачъ, со славою занимаетъ должность исправника и отличается добродушнымъ, веселымъ характеромъ. Его физіономія съ-молоду принадлежала къ числу красивѣйшихъ лицъ въ уѣздѣ. Портилъ ее только черезъчуръ низкій лобъ; но зато на этой физіономіи находился носъ, дотого прямой и »умѣренный«, что отъ него не отказались бы многія изъ нашихъ самыхъ щеголеватыхъ помѣщицъ, у которыхъ, Богъ знаетъ почему, носы большею частью торчатъ кверху, а нето — расплываются вовсе не по-дворянски посреди лица. Теперь эта физіономія сдѣлалась массивнѣе и подалась своими болѣе выразительными частями внизъ, такъ что верхняя половина головы Гаврила Петровича представляется какою-то пустою крышкою, не

болѣе. Въ самомъ дѣлѣ, Господь не одарилъ Гаврила Петровича Квача особеннымъ умомъ; но, не смотря на то, его у насъ въ уѣздѣ за что-то уважаютъ. Онъ восемь лѣтъ служилъ въ земскомъ судѣ засѣдателемъ, а вотъ уже другое шестилѣтіе сряду выбираютъ его исправникомъ.

Гаврило Петровичъ не живетъ въ городѣ, какъ и всѣ почти наши уѣздныя власти. Онъ водворился посреди многолюднаго села Бу́ртища, населеннаго козаками, а отчасти и помѣщичьими крестьянами. Тутъ живутъ и оба его брата. Три усадьбы господъ Квачей занимаютъ одинъ конецъ села, прилегающій къ рѣчкѣ, нѣкогда судоходной, еще недавно двигавшей мельничныя колеса, а нынѣ почти изсякшей. Каждая усадьба отдѣляется одна отъ другой крестьянскими хатами и панскими яблонями, вишнями, огородами.

Гаврило Петровичъ, какъ уже сказано, — старшій изъ троихъ братьевъ. За нимъ слѣдуетъ Антонъ, по прозванію Моту́зочка, человѣкъ очень основательный; служилъ прежде, также какъ и старшій братъ, въ военной службѣ; теперь идетъ по его же слѣдамъ и засѣдательствуетъ въ уѣздномъ судѣ, но имѣетъ ту особенность, что по праздникамъ, или когда нужно быть въ большомъ собраніи, надѣваетъ армейскій мундиръ и шпагу. Портупея отъ шпаги куда-то затерялась у него, много лѣтъ тому назадъ, и онъ, по необходимости, подвязываетъ шпагу къ мундиру веревочкою, по-нашему *моту́зочкою*, отчего и дано ему такое странное прозвище. Впрочемъ Антонъ Петровичъ менѣе добродушенъ, чѣмъ его старшій братъ, часто задумывается послѣ обѣда и не такъ любимъ въ уѣздѣ, какъ Гаврило Петровичъ, который каждому запросто говоритъ *братъ* и почти со всѣми на *ты*.

Третій изъ братьевъ Квачей еще менѣе любимъ господами дворянами и, сверхъ имени Петра, даннаго ему при крещеніи, и фамильнаго имени Квачъ, носитъ странное прозваніе... Я затрудняюсь даже произнесть его; но исторія не щадитъ никого. Это имя — Зло́дій, что́ по-великорусски значитъ — воръ. Петро́ Петровичъ Квачъ, прозванный Зло́діемъ, шелъ сперва также по слѣдамъ старшаго брата и уже былъ въ какомъ-то полку подпоручикомъ, но вдругъ вышелъ въ отставку съ аттестатомъ, въ которомъ сказано, чтобъ его впредь ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять. Впрочемъ его врожденныя способности не остаются праздными. Когда бра-

тья дѣлились общимъ наслѣдствомъ, онъ не взялъ на свою часть ни одной десятины лѣсу и, вмѣсто того, удвоилъ свой пай пахатною землей. Сосѣди надъ нимъ подтрунивали, и никому не приходило въ голову, что въ душѣ Петра Петровича Квача созрѣлъ глубоко обдуманный планъ жизни. Вступивъ во владѣніе законною частью наслѣдства, онъ образовалъ изъ своихъ крестьянъ отрядъ волонтеровъ-дровосѣковъ и напустилъ его на всѣ сосѣдскіе лѣса безъ разбору. Сперва этихъ удалыхъ охочекомонниковъ ловили и представляли къ исправнику, но когда убѣдились, что воронъ ворону очей не выклюетъ, то ограничились только тѣмъ, что прозвали Петра Петровича Квача на весь уѣздъ Зло́діемъ.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы исправникъ нашъ потакалъ воровству въ своемъ уѣздѣ: онъ дѣлаетъ исключеніе только для родного брата, да и то подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ: вину вторженія въ чужую собственность взваливаетъ онъ обыкновенно на крестьянъ и, въ случаѣ »поимки«, наказываетъ ихъ тутъ же, при земскомъ судѣ, примѣрно. Но крестьяне Петра Петровича, должно́ быть, происходятъ отъ древнихъ Спартанцевъ: возвращаются изъ суда съ веселыми лицами и совершаютъ новые подвиги. Не только сосѣдскіе лѣса, но и поля, во время жнивъ, отъ нихъ не безопасны. То, что́ говорится въ древней нашей поэмѣ о хищныхъ Половцахъ, можно сказать о нихъ безъ всякой натяжки: *кричать телеги въ полунощи, рцы лебеди роспущени*. Одѣтые непроглядной темнотой ночи, являются они на чужія нивы и увозятъ на скрипящихъ возахъ своихъ не ими сѣянный, не ими сжатый хлѣбъ. Сосѣдніе козаки и мелкопомѣстные дворяне терпятъ это хищничество безропотно, такъ какъ извѣстно, что Петро́ Петровичъ Квачъ, по прозванію Зло́дій, поставляетъ изъ чужихъ лѣсовъ дрова во всѣ присутственныя мѣста уѣзднаго нашего города всенародно, и никто не останавливаетъ его подводъ. Впрочемъ, Петро Петровичъ, въ своихъ смѣлыхъ набѣгахъ, обходитъ людей богатыхъ и довольствуется только похищеніемъ у нихъ лошадей для передачи ярмарочнымъ коноводамъ.

Читатель, незнакомый съ Сто́вбурскимъ уѣздомъ, вообразитъ, пожалуй, что такая личность, какъ Петро Петровичъ Квачъ, по прозванію Зло́дій, отвергнута всѣмъ благороднымъ сословіемъ и не имѣетъ доступа ни въ одинъ помѣщичій домъ. Нѣтъ, мы слава Богу, не потеряли еще стариннаго малороссійскаго добродушія, котораго луч-

шимъ представителемъ можно считать нашего исправника. Петро Петровичъ принятъ у насъ во всѣхъ лучшихъ домахъ не хуже каждаго потомственнаго дворянина, и когда вы увидите его въ обществѣ, то никакъ не подумаете, чтобъ это былъ тотъ человѣкъ, о которомъ ходятъ по всему уѣзду столь неблаговидные слухи. Недавно онъ лишился жены, и черезъ полгода женился на дочери своего сосѣда, молоденькой дѣвицѣ съ хорошимъ приданымъ. Съ того времени утвердилось въ уѣздѣ мнѣніе, что будто бы Петро Петровичъ превзошелъ богатствомъ даже старшаго своего брата; но это совершенная неправда. Послѣ раздѣла имѣнія всѣхъ тремъ братьямъ достались, конечно, участки небольшіе; но природа наградила каждаго изъ нихъ равно могущественными средствами къ увеличенію своего благосостоянія. Старшій братъ, отличающійся собственно гражданскими способностями, вскорѣ удвоилъ, а потомъ и удесятерилъ наслѣдственное имущество. Меньшой, въ душѣ завоеватель, которому не выпалъ только случай прославиться »на полѣ брани«, не отставалъ отъ старшаго брата, по мѣрѣ возможности. Средній, Антонъ, по прозванію Мотýзочка, будучи нрава робкаго и миролюбиваго, повидимому долженъ былъ бы остаться у нихъ позади на пути къ обогащенію, но судьба и этого не обошла своими дарами. Ему на долю выпала завидная участь — часто жениться и за каждой женой брать хорошее приданое. Теперь онъ женатъ на третьей, которою также доволенъ, какъ и двумя первыми. »У меня«, говоритъ онъ, »было три жены, и всѣ три — ангелы«.

Такимъ образомъ три брата Квача не имѣютъ никакого повода къ зависти и недоброжелательству, но пребываютъ въ совершенномъ согласіи и даже, встрѣчаясь въ обществѣ, называютъ другъ друга нѣжными дѣтскими именами. Гаврило у нихъ до сихъ поръ *Ра́ля*, Антонъ у нихъ — *То́ня*, а Петро́ — *Петя*. И трогательно, и назидательно видѣть подобныя отношенія между тремя братьями, въ наше время, столь близкое къ оному страшному сроку, когда возстанетъ братъ на брата и сынъ на отца. Обратите при этомъ вниманіе на различіе характеровъ и склонностей каждаго, и подивитесь еще болѣе неразрывной дружбѣ этого родственнаго тріумвирата.

Гаврило — человѣкъ общежительный, характера открытаго, нрава дружелюбнаго, склоненъ къ жизни роскошной. Антонъ бо-

лѣе замкнутъ въ самомъ себѣ, молчаливъ и склоненъ къ уединенію. Въ домашнемъ быту отличается простотою пищи и питія; если же предается роскоши, то это единственно въ гостяхъ, во время праздниковъ, именинъ и свадьбы у сосѣдей. Будучи отъ природы робокъ, при всей любви своей къ военной одеждѣ, — онъ извлекаетъ изъ службы очень мало выгодъ, но зато вознаграждаетъ себя бережливостію и ограниченіемъ издержекъ до такой степени, что, когда случилось ему однажды отправить къ кому-то по почтѣ письмо, — онъ торговался съ почтмейстеромъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не отправилъ письма вовсе безъ платы. Наконецъ, третій братъ, очевидно, исполненъ духа своихъ предковъ, обогащавшихся, какъ извѣстно, вѣчными набѣгами на сосѣднія земли.... Впрочемъ козаки села Бу́ртища объясняютъ его страсть къ чужому добру родословною дворянъ Квачей, сохранившеюся у нихъ въ свѣжей памяти.

Между бу́ртищскими старожилами, помнящими еще времена свободныхъ подсосѣдковъ, населявшихъ панскія земли, сохранилось преданіе, что въ послѣдніе годы сотницкаго управленія, какой-то пономарь, существовавшій въ Бу́ртищѣ, яко лицо духовное, безъ всякаго фамильнаго прозвища, — укралъ на ярмаркѣ у козака-дегтяря мазницу дегтю; что козаки поймали его *на гарячо́му вчи́нку*, окунули головою въ дегтяную кадь и тутъ же прозвали Квачо́мъ. Не знаю, слѣдуетъ ли обращать вниманіе на подобныя сказанія простолюдиновъ въ столь серьёзномъ сочиненіи, какъ сія повѣсть; но преданіе гласитъ положительно, что опозоренный пономарь, исключенный изъ духовнаго званія, затаилъ въ сердцѣ глубокую злобу противъ козацкаго сословія и рѣшился, во что́ бъ ни стало, выдти въ люди, чтобъ отомстить потомъ своимъ насмѣшникамъ. Въ самомъ дѣлѣ — продолжаетъ преданіе — остриженный и вымытый оліею и мыломъ, Квачъ въ короткое время добился званія сотеннаго писаря и насѣлъ на козаковъ такъ ловко, что, при закрѣпощеніи вольныхъ подсосѣдковъ въ царствованіе блаженныя памяти императрицы Екатерины Вторыя, нѣсколько козацкихъ убогихъ семействъ приписалъ къ отнятой имъ у нихъ же землѣ, и съ того будтобы времени Квачи вошли въ составъ образовавшагося тогда малороссійскаго дворянства. Впрочемъ подобныхъ басень о началѣ дворянскихъ родовъ въ нашемъ уѣздѣ ходитъ много между простолюдинами, но никто изъ »благородныхъ

людей« не обращаетъ на нихъ вниманія, тѣмъ болѣе, что у многихъ существуютъ древнія жалованныя грамоты, писанныя въ весьма недавнее время.

По этому краткому, но, надѣюсь, выразительному очерку дворянъ Квачей, читатель никакъ не ожидаетъ, чтобъ у нашего исправника была дочь, вовсе на него не похожая. Но природа человѣческая распоряжается иногда удивительнымъ образомъ. Она посреди Стóвбурскаго уѣзда, гдѣ всѣ живутъ почти одни Квачи-помѣщики, готова создать какое угодно чудо, — и создала его въ исправницкой дочкѣ. Нина (такъ ее звали) родилась необыкновенно счастливо. Такого красиваго ребенка, такого тихаго, умнаго дитяти не видали еще въ Стóвбурскомъ уѣздѣ. Она отличалась отъ всѣхъ другихъ дѣтей Гаврила Петровича; она какъ-будто случаемъ попала въ его семейство, да и судьба ея была особенная. Нинѣ было десять лѣтъ, когда, въ ненастный осенній день, на дворъ къ ея отцу привезли поврежденную карету. Это случайное обстоятельство рѣшило судьбу Нины. Изъ кареты вышла немолодая уже дама, вся въ черномъ. Исправникъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ, взвелъ ее подъ руку на крыльцо и предложилъ свой домъ и всего себя къ услугамъ *ея превосходительства*. Дама была очень печальна и почти больна: она въ дорогѣ лишилась единственной дочери, и страдала великою скорбію матери. Она едва имѣла силы благодарить исправника за его услуги; она видимо тяготилась сострадательными разспросами исправницы; но когда увидѣла Нину, лицо ея просіяло: Нина напомнила ей черты милой дочери. Она приласкала прелестную дѣвочку и живо была заинтересована ея умомъ и тонкими чувствами, выражавшимися во всѣхъ ея словахъ и поступкахъ. Грустнымъ и проницательнымъ взглядомъ слѣдила она за остальными членами исправничьяго семейства. Ей было жаль прелестной дѣвочки, которая должна вырости въ этой средѣ, питаясь ея нравственною атмосферою. На другой день она сдѣлала родителямъ предложеніе, отъ котораго тѣ пришли въ восторгъ неописанный. Она объявила имъ, что она — директриса института благородныхъ дѣвицъ въ Аскольдовѣ и что ей было бы пріятно заняться воспитаніемъ Нины, въ память своей дочери. Она прибавила, что въ отношеніи къ прочимъ своимъ воспитанницамъ она стѣснена существующими правилами, но что Нину воспитаетъ она, хотя въ институтѣ, но семейнымъ

образомъ. Исправникъ и исправница, разумѣется, не поняли ея программы. Съ благословеньями на устахъ и гордыми надеждами въ душѣ, проводили они благодѣтельную *генеральшу* съ Ниною. Зависть всего уѣзда возбуждала въ нихъ сладостное чувство удовлетвореннаго себялюбія и проливала счастье въ самую глубь ихъ родительскихъ сердецъ.

Между Ниной и другими дѣтьми былъ у нихъ большой промежутокъ. Такимъ образомъ заботы о воспитаньи чадъ своихъ, начинающіяся въ нашемъ уѣздѣ довольно поздно, отодвинуты были отъ нихъ надолго. Вся дѣятельность ихъ устремилась отнынѣ на устойство дома, въ который съ каждымъ годомъ прилпвало откуда-то богатство, — и исправницкій домъ мало-помалу совершенно измѣнилъ свою довольно смиренную физіономію. Едва ли въ немъ хоть что-нибудь осталось старое: все было воздвигнуто вновь, по образцамъ богатыхъ сосѣдскихъ усадебъ. Исправника въ уѣздѣ начали называть человѣкомъ *тузовитымъ;* недоставало ему еще одной степени, чтобъ сдѣлаться тузомъ.

Прошло уже восемь лѣтъ съ достопамятнаго поврежденья дорожной кареты. Генеральша сдержала слово. Нина воспитывалась у ней, какъ родная дочь. Нину видали постоянно вмѣстѣ съ генеральшей въ семейныхъ кружкахъ города Аскольдова. О Нинѣ доходили въ Стóвбурскій уѣздъ восторженные отзывы. Нину называли умницей не по лѣтамъ, синимъ чулкомъ и красавицей, какихъ на свѣтѣ мало. Нина возбуждала, какъ водится, и благовидное злословіе. Искусные въ общежитіи люди (ихъ въ Стóвбурскомъ уѣздѣ много) поговаривали иногда, что, по ихъ наблюденьямъ, она ужъ черезъ-чуръ смѣла въ обществѣ и что въ ней нѣтъ этой милой застѣнчивости, которая такъ плѣняетъ насъ въ молодыхъ институткахъ.

— Генеральша, прибавляли они добродушно, — не всегда будетъ охранять ее своимъ присутствіемъ отъ злорѣчія. Такая привычка держать себя въ обществѣ, замѣчали они глубокомысленно, — годится, можетъ быть, для столичнаго круга, но у насъ въ уѣздѣ она можетъ повредить репутаціи молодой дѣвушки. Что́ ни говори, но главное достоинство молодой дѣвицы всё-таки — скромность.

До слуха исправника и исправницы доходили всѣ эти толки; но они твердо вѣровали въ умѣнье генеральши повести дѣло вос-

питанія и втайнѣ радовались, что дочь ихъ отличается свободной свѣтскостью обращенія.

— Сохрани Богъ, говорила исправница, — явиться въ наше общество съ тихимъ, боязливымъ характеромъ! Не дадутъ житья наши Чечотки. (Чечотками называла она двухъ старыхъ дѣвъ, господствовавшихъ надъ всѣми дамскими языками въ уѣздѣ.) Отчего я не пользуюсь всѣми преимуществами моего положенія? Оттого, что съ дѣтства не давали мнѣ высказываться, конфузили на каждомъ словѣ, пріучали къ молчаливости. Меня и теперь каждая изъ нашихъ умницъ можетъ смутить посреди самаго живого разговора. Хорошо ли это? Нѣтъ, слава Богу, что наша Ниночка выйдетъ изъ института незастѣнчивою. Она покажетъ этимъ Чечоткамъ, что́ значитъ настоящая образованность.

А время выпуска изъ института между тѣмъ приближалось, и наконецъ приблизилось.

II.

Приготовленія исправницы къ радостной встрѣчѣ дочки.

Среди знойнаго лѣта выпалъ какъ-то удивительный вечеръ, тихій, прохладный и вмѣстѣ сіяющій; и нигдѣ, кажется, не было такой тишины, какъ въ селѣ Бу́ртищѣ. Все живое выбралось изъ села въ поле, по случаю жнивъ; осталась развѣ гдѣ-нибудь полуслѣпая старушка, или шамкающій и едва таскающій ноги старикъ. Они молча сторожили опустѣлыя хаты отъ путешествующихъ изъ дальныхъ сѣверныхъ странъ богомолокъ, которыя вытаскиваютъ въ *кватирки* (1) разшитые украинскіе рушники, обыкновенно висящіе въ хатѣ на кіло́чкахъ, и другія неубранныя подальше вещи, а нето — ловятъ по дворамъ куръ, а по огородамъ выбираютъ огурчики-ста. Эти благочестивыя странницы, называемыя у насъ *киянками*, вообще не терпимы въ нашихъ селахъ за вѣчное канюченье, до котораго никогда не унижается богомолецъ украинскій; но особенно ненавидятъ ихъ за ихъ манеру

(1) *Кватирка* — отодвигающаяся форточка въ окнѣ.

отодвигать снаружи кватирку въ окнахъ и высматривать, не лежитъ ли что́ плохо въ хатѣ. Но теперь не видно было и Кіянокъ. Глубокое, невозмущаемое ничѣмъ спокойствіе царствовало надъ селомъ Бу́ртищемъ. Даже собаки ушли на ниву за жнецами. Только покашливали кое-гдѣ, грѣясь на солнышкѣ, запоздалые жители другого свѣта да кудахтали куры по дворамъ и огородамъ. Тихо было и у Антона Петровича Квача, по прозванію Моту́зочки, и у Петра Петровича Квача, по прозванію Зло́дія. Всѣхъ людей услали они въ поле на жнива, и сами съ женами и дѣтьми выѣхали на ниву для присмотра за работою. Это у насъ дорогое время. Въ эту пору лѣта не только мужчины, но и мелкопомѣстныя барыни и барышни наши, боящіяся загару больше всего на свѣтѣ, остаются на нивахъ при жнецахъ по цѣлымъ днямъ, и если не жнутъ сами, то единственно изъ уваженія къ своему дворянскому достоинству.

Но у Гаврила Петровича Квача, нашего исправника, половина дворовыхъ людей оставалась дома, и на кухнѣ происходило необыкновенное движеніе. Множество куръ лишено было жизни. Ключница доставила повару большой запасъ масла и сливокъ. По всему было видно, что въ домѣ готовится къ ночи пирушка. Хозяина нѣтъ дома; хозяйка, Степанида Карповна, вся раскраснѣлась, бѣгая по всему дому изъ угла въ уголъ. Меньшія дѣти, непристроенныя еще въ учебныя заведенія, бѣгаютъ впереди и позади маменьки съ запачканными въ варенье руками и носами. Ихъ крикъ и писк надоѣлъ бы самому терпѣливѣйшему изъ нашей братьи, людей кабинетныхъ; ихъ путающаяся вереница сбила бы съ ногъ самаго поворотливаго изъ насъ. Но Степанида Карповна только отъ времени до времени покрикиваетъ на нянюшекъ; дѣти не мѣшаютъ ей исполнять тысячу хозяйственныхъ затѣй и веселятъ своимъ шумнымъ присутствіемъ материнское сердце.

Между тѣмъ оба брата Гаврила Петровича заохочиваютъ своихъ жнецовъ къ работѣ и наслаждаются зрѣлищемъ тучныхъ колосьевъ, складываемыхъ въ жме́ні, потомъ въ снопы и, наконецъ, въ полу́кіпки. Вечеръ, какъ я уже сказалъ, выпалъ удивительный. Петро Петровичъ пользуется прозрачностью воздуха, потерявшаго свой ослѣпительный, жаркій блескъ, и озираетъ весь ровный кругозоръ полей, усѣянныхъ жнецами и полу́кіпками.

Молодецъ изъ себя Петро Петровичъ, красивѣе обоихъ братьевъ! Взглядъ у него не такъ добродушенъ, какъ у брата Гаврила, но зато въ немъ нѣтъ и той задумчивости, которая овладѣваетъ послѣ обѣда братомъ Антономъ: взглядъ его быстръ, какъ у орла, и не напрасно разбрасываетъ Петро Петровичъ глазами по сосѣдскимъ полямъ....

Весело звучатъ вблизи и вдали зажинвныя пѣсни. Буртищскіе козаки знаютъ, что не всѣ ихъ полу́кіпки будутъ лежать у нихъ на гумнѣ; но это ихъ безпокоитъ мало: они и при посѣвѣ молятся: *Роди́, Бо́же, и на трудя́щого, и на крадю́чого.* Звучатъ поля торжественными сельскими гимнами; чистая, вдохновенная народная поэзія наполнила ихъ прекрасными образами,—и, углубляясь въ общую гармонію звенящихъ серповъ и голосовъ людскихъ, забываешь о разстояніи, отдѣляющемъ людей работающихъ отъ тѣхъ, которые смотрятъ на работу. Обманутому согласіемъ природы воображенію кажется, будто всѣ эти высыпавшіе на жнива люди связаны одними и тѣми же нравами, обычаями, чувствами.

Нива Антона Петровича — рядомъ съ нивами старшаго брата, на которыхъ недостаетъ столькихъ работниковъ. Жнецы его далеко опередили сосѣднихъ и воспѣли дружными голосами хвалу своему господину:

Ой чие́ то по́ле
Зазвеніло, сто́я?
Зазвеніло, зазвеніло, сто́я!
Анто́нове по́ле
Зазвеніло, сто́я,
Зазвеніло, зазвеніло, сто́я!
Женці молоди́і,
Серпи́ золоти́і...
Зазвеніло, зазвеніло, сто́я!
И жи́то пожа́ли,
И въ ко́пи покла́ли...
Зазвеніло, зазвеніло, сто́я!

Ой чие́ то по́ле,
Задріма́ло сто́я?
Задріма́ло, задріма́ло, сто́я?
Гаври́лове по́ле
Задріма́ло, сто́я.....
Задріма́ло, задріма́ло, сто́я!

Женці все стари́і,
Серпи́ лубяни́і....
Задрімáло, задрімáло, стóя!
Жи́та не пожáли,
Серпи́ поламáли....
Задрімáло, задрімáло, стóя!

Солнце ласково наклонило сіяющую свою голову надъ работающимъ дружно народомъ и бросило длинную тѣнь отъ каждаго дерева, случайно уцѣлѣвшаго на межѣ, — отъ каждаго воза, на которомъ развѣшены лишнія плахты и свиты, — отъ каждой дѣтской люльки, висящей на полевомъ треножникѣ, отъ каждаго коня и вола, наслаждающагося роскошною пашею по стернѣ. Уже пастухи, осторожно напускающіе на очищенные поля свои отáры, хлопаютъ длинными пу́гами на возвратный ходъ къ селу, и насытившіяся зернами и полевыми насѣкомыми птицы разлетаются стадами съ полей въ ночныя свои убѣжища — по лѣсамъ, болотамъ и рѣчнымъ камышамъ. Дружнѣе прежняго принялись жнецы и жницы за работу, почуявъ въ воздухѣ живительную свѣжесть; но дѣятельность ихъ — ничто въ сравненіи съ тою, которая кипѣла въ домѣ пана исправника.

Хозяйка, перебѣгая много разъ съ толпой дѣтей изъ дома въ кухню и изъ кухни обратно въ домъ, боязливо посматривала на спускающееся ниже и ниже солнце. Оно сегодня быстрѣе обыкновеннаго прячется за вишни и развѣсистыя груши... свѣтитъ оттуда еще нѣсколько времени множествомъ сверкающихъ глазъ... и наконецъ его невидно... Покраснѣвшее на западѣ небо возвѣщаетъ конецъ дня. Стада шумно наполняютъ сельскія улицы. Жнецы слышны уже въ отдаленіи, и скоро ихъ голоса зазвучатъ у самихъ воротъ исправника:

Чужі пани́, якъ пу́гачи,
Держа́ть люде́й до півночи,
А нашъ солове́йко
Пуска́е ране́нько.....

Вдругъ раздается желанное и страшное для Степаниды Карповны слово: *Гости! гости!* сперва на дворѣ, потомъ въ передней и, наконецъ, въ комнатахъ. Она, съ нѣкоторымъ отчаяньемъ, но вмѣстѣ и съ сознаніемъ, что ни одна хозяйка не совершила

бы столько подвиговъ въ такое короткое время, запирается накрѣпко въ спальнѣ. Дѣвушки льютъ на нее холодную воду; дѣвушки распускаютъ ей волосы и тутъ же сообщаютъ имъ, посредствомъ помады и гребенки, удивительный видъ. Что-то въ родѣ утки съ растопыренными крыльями является надъ повелительнымъ челомъ исправницы. Прозрачная черная наколка съ зеленью въ видѣ какого-то кустарника довершаетъ уборку головы ея, и всё это стóитъ ей не болѣе пяти-шести молчаливыхъ толчковъ. Поднятое надъ нею двумя горничными платье съ шумомъ окружаетъ ее своими складками. Дѣти не смѣютъ больше прикасаться къ ней своими липкими руками, и сама прислуга посторонилась далеко отъ барыни. Кринолинъ граціозно колеблется подъ шумящимъ по полу шелкомъ.

Пока она одѣвалась, въ гостинную выбѣгали изъ спальни черезъ дѣвичью дѣти, по одному, по двое, а иногда и всѣ пятеро вмѣстѣ, и увѣдомляли гостей веселымъ крикомъ: »Узе мама умылась!« »Узе мама надѣла кринолинъ!« и такъ далѣе. Гости, двѣ старыя, но очень живыя дѣвы-сосѣдки, стараются поймать и расцѣловать прелестныхъ малютокъ; но съ буйнымъ хохотомъ мальчики и дѣвочки убѣгаютъ во внутреннія комнаты. Въ ожиданіи хозяйки, гости любуются новыми литографіями, появившимися на стѣнахъ у исправника, который очень любитъ портреты въ генеральскихъ мундирахъ и не упускаетъ случая увеличить свою коллекцію.

Наконецъ обѣ половинки двери изъ спальни въ гостинную распахнулись. Въ пышномъ нарядѣ явилась Степанида Карповна, какъ солнце въ радужныхъ облакахъ. Глубоко ненавидитъ она пріѣхавшихъ сосѣдокъ, прозванныхъ Чечотками за ихъ болтливость и насмѣшливость; глубоко ненавидятъ ее пріѣхавшія сосѣдки, за вѣчно новые и недоступные для нихъ наряды; но съ обѣихъ сторонъ раздаются радостныя восклицанія, какихъ вы не услышите нигдѣ, при самой неожиданной встрѣчѣ друзей.

Степанида Карповна не получила никакого воспитанія и вовсе не готовилась къ той роли, которую теперь играетъ въ уѣздѣ. Сосѣдки, напротивъ, взросли въ богатомъ домѣ, среди большого уѣзднаго свѣта, и при всякомъ случаѣ даютъ ей это чувствовать. До сихъ поръ она подавляла ихъ только своими нарядами, но се-

годня насталъ новый періодъ ея жизни: сегодня Гаврило Петровичь воротится въ назначенный заблаговременно часъ изъ Асколъдова и привезетъ домой дочь-институтку. Она ужь получила извѣстіе черезъ нарочного, что они поджидаютъ съѣзда гостей въ ближайшемъ стану, чтобы поразить всѣхъ и новою каретою, и красотою воспитанной надиво дочки.

Не успѣла Степанида Карповна размѣняться привѣтствіями съ двумя первыми гостьями, какъ прикатили *стряпчіе*, то есть стряпчій съ женою и тремя дочерьми-невѣстами. Еще не умолкли радостныя восклицація по случаю пріѣзда стряпчихъ, какъ явился Капитонъ Павловичъ Иволгинъ, содержатель станціи въ нашемъ уѣздномъ городѣ и душа нашего уѣзднаго общества.

Я пропускаю столько лицъ безъ подробной характеристики единственно потому, что мнѣ, какъ сосѣду и земляку всѣхъ ихъ, какъ-то неловко хвалиться ими передъ публикой; но не могу умолчать о Капитонѣ Павловичѣ. Онъ происходитъ изъ семейства, которое искони отличалось умѣньемъ составлять лестныя для себя знакомства и передало ему это качество въ числѣ другихъ наслѣдственныхъ даровъ. Никто въ уѣздѣ не знакомъ съ такимъ количествомъ генераловъ, графовъ и князей, какъ Иволгинъ. Въ послѣднее время онъ весь досугъ свой посвящалъ недавно возвратившемуся изъ столицы князю или графу, и уѣздное общество наше долго лишено было удовольствія видѣть его въ своемъ кругу. Барышни Чечотки разнесли при этомъ слухъ, будтобы онъ не выходитъ изъ своей *дѣтской*, какъ называетъ онъ, подъ веселый часъ, свою кладовую съ бочонками и сулеями, что съ горя онъ совсѣмъ опустился и одѣтъ всегда грязно, »какъ лакей«. (Лакеи, дѣйствительно, въ нашемъ уѣздѣ одѣты по большей части замѣчательно грязно, а въ томъ числѣ и у самихъ Чечотокъ). До какой степени справедливы были слухи объ Иволгинѣ, трудно сказать навѣрное. Извѣстно только, что въ послѣднее время онъ началъ знакомиться преимущественно съ учеными и литераторами, и очевидно открылъ для себя новый источникъ внутренняго довольства. Начали даже поговаривать, что Капитонъ Павловичъ самъ сочиняетъ стихи, но какъ они »содержанія національнаго«, то онъ не всякому ихъ показываетъ, опасаясь навлечь на себя неудовольствіе космополитовъ. Какъ бы то ни было, но физіономія Иволгина сіяла новымъ блескомъ, и еслибъ

ему не было пятидесяти лѣтъ (что́, впрочемъ, онъ держитъ въ секретѣ), то можно было бы подумать, что онъ дожидается прелестной институтки съ какими-то неясными надеждами. Поглаживая свои густые, сѣрые усы, вовсе непохожіе на мышь, какъ увѣряли насмѣшливыя барышни Чечотки, онъ подсѣлъ къ хозяйкѣ съ невиданной доселѣ въ немъ величавостью и между прочими пріятными рѣчами упомянулъ въ десятый разъ о своемъ знакомствѣ съ ученымъ профессоромъ, который преподавалъ въ Аскольдовскомъ институтѣ исторію и отзывался съ необыкновенными похвалами о mademoiselle Квачъ.

— Степанида Карповна! говорилъ Иволгинъ, положа торжественно руку на сердце, — вотъ убей меня Богъ, если это не собственныя слова его: »Сколько прелестна, столько же и умна!« Умницъ у насъ довольно, слава Богу, прибавилъ онъ, взглянувъ не безъ свирѣпости на сосѣдокъ Чечотокъ, съ которыми постоянно былъ въ ссорѣ, — но *прелестныхъ*.... (тутъ онъ кашлянулъ и понизилъ голосъ) Господь какъ-то не вспомнилъ объ нашемъ уѣздѣ во время его сотворенія.

Обѣихъ сестеръ точно какъ-будто потрясло гальванизмомъ отъ этихъ рѣчей. Меньшая изъ нихъ, тонкая и блѣдная дѣвица съ острыми черными глазами, подпрыгнувъ на своемъ стулѣ, тотчасъ отрѣзала:

— Зато онъ одарилъ его дворянами, которые охотно постоя-ли бы съ салфеткой за стуломъ у генерала, чтобъ только разсказать потомъ, о чемъ бесѣдовалъ у себя за обѣдомъ его превосходительство.

Съ сознаніемъ своего достоинства посмотрѣлъ на нее Иволгинъ и сказалъ:

— Инымъ-прочимъ, конечно, недоступно аристократическое общество, но между нами есть и такіе, которые сидѣли vis-à-vis съ фельдмаршалами.

— И которые теперь прислуживаются школьникамъ изъ мужиковъ, рѣзко замѣтила другая Чечотка, круглолицая и довольно прямодушная на видъ особа, съ голубыми, нѣкогда прелестными глазами и съ золотистыми, нѣкогда удивительными волосами.

Никто не понялъ этого намека: ни стряпчій, человѣкъ пронырливый по самой профессіи своей, ни его супруга, достойно раздѣлявшая съ нимъ его служебные заботы, а тѣмъ менѣе Сте-

панида Карповна, при всей своей гордости, довольно простодушная. Но Иволгинъ завертѣлся на своемъ стулѣ, какъ-будто его укололи въ самое чувствительное мѣсто. Дѣйствительно, ученый профессоръ, котораго знакомствомъ онъ такъ величался, былъ сынъ простого козака-хліборо́ба. Иволгинъ узналъ объ этомъ скандалезномъ обстоятельствѣ отъ самого профессора, но утаилъ оное отъ всѣхъ, и теперь былъ въ совершенномъ неудомѣніи, какимъ образомъ пронюхали его тайну барышни Чечотки!

Вмѣсто всякаго возраженія, онъ величаво поправилъ на шеѣ новый, въ первый разъ надѣтый, галстухъ и обратился къ стряпчему, какъ-бы продолжая прерванный разговоръ:

— Да́, Никодимъ Трифоновичъ! я съ вами совершенно согласенъ, что нашъ уѣздъ начинаетъ замѣтно очищаться отъ всякой ветоши и украшаться личностями, достойными благороднаго дворянства. Но, впрочемъ, попадается иной разъ подъ руку такая ветошь, которой не сбудешь ни въ какомъ ветошномъ ряду.

Эти слова привели стряпчаго гораздо въ большее смущеніе, нежели тѣхъ, къ кому относились. Онъ подумалъ о своихъ дочеряхъ, которыхъ давно бы ужъ пора было сбыть съ рукъ, и невольно покраснѣлъ, что́ сообщилось и его супругѣ, а вслѣдъ за ней и всѣмъ тремъ дочерямъ.

Иволгинъ это замѣтилъ и, подойдя къ старшей, которую, какъ онъ зналъ, прочили ему въ невѣсты, сказалъ, пріятно осклабивъ свою физіономію:

— Марья Никодимовна! позвольте мнѣ быть съ вами дерзкимъ!

Марья Никодимовна отвѣчала машинально:

— Извольте!

— Мнѣ не безъизвѣстно, что вы играете новую польку Шопена или Моцарта. Сыграйте намъ, осчастливьте наши уши!

Но полки рѣшительно нельзя было сыграть: къ подъѣзду подкатила огромная кочъ-карета; изъ нея высыпалось множество дѣтей, начиная съ трех-лѣтняго до тринадцати-лѣтняго возраста, а вслѣдъ за ними и сама родительница ихъ, великолѣпнѣйшая изъ женщинъ, по выраженію Иволгина, который былъ въ нее нѣкогда влюбленъ и чуть было не застрѣлился, когда она вышла змужъ за другого, но раздумалъ и началъ пить. Великолѣпнѣйшая изъ женщинъ недавно овдовѣла, и съ того времени не разстается съ своими дѣтьми ни подъ какимъ видомъ, увѣряя, что

всѣ они — совершеннѣйшіе портреты покойнаго ея мужа. Ее именно за то и уважали, что она необыкновенно нѣжна къ своимъ дѣтямъ.

Когда она заняла приличное ей мѣсто, Капитонъ Павловичъ, вспомнивъ старину, заговорилъ съ нею поэтическимъ языкомъ, который онъ усвоилъ себѣ съ недавняго времени, и распространился на счетъ какихъ-то унылыхъ чувствъ и соловьиныхъ пѣсень; но она перебила его рѣчь восклицаніемъ:

— Какъ-таки вы, Капитонъ Павловичъ, не боитесь Бога! Братъ мой Костя вчера пріѣхалъ изъ Полтавы, и съ него на вашей станціи взяли прогоны за тройку лошадей!

Иволгинъ сваливалъ свою вину на писаря, но грудь великолѣпнѣйшей женщины волновалась негодованіемъ, и она прибавила:

— Съ того времени, какъ вы начали проводить по цѣлымъ днямъ у князя, вы на насъ, бѣдныхъ дворянъ, не обращаете вниманія.

Это была не болѣе, какъ острая шпилька, безъ которыхъ наши уѣздныя дамы никогда не входятъ въ общество. Надобно пожить между ними довольно времени, чтобы понять вполнѣ, что́ это за воинственный народъ. Многія изъ ни́хъ одарены самыми кроткими голосами, но вслушайтесь, какія тонкія, тонкія жала впускаютъ онѣ другъ другу въ сердце, повидимому безъ всякого намѣренья! Напримѣръ, госпожа Протазанова отзывается весьма благосклонно о блестящемъ воспитаніи нынѣшней молодежи и тутъ же прибавляетъ съ добродушной прямотою:

— А мы съ вами, Степанида Карповна, въ шестнадцать лѣтъ едва читать умѣли!

Степаниду Карповну отъ этихъ словъ коробитъ, и отъ нея не ускользнулъ полувзглядъ, брошенный госпожей Протазановой на сосѣдокъ Чечотокъ, съ которыми она состоитъ въ родствѣ и дружбѣ.

— Да́, сказалъ стряпчій, не успѣвшій дать своимъ дочерямъ никакого воспитанія, — это должно быть особенно пріятно для родителей, когда дѣти знаютъ то, о чемъ они и не слыхали. Я бы желалъ хоть на старость поумнѣть въ просвѣщенной компаніи.

Хозяйка вертится, какъ муха въ кипяткѣ, но скрываетъ свое

свое смущеніе тѣмъ, что велитъ дѣтямъ сказать Пазькѣ, чтобъ подала варенье.

Горничная и вмѣстѣ ключница Пазька, въ нанковомъ полосатомъ платьѣ дудочкой и въ башмакахъ на босую ногу, подаетъ варенье на превосходномъ хрустальномъ сервизѣ, какого нѣтъ ни у кого изъ гостей.

Хозяйка бросаетъ торжествующій взглядъ и думаетъ:

»Погодите, пріѣдетъ моя Нина.... Зададимъ мы балъ, — всѣхъ васъ уничтожимъ!«

Гости въ самомъ дѣлѣ чувствуютъ больше прежняго уваженіе къ хозяйкѣ, оцѣнивая мысленно хрусталь и золоченыя ложечки подъ чернью; но никто не обращаетъ вниманія на сервизъ. (Мы ужъ усвоили себѣ аристократическую манеру — ничему не удивляться.) Только старшій сынокъ исправника, наслушавшись домашнихъ толковъ о дорогой посудѣ, сказалъ:

— Это папенькѣ Мирскій изъ губерніи привезъ!

Мать ударила его за это разшитымъ душистымъ платкомъ, а гости значительно переглянулись, очень хорошо зная, что исправникъ спасъ Мирскаго отъ тюрьмы и Сибири.

Исправницкій сынокъ не совсѣмъ понялъ, за что́ его ударили, и, подойдя къ Иволгину, сказалъ въ полголоса:

— Мирскій прислалъ еще папенькѣ сѣрлаго жерлебца.

На это Иволгинъ отвѣчалъ ему также въ полголоса:

— Хорошо, душенька! Когда ты выростешь, то и тебѣ будутъ дѣлать такіе подарки.

— Матюша! сказала рѣзкимъ голосомъ мать,— поди руки вымой: ты совсѣмъ запачкалъ Капитона Павловича. — Пазька! ты чего смотришъ?

Матюша, глядя на свои грязныя руки, медленно вышелъ въ дѣвичью къ Пазькѣ.

III.

Возвращеніе институтки въ родной домъ.

Въ эту минуту на дворѣ раздался стукъ, непохожій ни на звяканье старосвѣтской коляски, въ которой пріѣхали барышни Чечотки, ни на тяжелый гулъ брички стряпчихъ, ни на дре-

безжанье и грохотъ огромнѣйшей кочъ-кареты Протазановыхъ, словомъ — ни на одинъ изъ тѣхъ знакомыхъ нашему слуху стуковъ, которыми сопровождается появленіе гостей на нашихъ сельскихъ и хуторскихъ дворахъ. Какое-то ровное, благородное урчанье и щелканье сопровождало легкое потрясенье почвы вдоль оконъ. Всѣ оживились, всѣ спѣшили къ окнамъ.

У подъѣзда блистала новая карета на лежачихъ рессорахъ. Изъ кареты вышелъ, съ помощью ливрейнаго лакея, исправникъ и, обратясь широкимъ своимъ тыломъ къ зрителямъ, подалъ руку пріѣхавшей съ нимъ дочери.

Чувство красоты доступно всякому, и въ красотѣ несомнѣнной, рѣшительной примиряются всѣ вкусы. Дочка исправника поразила наше общество удивленіемъ. Она дѣйствительно была прекрасна, и при этомъ въ ея лицѣ, манерѣ и самой одеждѣ было столько честной и кроткой простоты, что сама зависть должна была умолкнуть передъ нею, — по крайней мѣрѣ въ первую минуту встрѣчи.

Мать бросилась на крыльцо; за нею двинулись и гости, придавъ своимъ лицамъ возможно пріятныя выраженія.

— Нина! Ниночка! Ангелъ мой! раздавалось на крыльцѣ.

Сцена была трогательная, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ водится. А тутъ еще выбѣжали толпою меньшіе братья и сестры Нины и, вцѣпясь ей въ платье, требовали отъ нея самыхъ горячихъ поцѣлуевъ. Поцѣлуи были имъ розданы; дѣти кой-какъ отстали отъ нея и позволили ей бросить взглядъ на общество.

Дѣвицы Чечотки очень церемоніально и съ чувствомъ своего достоинства напомнили ей о себѣ. Потомъ заключили ее въ обычныя при такихъ встрѣчахъ объятія. Ихъ поцѣлуи были очень громки, и обѣ онѣ казались взволнованными.

Тоже сдѣлала и госпожа Протазанова; тоже сдѣлали и стряпчіе. Вышло какъ-то такъ странно, что всѣ гости представлялись ей, какъ старшей, и только успокоясь отъ перваго порыва удивленія и безотчетной радости, общество наше, размыслило что дѣло сдѣлано неловко, и всѣ молча были собой недовольны, — недовольны тѣмъ болѣе, что спокойный видъ Нины казался имъ выраженіемъ гордаго о себѣ мнѣнія.

Одинъ только Иволгинъ оказался человѣкомъ comme il faut. Дождавшись, пока толпа возвратится въ гостинную, онъ просилъ

своего друга Гавріла Петровича представить его своей дочери, и потомъ очень удачно напомнилъ о себѣ Аннѣ Гавриловнѣ.

Она не узнала его, такъ онъ обрюзгъ и осунулся въ послѣднія восемь лѣтъ, но не дала ему этого замѣтить.

Тутъ Иволгину представился отличный случай распространиться о своемъ знакомствѣ съ профессоромъ Нечаемъ.

Знакомое и, какъ видно, милое имя вызвало радостную улыбку на уста институтки; она даже немножко покраснѣла отъ этой неожиданности, что́ и было тотчасъ подмѣчено обѣими Чечотками.

Госпожа Протазанова не имѣла надобности быть проницательною, потому что отъ барышень Чечотокъ не укрывается ни одна тайна во всемъ уѣздѣ, а барышни Чечотки состоятъ съ нею не только въ родствѣ, но и въ тѣсной дружбѣ.

Молодой части стряпчихъ сдѣлалось почему-то очень неловко, и она съ удовольствіемъ уѣхала бы домой; но старая часть впилась глазами въ институтку съ какимъ-то помѣшательствомъ. По крайней мѣрѣ такъ казалось самой институткѣ.

Ей было тягостно въ родительскомъ домѣ среди этихъ гостей. Она воображала иначе возвратъ въ родную семью, къ тѣмъ лицамъ, которыя знала въ дѣтствѣ, къ тѣмъ предметамъ, которые какъ-то поэтически напечатлѣлись въ ея памяти. Ей бы хотѣлось броситься въ объятія матери и своихъ нянекъ безъ постороннихъ свидѣтелей, и потомъ обѣжать по-дѣтски весь домъ и садъ, и всѣ памятныя ей тропинки и уголки. Но теперь она была здѣсь, какъ чужая: столько глазъ было устремлено на нее съ невыносимой для нея пытливостью; столько лицъ окружило ее густой толпою; столько знакомствъ пришлось ей вдругъ возобновить послѣ долгаго пребыванія въ иномъ мірѣ вещей и понятій.

Самыя стѣны и мебель были не тѣ, которыя она знала въ дѣтствѣ. Ей было жаль стараго, скромнаго домика и его убогой, но дорогой для нея, обстановки. Но исправнику и въ умъ не приходили подобныя сожалѣнія. Онъ тотчасъ повелъ ее въ комнату, отдѣланную собственно для нея. Вся толпа гостей съ хозяйскими дѣтьми и градаціею большихъ и малыхъ Протазановыхъ повалила за ними слѣдомъ. Анна Гавриловна благодарила отца, и тотъ поймалъ ея поцѣлуй своими толстыми губами, точно какой ловушкою. Мать при семъ удобномъ случаѣ бросилась цѣ-

ловать ее съ новою горячностью. Дѣти также повторили прежній манёвръ; и Анна Гавриловна, послѣ ихъ усердныхъ объятій, не безъ сожалѣнія увидѣла на свѣтлой кисеѣ своего дорожнаго платья отпечатки ихъ рукъ.

— А что́, до́чко! сказалъ исправникъ, обнявъ своей жирной рукой ея тонкій, изящный станъ: — я говорилъ тебѣ, что теперь ты дома ничего не узнаешь!

— Ниночка моя! сказала съ другой стороны мать, — пойдемъ, я покажу тебѣ мою спальню и гардеробную.

— Веди ее, душа моя, къ себѣ, а я покажу гостямъ Ниночкину карету, сказалъ исправникъ. — Это вѣдь ея карета: она давно была заказана къ ея выпуску.

Всѣ послѣдовали за исправникомъ смотрѣть карету, хотя вечеръ надвинулся темнѣе прежняго. За ними бросились и дѣти съ крикомъ: »Карлету, карлету смотрлѣть!«

Сколько счастья устроено было родителями для милой дочери! Чего еще оставалось ей желать? Взявъ подъ руку свою дорогую Нину, исправница, съ торжествомъ въ душѣ, вела ее черезъ длинный рядъ комнатъ. Впереди шелъ ливрейный лакей, игравшій роль дворецкаго, буфетчика, камердинера и чуть ли еще не постельничаго. Онъ отворялъ двери и отгонялъ толпу дѣвчонокъ и бабъ, тѣснившихся смотрѣть на барышню. Этотъ манёвръ производилъ онъ съ такимъ успѣхомъ, что до сихъ поръ ни одна простонародная физіономія не оскорбила зрѣнія выхоленной въ институтѣ барышни. Нина не догадывалась, въ чемъ дѣло, и удивлялась только, что лакею открытъ свободный доступъ въ дамскую спальню. Но онъ прижалъ очень больно дверью спрятавшуюся дѣвчонку. Дѣвчонка, съ чулкомъ и прутками въ рукахъ, вдругъ запищала не своимъ голосомъ, и изъ дѣвичей, позабывъ страхъ, бросились къ ней на помощь разныя служилыя личности. Это дало барышнѣ случай увидѣть вдругъ передъ собою цѣлое общество босоногихъ людей одного съ нею пола. Одѣтыя очень убого и смиренныя видомъ, онѣ не осмѣлились подступить къ ней близко, и только издали кланялись. Но Нина, вовсе неожиданно для матери, обрадовалась чрезвычайно этимъ знакомымъ ей, только постарѣвшимъ, лицамъ и бросилась совершенно подѣтски ихъ цѣловать. Это были единственные памятники ея безпечнаго дѣтства. Они одни воскресили въ ней рядъ мел-

кихъ, но вѣчно дорогихъ воспоминаній. »Пазька! Улька! Палажка!« восклицала она, засыпаемая ихъ поцѣлуями въ лицо, въ плеча, въ руки.

Степанида Карповна боязливо оглядывалась, не видятъ ли этой сцены барышни Чечотки.

— Оставь ихъ, душенька! говорила она: — онѣ такія грязныя. — А вы что́ уцѣпились въ барышню? прикрикнула она на прислугу.

Но никто не слушалъ исправницы. Убогій и смиренный горничный народъ, почуявъ теплое человѣческое чувство въ барышнѣ, которой ожидали съ такими приготовленьями, прильнулъ къ ней съ непритворными, горячими слезами, — точно какъ-будто до сихъ поръ сидѣлъ въ безотрадной темницѣ и вдругъ увидѣлъ посреди себя свѣтлаго ангела. Невозможно выразить чувства, съ которымъ приняли эти бѣдныя люди дѣтскіе поцѣлуи прелестной, блистательной институтки. Каждое сердце какъ-то болѣзненно и сладко повернулось, и слезы ихъ были нѣмыми жалобами на все, что́ они испытали въ послѣднія восемь лѣтъ исправничьяго благоденствія.

Степанида Карповна оцѣнила, однакожъ, привязанность своей прислуги къ барышнѣ, вовсе не предполагая, что въ ней чуетъ народъ противуположность старымъ господамъ, или по крайней мѣрѣ чаетъ этой противуположности. Она сама прослезилась и сказала:

— Ну, полно же вамъ, полно! Надобно и честь знать! Ато *колѝ медъ, такъ и ло́жкою.*

Ливрейный лакей также принялъ участіе въ трогательной сценѣ и, расталкивая густую толпу, сравнилъ ее очень выразительно съ свиньями, бросившимися къ корыту.

— Маменька! велите ему отсюда выдти! сказала жалобно Нина.

— *Ты* здѣсь зачѣмъ? грозно обратилась исправница къ лакею, какъ-будто онъ никогда не входилъ въ спальню.

И ливрейный лакей, не показавъ никакого изумленія, вышелъ. За нимъ уплелись робко изъ спальни и прочіе захребетники, какъ-будто вдругъ сообразивъ, какъ далеко увлеклись они за предѣлы почтенья къ господамъ.

— Ниночка моя! сказала мать, отирая своимъ душистымъ

платкомъ слезы на глазахъ дочери, — ты этимъ чернавкамъ обрадовалась больше, чѣмъ мнѣ.

— Мама! отвѣчала дочь: — я до сихъ поръ не могу придти къ себя: зачѣмъ вы назвали этихъ гостей?

— Дружечекъ мой! это всѣ наши близкіе сосѣди. Я хотѣла раздѣлить съ ними нашу радость.

— Но папа мнѣ дорогою разсказывалъ, какіе они завистники и недоброжелатели. Онъ хвалилъ одного Иволгина, который, однакожъ, мнѣ неправится. Прежде онъ былъ не такой противный.

— У него, мой другъ, предоброе сердце, и знакомства у него всѣ такія прекрасныя. Ну, будь же веселѣе, моя Ниночка! покажи нашимъ сосѣдкамъ свое превосходство!

— Богъ съ ними! сказала дочь. — Я не хочу съ ними ни въ чемъ соперничать. Я бы желала только, чтобъ онѣ не смотрѣли такъ на меня. Скоро ли онѣ разъѣдутся, мама?

— Что́ ты, мой другъ Ниночка! Сегодня у насъ вечеринка. Еще подъѣдутъ гости.

Ихъ разговоръ прервали гости, шумно возвращавшіеся въ комнаты. Ливрейный лакей подалъ свѣчи въ тяжелыхъ новѣшенькихъ подсвѣчникахъ, какихъ не было ни у кого изъ сосѣдей. Стряпчій не выдержалъ и подошелъ полюбоваться; но потомъ сказалъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, обращаясь къ Иволгину: »Мѣдь!«

Иволгинъ, какъ человѣкъ, вхожій въ аристократическое общество, объяснилъ ему, что это мѣдь очень дорогая и сто́итъ массивнаго сребра, чѣмъ исправникъ остался очень доволенъ и объявилъ, что пора и намъ цѣнить вещи по работѣ, а не по матеріалу.

— Вотъ я купилъ для моей Нины въ Аскольдовѣ часы съ цѣпочкою, продолжалъ онъ. — Взять въ руку и взвѣсить — дрянь. Привычная къ золоту рука тотчасъ сообразитъ, что тутъ золота... ну, пускай будетъ на десять полуимперіаловъ, а заплатилъ я ровнёшенько 200 цѣлковыхъ!

— А гдѣ же они, Ри́ля? спросила нѣжно исправница.

— Ну, вотъ поди съ твоею дочкою, Ни́дя! отвѣчалъ нѣжно мужъ: — пожалѣла надѣть въ дорогу!

Гости улыбнулись простодушію институки. А исправникъ досталъ изъ кармана футляръ съ часами и распустилъ сверкающую передъ завистливыми глазами гостей золотую цѣпочку.

— Тутъ уже Никодимъ Трифоновичъ не скажетъ *мѣдь!* замѣтилъ онъ, глядя съ самымъ счастливымъ смѣхомъ на стряпчаго.

— Суета суетъ! отвѣчалъ, вздыхая, стряпчій.

Нина, по настоянію отца, должна была надѣть на себя часы, и по этому поводу онъ поймалъ еще одинъ ея поцѣлуй своими жирными губами.

Вдругъ подъ окнами раздался конскій топотъ, стукъ экипажа и голосъ кучера. Иволгинъ взглянулъ въ окно и опрометью бросился изъ гостинной. Нѣсколько голосовъ въ одно слово сказали: »Михайло Андреевичъ!« Видно было, что гость, означенный этимъ именемъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Исправникъ пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Ты, душенька, помнишь Михайла Андреевича? спросила Степанида Карповна у дочери.

Дочь отвѣчала, что къ ней и въ институтъ доходили объ немъ слухи, какъ объ очень умномъ и почтенномъ человѣкѣ.

— Нашъ профессоръ Нечай знакомъ съ нимъ, прибавила она.

При этихъ словахъ, Богъ знаетъ почему, на щекахъ ея заигралъ легкій румянецъ. Барышни Чечотки, сидя подлѣ госпожи Протазановой, толкнули незамѣтнымъ образомъ съ обѣихъ сторонъ сію великолѣпную женщину. Но институтка спокойно продолжала:

— Отзывъ такого человѣка, какъ Нечай, очень для меня важенъ, и я въ восхищеньи отъ сосѣдства Конашевича. Нечай называетъ его человѣкомъ рѣдкимъ по уму и по сердцу.

— А самъ Нечай хорошъ собою, молодъ? спросили Нину постóвбурски.

Нина поняла смыслъ вопроса и отвѣчала спокойно:

— Красота и молодость не главныя его достоинства. Моя наставница указывала намъ на него, какъ на образецъ хорошаго тона.

Поняли и барышни Чечотки отвѣтъ Нины, и почти въ одно слово сказали:

— Это странно слышать о козацкомъ сынѣ!

Но тутъ исправница, глядя въ окно, сказала:

— Кого жъ это привезъ съ собой Михайло Андреевичъ? Кого-то незнакомаго!

Всѣ бросились къ окнамъ смотрѣть, но никто не узналъ молодого господина въ сѣромъ пальто и въ сѣрой круглой шляпѣ,

который, выйдя изъ брички, здоровался съ Иволгинымъ. Къ счастью, ни барышни Чечотки, ни Протазанова и никто въ эту минуту не оглянулся назадъ, ато бы они увидѣли, какъ институтка, завидѣвъ издали сѣрую шляпу съ черными, падавшими изъ-подъ ней волосами, горячо покраснѣла. Но яркій румянецъ погасъ на ея щекахъ прежде, нежели гости и ея маменька вернулись къ своимъ мѣстамъ.

IV.

Возобновленіе стараго знакомства.

Михайло Андреевичъ Конашевичъ, высокій старикъ съ сѣдыми кудрявыми волосами и благосклоннымъ выраженіемъ лица, подвелъ къ хозяйкѣ своего хорошаго знакомаго, профессора Нечая. »Вотъ легокъ на поминѣ!« чуть чуть не вскрикнула исправница въ порывѣ простодушія, и едва проговорила сквозь зубы, что очень ему рада. Зато мужъ объявилъ громко и какъ-бы официально, что господинъ профессоръ дѣлаетъ ихъ дому честь.

— Я зналъ, что онъ у тебя будетъ, да нарочно не говорилъ, сказалъ Иволгинъ на ухо исправнику, хотя это было вовсе не правда.

Исправникъ съ чувствомъ пожалъ Иволгину руку.

Анна Гавриловна встрѣтила своего бывшаго наставника съ простою радостью ученицы, безъ всякаго видимаго волненія.

Нечай, сѣвъ подлѣ нея, объяснилъ, что, заѣхавъ къ Михайлу Андреевичу, онъ засталъ его наготовѣ ѣхать въ Бу́ртище, куда его просили по одному торжественному случаю. Онъ очень обрадовался, узнавъ, что этотъ торжественный случай былъ ея пріѣздъ, и просилъ Михайла Андреевича взять его съ собою.

Все общество вслушивалось съ напряженнымъ вниманіемъ въ разговоръ молодыхъ людей, и сама хозяйка едва отвѣчала на вопросы подсѣвшаго къ ней Михайла Андреевича, котораго посѣщенія были для нея большою рѣдкостью.

Нечай очень понравился всѣмъ присутствующимъ, не смотря на дворянское противъ него предубѣжденіе. Только Протазанова находила, что онъ, для полнаго очарованія не довольно высокъ

ростомъ. Что́ касается до барышень Чечотокъ, то онѣ внутренно изумлялись, ка́къ это отъ простыхъ козаковъ, которые вѣчно возятся съ плугомъ и волами, могъ произойти такой приличный джентельменъ. Но меньшая замѣтила Протазановой потихоньку, что въ его манерахъ, не смотря на хорошій тонъ, заимствованный въ знатномъ кругу, всё-таки осталось что-то мужиковатое, и Протазанова, какъ всегда и во всемъ, согласилась съ нею.

Иволгинъ очевидно гордился новымъ своимъ знакомымъ и старался позабыть, кто́ его родители.

Стряпчій удивлялся, что ученый профессоръ и человѣкъ, принадлежащій къ генеральскому кругу, говоритъ такъ просто и даже вмѣшиваетъ въ свою рѣчь украинскія шутки; а жена его готова была принять эту послѣднюю особенность городского гостя за насмѣшку надъ ея необразованными дочерьми, которыя изо всѣхъ силъ старались выбиться изъ мужицкой рѣчи, какъ называли они родной языкъ свой, но никакъ не могли выбиться, и потому въ гостяхъ большею частью молчали. Старшая дочь ея досадовала на безпрестанно пріѣзжающихъ гостей: ей очень хотѣлось щегольнуть своими недавними успѣхами въ музыкѣ, на зло барышнямъ Чечоткамъ, которыя музыки не знали. Замѣчу кстати, что отецъ ихъ, разбогатѣвъ на должности стряпчаго, рѣшился поправить недостатокъ воспитанія дочерей дорогимъ роялемъ, и онѣ всѣ трое принялись за музыку съ ожесточеніемъ, выбирая въ жертвы своего искуства самыхъ знаменитыхъ композиторовъ.

Присутствіе Нечая преобразило Нину въ глазахъ всего общества. При немъ она почувствовала, что она у себя дома и, какъ-будто позабывъ обо всѣхъ окружающихъ, передала ему свои дорожнія наблюденія надъ людьми, которыхъ столько лѣтъ не видала изъ своей институтской клѣтки. Веселая рѣчь ея была приправлена чѣмъ-то въ родѣ насмѣшливости, потому что встрѣчные купцы, помѣщики, попы съ ихъ многочисленными попадьятами и украинскіе ямщики съ ихъ заимствованнымъ ухарствомъ бросались ей въ глаза своей комической стороною. Нечай смѣялся, но тутъ же ей замѣтилъ, что она еще не видитъ внутренней связи и причинъ всѣхъ этихъ явленій, ато бы ей было не до шутокъ, и хотѣлъ было разсказать одинъ случай, въ которомъ смѣшное на взглядъ дѣлалось печальнымъ въ глазахъ внимательнаго наблюдателя, какъ въ эту самую минуту передъ нимъ явилось нѣчто

и смѣшное, и печальное. Какая-то грузная мужская фигура, въ военномъ сюртукѣ стараго покроя, въ которомъ талія приходилась на лопаткахъ, приблизилась къ Нинѣ и, прогремѣвъ слова: »Любезнѣйшая племянница«, обняла ее предлинными рукавами въ складкахъ и напечатлѣла на ея щекѣ громкій родственный поцѣлуй.

Институтка была оглушена этимъ привѣтствіемъ, но дядя Антонъ Петровичъ, по прозванію Мотузочка, не далъ ей опомниться отъ изумленія и пихнулъ къ ней (по крайней мѣрѣ ей такъ показалось) какую-то даму, тоже довольно грузную и накрытую желтою шалью.

— Это моя жена, дружочекъ Нина! сказалъ онъ: — не та, которая пекла тебѣ изъ тѣста голубковъ, а другая, или лучше сказать, третья, — такой же ангелъ, какъ и двѣ первыя. Всѣ три жены у меня вышли сущими ангелами, дружочекъ Нина.

Между тѣмъ ангелъ во плоти, накрытый желтою шалью, купленною къ вѣнцу еще для первой невѣсты Антона Петровича, расцѣловалъ свою родственницу, какъ только было возможно радушнѣе.

Казалось, этого двойного приступа было бы совершенно довольно; но нѣжные супруги разступились и открыли за собою цѣлый строй своихъ любезныхъ чадъ, которыя бросились осыпать институтку самыми неистовыми поцѣлуями. Антонъ Петровичъ, стоя въ сторонѣ, прилагалъ отъ себя къ каждому лицу коментаріи:

— Это моя дочка, Даря, отъ первой моей супруги, Федосіи Ивановны. Она къ тебѣ бѣгала въ дѣтствѣ еще безъ пояска. Это другая моя дочка, Катя, отъ первой же моей супруги — упокой Господи ея душу! Ты, бывало, дразнишь ее замарашкою. Это третья моя дочка, Анюта, твоя тезка, уже отъ второй моей супруги, которая была такой же ангелъ, какъ и первая. При тебѣ она еще только начинала ходить. Это четвертая моя дочка, Параскевія, тоже отъ второй моей супруги. Она родилась въ тотъ самый день, какъ тебя повезли въ Аскольдовъ. А это сынокъ мой, Ѳедя, также отъ второй супруги. Онъ, бѣдняжка, и груди материнской не сосалъ. Поди, Ѳедя душенька, ко мнѣ: я тебя поцѣлую. А это опять дочка, Настенька, уже отъ третьей моей су-

пруги, Ульяны Павловны, моего ангела-хранителя. Да еще дома осталось двое маленькихъ, близнецовъ. Ихъ принесутъ сюда къ матери покормить, какъ проснутся. Мы провели цѣлый день на нивѣ. Я сегодня и въ судъ не ѣздилъ. Погода удивительная! (эти слова относились ужъ ко всѣмъ вообще присуствовавшимъ). Тихо да любо въ полѣ! Жито такъ и звенитъ на серпахъ. (Тутъ онъ ударилъ по плечу старшаго брата). А жнецы мои надъ твоимъ полемъ смѣялись, Риля! Пѣли, что оно задремало стоя и что серпы у тебя лубяные.

— А тебѣ, Тоня, и не стыдно, что надо мною твои мужики смѣются? отвѣчалъ исправникъ. — Постой, братику, я имъ покажу при случаѣ, что́ у меня не лубяное.

— Ну, этого-то я тебѣ, Риля, не позволю, хоть ты и старшій братъ, отвѣчалъ спокойно Тоня. — Изъ пѣсни слова не выкидать, а домочадцевъ моихъ я и самъ съумѣю наказать, когда нужно.

— Да Богъ съ ними! сказалъ добродушно исправникъ: — съ голаго ничего не возьмешь.

Здѣсь кстати замѣтить, что крестьяне Антона Петровича считались самыми убогими въ уѣздѣ, — на томъ основаніи, что онъ всѣхъ ихъ обратилъ въ дворовые и выдавалъ имъ хлѣбъ изъ собственной печи. Но сосѣди не вникали во внутреннія побужденія Антона Петровича, который называлъ крестьянъ своими домочадцами, какъ никто во всемъ уѣздѣ, а бѣдность поддерживалъ между ними, какъ противодѣйствіе пьянству и другимъ вреднымъ порокамъ.

— Удивительно, право, говорилъ онъ, обращаясь ко всему обществу, — какъ эти мужики ловко складываютъ свои пѣсни! Оно и глупо, какъ розобрать хорошенько, а слушаешь — и пріятно! Я вотъ въ судѣ, отъ нечего дѣлать, пробовалъ сложить что-нибудь про вишневый садъ, или тамъ про долю, какъ они поютъ, — нѣтъ, вѣдь ничего не выходитъ. А, кажется, владѣя русскимъ языкомъ, можно бы сложить получше этой хохлаччины.... На все отъ Бога талантъ: и птичка поетъ — никто ея не учитъ.

Я уже сказалъ, что Антонъ Петровичъ отличался отъ братьевъ самоуглубленіемъ. Натура у него была дѣйствительно философская, ровная и невозмутимая. Иволгинъ, по своей склонности къ смѣ-

хотворству, часто разсказывалъ объ немъ забавные анекдоты въ его же присутствіи. Антонъ Петровичъ не сердился за это нисколько и, похлопывая Иволгина по плечу, говорилъ: »Какой, право, вы шутникъ, Капитонъ Павловичъ!« Впрочемъ онъ рѣшительно отвергалъ, будто бы не заплатилъ ничего городовому врачу, который ѣздилъ къ нему цѣлый мѣсяцъ лечить ангела жену его. По разсказу Иволгина, Антонъ Петровичъ, заѣхавъ къ доктору изъ суда, сказалъ: »За то, что вы вылечили мою жену, я васъ приглашу къ себѣ обѣдать,« и тутъ же обратился къ Иволгину: »А васъ приглашу за то, что вы привезете его ко мнѣ и доставите въ городъ обратно.« Напротивъ, Антонъ Петровичъ утверждалъ, не придавая впрочемъ этому никакой важности, что онъ предлагалъ доктору для охоты отличные ботфорты, доставшіеся ему въ числѣ военной добычи въ 1831 году, но что докторъ самъ отказался отъ подарка.

Когда Пазька приготовила гдѣ-то въ другой комнатѣ и разнесла гостямъ чай на великолѣпномъ подносѣ накладного сребра, въ залѣ раздался громкій и ровный стукъ, какъ отъ марширующаго солдата, и показалась новая чета Квачей, но уже безъ юныхъ своихъ отраслей, потому что молодая супруга Петра Петровича Злóдія собственныхъ дѣтей еще не имѣла, а тѣхъ, которыхъ застала въ его домѣ готовыми, сослала въ заточеніе на кухню. Это была чета, на которую стоило полюбоваться. Петръ Петровичъ имѣлъ въ своей фигурѣ что-то геройское. Даже въ церкви онъ становился всегда у самыхъ царскихъ вратъ и не иначе, какъ выставя впередъ ногу и почти подбоченясь. По его благородному и властительному виду, его бы слѣдовало прозвать Завоевателемъ, а не Злóдіемъ; но сіе послѣднее названіе утвердилось за нимъ уже до такой степени, что и его потомковъ будутъ звать Злодіéнками. Любо было взглянуть, какъ онъ подошелъ къ племянницѣ и поцѣловалъ ее сперва въ руку, а потомъ въ щеку. Можно было подумать, что онъ только вчера снялъ съ себя эполеты. Что́ ни говори, а такое ремесло, какимъ занимался Петръ Петровичъ, придаетъ человѣку что-то молодецкое, и нечему дивиться, если хорошенькая дѣвица Потрибенькина, нынѣшняя его супруга, увлеклась нѣжною къ нему склонностію. Она явилась дамой совершенно приличною. Даже долгое пребываніе на знойной нивѣ не помрачило ея кожи, которой сіяющій цвѣтъ чудесно сливался

съ золотомъ ея густыхъ волосъ и возвышалъ красоту голубыхъ ея глазъ, нѣжно глядящихъ на супруга. Петръ Петровичь и по костюму своему принадлежалъ къ высшему разряду уѣздныхъ дворянъ: ухаживая за невѣстой, онъ возобновилъ весь гардеробъ свой и рѣзко отличался отъ обоихъ братьевъ, которые, впрочемъ, нисколько ему не завидовали, такъ какъ старшій, Гаврило, любилъ платье мѣшковатое, а средній, Антонъ, всему на свѣтѣ предпочиталъ военную униформу изъ нарочито крѣпкаго и носкаго сукна. Жена Петра Петровича была тоже одѣта, какъ куколка. Счастье первыхъ мѣсяцевъ супружества сіяло на обоихъ лицахъ.

Между тѣмъ, какъ Петро Петровичъ представлялъ свою молодую жену племянницѣ съ почтительно-ловкимъ поклономъ, Иволгинъ, стоя за стуломъ у профессора Нечая, сказалъ ему потихоньку:

— Это у насъ первый воръ въ уѣздѣ.

— А кто второй? спросилъ Нечай.

— Второй — старшій братъ его.

На это Нечай отвѣчалъ:

— Я воромъ называю всякаго, кто не хочетъ подумать, честными ли средствами онъ живетъ на свѣтѣ....

Но Иволгинъ его не понялъ и остался очень доволенъ интимною бесѣдою съ профессоромъ, которая была замѣчена всею честной компаніей.

— Какой умница этотъ Нечай! сказалъ онъ, подойдя къ Михайлу Андреевичу, котораго онъ очень уважалъ за тысячу незаложенныкъ душъ и за то, что у него можно было выманить денегъ взаймы.

— А что́? спросилъ тотъ, глядя на него съ холодной благосклонностью, извѣстной всему уѣзду.

— Онъ тотчасъ опредѣлилъ, что́ за лицо нашъ Петро Петровичъ.

Михайло Андреевичъ улыбнулся, какъ человѣкъ, невѣрящій тому, что́ слышитъ; но, по своему обычаю, удержалъ свою мысль про себя.

Это была одна изъ личностей, рѣдко встрѣчающихся въ уѣзной глуши. Приготовленный воспитаніемъ для дѣятельности на аренѣ обширной, онъ запертъ былъ нѣкоторыми обстоятельствами въ тѣсный кругъ уѣздныхъ помѣщичьихъ интересовъ и всю жизнь

чувствовалъ себя уединеннымъ посреди шумящаго хуторского общества. Онъ не встрѣтилъ здѣсь людей, достойныхъ душевнаго съ ними сближенія, и потому былъ ко всѣмъ равно близокъ и равно далекъ. Онъ дѣлалъ многимъ добро, хотя очень хорошо зналъ людскую неблагодарность. Онъ не чуждался уѣзднаго общества вообще, хотя мало находилъ въ немъ людей честныхъ. Онъ не вооружался противъ злоупотребленій такихъ людей, какъ исправникъ, зная по опыту, что дворяне его не поддержатъ и выберутъ на слѣдующій срокъ того же самого Гаврила Петровича, или Ивана Ивановича, или Семена Семеновича, котораго поступки онъ пробовалъ разоблачать до послѣдней наготы ихъ. Все перепспытавъ, обо всемъ передумавъ въ долгомъ своемъ уединеніи, Конашевичъ сдѣлался наконецъ молчаливымъ зрителемъ того, что передъ нимъ происходило. Онъ отводилъ душу обширнымъ чтеніемъ по разнымъ отраслямъ знаній человѣческихъ да перепискою и изрѣдка свиданіемъ съ такими людьми, какъ введенный имъ въ домъ исправника Нечай.

Молодые люди, знакомые между собой въ иномъ кругу и въ иной сферѣ общественныхъ интересовъ, очутились вдругъ подъ надзоромъ множества глазъ, ловившихъ всякое ихъ движеніе съ тою неотвязчивостью, которую можетъ родить одна пустота помѣщичьей жизни. Имъ бы хотѣлось переговорить о многомъ вдали отъ постороннихъ ушей, но они были окружены со всѣхъ сторонъ родными и сосѣдями, точно картина на выставкѣ. Положеніе ихъ дѣлалось невыносимо тягостнымъ. Но ихъ выручила наконецъ Степанида Карповна, сгаравшая нетерпѣніемъ показать превосходство своей дочери предъ всѣми сосѣдними барышнями.

— Нина дружочекъ! сказала она, — сыграй намъ что-нибудь.

— Охотно, отвѣчала дочь, — но не разстроенъ ли у васъ рояль?

— Какъ это можно? Вчера нарочно посылали въ городъ за настройщикомъ. Да я рѣдко кому и позволяю играть на немъ. У насъ тутъ проявился одинъ такой музыкантъ, что разбиваетъ сразу хоть какой инструментъ. »Я, говоритъ, подражаю Листу!« Богъ съ тобой и съ твоимъ Листомъ! Третьяго дня онъ былъ у насъ; такъ я и не показала ему твоего рояля; сказала — ключъ потеряли. Пазька, а подай ключъ отъ рояля!

Пазька знала, гдѣ хранится всякая мелочь въ домѣ, и въ ту же минуту принесла ключикъ.

Все общество перешло въ залу, за исключеніемъ задумчиваго Михайла Андреевича, любившаго слушать музыку издали. Нечай помѣстился подлѣ виртуозки, чтобы переворачивать ей нотные листы, и не догадывался, какъ это было досадно Иволгину, который выдавалъ себя за знатока музыки.

V.

Торжество исправника и исправницы.

Нина спросила свою тетрадь нотъ въ черномъ футлярѣ, и вскорѣ исправничья зала наполнилась чистыми, задумчивыми звуками, которые на нѣкоторыхъ, и въ особенности на дѣтей, сдѣлали такое впечатлѣніе, какъ-будто въ залѣ никого не было, кромѣ очаровательной музыкантки, задумавшейся надъ роялемъ. Въ самомъ дѣлѣ, душа Нины полна была грустныхъ думъ и чувствъ, которымъ одно присутствіе неожиданнаго гостя не давало перейти въ безотрадную горесть. Она думала о богатствѣ своего отца, которое озадачило ее съ той самой минуты, какъ получила она отъ него, при выпускѣ изъ института, нѣсколько коробовъ, коробковъ и коробочковъ, наполненныхъ роскошнымъ бѣльемъ, нарядами и драгоцѣнностями, надъ которыми разъахались ея подруги и классныя дамы. Изъ чтенія и изъ бесѣдъ съ такими людьми, какъ Нечай, она получила невыгодное понятіе вообще о членахъ земской полиціи, богатѣющихъ скрытыми отъ общества средствами. Ее часто занимала мысль: каково-то подвизается ея отецъ въ должности исправника? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ были его великолѣпные подарки, по случаю ея выпуска. Ей было стыдно передъ самой собою, когда она вообразила, что все это было результатомъ такихъ сценъ, какія она читала у журнальныхъ обличителей беззаконія, облеченнаго въ форму законности. Но она успокоила себя мыслью, что отецъ, вѣроятно, много лѣтъ копилъ остатки своего жалованья, чтобы порадовать любимое дитя блестящими игрушками. Великолѣпная карета со множествомъ сундуковъ и вкладокъ полуразрушила ея успокоительныя размышленія, а счастливый отецъ, не подозрѣвая, что́ дѣлается въ

душѣ прелестной дочки, всю дорогу твердилъ ей, съ природнымъ своимъ добродушіемъ, что она теперь не узна́етъ своего дома. Въ самомъ дѣлѣ она нашла всю обстановку домашняго быта своихъ родителей далеко не тою, какую сохранила въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ. Только закулисный штатъ горничной прислуги оставался всё такимъ же убогимъ и смиреннымъ, какимъ она его оставила. Блестящіе на стѣнахъ обои и шелкъ на неуклюжей мебели, своею разительной противоположностью, дѣлали эту убогую толпу еще бѣднѣе, чѣмъ она была въ самомъ дѣлѣ; а множество морщинъ, прибавившихся на постныхъ лицахъ кормилицы и нянекъ Нины, были для ея любящей и симпатичной души вопіющими письменами, по которымъ она читала исторію быстро возрастающаго благоденствія своихъ родителей. Обо всемъ этомъ и о многомъ другомъ думала наша институтка, и грустныя думы ея отразились въ музыкѣ. Въ ея игрѣ слышался голосъ тоскующаго ангела, обозрѣвающаго смущеннымъ взоромъ страшные вертепы, въ которыхъ толпится, въ грустномъ безпорядкѣ, Божій народъ, не зная, какъ найти выходъ.

Этому впечатлѣнію грусти не поддались однѣ только дочери стряпчаго, у которыхъ въ ушахъ звучали пьесы, недавно разученныя ими подъ руководствомъ свирѣпаго подражателя Листа. Всѣ остальные слушатели, каковы бъ ни были у нихъ сердца, почуяли въ музыкѣ Нины что-то какъ-будто давно знакомое, родное, и конечно никому не приходило въ голову, что всѣ они — и Гаврило Петровичъ, пристрастившійся къ роскоши, и Антонъ Петровичъ, обратившій своихъ крестьянъ въ домочадцевъ, безъ всякихъ правъ собственности, и Петро Петровичъ, считающій все то позволеннымъ, чего не въ силахъ преслѣдовать законъ, спутанный такими господами, какъ его братецъ, и стряпчій, и барышни Чечотки, и всѣ до единаго — были взлелѣяны, въ нѣжномъ, неповинномъ дѣтствѣ, подъ музыкальнѣйшія въ мірѣ, подъ самыя поэтическія въ мірѣ, украинскія пѣсни. Не подозрѣвая, что́ значитъ и откуда происходитъ одолѣвающая его какая-то тоска, Антонъ Петровичъ, разставивъ ноги и повѣсивъ голову, принялся отъ всего сердца плакать, и напоминалъ въ этомъ положеніи быка на такъ называемомъ *ре́вищѣ* (1), гдѣ флегмати-

(1) *Ре́вищемъ* называется мѣсто, черезъ которое быки и коровы не мо-

ческое животное вдругъ останавливается, роетъ рогами землю и жалобно рычитъ, само не зная, чего. Прочіе также были болѣе или менѣе тронуты; но какъ Иволгинъ, подмѣтя слезы Антона Петровича Мотузочки, сдѣлалъ нѣсколько искусныхъ гримасъ, то барышни Чечотки первыя, а за ними Протазанова и другіе, начали осторожно смѣяться. Только отецъ и мать музыкантки ничего не видѣли и не слышали, и отъ всей души предались родительскому восторгу.

— По истинѣ скажу, возвысилъ голосъ Иволгинъ, когда Нина кончила, — что вы, Анна Гавриловна, играете никакъ нехуже нашей губернаторши.

Тутъ онъ гордо посмотрѣлъ на все свое общество, потому что одинъ онъ былъ знакомъ съ »начальницею губерніи« домашнимъ образомъ. (Исправникъ тоже зналъ ее лично, но состоялъ съ нею въ офиціальныхъ отношеніяхъ).

— Это, скажу вамъ, дама — цвѣтъ и украшеніе аристократическаго круга, продолжалъ Иволгинъ. — Надобно, непремѣнно надобно васъ представить ей, Анна Гавриловна! Недавно я былъ въ губернскомъ нашемъ городѣ... Встрѣтила меня съ радостнымъ лицомъ: »Посмотрите, говоритъ, любезнѣйшій Капитонъ Павловичъ, какую брошку пожаловала мнѣ великая княгиня.« Въ самомъ дѣлѣ, брошка дивная. Но я говорю ей: »Ваше превосходительство, вы слишкомъ низко изволили приколоть ее: она выше будетъ имѣть другой видъ«, и тотчасъ прикололъ ей, какъ слѣдуетъ.

На этотъ разъ Иволгинъ показался институткѣ пьянымъ, и она боязливо попятилась отъ него назадъ. Это движеніе было тотчасъ замѣчено барышнями Чечотками, и онѣ, отойдя въ уголокъ съ Протазановой, смѣялись отъ всей души, присовокупляя къ разсказу Иволгина какія-то объясненія.

Такимъ образомъ вечеръ проходилъ въ невинныхъ семейныхъ удовольствіяхъ, и если кто не принималъ участія въ общей радости, такъ это старшая дочь стряпчаго, которой не удалось показать свой музыкальный талантъ на новомъ роялѣ, выписанномъ изъ Петербурга. Для нея рояль заказывалъ въ губернскомъ городѣ услужливый подражатель Листа. Инструментъ вышелъ от-

---

гутъ пройти равнодушно, почуявъ недавно, а иногда и давно пролитую кровь.

личной прочности, такъ что никакія руки не были для него страшны; но всё же вещь петербургская имѣетъ что-то обаятельное для провинціальныхъ глазъ. А главное — надобно было поразить барышень Чечотокъ, которыя очень тонко и зло смѣялись надъ стряпчими барышнями, что онѣ еще недавно сами бывало жнутъ у себя на нивѣ, вмѣстѣ съ своею маменькою, дочерью убогой вдовы-попадьи. Еслибъ Чечотки смѣялись не такъ тонко, то нашлись бы стряпчанки, какъ отвѣчать имъ, и выставили бы имъ на видъ, что лучше собственными руками жать на нивѣ, чѣмъ перехватывать чужія письма и писать подъ чужую руку отвѣты. Вступились бы они и за свою маменьку, сказавши, что хотя она и простая женщина, но зато не рѣзала косъ дѣвушкамъ, которыя ничѣмъ не хуже ихъ, Чечотокъ. Много бы сильныхъ и краснорѣчивыхъ выраженій излилось изъ устъ молчаливыхъ стряпчанокъ на чистомъ украинскомъ языкѣ, которымъ онѣ владѣли въ совершенствѣ. Но въ томъ-то и бѣда, что, съ одной стороны, старыя дѣвы клевали ихъ въ сердце очень искусно, а съ другой — надобно было возражать имъ на языкѣ иностранномъ, россійскомъ, который употребляется нашими невоспитанными въ пансіонахъ панночками только по праздникамъ, когда къ нимъ являются изъ уѣзднаго суда подражатели Листа, или армейскіе офицерики, скучающіе до сумасшествія посреди простолюдиновъ. Старшая стряпчанка была въ этотъ вечеръ истинная страдалица; да и все семейство стряпчихъ какъ-то пріуныло, увидѣвъ, что Иволгинъ все свое вниманіе и угодливость посвящаетъ новой царицѣ красоты, дочери исправника. Что́ касается собственно стряпчаго, то онъ грустилъ еще больше оттого, что невозможно было составить пульку, такъ какъ исправникъ никогда не смѣлъ развернуть зеленаго стола въ присутсвіи Конашевича, зная, что онъ тотчасъ уѣдетъ. Но Конашевичъ и безъ того ужъ засидѣлся: визиты его рѣдко бывали такъ продолжительны. Онъ всё посматривалъ на своего гостя, Нечая, и очевидно, для него только оставался въ этой толпѣ долѣе обыкновеннаго; а когда увидѣлъ, что Нечай слишкомъ дорогою цѣною покупалъ удовольствіе видѣть свою ученицу, онъ перекинулся съ нимъ парою словъ, и оба взялись за шляпы. Ихъ, по обычаю нашей уѣздной жизни, упрашивали остаться, если не для нихъ, то для ужина; но оба они оказались людьми неужинающими, ухватиться больше бы-

ло не за что, и хозяева, такъ сказать, выпустили изъ рукъ ихъ полы.

— Непремѣнно, непремѣнно завтра къ вамъ, Михайло Андреевичъ! сказалъ прощаясь исправникъ и проводилъ гостей на крыльцо, въ сопровожденіи своихъ малютокъ, которыя, вооружась кусками хлѣба, намазаннаго масломъ, желали посмотрѣть на лошадей.

— Отчего это, папа, спросилъ старшій сынокъ, — у насъ тысячи душъ нѣту, а лошади лучшія и экипажъ лучшій, и кучеръ нашъ въ золотомъ поясѣ?

— Оттого, мой другъ, отвѣчалъ добродушно исправникъ, — что я служу, такъ начальство меня награждаетъ.

— И я буду исправникомъ, папа!

— Учись, душенька, такъ и ты будешь исправникомъ.

— Я куплю себѣ такую карлету, какъ у Нины, и всѣ буду въ карлетѣ сидѣть!

Исправникъ поднялъ и расцѣловалъ своего любимчика.

VI.

Родители и гости озабочиваются будущностью институтки.

— Отчего ты такъ молчалива, Ниночка? спрашиваетъ исправница у своей дочери съ такимъ нѣжнымъ участіемъ, къ какому только была способна ея въ самомъ дѣлѣ чадолюбивая душа.

Что было отвѣчать на это Нинѣ?...

— Я всегда такова, маменька, отвѣчаетъ она.

Но это была неправда, и какая неправда! Еще такъ недавно она была оживлена присутствіемъ дорогого для нея гостя, и только съ его удаленіемъ сдѣлалась молчалива.

Нина была очень дружна съ Нечаемъ. Это значитъ, что она его любила подъ видомъ дружбы. Но ей не приходило въ голову, чтобъ ихъ отношенія могли перейти въ болѣе близкія. Она всѣ еще смотрѣла на него, какъ на наставника, и гордилась его вниманіемъ, которое цѣнила очень высоко. Еслибъ она знала, что у него давно живетъ въ душѣ желаніе присвоить ее себѣ на всю жизнь, во сколько разъ она была бы теперь счастливѣе! отъ какихъ тяжкихъ мукъ была бы она теперь свободна! Можетъ быть,

все кругомъ показалось бы ей въ иномъ свѣтѣ, и не томила бы ее до такой степени сіяющая обстановка родительскаго дома. Она далека была отъ мысли, что онъ готовъ освободить ее изъ этого душнаго круга, подавляющаго въ ней все живое, разумное, свободное, и возвратить въ общество такихъ людей, какъ онъ самъ. Въ удаленьи отъ родного дома, добрые люди научили ее лучшему, болѣе глубокому разумѣнію жизни, чѣмъ научилась бы она дома, — и для чего же? чтобы разойтись на-вѣки съ тѣмъ обществомъ, среди котораго она родилась, чтобы въ отцѣ и матери увидѣть людей не ея убѣжденій, не ея нравственности.

А нѣжная мать ожидаетъ отъ нея побѣдъ надъ языками сосѣдокъ, а отецъ видитъ въ ней средство войти въ родство съ богатѣйшимъ домомъ въ уѣздѣ, и уже вертится въ его воображеніи молодой обладатель семисотъ душъ и шести тысячъ десятинъ превосходнѣйшей земли, у котораго притомъ есть въ виду наслѣдство, имѣющее удвоить его благосостояніе. Правда, этотъ молодой счастливецъ надѣленъ отъ природы наружностью, которую сосѣдки съ сожалѣньемъ находили простонародною; но не сомнѣвается исправникъ, что семь-сотъ душъ сдѣлаютъ его въ глазахъ дочери образцовымъ бариномъ. Правда и то, что этотъ господинъ вынесъ изъ университета одну охоту повторять чужія слова; но въ глазахъ пана Квача, получившаго воспитаніе въ какомъ-то 49 пѣхотномъ полку, онъ былъ фениксъ образованности. Еще извѣстно было о предметѣ нѣжныхъ помышленій исправничьихъ, что сей предметъ не обнаружилъ склонности ни къ какому сколько-нибудь серьёзному занятію и пребываетъ въ постоянной лѣни и разсѣянности; но кто же можетъ налагать условія серьёзнаго труда на человѣка, которому судьба еще до рожденія заготовила роскошное обезпеченіе на самую долголѣтнюю жизнь? Такимъ образомъ участь втайнѣ тоскующей Нины была уже, можно сказать, рѣшена, и рѣшена не только въ умѣ ея почтеннаго папаши, но и въ умѣ барышень Чечотокъ, что́ вовсе не такая бездѣлица, какъ это можетъ показаться невникнувшему въ ихъ характеръ читателю.

Сіи двѣ дѣвы, давно лишившіяся природныхъ своихъ руководителей на пути жизни, шествовали по этому пути самыми смѣлыми и рѣшительными шагами. Необычайная ихъ храбрость, достойная коронованныхъ повелительницъ рода человѣческаго, от-

пугнула отъ нихъ всѣхъ жениховъ, порывавшихся внутренно къ ихъ наслѣдственному благосостоянію. Зато онѣ сдѣлались диктаторами цѣлаго уѣзда или по крайней мѣрѣ той среды, которая ихъ окружала, по части устройства и разстройства брачныхъ союзовъ. Еслибы я не былъ стѣсненъ законными предѣлами моего повѣствованія, то могъ бы описать здѣсь, какъ онѣ, на-перекоръ отцу, матери и братьямъ, выдавали молоденькихъ и хорошенькихъ дѣвицъ за старыхъ и истасканныхъ уродовъ, и имѣли потомъ удовольствіе оплакивать, вмѣстѣ съ родными своей жертвы, печальную развязку подобныхъ браковъ. Это были истинныя мастерицы своего дѣла, и если только онѣ рѣшили въ своемъ умѣ, чтобы такой-то быть за такимъ-то, то развѣ одна смерть, или крутой, неожиданный и, разумѣется, скандалёзный поворотъ ихъ субъекта могъ разрушить ихъ глубоко разсчитанныя соображенія. Иногда онѣ совершали подвиги внѣ всякихъ предѣловъ вѣроятности, и разводили навѣки такихъ супруговъ, которые давно выдали замужъ, при ихъ же содѣйствіи, дочерей и дожили уже до внучатъ. Зато и наоборотъ, еслибъ имъ вздумалось женить внука на бабушкѣ, или дѣдушку на внучкѣ, то и передъ подобнымъ предпріятіемъ онѣ бы не остановились.

И сіи-то могущественныя волшебницы нашего уѣзда начертали уже планъ жизни институтки, между тѣмъ какъ она взирала на нихъ, какъ на особъ, съ которыми никогда не можетъ имѣть ничего общаго. Уже сообщено было объ этомъ къ свѣдѣнію и, въ надлежащемъ случаѣ, къ исполненію великолѣпнѣйшей женщинѣ, окруженной живыми портретами покойнаго мужа. Уже введенъ былъ въ розговоръ, ни для кого незамѣтнымъ способомъ, господинъ Каптуровъ, по имени Павелъ Мироновичъ, и хотя всѣ, кромѣ Нины, знали, что онъ окончилъ курсъ въ университетѣ, что у него столько-то земли во владѣніи, но обо всемъ этомъ закипала бесѣда съ такою живостью, какъ-будто каждый изъ собесѣдниковъ сдѣлалъ неожиданное открытіе.

Барышни-стряпчіе, ненадѣявшіяся привлечь къ ссбѣ лестное вниманье молодого богача, и неумѣвшія попасть въ тактъ новой для нихъ жизни, указали спроста на его простонародную наружность; но это неумѣстное замѣчаніе дало только новый толчекъ убѣдительному краснорѣчію прочихъ дамъ, которыя, къ великому удовольствію хозяина, доказали, что выраженіе лица молодого Кап-

турова совершенно дворянское, величественное, вальяжное, и что изъ него современемъ выйдетъ отличный предводитель благороднаго сословія.

Иволгинъ, ухаживавшій за Каптуровымъ ради его богатства, но страдавшій отъ превосходства его свѣжепросольной образованности, сказалъ, что не мѣшало бы ему быть немножко остроумнѣе и повоздержаться отъ чтенія наизусть печатныхъ страницъ, въ видѣ разговора съ дамами. Но выходка Иволгина принята была съ рѣшительнымъ негодованіемъ, и исправникъ замѣтилъ, въ качествѣ общественнаго дѣятеля, что если этакъ будутъ поощрять молодыхъ дворянъ къ обогащенію себя познаніями, то никто не станетъ посылать дѣтей въ университеты.

Братья поддержали исправника и объявили, что господинъ Каптуровъ дѣлаетъ честь всему ихъ благородному сословію и составляетъ украшеніе уѣзднаго общества.

Въ странное положеніе поставлена была Нина, къ которой обращались всѣ лица и глаза, какъ-бы отдавая ей на судъ каждую фразу и требуя ея мнѣнія. Дядя Антонъ Петровичъ подсѣлъ къ ней съ одной стороны и внушительнымъ тономъ объявилъ ей, размахивая передъ ней широкими обшлагами длинныхъ рукавовъ своихъ, что Павелъ Мироновичъ можетъ служить образцомъ свѣтской любезности и ловкости; а дядя Петро Петровичъ придвинулся къ ней со своимъ стуломъ съ другой и увѣрялъ ее, что молодой сосѣдъ ихъ пользуется самою безукоризненною репутаціею въ уѣздѣ.

Нинѣ было тѣсно и жарко въ толпѣ, разгорячившейся по поводу спора. Громкіе голоса, сражавшіеся одни съ другими, оглушали ее. Она съ трудомъ улучила моментъ, чтобы вырваться на просторъ, въ садъ; но и тамъ не позволили ей остаться одной. Многочисленная толпа, послѣдовавъ за нею, шумно утверждала, что прогулка вечеромъ по саду очень пріятна, хотя, безъ Нины, никто и не подумалъ бы подышать свѣжимъ воздухомъ, такъ какъ у насъ въ уѣздѣ вообще не понимаютъ, чтобы можно было находить удовольствіе въ движеніи, безъ хозяйственной надобности.

Нина, очутясь между сестеръ Чечотокъ, которыя, съ видомъ дружескаго покровительства, подхватили ее подъ руки, спѣшила сойти по спуску прямой дорожки къ болоту, которымъ замыкалась перспектива. Увѣщанія спутницъ и спутниковъ, что

внизу сыро и непріятно, не остановили ея. Ей хотѣлось взглянуть на дикую природу, непокоренную наемнымъ садовникомъ роскошному господству ея папеньки. Болото, съ блестящими нитями воды въ его зарослях, сохранило тотъ самый видъ, какой имѣло въ ея дѣтствѣ. Мѣсяцъ выкатился краснымъ шаромъ изза очере́ту и зарумянилъ воду точно такъ, какъ и во времена оны, когда нянька не позволяла ей указывать рукой на небесное чудо Божіе. Въ водяномъ царствѣ, покрытомъ высокими травами, кустами и лепехами, полно было говору, напоминавшаго ей лѣтніе вечера, когда она оставалась одна съ дворовыми дівча́тами и вслушивалась поперемѣнно то́ въ этотъ таинственный говоръ, то́ въ пѣсни усѣвшихся въ кружокъ дівча́тъ, то́ въ ихъ фантастическіе и страшные разсказы о непроходимыхъ болотныхъ топяхъ и разныхъ приключеніяхъ среди этихъ топей. Съ какимъ бы удовольствіемъ осталась она и теперь одна въ саду! Пускай бы ея нѣжные родители попрежнему ѣхали себѣ куда-нибудь на имянины, на свадьбу, на праздникъ, на балъ, а ее бы оставили подъ охраною этой бѣдной, затасканной, но добродушной и даже веселой толпы домашней челяди, которая, очевидно, выѣздъ господъ въ гости считаетъ своимъ праздникомъ и умѣетъ провести время въ свое удовльствіе даже безъ музыки, безъ нарядовъ и угощеній. Но то время прошло, и уже не воротится. Теперь ужъ она не *Га́ля*, какъ ее запросто звала горничная прислуга, а Анна Гавриловна, и никто ужъ не назоветъ ее нѣжнымъ украинскимъ именемъ, ни даже родная мать, которая прозвала ее, по какому-то высшему образцу, Ниною. Теперь всѣ старыя и вновь появившіяся въ домѣ служилыя фигуры, даже и въ порывѣ усердія, приближаются къ ней съ какимъ-то обратившимся въ привычку подобострастіемъ, которое не допустило бы уже той искренности и свободы, съ какою прежде шла между ними бесѣда въ присутствіи панночки, которой всѣ говорили *ты*. Теперь отецъ и мать не оставятъ ее дома одну и повезутъ ее по всему уѣзду, чтобы сдѣлать ее участницею въ тѣхъ общественныхъ удовольствіяхъ, которымъ нѣкогда сами они предавались съ такимъ увлеченіемъ. Теперь она у всѣхъ на виду, у всѣхъ на примѣтѣ. Ей не даютъ покамѣсть шагу ступить свободно. Ей не позволяютъ насмотрѣться даже на дивное свѣтило небесное, которое, въ своей величавой и спокойной красотѣ, вѣчно кажется человѣку новымъ, еще неви-

даннымъ явленіемъ. Вдохновенную свыше пѣснь поетъ ей неподвласная уѣзднымъ властямъ природа, но никто не хочетъ вслушаться въ эту пѣснь, и счастливая маменька самымъ нѣжнымъ, ласковымъ голосомъ зоветъ свою Нину ужинать. Повторяющееся каждый день слово *ужинать* производитъ на все общество несравненно пріятнѣйшее впечатлѣніе, нежели полный, румяный мѣсяцъ, рѣдко являющійся хлопотливому человѣку въ такой торжественой красотѣ.

Идутъ ужинать, спѣшатъ ужинать. Съ веселымъ говоромъ и оживленнымъ выраженіемъ въ лицахъ садятся за ужинъ.

VII.

Ужинъ и разъѣздъ гостей.

Госпожа Протазанова выставляетъ по одну сторону стола длинный рядъ вѣрныхъ портретовъ покойнаго мужа, уменьшающихся постепенно въ объемѣ, но оживленныхъ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ. Прелестныя малютки, отъ тринадцати до двухъ лѣтъ, перестали теперь смотрѣть на Нину съ отвислою нижнею губою, свидѣтельствующею то удивленіе, съ какимъ, по народной поговоркѣ, теленокъ смотритъ на новую дверь, и вперяютъ все свое вниманіе на блюда, разносимыя неутомимою Пазькою и ливрейнымъ лакеемъ, не сводя ни на одно мгновеніе глазъ и глазенокъ своихъ съ толстыхъ и тонкихъ, смуглыхъ и бѣлыхъ рукъ, которыя поочередно простираются къ блюдамъ и уменьшаютъ болѣе или менѣе ихъ объемъ, смотря по аппетиту того, кому онѣ принадлежатъ. Руки, принадлежащія Антону Петровичу Мотузочкѣ, уменьшали объемъ каждаго блюда въ такой степени, въ какой бывало уменьшалъ всегда и вездѣ подносимыя кушанья покойный родитель маленькихъ Протазановыхъ, котораго образъ и подобіе сохранили они въ столькихъ экземплярахъ, въ утѣшеніе осиротѣлой матери.

Иволгинъ, помѣстясь противъ Нины, былъ съ нею очень любезенъ, такъ какъ въ напиткахъ у исправника не было недостатка, и между прочимъ разсказалъ ей, что хотя онъ лишенъ удовольствія провождать семейную жизнь, но что у него въ домѣ есть *дѣтская*. Онъ былъ очень доволенъ, что вызвалъ живую краску на прелестныя щечки своей *визавой*, какъ гово-

рятъ у насъ въ уѣздѣ нѣкоторыя весьма почтенныя дамы, и тутъ же объяснилъ ей, что дѣтьми своими называетъ онъ боченки съ *дулѣвкою*, *сливя́нкою* и другими наливками, которыхъ съ осени всегда у него заготовляется большое количество, но подъ конецъ зимы, къ ве́ликому посту, ничто ужъ не мѣшаетъ ему помышлять о спасеніи души. Можетъ быть, въ другихъ обстоятельствахъ, его сколько-нибудь смутили бы насмѣшливые взгляды вѣчныхъ его гонительницъ, барышень Чечотокъ, и ихъ слова, бросаемыя въ него въ видѣ трескучихъ гранатъ; но подъ защитою бутылокъ, которыя онъ сдвинулъ около своего прибора, Иволгинъ былъ храбръ до невѣроятности, такъ что подъ конецъ ужина Нина принуждена была дѣлать видъ, что его не слышитъ, и самъ хозяинъ сказалъ ему съ обычнымъ своихъ добродушіемъ по-украински: *Ну бо, бра́тіку! що́ ти тамъ бре́шешъ?*

Ужинъ идетъ, однакожъ, очень весело; только нѣжная маменька Нины всё безпокоится, что дочка мало кушаетъ. Этимъ Нина возбуждаетъ въ добродушной старухѣ стряпчей и въ обѣихъ своихъ теткахъ, второй и третьей женахъ обоихъ дядюшекъ, серьёзныя опасенія на счетъ ея здоровья. Наши милыя и любезныя дамы привыкли измѣрять здоровье близкихъ сердцу особъ количествомъ отправляемымъ въ ротъ кусковъ.

Для вѣрности повѣствованья, долженъ, однакожъ, я сказать, что не одна Нина кушала мало. Иволгину что-то не здоровилось, и онъ обратилъ главное свое вниманіе на напитки. Меньшая дѣвица Чечотка тоже не отличалась аппетитомъ. Лицо у ней было какое-то вдохновенное, что́ никогда не предвѣщало добра, и тотъ бы не ошибся, кто бы подумалъ, что она, при всей многорѣчивости своей, высказываетъ не болѣе десятой доли того, что́ у нея кипитъ въ душѣ. А кипѣло у нея въ душѣ много, много всякихъ горючихъ, расплавленныхъ матеріаловъ. Во-первыхъ, она вспомнила въ этотъ вечеръ какъ-то особенно живо, что и она была когда-то также молода, какъ исправницкая дочка. Во-вторыхъ, сравнила она исчезнувшую красоту свою съ этой роскошной красотою и, въ самолюбивомъ ослѣпленіи, отдала своему прошедшему рѣшительное превосходство. Далѣе, пришли ей на мысль лѣтнія ночи въ саду, проведенныя когда-то напролетъ съ человѣкомъ, на котораго нельзя было досыта наглядѣться, котораго нельзя досыта наслушаться. Онъ не принадлежалъ къ толпѣ уѣздныхъ по-

мѣщиковъ и ихъ неженатыхъ сыновей, которыхъ она, въ минуты ожесточенья, называла вообще сопунами: онъ пріѣзжалъ на короткое время домой изъ просвѣщеннаго въ высокой степени общества; отъ него такъ и сіяло высшее просвѣщеніе; онъ говорилъ языкомъ, едва доступнымъ для уѣзднаго разумѣнія, и, вдали отъ наблюденія родныхъ и знакомыхъ, а именно, по ночамъ, въ глухомъ саду, посвящалъ ей много часовъ краснорѣчивой бесѣды. Могла ли она думать, что для этого члена просвѣщеннаго въ высшей степени общества она была не болѣе, какъ легкою забавою, на время его деревенскихъ отдыховъ, и что онъ предпочтетъ ей вдову съ высокопревосходительною роднею? Да́, у людей высшаго просвѣщенія тоже бываютъ слабости въ родѣ страсти къ обогащенію или къ выходу въ люди посредствомъ антипатичной женитьбы, и молодая, прекрасная собою, щедро одаренная природою и страстно любящая дѣвушка сдѣлалась жертвою такого поползновенія. Теперь эта дѣвушка сидитъ за ужиномъ, рядомъ съ расцвѣтшею красавицей, точно выточенная изъ пожелтѣвшей кости. Сохранились слѣды того, чѣмъ она была когда-то, въ тонкихъ и умныхъ чертахъ лица ея, но вдохновенное ихъ выраженіе дышетъ какой-то злобою. Рѣчь ея замѣтно отличается выборомъ словъ и оборотовъ отъ рѣчи всей честно́й компаніи, не исключая и самого Иволгина: видно, что она многимъ позаимствовалась отъ своего ночного собесѣдника, но эта рѣчь приправлена такими острыми спичками, что самъ Иволгинъ, посреди своихъ любезностей, отъ времени до времени останавливается и встряхиваетъ головой, какъ медвѣдь, ужаленный пчелою.

Другая барышня Чечотка, отличавшаяся всё еще богатыми золотистыми волосами и извѣстная въ уѣздѣ не столько природнымъ умомъ, сколько готовностью на все дурное, что́ она воображала прекраснымъ, кушала довольно исправно, смѣясь вмѣстѣ съ госпожей Протазановой остротамъ своей сестры, и никто бы не подумалъ, что это — бывшая невѣста Иволгина, совершенно успокоившаяся отъ самой нѣжной, самой безразсудной любви къ нему. Заброшенныхъ въ уголъ и позабытыхъ романовъ и насъ въ уѣздѣ множество. Можетъ быть, ни въ одномъ уѣздѣ нѣтъ ихъ столько, какъ въ нашемъ захолустьи, котораго я далеко еще не изучилъ вполнѣ. И надобно отдать справедливость нашимъ женщинамъ: онѣ во сто кратъ лучше нашихъ мужчинъ. Если онѣ полюбятъ,

то любятъ горячо и остаются вѣрны своему чувству до конца. Правда, иногда бѣдный любовникъ, или мужъ, не знаетъ, куда дѣваться отъ ихъ горячихъ чувствъ, и очень охотно уменьшилъ бы эти чувства на девять десятыхъ. Правда и то, что, отъ излишней преданности къ любимому существу, онѣ царапаютъ его иногда очень больно по сердцу (если таковое имѣется) и гонятъ отъ себя за тридевять земель. Но всё же это лучше того коварнаго равнодушія къ участи увлеченной женщины, которое обнаружилъ оный высоко просвѣщенный господинъ, или холопскаго способа измѣны, которую дозволилъ себѣ Иволгинъ съ златовласою барышнею-сосѣдкою. Онъ пополнялъ ущербъ своихъ финансовъ изъ ея кошелька до-тѣхъ-поръ, пока кошелекъ совершенно истощился, и потомъ обнаружилъ передъ ней инстинктивное отвращеніе къ брачному обязательству. А какой славный былъ это романъ! Сколько было явлено истинно женскаго самоотверженія со стороны героини, въ то время прехорошенькой блондинки, золотоголовой, голубоглазой, свѣжей какъ роза! Кто помнитъ, какъ она любила, какъ она страдала, съ какимъ самопожертвованіемъ отдалась было корнету Иволгину, тогда еще не обрюзглому и необветшавшему; тотъ до сихъ поръ не можетъ смотрѣть на нее безъ уваженія. Но этотъ романъ уже давно заброшенъ въ уголъ и валяется тамъ вмѣстѣ съ изломанными прялками, днищами и другимъ хозяйственнымъ хламомъ. Иволгинъ встрѣчается съ своей Мальвиной, какъ прозвалъ онъ ее во время оно, совершенно спокойно. Она тоже смотритъ на него равнодушнымъ и почти презрительнымъ взглядомъ, и если проявляется въ ней что-то страстное къ нему, то не иначе, какъ въ видѣ ѣдкой насмѣшки, въ чемъ младшая, гораздо болѣе даровитая, сестра помогаетъ ей безъ всякой особенной злобы къ Иволгину, а такъ, изъ любви къ предмету.

Жалкіе! всѣ они болѣе или менѣе несчастны, болѣе или менѣе уроды, неизлечимые калѣки, надломанные люди, надорванныя души... Выписная машина гражданственности прошла изъ конца въ конецъ по ихъ захолустьямъ и кой-кого швырнула, обработавъ наскоро, въ другія губерніи, для разныхъ полезныхъ и вредныхъ употребленій, а многихъ, подобныхъ исправничьему обществу, только переломала, выворотила наизнанку, одурманила навѣки и бросила на мѣстѣ, какъ-будто только для того, чтобы трудъ-

нѣе было справиться съ мѣстнымъ населеніемъ другой гражданственности, болѣе естественной, болѣе разумной. И вотъ они копышутся себѣ въ умственныхъ потемкахъ и доживаютъ вѣкъ, барахтаясь въ грязи. Сколько бы вышло людей изъ этого общества при другомъ порядкѣ вещей, подъ иными вліяніями! Эти самыя дѣвицы Чечотки, воспитанныя не въ помѣщичьемъ домѣ, роскошномъ и грязномъ, суетливомъ и лѣнивомъ, надменномъ и низкопоклонномъ, номинально благородномъ и фактически хищномъ, были бы украшеніемъ лучшаго человѣческаго общества: столько имъ отмѣрено щедрою украинскою природой красоты, естественной граціи, ума и сердца,—сердца въ особенности! Но, подбитыя несчастной своей любовью при началѣ жизни и лавируя потомъ между женихами безъ любви, по указанію дворянской политики, — онѣ мало-помалу потеряли все, что́ можетъ нравиться въ женщинѣ даже и такому господину, какъ Антонъ Петровичъ Мотузочка, сдѣлались язвою своего общества, и безъ того пораженнаго всякими нечистыми заразами. Преслѣдуемый ими на каждомъ шагу Иволгинъ выражался объ нихъ, въ своемъ ожесточеніи, рѣзко, но справедливо. Онъ говорилъ: »Если добрые духи не сдѣлали изъ женщины ничего хорошаго, пока она была молода и прекрасна, то дьяволы берутъ ее къ себѣ на фабрику и выдѣлываютъ изъ нея кислую горечь, отъ которой морщится всякое живое созданіе«.

Иволгинъ выражался иногда классически и могъ назваться представителемъ умственнаго развитія всего мужского населенія своего околотка, точно такъ какъ барышни Чечотки были достойными представительницами женскаго. И этакія могущественныя личности, засѣвъ по обѣ стороны стола въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Ниною, развернули передъ нею всѣ боевыя свои силы въ неслыханныхъ ею доселѣ словахъ и фразахъ, между тѣмъ какъ остальное общество занималось дѣломъ совершенно мирнымъ и очевидно полезнымъ. Нина очень обрадовалась, когда наконецъ ужинъ кончился и гости потребовали къ себѣ пріѣхавшихъ съ ними лакеевъ.

— Что́ у тебя такая заспанная физіономія?

Этотъ вопросъ предложила своему Филькѣ младшая изъ барышень Чечотокъ. Другіе гости, какъ напримѣръ стряпчій, или

хоть и госпожа Протазанова, обратились къ своимъ Элькамъ, Филькамъ и Кузькамъ въ болѣе простыхъ выраженіяхъ:

— Ты, Элька, хотьбы немного пригладилъ свою ку́чму. (Это значило, что у Эльки волосы на головѣ были неприлично взъерошены).

Или:

— Что́ у тебя, Кузька, за скверная мужичая натура? Вѣчно тебя надо отыскивать по хатамъ!

Всѣ эти увѣщанія предлагались во всеуслышанье въ гостяхъ, и потому облекались, какъ читатель видитъ, въ утонченныя формы. Напротивъ, дома, гдѣ можно быть гораздо прямодушнѣе, — къ тѣмъ же самымъ личностямъ обратились бы барышни Чечотки и сама госпожа Протазанова въ болѣе натуральныхъ выраженіяхъ, и уши нашей Нины, отвыкшей отъ сельской мелкопомѣстной жизни, могли бы услышать фразы въ родѣ слѣдующихъ:

— А что это у тебя морда такъ расплылась? Всё только спишь, а проснувшись пьянствуешь!

Элька, Филька или Кузька отвѣчалъ бы на полурусскомъ языкѣ, еще не совсѣмъ выломанномъ господами, что онъ и въ ночь не досыпаетъ (хотя это была бы ложь), а пьянствовать ему не на что́.

На это ему возразили бы совершенно основательно, что скорѣй у господъ хлѣба не станетъ, а у такого гайдама́ки, какъ онъ, всегда найдется, что́ снести въ шинокъ.

Тутъ Элька, Филька или Кузька попятился бы къ порогу, неизвѣстно изъ какой предосторожности, а довольная своимъ краснорѣчіемъ барышня или барыня вдругъ перемѣнила бы предметъ бесѣды и спросила бы:

— А это гдѣ уже кла́поть изъ армяка вырвалъ?

Отвѣтъ былъ бы самый искренній: *не знаю*. Но господскій языкъ возразилъ бы на это въ дидактическомъ духѣ, и даже съ примѣсью народнаго языка:

— Вырви себѣ носъ, вырви себѣ око и не знай, — чортъ твого́ ба́тька бери́! Но кла-а-поть... знай ты, каторжный твой духъ!

Сильнѣе этого ничего сказать невозможно, и потому, не вступая въ дальнѣйшія контроверсіи съ кучеромъ, съ лакеемъ или кто бы то ни былъ этотъ Элька, Филька или Кузька, велѣли бы ему, послѣ этого, сдѣлать то-то и то-то, и ужъ ни мало не сомнѣвались бы, что дѣло будетъ сдѣлано какъ слѣдуетъ.

На сей разъ гости, потребовавшіе передъ себя своихъ слугъ, заспанныхъ, взъерошенныхъ, или заговорившихся въ дворовыхъ хатахъ, прочитали имъ небольшія проповѣди, собственно для того, чтобы не прямо распорядиться о закладываніи лошадей въ брички, коляски и кочъ-кареты. Это всегда ужъ такъ дѣлается въ нашемъ уѣздѣ, и кто бы вздумалъ поступать иначе, у того, по общему мнѣнію, люди начали бы ходить по головѣ. Такъ ужъ заведено изстари въ коренныхъ дворянскихъ фамиліяхъ нашего уѣзда; такъ ужъ и слуги привыкли. Поэтому и удивляться тутъ нечему. У насъ одинъ Михайло Андреевичъ говоритъ при гостяхъ съ своими людьми на какомъ-то непонятномъ языкѣ, полусловами, а иногда просто жестами. Зато жъ его и передразниваютъ барышни Трещотки очень смѣшно, хотя и осторожно. Что́ касается до Сагайдачнаго, то этотъ, не имѣя за собой тысячи душъ, охраняющей Конашевича отъ болѣе строгаго осужденія, и будучи радикаломъ, какихъ свѣтъ не производилъ, карается безъ всякой пощады за свои кроткіе домашніе нравы и обычаи.

Но мы уклонились въ сторону широкимъ и довольно мутнымъ теченіемъ уѣздной нашей жизни. На вечеринкѣ у исправника не было рѣчи ни объ Михайлѣ Андреевичѣ, ни о Сагайдачномъ, котораго имя какъ-то непріятно звучитъ въ ушахъ нашего дворянства, и если гдѣ-нибудь вспоминается, то не иначе, какъ съ придачею сердитыхъ и насмѣшливымъ прилагательныхъ. Гости, повелѣвъ заложить свои экипажи, занялись разговоромъ о своихъ слугахъ, сообщая другъ другу, въ каррикатурномъ видѣ, ихъ природныя свойства и привычки. Смѣху было довольно, потому что въ самомъ дѣлѣ это былъ народъ псковерканный, съ какой стороны ни возьмите его, и особенно былъ страненъ и неловокъ въ обращеньи съ господами.

Иволгинъ, какъ человѣкъ бывалый и наблюдательный, объявилъ, что изъ Малороссіянина никогда не будетъ хорошаго лакея, что къ этому способенъ и можно сказать рожденъ человѣкъ чисто Русскій, который даже смѣется надъ собратомъ, неимѣющимъ господина, и презрительно говоритъ ему: »Эхъ ты, безгосподчина!« Но меньшая барышня Чечотка, всегдашняя преслѣдовательница Иволгина, смѣло возразила ему:

— Нѣтъ, Капитонъ Павловичъ! напрасно вы думаете, что виновата въ этомъ малороссійская сверная, упрямая и непокорная

натура! Нѣтъ, нѣтъ! (тутъ она вытянула впередъ руку, какъ-бы желая зажать ротъ готовому съ нею спорить Иволгину): виноваты въ этомъ мы сами, мы, *здѣшніе* дворяне! (Она никогда не говорила *малороссійскіе*).

— А чѣмъ же мы виноваты? позвольте спросить васъ, сударыня, сказалъ Иволгинъ, затянувшись табакомъ Жукова и какъ-то особенно ловко колебля выставленною впередъ ногою. (Это одна изъ любимыхъ его позъ).

— Виноваты мы тѣмъ (и барышня Чечотка обвела торжественно глазами все общество, остановя ихъ всего выразительнѣе на Нинѣ), что неспособны подражать въ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ помѣщикамъ, живущихъ въ губерніяхъ великороссійскихъ.

— Конечно, намъ далеко до нихъ, сказалъ Иволгинъ, и, чтобы дать почувствовать своей соперницѣ собственное превосходство, прибавилъ: — Тамъ барство утвердилось еще при царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ, а Годуновъ, сударыня, если вамъ угодно это знать, царствовалъ тому назадъ болѣе двухъ-сотъ пятидесяти лѣтъ-съ. (И Иволгинъ, не безъ гордаго чувства во взорѣ, остановилъ глаза на Нинѣ). У насъ же, сударыня, вольные подсосѣдки прикрѣплены къ землѣ не болѣе восьмидесяти лѣтъ. Такъ какъ же вы хотите, чтобы наши земляки помѣщики успѣли во всемъ сравняться съ старинным великороссійскимъ барствомъ? Я квартировалъ съ полкомъ въ великороссійскихъ губерніяхъ и присмотрѣлся близко къ домашнему быту тамошнихъ баръ.

Тутъ Иволгину представился прекрасный случай разсказать съ живѣйшихъ сочувствіемъ объ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ нѣсколькихъ древнихъ великорусскихъ фамилій, съ которыми онъ, по его словамъ, былъ очень друженъ. Поименованные имъ чины и количества крѣпостныхъ душъ придавали его разсказу характеръ несомнѣнной автентичности.

Лакей Иволгина, по имени Стёпка, малый повидимому цыганскаго происхожденія, но чрезвычайно похожій лицомъ на своего барина, въ самую пору доложилъ ему, что лошади поданы.

Какъ Иволгинъ поставилъ въ уголъ докуренную трубку и раскланялся съ дамами, этого не опишетъ никакое перо. Внутреннее довольство самимъ собою и увѣренность, что оставляетъ самое

пріятное впечатлѣніе въ прекрасной институточкѣ, сообщили его движеніямъ и всей фигурѣ граціозность, до которой достигаютъ немногіе, не только отставные, но и служащіе корнеты, исполненные несомнѣнной надежды быть генералами. У хозяйки поцѣлована была ручка; хозяинъ заключенъ въ тѣснѣйшія объятія; съ прочими мужчинами совершено рукопожатіе, исполненное благородной прямоты и нѣкотораго даже ухарства.

Звенящій у дуги колокольчикъ свидѣтельствовалъ, что Иволгинъ не только помѣщикъ, но и содержатель почтовой станціи, съ которой, впрочемъ, проѣзжающіе по собственнымъ надобностямъ отправляются всего чаще на вольныхъ. Когда Иволгинъ скрылся наконецъ изъ виду, пріятный, такъ называемый на ямщицкомъ языкѣ *малиновый* звонъ его колокольчика долго еще напоминалъ оставленному обществу о его существованіи.

П. Кулишъ.

(Продолженіе обѣщано.)

СЪ ТОГО СВІТУ.

Варѳоломе́еві Шевченкові.

Не хотіли па́нські діти
Мою́ во́леньку вволи́ти, —
Щобъ мене́ та́мъ похова́ли,
Де бъ одра́ду се́рце ма́ло,
Де бъ му́чене мое́ тіло
Ти́хо тліло, не боліло,
Де бъ моя́ душа́ убо́га
Зли́нула коли́сь до Бо́га.
И проха́въ я, и блага́въ я,
И на ко́бзі виграва́въ я, —
Шко́да співу кобза́рського!
Шко́да сло́ва коза́цького!

Не хотіли паненя́та
Послу́хати мого́ бра́та,
Щобъ мѐні почетъ вчини́ти —
Кита́йкою ма́ри вкри́ти,
Черво́ною кита́йкою,—
Заслу́гою коза́цькою.
И проха́въ вінъ, и блага́въ вінъ,
И холо́пствомъ дорека́въ вінъ:
Занедба́ли паненя́та
Дорека́ння мого́ бра́та!

Не хотіли, та вчини́ли —
Кита́йкою труну вкри́ли,
Та й ви́слали до моги́ли,
Де співа́въ я, сумува́въ я,
Зъ Дніпро́мъ-бра́томъ розмовля́въ я.
Не хотіли, та вчини́ли —
Спочива́ю на моги́лі,
Паненя́тамъ на доса́ду,
Товари́ству на одра́ду,
Украіні на пора́ду.

Спочива́ю, дожида́ю,
До́лі – во́лі виглида́ю...
Го́ді, бра́ття, сумува́ти:
Ще не вме́рла на́ша Ма́ти!

П. Кулішъ.

Примѣчаніе. Когда умеръ Шевченко и возникъ вопросъ о перевезеніи его тѣла въ Украину, нѣкоторые изъ Украинцевъ настаивали, чтобы похоронить его въ Кіевѣ, тогда какъ въ завѣщаніи поэта сказано, чтобъ его похоронить въ степи, надъ Днѣпромъ. Этихъ нѣкоторыхъ почитатели воли покойнаго называли паненятами и панскими дѣтьми, т. е. людьми, не понимающими жизни Шевченка и духа его поэзіи.

КУМЕ́ЙКИ.

Дума.

(1637.)

I.

Закипіла на Вкраїні
Страше́нна трівóга,
Якъ на шля́хту підняла́ся
Сірóма убóга.

Підняла́ся за ора́нди,
За жидівські ду́ди, [1]
Що терпіли—не сте́рпіли
Убóгиі лю́ди.

Руйнува́ли сірома́хи
Кóрчми малёва́ні;
Де спіткá́ли — порубá́ли
Рандáрські ридва́ни.

Почала́ сірóму шля́хта
За жидівъ карáти,
Забірáла всю худóбу,
И грунти́ и хáти.

Розлетілось по Вкраíні
Безхáтнее птáство, —
Затрусúлось по будúнкахъ
Вельмóжнее пáнство.

II.

»Ой Потóцький, бáтьку пáнський,
Рушáй на Вкраíну!
Зупúни кварцянúмъ вíйськомъ
Повшéхну руíну.«

Роспустúли орлú крúла,
Зъ орлáми злітáлись:
То кварцяне вíйсько съ пáнськимъ
До-кýпи зъíжджáлись. [2]

Течé рíчка мíжъ камíннямъ,
Рóссю прозивáють;
По тій рíцці середъ нóчи
Огнища палáють.

Червоніють чорторúї,
Підмивáють крýчи.
Втáборились сіромáхи,
Потóцького ждýчи.

III.

Ой не дóвго підждáли —
Кóники заржáли:
Вонú нáшимъ неминýче
Лúхо вíщувáли.

Зíйшлó сóнце у туманí,
Ревнýли гармáти:
Не по однímъ козáченьку
Заплáкала мáти. [3]

Ой розби́въ зъ гарма́тъ Потоцький
Та́боръ, мовъ коша́ру; [4]
Розігна́ли Ляхи́ на́шихъ,
Якъ вовки́ ота́ру.

Ой мости́ли на Роса́ві
Мости́ тулуба́ми,
Засіва́ли чи́сте по́ле
Гу́сто голова́ми.

IV.

Ни́кли тра́ви жа́лощами,
Гну́лось дре́во съ ту́ги: [5]
Дознава́ли на́ші пре́дки
Тяжкі́ нару́ги.

Кого́ би́ли–потопи́ли
Въ глибо́кій Роса́ві,
А кого́ судо́мъ суди́ли
Въ дале́кій Варша́ві.

Осуди́ли недоби́тківъ
На вели́кі му́ки:
Розійшли́ся по Вкраїні
Каліки безру́кі. [6]

Огласи́ли изъ Варша́ви:
»Дивітеся, лю́де!
Хто вставатиме на шля́хту,
То всімъ те́е бу́де.« [7]

V.

Неха́й бу́де, неха́й бу́де,
Коли́ Бо́жа во́ля,
Щобъ росла́ въ боя́хъ крива́вихъ
Українська до́ля!

Неха́й зна́ють на всімъ сві́ті,
Якъ ми погиба́ли
И, ги́нучи, свою́ пра́вду
Кро́вью записа́ли.

Записа́ли — прочита́ють
Неписьме́нні лю́де,
Що до су́ду изъ шляхе́тствомъ
Зго́ди въ насъ не бу́де.

По́ки Рось зове́тця Ро́ссю,
Дніпро́ въ мо́ре лле́тця,
По́ти се́рце украінське
Съ панськимъ не зживе́тця. *

П. Кулішъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДУМѢ: »КУМЕЙКИ«.

1.—Стр. 54, ст. 21.

За жидівські дуди,

О *дудахъ* или *дудкѣ* упоминаютъ нашъ Самовидецъ и польскій историкъ Гродскій (Historia Belli Cosaco-Polonici). Это была плата арендатору отъ

---

* Подъ словомъ *Ляхъ* издревле подразумѣвалось понятіе — панъ, т. е. человѣкъ, воображавшій за собою какое-то родовое право на своевольство. Отъ этого въ нашихъ народныхъ думахъ къ слову *Ляхи* всегда прибавлялось иронически — *мостиві панй*. Украинская народность не чуждается никакого племени, никакого сословія. Это доказано свободнымъ вступленіемъ каждаго, кто бы онъ ни былъ, въ запорожское братство. Хмельницкій, въ переяславскихъ переговорахъ съ Адамомъ Киселемъ, говорилъ, что въ Украинѣ свободно могутъ проживать и владѣть землями всякіе магнаты, только бы подлежали общему праву, т. е. отреклись отъ своихъ родовыхъ предразсудковъ. Но, сколько наши козаки ни убѣждали Поляковъ и собственныхъ ополяченныхъ земляковъ »желѣзными доводами«, эти господа остались глухи къ голосу человѣчности и къ народному праву. Мы понимаемъ это такимъ образомъ, что для Поляковъ отказаться отъ своихъ панскихъ тенденцій — было все-равно, что отказаться отъ исторической будущности. Почему же наши не-панскія тенденціи должны были быть для насъ менѣе дороги? Отречься отъ нихъ ради братства съ *Ляхами*, *мостивыми панами*, для насъ то же, что́ отказаться отъ своей будущности. Вотъ почему Украинцы могли сказать имъ:

По́ки Рось зове́тця Россію,
Дніпро́ въ мо́ре лletця,
По́ти се́рце украінське
Съ панськимъ не зживе́тця.

поселянина за рожденіе дѣтей. Названіе ея произошло отъ монеты, называвшейся попросту dudek. Она соотвѣтствовала нынѣшнимъ 18 копейкамъ; но, по замѣчанію Гродскаго, Жиды, медленною выдачею квитка́ и разными унаслѣдованными отъ предковъ и обратившимися въ ремесло ухищреніями, умѣли увеличивать эту плату по своему усмотрѣнію, такъ что народъ, и безъ того съ негодованіемъ окупавшій рожденіе дѣтей, терпѣлъ отъ нихъ не только моральное, но и матеріальное бремя. Польско-украинскіе паны, нуждавшіеся постоянно въ деньгахъ, старались упрочивать за собой арендную плату отъ Жидовъ, и потому узаконивали въ своихъ имѣніяхъ всѣ жидовскія выдумки, карали смертью ослушниковъ и грубіяновъ, а нерѣдко предоставляли и самимъ Жидамъ-арендаторамъ право жизни и смерти надъ *хлопами*. Ни что до такой степени не ожесточало противъ шляхты нашихъ хлѣборобовъ, какъ жидовскіе грабежи и притѣсненія, и потому, каковы бы ни были у козаковъ побужденія къ войнѣ, но помогавшіе имъ хлѣборобы и ремесленники управлялись только жаждою мести за жидовскія неистовства.

2.—Стр. 55, ст. 13.

То кварцяне вiйсько съ пaнськимъ
Докупи зъiжджа́лось.

Силы польскаго государства состояли, во-первыхъ, изъ войска, состоящаго на жалованьи, которое выдавалось по четвертямъ года, *квартамъ*, — почему и называлось *кварцянымъ*; во-вторыхъ, изъ наемныхъ нѣмцевъ; въ-третьихъ, изъ ополченій панскихъ, которыми паны защищали пограничья отъ Татаръ и воевали другъ съ другомъ, и, въ-четвертыхъ, изъ козаковъ украинскихъ, получавшихъ небольшое жалованье и содержавшихъ свою артиллерію изъ отведенныхъ имъ на Украинѣ волостей.

3.—Стр. 55, ст. 30.

Три стиха этого куплета взяты изъ народной пѣсни:

У го́роді у Глу́хові
Ревну́ли гарма́ти:
Не по однімъ коза́ченьку
Запла́кала ма́ти.

4.—Стр. 56, ст. 2.

Ой розби́въ зъ гарма́тъ Потдцькій
Та́боръ мовъ кошу́ру;

Самымъ употребительнымъ у козаковъ способомъ защиты былъ *та́боръ*. Иногда во время пораженія своего они успѣвали *вта́боритись* меньшимъ таборомъ,т. е. сомкнуть вокругъ себя четыреугольникомъ возы въ нѣсколько рядовъ, и тогда опять дѣлались страшными для враговъ. Такъ было и подъ Кумейками. Когда Потоцкій разорвалъ таборъ, въ которомъ возы скованы были одинъ съ другимъ цѣпями, и врѣзался въ него съ конницею, козаки, занимая Потоцкаго сѣчею и ружейною перестрѣлкою, *вта́борились* наново, занявъ меньшее пространство. Этимъ они спасли себя отъ окончательнаго пораженія и ночью отступили къ Боровицѣ, гдѣ еще разъ проиграли битву.

5.—Стр. 56, ст. 11.

Ни́кли тра́ви жа́лощами,
Гнулось дре́во съ туги:

Изъ *Пѣсни о полку Игоревѣ*: »Ничить трава жалощами, и древо съ тугою къ землѣ приклонишася.«

6.—Стр. 56, ст. 21.

Розійшлйся по Вкраїні
Каліки безрукі.

Такихъ *безрукихъ калікъ* встрѣчали еще недавно въ Западной Украинѣ, какъ памятникъ *Коліивщини*. Обыкновенно отрубали осужденнымъ правую руку и лѣвую ногу, и въ такомъ видѣ пускали ихъ на всѣ четыре стороны для устрашенія народа. Это было послѣднее повтореніе тѣхъ ужасовъ, которые побудили Украину соединиться противъ магнатскаго владычества. Руководимые питомцами современной инквизиціи, польскіе паны воображали, что наводятъ на нашихъ предковъ ужасъ безчеловѣчными казнями, тогда какъ этимъ-то именно и поддерживали они въ нихъ жажду мести, ненасытившуюся до послѣднихъ столкновеній Украинцевъ съ Поляками. Желая опозорить, въ глазахъ толпы, предводителей ея публичнымъ терзаніемъ ихъ тѣлъ, паны придавали имъ величіе мученичества, заставляли забывать всѣ ихъ недостатки и память ихъ дѣлали священною для потомства. Это мы видимъ всего яснѣе на Гонтѣ, съ котораго сняли съ живаго кожу и проч. и проч. (ужасно даже пересказывать), а народъ тутъ же воспѣлъ его смерть въ пѣсняхъ, которыя до сихъ поръ не умолкаютъ, внушая простолюдинамъ презрѣніе къ мучителямъ и негодованіе на ихъ звѣрство. Вѣрный духу своего народа, Шевченко возвелъ Гонту, »мученика праведного« какъ онъ его называетъ, въ апотеозъ величія, и ни одна душа не усомнилась въ истинѣ словъ его, потому что поэтомъ управляло правосудіе сердца, котораго никакими проповѣдями и политическими доводами невозможно разубѣдить въ его чувствахъ, хотя они въ-отношеніи къ какому-нибудь отдѣльному факту и могутъ быть ошибочны.

7.—Стр. 56, ст. 25.

Этотъ куплетъ заимствованъ изъ народной пѣсни о казни Гонты:

Панъ реймéнтарь похожáе:
»Дивітеся, лю́де,
Ой хто тілько збунтýетця,
То всімъ тéе буде!«

ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

V.

ГОГОЛЬ,

КАКЪ АВТОРЪ ПОВѢСТЕЙ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ.

Статья третья.

На сочиненія Гоголя, послѣ критикъ Бѣлинскаго, и въ особенности послѣ смерти самого Гоголя, начали смотрѣть съ суевѣрнымъ уваженіемъ. Что оно вполнѣ заслужено, объ этомъ нѣтъ и рѣчи, но заслужено оно не повѣстями изъ украинской жизни, или, по крайней мѣрѣ, не первыми повѣстями. Прежде нежели приступимъ къ указанію недостатковъ въ Гоголевыхъ изображеніяхъ Украины, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что покойный Бѣлинскій, при всемъ критическомъ талантѣ своемъ, — относительно Гоголя, увлекался въ грубыя ошибки даже и тамъ, гдѣ отъ критика не требовалось знанія представленнаго у Гоголя народа со стороны этнографіи. Онъ, какъ и всѣ того времени люди, отдавался Гоголю на–вѣру въ томъ, чего самъ не видѣлъ и не изучалъ. Не хорошо только, что, хваля Гоголя, онъ позволялъ себѣ говорить тономъ знатока украинской жизни. Напримѣръ, по случаю выхода, въ 1842 году, *Сочиненій* Гоголя, Бѣлинскій объявилъ читателямъ *Отечественныхъ Записокъ*, что *Тарасъ Бульба*, отъ передѣлокъ автора, сдѣлался »безконечно прекраснѣе«, тогда какъ этими передѣлками Гоголь лишилъ свою псевдо–историческую повѣсть прелести молодого, неопытнаго вдохновенія и, снявъ съ Тараса Бульбы козацкій кобенякъ, драпировалъ его

плащомъ гомеровскихъ героевъ. »Поэтъ (говоритъ Бѣлинскій) чувствовалъ, что въ первомъ изданіи *Тараса Бульбы* на многое только намекнуто, и что многія струны исторической жизни Малороссіи остались въ немъ нетронутыми. Какъ великій поэтъ и художникъ, вѣрный однажды избранной идеѣ, *пѣвецъ* Бульбы (въ томъ-то и горе, что онъ съѣхалъ на гомеричскую пѣснь, въ разсказѣ часто ошибочномъ, но всегда полномъ образовъ, оригинальныхъ, ни у кого не заимствованныхъ) не прибавилъ къ своей поэмѣ ничего такого, что было бы чуждо ей (а онъ именно прибавилъ много чуждаго, вовсе негармонирующаго даже съ тѣмъ козачествомъ, до котораго могъ додуматься Гоголь, опереживая всѣхъ своихъ современниковъ), но только развилъ многія уже заключавшіяся въ ея основной идеѣ подробности. (Развилъ—и обнаружилъ больше прежняго незнаніе исторической и этнографической почвы, на которой подвизаются его герои). Онъ исчерпалъ въ ней всю (!) жизнь исторической Малороссіи, и въ дивномъ, художественномъ созданіи навсегда напечатлѣлъ ея духовный образъ: такъ ваятель уловляетъ въ мраморѣ черты человѣка и даетъ имъ безсмертную жизнь... (Вотъ оно, журнальное оракульство!) Особенно замѣчательны (продолжаетъ Бѣлинскій, вовсе не подозрѣвая, что впадаетъ въ грубѣйшую ошибку, въ какую когда-либо впадалъ талантливый критикъ) подробности битвъ Малороссіянъ съ Поляками подъ городомъ Дубно (гдѣ, поіаѣепе, онѣ вовсе не происходили) и эпизодъ любви Андрія къ прекрасной Полькѣ (эпизодъ, свидѣтельствующій объ авторскомъ незнаніи вѣка, общества, нравовъ, понятій и объ неумѣньи его изображать любящихъ женщинъ вообще). Вся поэма приняла еще болѣе возвышенный тонъ, проникнулась лиризмомъ (который — прибавимъ отъ себя — и затмилъ достоинства перваго ея изданія). (1)

Мы привели самое слабое мѣсто изъ статей Бѣлинскаго о Гоголѣ, для того, чтобы разъ навсегда отвергнуть его критическій авторитетъ на судѣ современной критики, прилагаемой къ изображеніямъ украинской жизни. Бѣлинскій сдѣлалъ много, для развитія въ обществѣ здравыхъ понятій объ искуствѣ, но это вовсе не значитъ, чтобы послѣ него не осталось намъ ничего дѣлать. Напротивъ, есть цѣлыя области мыслей, или вовсе имъ нетронутыя, или затуманенныя условными, такъ сказать, городскими понятіями о человѣческомъ об-

(1) См. Соч. Бѣлинскаго, VII, 219—220.

ществѣ. Къ такимъ областямъ принадлежитъ этнографія и исторія Украины, насколько она входитъ въ критическую разработку литературныхъ произведеній.

Гоголь, по собственному его сознанію, смотрѣлъ на свои первыя повѣсти, какъ на легкую забаву воображенія. Естественно, что въ его время такъ смотрѣли на нихъ и читатели; а поэтому самому и рецензенты его, отъ Сомова до Бѣлинскаго, не могли смотрѣть на нихъ иначе. Бѣлинскій, впрочемъ, искалъ въ нихъ художественности, какъ насущной пищи развивающагося общества; но понятія о самой художественности этихъ повѣстей имѣли у Бѣлинскаго не тѣ основанія, какихъ ищетъ въ нихъ — и не находитъ — современный намъ читатель. Развернемъ, напримѣръ, *Ночь наканунѣ Ивана Купала*, и спросимъ другъ у друга: для чего нужна обществу эта повѣсть? какое употребленіе можетъ сдѣлать изъ нея живой, дѣятельный умъ, который никогда не тратитъ своего времени и вниманія попусту? На этотъ вопросъ безусловные почитатели Гоголя, намъ кажется, скорѣе всего могутъ отвѣчать: что *Ночь наканунѣ Ивана Купала* вноситъ въ общественный капиталъ понятій о жизни живописныя черты времени, исчезнувшаго незамѣтно для общества, — характеръ мѣстности, для него неизвѣстной, или извѣстной мало, — картину нравовъ и обычаевъ, остававшихся до тѣхъ поръ неизображенными, и, наконецъ, свѣжія наблюденія надъ сердцемъ человѣческимъ, вѣчно поучительныя для человѣка. Мы не допускаемъ мысли, чтобы читатель нашего времени дѣлалъ изъ чтенія пустую забаву и воображалъ такихъ людей, какъ Гоголь, посланными свыше — служить ему по части сваренія въ желудкѣ. Было такое время, да прошло, или быстро проходитъ. Поэтому, обращая свою рѣчь къ читателямъ, глядящимъ на дѣло литературы, какъ на повершеніе всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, какъ на самое вѣрное и самое прочное достояніе нашего потомства, мы станемъ разсматривать, какъ упомянутую, такъ и другія повѣсти Гоголя изъ украинской жизни, по отношенію ихъ художественности ко времени, мѣстности, нравамъ и обычаямъ, которыя Гоголь взялъ на себя представить въ осязательной ясности (какъ это и должно быть задачею каждаго повѣствованія), и наконецъ — по отношенію къ человѣческой натурѣ, выражающейся во всѣхъ этихъ формулахъ.

Сперва нужно опредѣлить: къ какому именно времени относится *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала?*

Гоголь начинаетъ свой разсказъ такъ:

»Лѣтъ болѣе чѣмъ за сто (говорилъ покойникъ дѣдъ мой) — нашего села и не узналъ бы никто.«

Выходитъ, что дѣло происходитъ во времена Анны Іоанновны, или въ послѣдніе годы царствованія Петра Перваго. Какъ бы это было интересно, еслибы Гоголь освѣтилъ своею повѣстью, хотя слегка, эту темную для насъ область, этотъ страшный періодъ времени, новаго для Украины во многихъ отношеніяхъ, когда въ ней начало заводиться между козаками дворянство, подражавшее изо всѣхъ силъ пересозданному Петромъ великорусскому обществу, когда козаки начали терять свою солидарность, какъ самоправная корпорація, долго представлявшая собою народъ украинскій и сообщившая всему населенію Украины извѣстный характеръ, и когда крѣпостное право, такъ сказать, *наклюнулось* въ яичкахъ, которыя положили петровскіе Нѣмцы въ навозныя кучи, оставшіяся по всей Украинѣ отъ польской шляхты, въ видѣ ни на что живое негодныхъ старшинъ козацкихъ!

Мы, конечно, не имѣемъ права требовать отъ автора, чтобъ онъ, въ своей повѣсти, изобразилъ намъ извѣстное время такъ, а не иначе, да и вообще мы должны разсматривать только то, что авторъ намъ даетъ, а не задавать ему задачъ, которыхъ онъ, можетъ быть, никогда не захочетъ выполнять. Но, говоря объ авторѣ, сошедшемъ съ поприща жизни, мы вправѣ обратить его недостатки въ собственное назиданіе.

Писать въ видѣ повѣсти исторію извѣстнаго времени можно различными способами. Можно, вовсе не трогая историческихъ фактовъ и лицъ, изобразить данную эпоху такъ, что повѣсть выйдетъ строго историческою. Можно прикасаться къ извѣстному вѣку слегка, мимоходомъ, такъ что только самый опытный читатель уловитъ осязательную точку соприкосновенія свободнаго вымысла съ историческою дѣйствительностью. Но, во всякомъ случаѣ, отъ автора требуется, чтобы повѣсть была проникнута воздухомъ того времени, къ которому относится. Этого мы не видимъ, не чувствуемъ въ *Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала*. Повѣсть эта, отнесенная авторомъ ко временамъ петровскимъ или анненскимъ, можетъ безразлично быть отнесена къ какой угодно эпохѣ, начиная съ польскаго владычества до временъ жизни самого автора. Въ ней всего захвачено понемножку, какъ это часто бываетъ у авторовъ, знающихъ исторію своего народа только по нѣсколькимъ случайно прочитаннымъ книгамъ. Вотъ, напри-

мѣръ, черта, отбрасывающая повѣсть Гоголя, Богъ знаетъ въ какую старину, — пожалуй хоть во времена Наливайка:

»... нашего села и не узналъ бы никто: хуторъ, самый бѣдный хуторъ! Избенокъ десять, необмазанныхъ, неукрытыхъ, торчало, то́ сямъ, то́ тамъ посреди поля. Ни плетня, ни сарая порядочнаго, гдѣ бы поставить скотину, или возъ. Это еще богачи такъ жили; а посмотрѣли бы на нашу братью, на голь: вырытая въ землѣ яма— вотъ вамъ и хата! Только по дыму и можно было узнать, что живетъ тамъ человѣкъ божій. Вы спросите: отчего они жили такъ? Бѣдность, не бѣдность: тогда козаковалъ почти всякій и набиралъ въ чужихъ земляхъ не мало добра; а больше оттого, что не зачѣмъ было заводиться порядочною хатою. Какого народу тогда не шаталось по всѣмъ мѣстамъ! Крымцы, Ляхи, Литвинство! Бывало то, что и свои наѣдутъ кучами и обдираютъ своихъ же. Всего бывало!« (1)

Настроивъ такимъ образомъ воображеніе наше къ созерцанію давно прошедшаго, темнаго для насъ времени, авторъ описываетъ, въ общихъ чертахъ, лицо, которое не переноситъ насъ ни въ какую опредѣленную эпоху и является какимъ–то неопредѣленнымъ, необъяснимымъ призракомъ. Можно бы прямо начать повѣсть съ описанія характера Басаврюка, вовсе не упоминая о Крымцахъ, Ляхахъ и Литвинствѣ, которые, держа Украину нашу въ вѣчномъ ожиданіи опасности, выковывали такихъ пограничныхъ феодаловъ, какъ Іеремія Вишневецкій, но вовсе не воплощенныхъ чертей-соблазнителей, какимъ является у Гоголя Басаврюкъ. Личность эта, представленная въ томъ свѣтѣ, въ какомъ являлась она суевѣрному воображенію хуторскихъ разскащиковъ, могла бы быть изображена авторомъ посреди какой угодно обстановки и въ какое угодно время. Но лишь только онъ предпослалъ своему разсказу картину даннаго времени, — мы вправѣ ожидать отъ его разсказа живописи той, а не другой, эпохи.

Для насъ не безполезно замѣтить у Гоголя эту погрѣшность противъ искусства, потому что и наши, собственно такъ называемые украинскіе писатели впадаютъ иногда въ подобныя ошибки. Приступая къ повѣсти, они не рѣдко забываютъ, что всякая проведенная ими въ началѣ черта должна имѣть органическую связь съ дальнѣйшимъ разсказомъ: иначе—въ воображеніи читателя происходитъ хаосъ, который оставляетъ впечатлѣніе какого–то насилія, сдѣланнаго авторомъ благо-

(1) *Сочиненія и Письма Гоголя*, I, 41—42.

роднѣйшей части нашего ума. Напримѣръ, Марко Вовчокъ, въ *Трехъ Дóляхъ* (1), прежде всего описываетъ уединенные пещеры въ меловой горѣ, которыя какая-то отшельница рыла въ теченіе сорока лѣтъ. Это описаніе, сдѣланное съ особенною, усиленною выразительностію, кладетъ въ воображеніи читателя подмалевокъ повѣсти и, при большей внимательности къ предмету, имѣло бы для нея существенное значеніе. Но Марко Вовчокъ оставляетъ свою картину и остановившагося надъ нею читателя, во вредъ послѣдовательности впечатлѣній, которыя произведены имъ въ нашемъ воображеніи, и уже подъ конецъ повѣсти обращается опять къ пещерѣ въ меловой горѣ, которая тутъ всего лучше и могла бы быть описана.

Гоголя нельзя упрекнуть въ подобной небрежности. Онъ дѣлалъ большіе промахи въ первыхъ своихъ повѣстяхъ, но все, что́ онъ писалъ въ-послѣдствіи, было обработаннѣе первыхъ его опытовъ. Даже *Ночь наканунѣ Ивана Купала* лучше *Сорочинской Ярмарки* тѣмъ, что въ ней нѣтъ такихъ грубыхъ ошибокъ противъ украинскихъ нравовъ, какія указаны нами въ разборѣ первой его повѣсти.

Разсматривая вторую повѣсть Гоголя подъ условіемъ раскрытія передъ нами чего-то новаго для насъ, подъ условіемъ внесенія въ умственный капиталъ нашъ ясныхъ понятій о томъ, чего мы до тѣхъ поръ не понимали, мы въ ней находимъ невѣрное изображеніе времени, къ которому она отнесена авторомъ, и даже въ самомъ опредѣленіи эпохи дѣйствія — грубую смѣсь разнородныхъ моментовъ украинской жизни. Это производитъ такое впечатлѣніе, что автору не вѣришь далѣе ни въ одномъ словѣ, видишь въ немъ молодаго говоруна (какимъ онъ и былъ тогда въ самомъ дѣлѣ), но вовсе не художника, уважающаго не эффектъ, а истинность въ словесной живописи. Въ самомъ дѣлѣ, Гоголь, вовсе не у мѣста, побрякиваетъ такими словами, какъ Запорожье, муки въ плѣну у Турокъ, турецкая сабля, и проч. Въ его картинѣ все это похоже на позолоту, употребляемую малярами тамъ, гдѣ нужно бы было выразить красками блескъ золота. Таковъ же почти и весь его разсказъ о красотѣ и горѣ влюбленной четы. Повѣсть свою вкладываетъ онъ въ уста балагура-дьячка. Силою таланта, который въ дѣтствѣ, очевидно, находилъ себѣ пищу въ разсказахъ окружавшей его прислуги, гостей-говоруновъ и, можетъ быть, какихъ-нибудь стариковъ-пасичниковъ, Гоголь часто возвышался до живой

(1) См. *Основу*, кн. 1.

простоты рѣчи, которая, въ устахъ простолюдина, для своей убѣдительности, довольствуется практическимъ и, такъ сказать, эгоистическимъ прикосновеніемъ къ жизни, и прибѣгаетъ къ украшеніямъ поэтическимъ только въ порывахъ страсти; но тутъ же рядомъ, безъ всякой надобности, разсыпаетъ передъ вами такъ называемыя мѣстныя краски. Людямъ, видящимъ и любящимъ народъ только на театральныхъ подмосткахъ, это нравилось во времена Гоголя и нравится въ немъ до сихъ поръ; но на человѣка, который знаетъ простолюдина не по книгамъ и спектаклямъ, это производитъ такое впечатлѣніе, какъ еслибы поселяне являлись передъ нимъ вѣчно въ праздничныхъ нарядахъ, съ праздничнымъ разгульемъ, играми, танцами, пѣснями.

Грустно какъ-то, съ нынѣшнимъ нашимъ взглядомъ на простолюдина, читать разсказы Гоголя изъ простонародной жизни. Даже любовь его къ поселянамъ теперь ужъ не можетъ нравиться. Онъ обращается съ ними въ своихъ повѣстяхъ—и конечно вовсе безъ умысла—такъ, какъ обращался во времена оны иной владѣтель душъ, который, когда, бывало, заѣдешь къ нему въ качествѣ путешественника по Украинѣ, велитъ одному-другому изъ рабочихъ оставить панщину, пріодѣться почище и позабавить гостя пѣснями или танцами. Положеніе гостя въ этомъ случаѣ самое тягостное. Не стать же читать любезному, обязательному хозяину проповѣдь о томъ, что́ такое человѣкъ; не броситься же ему на шею уничиженнымъ братьямъ, прося прощенія за человѣка одного съ собою званія. Ни тотъ, ни другіе не поняли бы его чувствъ. Остается молча наслаждаться заказными танцами и пѣснями. Такъ точно, лѣтъ десятокъ-другой назадъ, дико показалось бы многимъ, если не всѣмъ, когда бы кто вздумалъ отвергнуть истинность въ украинскихъ поселянахъ Гоголя и скорбился бы ихъ изображеніями во глубинѣ души своей.

У Гоголя только и рѣчи, что о полненькихъ щекахъ козачки, которыя были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, о ротикѣ, который »кажись, на то и созданъ былъ, чтобъ выводить соловьиныя пѣсни«, о поцѣлуяхъ, которые молодежь неосторожно влѣпливаетъ другъ другу. Все это слишкомъ сильно отзывается плохими театрами прежняго времени; это немного лучше бѣлилъ, румянъ и заманчивыхъ сценическихъ случайностей; а гдѣ же самая жизнь? гдѣ та воздѣлываемая въ потѣ лица почва, на которой только изрѣдка выростаютъ цвѣты красоты непаглядной и поэтической любви? Ея нѣтъ

въ разсказѣ Гоголя. У него все заготовлено только на праздникъ, на выставку. Позабавятся зрители, опустится занавѣсъ, а что́ и какъ дѣлается пото́мъ, до этого не додумывался Гоголь, будучи авторомъ украинскихъ повѣстей. Додумался онъ до многаго прозаически грубаго только въ тотъ періодъ жизни, когда бросилъ мало извѣстную ему сферу творчества и взялся за сферу, слишкомъ хорошо ему извѣстную. Тогда у него явилась и настоящая поэзія, поэзія жизни, хотя онъ чаще говорилъ о фризовыхъ шинеляхъ, чѣмъ о полненькихъ щекахъ; а въ украинскихъ повѣстяхъ изъ простонароднаго быта у него на каждомъ шагу встрѣчаешь или аффектацію, или каррикатуру. Жизнь и ея поэзія пробиваются у него здѣсь, сквозь театральность и искусственность, только какъ-бы случайно, какъ-будто мимо вѣдома самого автора.

Между тѣмъ, такова была сила изобразительности у Гоголя, что, создавая украинское простонародье по нѣсколькимъ плохимъ и плохо ему извѣстнымъ обращикамъ его, онъ придавалъ ему столько выразительности, столько движенія, что на его картины, какъ на Рубенсовскія уклоненія отъ натуры, до сихъ поръ невольно заглядываешься. Очень естественно было восхищаться имъ безусловно въ то время, когда самъ Пушкинъ долженъ былъ показывать видъ, что литературой занимается только для забавы. Я хочу сказать, что въ эпоху появленія *Вечеровъ на Хуторѣ* отъ писателя требовалось только пріятно и, если можно, изящно занять, увлечь общество, а ка́къ онъ это сдѣлаетъ относительно самого предмета повѣсти и какое будетъ пріобрѣтеніе отъ чтенія—вопросъ объ этомъ показался бы страннымъ тогда огромному большинству читателей и самихъ критиковъ. Художественность или, что одно и то же, истинность изображеній понимали, знали, видѣли и цѣнили у себя только сами поэты, дѣлаясь строже и строже сами къ себѣ, какъ это въ-особенности замѣтно изъ напечатанныхъ Пушкинымъ сочиненій и найденныхъ у него, по его смерти, рукописей. Публика и ея критическіе представители видѣли иногда упадокъ въ томъ, что́ было глубоко истинно, и потому просто, какъ въ натурѣ.

Гоголь имѣлъ передъ глазами великій образецъ самосовершенствованія въ Пушкинѣ и воспользовался имъ, съ геніальною воспріимчивостью, въ повѣстяхъ изъ хорошо извѣстнаго ему міра; но міръ простонародный до конца былъ для него закрытъ и нѣмъ. Поэзія просто-

народной жизни сказывалась ему только сквозь народную пѣсню, да и пѣсню изучилъ онъ далеко не вполнѣ. Отъ этого любовники-простолюдины почти всегда объясняются у него такъ, какъ–будто поютъ, а иногда и просто-напросто—словами извѣстныхъ каждому пѣсень. Напримѣръ: »Ивасю мой милый, Ивасю мой любый! бѣги къ Петрусю, мое золотое дитя, какъ стрѣла изъ лука; разскажи ему все: любила бъ его карія очи, цѣловала бъ его бѣлое личико, да не велитъ судьба моя«, и т. д.

Тотчасъ видно, что авторъ не слышалъ собственными ушами, ка́къ говоритъ любящая поселянка–Украинка; онъ только слышалъ, ка́къ она поетъ.

Дивно поэтическимъ народомъ показались его современникамъ наши простолюдины, по нѣсколькимъ сценамъ изъ ихъ быта, которыя онъ написалъ не по вдохновенію глубокаго уразумѣнія своего предмета, а сочинилъ механически, обращая, какъ дѣлаютъ компиляторы, стихи народныхъ пѣсень украинскихъ въ великорусскую прозу. »Воронъ черный прокрячетъ, вмѣсто попа, надо мною (говоритъ у него влюбленный паробокъ), гладкое поле будетъ моя хата; сизая туча—моя крыша; орелъ выклюетъ мои карія очи; вымоютъ дожди козацкія косточки, и вихорь высушитъ ихъ.«

На нашъ вкусъ, въ разсказѣ дьячка,—это холодная, натянутая реторика, а не поэзія; для нашего чувства это—мертвыя слова, произносимыя автоматомъ,—диссонансъ въ общемъ тонѣ разсказа; но, во времена оны, многіе, если не всѣ, думали, что наши дівча́та и паробки́ именно такою декламаціею выражаютъ свои глубокія чувства, а говорливые дьячки, именно такимъ тономъ и складомъ, ведутъ разсказъ въ кругу хуторскихъ гостей пасичника.

Мы надѣемся, что изъ этихъ указаній читатель увидитъ, что Гоголь, и относительно мѣстныхъ, національныхъ или народныхъ сторонъ жизни, оказывается для насъ повѣствователемъ, не только не вносящимъ въ область нашихъ понятій ничего прежде намъ неизвѣстнаго, напротивъ — кажетъ намъ народъ украинскій сквозь какое-то розовое стекло.

Онъ не понимаетъ народа, въ его поэтической повседневности, и потому считаетъ необходимымъ набѣлить, нарумянить его, нарядить по-праздничному и вложить ему въ уста перифразированную

нѣсню. Это отзывается тѣмъ временемъ, когда французскіе литераторы считали неприличнымъ показать своей публикѣ Шекспира такимъ, каковъ онъ есть, и очень усердно брили его, пудрили и надушали, въ своихъ переводахъ и передѣлкахъ. Ясно, что они не понимали его, какъ не понималъ Гоголь украинскаго простолюдина, этого единственно родного, кровнаго чада поэтической исторіи Украины. Поэтому, кто бы захотѣлъ по Гоголю изучать Украину со стороны этнографической, тотъ, вмѣсто пріобрѣтенія отъ него новыхъ понятій о великой области жизни человѣческой, рискуетъ нажить ошибочный взглядъ на самую характеристическую, если не на самую лучшую часть русскаго міра, какъ это и дѣйствительно случилось со многими. Мнѣ попадались очень умные люди, которые слышать не хотятъ объ иной Украинѣ, кромѣ Гоголевской, тогда какъ Гоголевская Украина въ натурѣ не существуетъ. Одинъ господинъ, очень не глупый въ томъ, что онъ изучалъ непосредственно, простеръ свою ревность къ авторитету Гоголя до-того, что сказалъ разгорячась, въ присутствіи многихъ слушателей: »Я, пожалуй, съ вами соглашусь, что Украина не такова на самомъ дѣлѣ, какою изобразилъ ее Гоголь; но онъ, какъ геніальный писатель, изобразилъ ее такою, какою она должна быть и, конечно, будетъ.« Такъ велика потребность истинности въ литературныхъ произведеніяхъ для каждаго живого читателя! такъ тяжело убѣдиться каждому, что любимый писатель не принесъ намъ той пользы, какую должно приносить намъ всякое разумное дѣло, и всего больше—дѣло литературы!

Что касается до нравовъ и обычаевъ, изображенныхъ въ *Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала*, то, послѣ всего нами сказаннаго, нельзя и ожидать, чтобы они были изображены мастерски, т. е. съ глубокимъ уразумѣніемъ смысла каждаго такого явленія, какъ отеческій деспотизмъ, или злодѣйства, совмѣщающіяся въ одной и той же душѣ съ любовью, или какой-нибудь таинственный, странный обрядъ и т. п. Все это представлено у Гоголя въ видѣ какой-то номенклатуры, бросается въ глаза яркою пестротою, точно на ярмаркѣ или въ кукольной комедіи; но когда вы остановитесь надъ какимъ-нибудь поразившимъ васъ предметомъ, вы никакъ не отыщете органической связи его съ другими, и чѣмъ вы будете внимательнѣе къ разскащику, тѣмъ менѣе онъ васъ удовлетворитъ. Для размышляющаго читателя это всего интереснѣе замѣчать у Гоголя — у того Гоголя, который, впослѣдствіи, началъ такъ полно обнимать каждое явленіе

жизни, такъ убѣдительно изображать намъ его практическую сущность, посредствомъ самой увлекательной живописи.

Въ повѣсти *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*, всѣ лица написаны тою эскизною манерою, по которой знатокъ тотчасъ видитъ, что, еслибы живописецъ захотѣлъ посидѣть надъ своей картиной и, что называется, докончить ее, то онъ прибавилъ бы къ ней только вялость рисунка и мутность колорита. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производятъ наброски Пушкина, оставшіеся въ его бумагахъ: каждая черта въ нихъ намекаетъ на богатство знанія или, лучше сказать, разумѣнія художническаго въ томъ, о чемъ онъ хочетъ съ нами бесѣдовать, и, подъ цѣльными красками, подъ играющими неопредѣленно линіями рисунка, вы ужъ видите у него прочную органическую связь, видите талантливое построеніе пьесы, которое само по себѣ настраиваетъ вашу душу поэтически.

У Гоголя, Коржъ, его дочь красавица, ея любовникъ и потомъ мужъ Петро́, колдунъ и колдунья, — всѣ эти лица представляются намъ неясно, потому что намалеваны безъ строгаго рисунка, хорошо обдуманнаго и провѣреннаго на натурѣ. Они принадлежатъ къ украинскому народонаселенію только по своимъ нарядамъ и фразамъ, выхваченнымъ то изъ украинской пѣсни, то изъ украинской бесѣды, въ видѣ чего-то лучшенькаго, достойнаго вниманія публики по своей оригинальности. Но, еслибы ихъ перерядить въ другую одежду, да исключить изъ ихъ рѣчи такія слова, какъ *ха́та*, *осели́дець*, *рушни́къ*, *ко́бза*, то всѣ мы призадумались бы, что́ это за народъ: Испанцы, Греки, Молдаване, Сербы или Поляки? Нѣтъ, Гоголь, впослѣдствіи, началъ намъ представлять народность, не со стороны одежды и поговорокъ, какъ дѣлывала вся честна́я братія наша, во времена *Юрія Милославскаго:* онъ отыскалъ въ русскомъ человѣкѣ »такое«, чего не имѣетъ никто изъ всѣхъ его сосѣдей, и выведенныхъ имъ, въ его повѣстяхъ, русскихъ людей угадалъ бы каждый даже въ аду, гдѣ, какъ извѣстно, будетъ намъ не до условій общежитія.

Не проникнувъ въ характеръ времени, къ которому повѣсть относится, упустивъ изъ виду этнографію и все, что́ отъ нея зависитъ, не выразивъ индивидуальности дѣйствующихъ лицъ, Гоголь по этому самому не могъ добраться и до сердца человѣческаго. Лица, дѣйствующія у него, при какихъ–то неопредѣленныхъ общественныхъ

обстоятельствахъ, посреди искусственной обстановки, напоминающей дѣтскій театръ, лица, носящія свои имена только въ видѣ кличекъ, но похожія на тысячи другихъ людей съ тѣми самыми или иными именами, не говорятъ ничего нашей душѣ, живутъ, такъ сказать, жизнію куколъ, которыя движутся передъ нашими глазами и исполняютъ свои роли болѣе или менѣе удачно, но когда закроется ящикъ, составляющій ихъ тѣсный и убогій міръ, между ними и нами остается одно воспоминаніе, что мы ихъ видѣли; въ душѣ нашей не прибавили они ничего и даже ничего не тронули. Поэтому повѣсть *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала* мы относимъ къ безполезнымъ произведеніямъ фантазіи, безъ которыхъ общество могло бы обойтись точно такъ же, какъ и безъ мыльныхъ пузырей. Если она не позабыта нами совсѣмъ и не выброшена изъ нашихъ библіотекъ, то единственно потому, что написана перомъ, которымъ написанъ *Невскій Проспектъ*, *Шинель* и другія истинно художественныя произведенія Гоголя. Напечатанная въ одномъ съ ними собраніи, она приноситъ намъ пользу отрицательную,—именно ту, что на нее мы можемъ указывать, какъ на дѣтское маранье неопытнаго въ искуствѣ генія, для котораго, въ его великомъ дѣлѣ, точно такъ необходима наука самосовершенствованія, какъ и для людей обыкновенныхъ — въ ихъ малыхъ дѣлахъ.

При жалкомъ состояніи тогдашней исторической науки вообще и исторіи Украины въ-особенности, при совершенномъ отсутствіи народоизученія, которое и въ наше время находится въ дѣтскомъ состояніи, наконецъ при ничтожествѣ эстетическаго образованія въ тогдашнихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ самомъ обществѣ, доступномъ Гоголю, онъ ни коимъ образомъ не могъ начать литературную свою дѣятельность съ чего-нибудь болѣе цѣннаго, какъ *Сорочинская Ярмарка* и *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*; но посмотрите, какъ онъ идетъ впередъ почти съ каждою новою повѣстью и прокладываетъ себѣ вѣрную дорогу, посреди всѣхъ препятствій, каковы: слѣпая критика, тупое пониманіе его таланта, со стороны большинства читателей, и, что всего опаснѣе, неумѣренныя похвалы его друзей и почитателей. Вотъ почему, стоитъ не только имѣть у себя на полкѣ, но и читать первыя повѣсти Гоголя, и въ особенности молодымъ писателямъ, озареннымъ уже новыми понятіями объ искусствѣ, наученнымъ искусству самимъ же Гоголемъ, то есть его послѣдними, зрѣлыми произведеніями. Талантъ въ этихъ повѣстяхъ виденъ повсю-

ду (и именно—во всемъ, что́ Гоголь *зналъ*, на что́ онъ смотрѣлъ собственными глазами), но этотъ талантъ бродитъ въ потемкахъ, и потому возбуждаетъ въ знатокѣ участіе, подобное тому, съ какимъ человѣкъ сформировавшійся слѣдитъ за жизнію молодого человѣка, возбуждающаго великія ожиданія. Гоголь эти ожиданія оправдалъ, и оправдалъ блистательно.

П. Кулишъ.

1 октября, 1861 г.
С. Петербургъ.

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.[1]

I.

Се така̀ ба̀ба, що чортъ ій на маховѝхъ вѝлахъ чо́боти оддава̀въ.

Жило́ въ селі́ таке́ че́сне и ти́хе подру́жжя; не тільки не ла́ялись, и сва́рки між ни́ми нико́ли ніяко́ї не було́; як ка́жуть:

»Любилися, кохалися, як голубів пара.«

Янголі, гле́дючи на щасли́ве іхъ життя́, ра́дувались и втіша́лись, а чо́рту було́ не по́нутру,—найбільшъ одъ то́го, що не мо́жна ёму́ ніяк увійти́ до нихъ у ха́ту. Чого́ вже вінъ не робивъ, як біля іхъ не захо́жувався, щобъ вони́ хочъ пола́ялись! нічо́го не вдіявъ. Доса́дно чо́рту. »Що́ тутъ,« ду́мае, »робити?« Да́лі згада́въ, що въ сімъ же селі е преіхи́дна ба́ба, зъ біса хи́тра й лука́ва; отъ вінъ, не до́вго ду́мавши, и прийшо́въ до не́ї за пора́дою.

— Бу́дь ла́ско, бабу́сенько, ка̀же, — поможіть мині̀ въ мое́му ді́лі, а я вамъ за се оддя́чу.

— До́бре; кажи́, чого́ тобі́ тре́ба?.. не пе́рвому, тако́му жъ чо́рту, якъ и ти, я въ приго́ді ста́ла.

— Ви не зна́ете отте́ га́спідське подру́жжя, Якова й Катери́ну, що въ душі воно́ въ ме́не сиди́ть?

— Зна́ю; а що́?

— Чи не мо́жна, якимъ-не́будь по́битомъ, розвести́ сю ге́монську па́ру? Хочъ би прина́ймні пола́ялись.

— Чомъ не мо́жна? А що́ ти мині̀ за се дасѝ?

— Що́ душі твое́ї завго́дно.

---

[1] Народъ нашъ—великій и богатый поэтъ. Въ своихъ пѣсняхъ и разсказахъ онъ даетъ нашимъ писателямъ вѣчно-свѣжія и здоровыя зерна для дальнѣйшаго творчества. Лучшіе наши писатели подходили ближе всего къ его взгляду, къ тону его рѣчи, придавая своимъ произведеніямъ все величіе народной поэтической простоты и граціи. На этотъ небольшой разсказъ г. Стороженка обращаемъ вниманіе нашихъ читателей, какъ на образцовый въ своемъ родѣ. *Ред.*

— Черво́ні чо́боти зъ срібними подківка́ми!..

— До́бре, хочъ зъ золоти́ми!

Згоди́лись, а чортъ віри не йме. »Якъ-таки́,« ду́мае: »я и чортъ, а нічо́го не вдіявъ, ато́ щобъ вона́, чортъ ба́тька зна що́ таке́, ба́ба, та зроби́ла!«

Дурни́й, хочъ и чо́ртъ! и того́ не знавъ, про що́ давно́ вже лю́де ка́жуть: що въ старо́і іхи́дноі ба́би де́сять чортівъ сиди́ть, та ще й на два́дцять сідала гуля́ють; що—де чортъ не спра́витця, туди́ ба́бу пішле!

Тільки ба́ба ви́провадила чо́рта, за́разъ натягла́ на се́бе кожуши́нку и побігла до це́ркви. Ще й у одного́ дзво́на не дзвони́ли, а вона́ вже стоіть на бабинцю и хри́ститця и покло́ни бье, а сама́ погля́дуе. Ста́ли лю́де до це́ркви збіра́тись. Тільки вгле́діла Якова, за́разъ до ёго и підско́чила.

— Ой жаль мині тебе́, чоловіче!—ка́же, схили́вши на́ бікъ го́лову: — ду́же жаль! Не зна́ю, я́къ тебе́ й ви́рятувать, яку́ тобі и пора́доньку да́ть!..

— Чого́ тобі тре́ба відъ ме́не? пита́ Яківъ.

— Охъ, мій го́лубе! вели́ке, превели́ке го́ре тебе́ чека́, нещасли́вого!..

— Яке́ го́ре?

— Жінка тебе́ не лю́бить; зра́дила небо́га, закоха́лася въ Семе́на Прудко́го, и нала́годилась тебе́ зъ світа зігна́ти, зарізати!..

— Скаже́на́а ба́бо! що ти ка́жешъ? скри́кнувъ Яківъ. — Та въ ме́не жінка ти́ха, якъ го́рлиця; вона́ мене́ лю́бить — души́ въ собі не чу́е!

— Мій го́лубе си́зий! не йми жъ мині віри, коли́ не хо́чешъ, тільки слу́хай, що́ я тобі каза́тиму, та й роби́, що́ самъ зна́ешъ...

— Кажи́.

— Сёго́дні, якъ ве́рнесся съ це́ркви додо́му, жінка ста́не тобі ська́ти въ голові... Гледи́ жъ: якъ поба́чишъ ніжъ, шви́дче вска́куй, щобъ вона́ не перетяла́ тобі горля́нки!

— Тьфу на твого́ ли́сого ба́тька! скри́кнувъ Яківъ, ажъ перехрести́вся.—Яке́ неподо́бне вига́дуе! Неха́й воно́ на твоі́й голові окоши́тця!.. та одъ не́і скорішъ у це́ркву.

А чортъ, переки́нувшись горобцемъ, слу́ха, та зъ ра́дости ажъ підска́куе, та хво́стикомъ верти́ть. Ба́чить дия́вольский синъ, що бісова ба́ба гаразд-таки́ засмути́ла чоловіка; бо вийшо́въ у це́ркву и не перехрести́вся.

Съ цéркви метнýлась бáба до Катери́ни; полетівъ за нéю и чортъ. »Побáчимо«, дýмае собі, »щó дальшъ бýде!«

Катери́на, ви́провадивши свого́ чоловіка до цéркви, по́раетця бі-ля пéчи, весéла й щасли́ва, якъ птáшечка, а пісня такъ и вили-ва́етця изъ сáмого сéрця: скáзано—лю́бить, щасли́ва, весéла. И не схаменýлась небóга, якъ ли́хо затуркотіло у вікóнце.

— Хто тамъ? питá Катери́на.

— Се я, обізвáлась бáба.—Відчини́.

Вíйшлá бáба въ хáту, збіднилась, хли́па, мóвчки сіла на лáві, и на добри́-день не сказáла.

— Чого́ се, бабýсю, ви такі смутні? питá Катери́на.

— Сéрденько моé, дити́нко моя лю́ба! кáже бáба, вáжко зіт-хнýвши,—не питáй мене́: не зъ дóбрими вістя́ми я до тéбе прий-шлá... Лýчше бъ мині старóі и не дожúть до сíї лю́тоі бідоньки.... И зновъ роспусти́ла патёки и заголоси́ла на всю хáту:—Пропáла ти дóнечко, на-віки пропáла!.. Не лю́бить тебé твій Яківъ: причарува́-ли ёго́ до сéбе злáі лю́де, одвернýли ёго́ одъ твого́ сéрця!..

— Оттакé ви́гадай! кáже молоди́ця, засмія́вшись.—Та такóі ві́р-ноі дружи́ни, якъ мій Яківъ,—нехáй здоро́въ бýде—на всёмý свíті не знайти́!

— Охъ ли́шенько моé! тáкъ и я дýмала, та не такъ воно́ ви́йш-ло. Слýхай, сéрце: Позавчóра прихóдила до мéне удовá Бистри́ха—щобъ ій добрá не булó! — и проси́ла зілля. »Нá що тобі?« питáю. Не хотіла спéршу казáти, а тамъ и призналась: »Закохáлась,« ка́-же, »у Якова, Катери́нининого чоловіка...причарувáти. Вінъ дýже лю́-бить свою́ гладкý жíнку.« Я й не далá: сказáла, що въ мéне немá того́ зілля. Сёгóдні оцé идý до цéркви, зиркъ — ажъ твій Яківъ хóдить біля́ Бистри́шиноі хáти, я́кось чýдно дúвитця и гóлову по-нýривъ. »Охъ мінí ли́шенько!« дýмаю: »чого́ сé вінъ такúй? щось не благополýчно!« Скорíшъ у хáту до Бистри́хи; питáю, а вонá усмі-хáетця, та й кáже: »Ажъ у Пéтрикахъ достáла того́ зілля.« Якъ ножéмъ мене́ въ сéрце штрикнýла. Де бъ то не достáла? тільки гля́-нула я на бідолáху, зáразъ и пізнáла, що вже ёмý дáдено. Не счý-лась, якъ оцé и до тéбе прибігла... Охъ мінí ли́хо тяжкéе! про-пáла жъ ти, моя́ гóрличко, на-віки пропáла!..

И зновъ заголоси́ла на всю хáту.

Слýха молоди́ця, и вже не смiéтця: склепи́лися ýстонька й по-

сині́ли; сама́—якъ кре́йда; на о́чахъ тремтя́ть слёзи; вся тру́ситця и хапа́етця за стілъ, щобъ не впа́сти.

— Бабу́сенько, не́нечко моя́! заголоси́ла Катери́на, обли́вшись гірки́ми,—ви́рятуй же мене́ нещасли́ву, ви́рятуй мого́ бідного Якова! Якъ вінъ мене́ поки́не, то й я світъ поки́ну, сама́ на се́бе ру́ки наложу́!

— Ви́рятую, мо́е се́рденько, ви́рятую, не дамъ злій личи́ні верхово́дить надъ ва́ми! тільки, моя́ голу́бонько, тре́ба якъ найшви́дче одворо́жувати, по́ки ще твій Яківъ не перепи́въ недопійла, по́ки супроти́вникъ не засівъ ему́ въ по́тилиці... Чи нема́ въ те́бе го́строго ножа́?

Молоди́ця скоре́нько подала́ ба́бі ножа́. Отъ вона́ пошепта́ла, пошахрува́ла надъ нимъ, та й ка́же:

— Озьми́ жъ сёго́ ножа́, и якъ ве́рнетця одъ Бистри́хи твій чоловікъ, то поскаешъ ему́ въ голові, а якъ за́сне, то симъ ноже́мъ одріжешъ у его́ пря́дку воло́сся и оддаси́ мині, то я за́разъ розібъю ті ча́ри икъ чорто́вої ма́тері, и приверну́ твого́ Якова зновъ до те́бе!

Катери́на ажъ ру́ки цілу́е у бісової відьми та дя́кує, а чортъ, си́дячи на вікні́, все чу́е, и ве́село бъ то ему́, и стра́шно: »Не бісова ба́ба!« ду́мае, »Яка́жъ лука́ва та іхи́дна! Съ тако́ю и на́шому бра́тові не безпе́чно.«

Потю́пала вра́жа ба́ба додо́му, тільки погля́дуе на свої дря́ві черевики́, та ду́мае, яка́-то вона́ га́рна бу́де въ черво́нихъ чобо́тяхъ! А бідна молоди́ця, въ своій ха́ті, місця собі не прибере́; и ру́ки ла́мле, и гірко пла́че; се́рце кро́вью облива́етця.

И Яківъ смутни́й повертаетця додо́му. Хочъ и не поня́въ бабі віри, одна́къ ва́жко ста́ло на душі, одъ одно́і чу́тки, що въ его́ дружи́на невірна. Пону́ро війшо́въ у ха́ту и зъ підло́бья гледи́ть на жі́нку. И Катери́на не привіта́е его́; не ки́нулась, якъ за́вжде, ему́ назу́стрічъ; стоіть, якъ у зе́млю вко́пана.

»Що́ ста́лося зъ мо́ею жінкою?« ду́мае Яківъ, пи́льно на не́і ди́влячись.

»Се не мій Яківъ«, ду́мае молоди́ця: »таки́мъ по́глядомъ вінъ на ме́не ніко́ли не диви́вся!

Посіда́ли,— одно́ до дру́гого сло́ва не промо́вить: у обо́хъ тя́жко, ва́жко на душі. Да́лі Катери́на й ка́же:

— Якове, мо́же бъ я тобі поскала въ голові, по́ки стра́ва упріе.

Ажъ здригну́вся серде́шний Яківъ, почу́вши се, ажъ гру́ди ёму́ заложи́ло.

— До́бре... ле́дві промо́вивъ серде́шний и поду́мавъ собі: »Ма́буть, не брехала ба́ба.«

Охъ, щось же не добро́мъ у сій щасли́вій хаті віщу́е! Янголі хова́ютця за образи́, а чортъ війшо́въ у сіни и за кля́мку вже бере́тця.

Росчісуе Катери́на го́лову Якову и пригля́дуетця и прислуха́етця, чи не засну́въ вінъ; а серде́шному чолові́кові не до спання́: се́рце въ ёго на шматки́ розрива́етця. Ажъ ось, здае́тця ій, що вже вінъ засну́въ. Отъ вона́ тихе́нько й вийма́ зпідъ се́бе ножа́, а Яківъ ханъ ій за ру́ку!

— Жінко!... що́ се?.. и закіпило...

Янголі, запли́ющивши оченя́та, тіка́ють съ ха́ти, а чортъ уско́чивъ у ха́ту, за́разъ собі и кубе́лечко звивъ у пічу́рі.

Не зовсімъ-таки́ й збреха́ла вра́жа ба́ба: не жінка зарізала чоловіка, а чоловікъ жінку.

Лежи́ть молоди́ця, якъ ско́шена квіточка: съ пробитимъ се́рцемъ, вся підплила́ кро́вью, а безтала́нний чоловікъ рве на собі воло́сся, бъе́тця въ сиру́ землю... Пропа́ло лю́бе життя́ на світі! пропа́ла й душа́!.....

Понісъ чортъ вра́жій ба́бі чо́боти, та вже тепе́ръ и ёму́ стра́шно до не́і підступи́ти,—дарма́, що чортъ. Отъ вінъ настроми́въ на махові ви́ла чо́боти, та такъ ій и одда́въ, щобъ и не доторкну́тись до га́спедьскоі відьми.

Відсіля́ жъ то й ви́роілась при́казка: Се, мовля́въ, така́ ба́ба, що чортъ ій на маховиха́ъ ви́лахъ чо́боти оддава́въ.

Олекса Стороженко.

1861 г. С. Жемчужина.

II.

Жидівська Дяка.

Сёму́ вже го́дівъ ві́сімъ, якъ приіхавъ — чи де́ въ чо́рта приіхавъ! пішки прилізъ — Жидъ Ле́йба... Мо́ ба́чили на база́рі новий двіръ, ще й вікна зеле́нимъ розмалёвані. Тепе́ръ забага́тівъ леда́що, а тоді такий прийшо́въ обідраний! Жидівка замо́рзана, жиденя́-

та го́лі... Прийшо́въ, та й нанія́въ ха́ту у старо́ї Моско́вки. Гро́ші, які́ въ ёго були́, попереводи́въ. Осівъ зати́мъ, щобъ люде́й підма́нювати та обду́рювати; та ба́чить, що нема́ за́ що й рукъ зачепи́ти, крути́вись-крути́вись, — иде́ до Завірю́хи. А я підъ той часъ до Макси́ма наверну́вся. Дивлю́сь: Жи́дъ убігъ та въ но́ги Завірю́сі: »Таки́й–сяки́й добро́дію! по́ки жи́тиму — дя́куватиму: ви́зволь изъ біди́ — пози́чъ три карбо́ванці.« Помо́рщився Макси́мъ: »Пропаду́ть«, ду́ма, »гро́ші. Лу́чче вже свому́ бра́ту помогти́, ніжъ Жи́дові.« Одна́че — ска́зано, що́ра душа́ — и Жи́да пожа́лувавъ, давъ ёму́ три карбо́ванці. »На́«, ка́же. Ле́йба зновъ у но́ги. »Я вамъ«, ка́же, »и проце́нтъ одда́мъ и гро́ші верну́.« — »Не тре́ба мині,« ка́же Завірю́ха, »твоіхъ проце́нтівъ, а гро́ши оддаси́, якъ бу́дуть«.

Чи зъ Макси́мової ле́гкої руки́, чи вже такъ Жи́дові пощасти́ло, тільки піджи́въ нашъ Ле́йба: вже й корівка въ ёго, и коня́чокъ па́ра; купу́е, перекупо́вуе, продае́. Ставъ Ле́йба не той, що бувъ, що було́ уся́кому попе́реду вклони́тця. При́йде було́ чоловікъ за цвя́шками, жінка за ми́ломъ, дівча́ за го́лкою, хочъ би и вночі, — ско́чить, біжи́ть, две́рі відчиня́е, нена́че вінъ и не спить нико́ли; ато́ вже почавъ корчму́ держа́ти, вже й челя́дка у ёго, и на́ймитъ. Вінъ ору́дуе ни́ми якъ хо́че, а самъ и зъ подушко́къ не вила́зить. На що́ вже разъ — самъ пан-оте́ць зайшо́въ до ёго за чи́мсь, а вінъ лежи́ть — не встае́, та ще до стіни́ пи́кою, а до панотця́, вибача́йте, за́домъ.

Завірю́сі все жъ гро́шей не дае́. Не гара́здъ и тре́ба Макси́мові іхъ, та корти́ть ёго́, що леда́що Ле́йба людьми́ горду́е, а ёму́ не́ верта́е гро́шей. Каза́въ Макси́мъ Ле́йбі не разъ, а мо́ й де́сять разъ, такъ усе́ одмага́етця: то »підожди́«, то »черезъ тижня́ку верну́, бо тепе́ръ нема́. Хиба́ тобі«, ка́же, »за́разъ тре́ба?«

Въ насъ у го́роді на Параски́ я́рмарокъ, са́ме передъ весілля́ми; такъ лю́де и ідуть. Поіхавъ и я зъ Макси́момъ... Спаси́бі Бо́гу, що хочъ не на однімъ во́зі, ато́ бъ, мо́же, й мині ли́хо було́. Біля́ Лозо́вої корчми́ зупини́ли ми ко́ней, а са́мі зайшли́ по осьму́сьці. Въ ко́рчмі люде́й бага́то: и нашъ братъ коза́къ ярмаркуе, и москалі й кацапи ля́ютця, а въ кутку́ хурщи́къ изъ чумако́мъ би́тись заво́дятця. Ви́пили ми по ча́рці, идемо́ зъ корчми́ до возівъ, щобъ да́лі іха́ти, ажъ и Ле́йба тутъ на во́зі сидить; а візъ парокінний, а на ёму пу́дівъ мо́ со́рокъ бо́рошна въ мішка́хъ.

Я — неха́й Богъ прости́ть, мо́' черезъ ме́не чоловікъ пропа́въ —

кажу́ до Завірю́хи: »Бачъ, Жидъ ана́хтемський тобі гро́шей не відда́е, а скільки въ ёго бо́рошна! Иди́ та візьми́ оди́нъ мішо́къ. Въ ёму не бу́де більшъ за сімъ пудъ.« А бо́рошно тоді було́ по два вісьмигри́веника. »Хочъ що–не́будь«, кажу́, »ве́рнешъ.« Максимъ послу́хавъ, та й ка́же Жи́дові: »Ти мині, Ле́йбо, ще ви́неньъ гро́ші. Дай мині оди́нъ мішо́къ, то й бу́демо квити.«

А Ле́йба: »Що́, що́? Се ти мене́ грабува́тимешъ? Мо́ не я тобі, а ти мині ще ви́неньъ. Тре́ба у кни́гу подиви́тись.«

Не вте́рпівъ Максимъ, пхнувъ Жи́да. Той зъ во́зу й покоти́вся. Самъ узя́въ мішо́къ зъ бо́рошномъ, положи́въ на свій візъ, та й поіхавъ собі.

Идемо́ ми зъ Максимомъ по я́рмарку, ажъ иде́ назу́стрічъ Ле́йба, яки́йсь пано́къ и два москалі.

— Ти Завірю́ха? пита́е панъ Максима.

— Я, ка́же Максимъ.

— Звяжіть ёго́, ка́же панъ.

Здивува́вся Максимъ: ба́чить, що на́пасть.

— Я й самъ піду́, ка́же.

— Не мо́жна, ка́же панъ:—розбійниківъ тре́ба вяза́ти.

Потягли́ москалі Максима.

Приіхавъ я додо́му, кажу́ Максимисі: »Таке́ й таке́ ли́хо: попа́въ твій чоловікъ черезъ Жи́да увъ остро́гъ.« Вона́ й почала́ голоси́ти: »Ой ли́шенько моє́!« ка́же: »зва́тимуть мого́ чоловіка остро́жникомъ!«

Не зна́ла небо́га, що ще й не таке́ ли́хо бу́де.

— Го́ді, кажу́,—тобі, Ка́тре, пла́кати! (Вона́ мені ще й ро́дичка дово́дитця.) Біжи́, кажу́,—шви́дче до Сте́хи: мо́же, Филимо́нъ Степа́новичъ ви́зволять.

То пакъ до станово́го. А Сте́ха въ ёго за хазя́йку жила́. Сироті́ю зма́лку оста́лася; по чужи́хъ лю́дяхъ у на́ймахъ жила́; приняла́ уся́кого горя. А нічого каза́ти: дівчина до́бра, до робо́ти охо́ча. Тепе́ръ за Оста́помъ Лопу́цькомъ, москале́мъ. Така́ прега́рна молоди́ця, що не тре́ба й кра́ще. Ста́ла вона́ за на́ймичку у станово́го: де ні робити, то робити. А вінъ не на те ії найма́въ. Почала́ вона́ одъ ёго тіка́ти, а вінъ пішле розси́льного, той и приведе́. »Ти«, ка́же становий Сте́сі, »поідна́лась на рікъ,—го́ду ще нема́. Якъ годъ мине́, тоді й одійдешъ.« Одна́че ще до го́ду почала́ Сте́ха и становимъ ору́дувати, и ста́номъ заправля́ти. Инша бъ на

ії мі́сці вели́ку бъ си́лу гро́шей придба́ла, то люде́й обдира́ючи, то само́го підкрада́ючи, а вона́ — гріхъ каза́ти — не обіжда́ла нико́го, жаліла–таки́ свого́ бра́та; за те ії тепе́ръ уся́ка люди́на поважа́е.

Пішла́ до ії Ка́тря. А вона́, ще дівкою бу́вши, зо Сте́хою и на ю́лиці и на гри́щі гуля́ли, та ще й се́стри дово́дятця: моя́ дочка́ обо́хъ хрести́ла.

Роспита́ла Сте́ха, чого́ прийшла́ Ка́тря. »Підожди́«, ка́же, »се́рденько; піду́ побала́каю,—що́ ві́нъ ска́же.« Незаба́ромъ, ра́зомъ изъ Сте́хою, ви́йшовъ и становви́й. »Ти«, ка́же Ка́трі, »Сте́шина сестра́; тре́ба для те́бе у го́родъ шатну́тись — визволя́ти твого́ чоловіка. Мо́ ще мо́жна: слідствия не було́. Коли́бъ не те, що нови́й испра́вникъ,—мені́ бъ се діло и за у́хомъ не свербіло: Семе́нъ Семе́новичъ послу́хавъ би мене́.« А да́лі й пита́е: »Що́ жъ мені́ за клопо́ти бу́де? Дава́й пять карбо́ванцівъ, такъ поіду.«

Ка́тря була́ ажъ пятна́дцять нагото́вила. Ди́витця, що Сте́ха морга́е ій,—оддала́ становому пять карбо́ванцівъ. Підво́да, якъ день, якъ нічъ, у ста́ні гото́ва. Становви́й сівъ, та й поіхавъ. Ось якъ Сте́ха ни́мъ ору́дувала, дя́кувати ій!

Ка́тря хотіла додому йти, такъ Сте́ха не пусти́ла. »Що́ тобі,« ка́же, »до́ма роби́ти? тільки сумува́тимешъ. Гуля́й у ме́не, по́ки ве́рнетця. До го́рода не дале́ко; у нічъ и зве́рнетця.« Почала́ частува́ти Катру́сю и ча́емъ, и нали́вкою, а Ка́трі ні що́ на ду́шу не йде; усе́ пла́че та вздиха́е. Ди́вючись на ії, спогада́ла й Сте́ха своє́ гірке́ життя́, що вся́ке га́нить, осужа́е, дарма́ що въ ві́чі до́брі. А за́ що́? Хиба́ вона́ ви́нна? Не було́ въ ії ні ба́тька, ні ма́тери,—нікому було́ оборони́ти, або́ наусти́ти. Инші ще ду́мають, що ій до́бре жи́ти, а того́ й не зна́ють, що Филимо́нъ Степа́новичъ по́ти ії слу́ха, по́ки не впъе́тця; по́ти й жа́луе; а якъ пъя́ний, то за́разъ би́тись та глумува́ти.

Зам'сць то́го, щобъ гуля́ти, пропла́кали цілу нічъ дівчи́на зъ молоди́цею. Пере́дъ світомъ приіхавъ становви́й. Ви́йшла ві́дъ его́ Сте́ха така́ невесе́ла та пону́ра. »Не сумуй« ка́же Ка́трі: »мо́же, ще Бігъ помо́же. Бувъ Филимо́нъ Степа́новичъ у спра́вника,—нічо́го не вра́дивъ: таки́й запе́клий! Каза́въ панъ, щобъ ти сама́ іхала до спра́вника, тільки щобъ хабаря́ ёму́ не дава́ла, бо ві́нъ не бере́.«

Спра́вникъ у насъ тоді́ бувъ нови́й; тільки що зъ Петербу́ргу наіхавъ, а ёго́ пани́ за спра́вника й постанови́ли. То у насъ були́

справникѝ пузáті та старі, усé найбільшъ зъ офицéрівъ, а сей ще зовсімъ молодúй бувъ, худéнький, чорнявий. Такъ, вінъ, здаéтця, й дóбрий бувъ: зъ усякимъ побалáкае, нікóли не лáетця; бúтись — не бúвся... А Кáтринъ чоловікъ черезъ ёго пропáвъ... Такé дúво!

Приіхала Кáтря до справника.

—Чогó тобі трéба? питáе лакéй.

—Мині трéба, кáже Кáтря,—твогó пáна побáчити.

—А щó дасúй?

—Щó жъ вáшій мúлості дáти? кáже Кáтря, та й виймáе трояка́; ще дýмае, що багáто даé.

Лакéй подивúвся, похитáвъ головóю, та й кáже:

— Сказúлась, чи щó? Дéсять карбóванцівъ, атó й годъ пáна не побáчишъ! Зáразъ у шúю прогенý, не пушý й до-вíку. Я знáю— ти Завірюшина жінка, твій чоловікъ багатúрь.

Мýсила Кáтря дáти ёмý дéсять карбóванцівъ. Зáразъ и до справника ії поклúкали. Прийшлá вонá. У справника сидúть якúйсь панъ, офицéръ.

— Чогó тобі, *голýбушка*, *нáда*? питáе справникъ.

Кáтря й росказáла ёмý, якъ и зá щó узялú ії чоловіка.

Справникъ поховáвъ рýки у кишéні, та й почáвъ ходúти по світлúці.

Офицéръ усé па Кáтрю дúвитця, а далі й кáже справникові:

—Чогó ви, Владúмеръ Миколáевичъ, дýмаете? Нехáй би вонá у васъ днівъ зó три погулáла: бáчите, якá гáрна! А чоловіка бъ вúзволили.«

Подивúвсь справникъ на Кáтрю, почервонівъ увéсь, якъ ревнé: *вонъ!*

Кáтря зъ світлúці: дýмала, що се ії вінъ женé. Справникъ зупинúвъ ії. »Се«, кáже, »я не на тéбе, а на сёгó падлеця́ кажý. Не чýете ви, чи щó? Вонъ! Щобъ вáша ногá більшъ у мéне не булá!«

Офицéръ полýпавъ–полýпавъ очúма, за шáпку та й за двéрі.

—Не мóжу, *голýбушка*, пособúти я тобі, кáже справникъ. —Слідствія я зроблю́ по закóну, а ти клопочú въ уізному сýді. Тамъ, мóже, твогó чоловіка й вúзволять; тільки припасáй грóшей: воní до іхъ лáсі.

Попро́дала Ка́тря усю́ худо́бу, пози́чила у люде́й — чи́сто всі гро́ші перевела́, а чоловіка не порятува́ла. Попе́реду судові паничі й засіда́телі каза́ли, що се пусте́ ді́ло, що аби́ гро́ші, такъ и не таке́ ді́ло мо́жна поверну́ти. А да́лі, якъ повитяга́ли у Ка́трі гро́ші, такъ и сказа́ли ій: »Стара́лись ми, стара́лись, та спра́вникъ таке́ слі́дствия зроби́въ, що нічо́го не мо́жна було́ зроби́ти. Присуди́ли Макси́ма на Сібі́рь...«

Мотну́лась Ка́тря до предводи́теля. Вінъ, ба́чите, знавъ Макси́ма: той ёму́ жи́то на ви́нницю постача́въ. Предводи́тель и нара́дивъ Ка́трю, щобъ іхала въ губе́рнію.

Ка́тря заста́вила зе́млю и поіхала въ губе́рнію. Тамъ и оста́ніхъ гро́шей ріши́лась, а чоловіка не ви́рятувала, — пішо́въ–таки́ на Сібі́рь. Хотіла й Ка́тря за нимъ ити́, такъ вінъ звелівъ ій, щобъ у Матвіївці жила́, дітокъ доглядала.

Тепе́ръ Ка́тря у моє́і дочки́ живе́: вона́ ії хрище́ниця. Доцці моій у мясни́ці піде два́дцять–во́сьмий годъ, якъ ви́йшла за́міжъ; та дітокъ Бігъ ій не давъ, такъ вона́ й худо́бу Ка́трі одпи́суе: й, ба́чте, за рідну дочку́ приняла́.

Митро Олельковичъ.

ИСТОРІЯ УКРАІНИ

ОДЪ НАЙДАВНІЙШИХЪ ЧАСІВЪ. (*)

ПЕРЕ́ДНЄ СЛО́ВО.

Пи́шучи *исто́рию Украіни*, дбавъ я не про одни́хъ тихъ, що по исто́рії, мовъ по дале́кихъ сторона́хъ, прохо́дять и тільки самі ії дива́ огляда́ють. Му́сивъ я не ме́нше й на тихъ огля́дуватись, що истори́чнімъ живописа́ннямъ не вдовольня́ютця, и всякої ре́чи сами́ по жере́ламъ истори́чнімъ дохо́дять. Не подо́ба жъ би була́ мені, ведучи́ свою́ по́вість, разъ-по́разъ зупиня́тися и мої до́води до ува́ги товари́ству подава́ти. Тимъ я свою́ робо́ту на дві ча́сти ділю́, и що́ тільки мене́ въ по́вісті ма́ло бъ зупини́ти, або́ ії на́дто ши́роко розво́дило, — все те въ приписки́ поза́дъ своіхъ книжо́къ пуска́ю. За одни́мъ же за́ходомъ тутъ я й жере́ла истори́чні вка́зую, съ кото́рихъ моя по́вість ви́черпана. Пи́шучи жъ найбільшъ для того́ товари́ства, що въ вели́кихъ города́хъ не прожива́е, постанови́въ я собі — не то жерело́ вка́зувати, та тутъ же зъ ёго й ви́писку приточи́ти, кото́ра або́ мою́ річъ

(*) Предлагаемая первая глава исторіи Украины сообщена намъ авторомъ по нашей неотступной просьбѣ. Намъ хотѣлось показать началомъ этого обширнаго труда почтеннаго нашего сотрудника, въ какой степени языкъ украинскій способенъ къ строгому научному изложенію столь-важнаго предмета, какъ исторія. Самъ авторъ не признаетъ еще этой главы оконченною ни въ литературномъ, ни въ ученомъ отношеніи. По окончаніи перваго тома его исторіи, говоритъ онъ, весьма можетъ случиться, что эта глава будетъ написана вновь. Какъ бы то ни было, но мы увѣрены, что читатели наши прочтутъ ее съ живѣйшимъ любопытствомъ. *Ред.*

вияснѧе, або́ ши́рше ді́ло оповідуе. Тимъ спо́собомъ, вку́пі зъ своє́ю *Исто́ріею*, ніби ще й хрестома́тію випису́къ пода́мъ я гости́нця на Вкраіну. Въ насъ бо по мале́нькихъ города́хъ, се́лахъ и хутора́хъ хіба́ деся́ту до́лю тихъ книжо́къ—та й то на ти́сячі верста́хъ — изнайшо́зъ би, кото́рі исто́рикъ до свого́ ді́ла поперечи́туе. Тимъ–то нашъ братъ Украінець, вийшовши зъ ви́щої шко́ли на повіто́ву слу́жбу, чи на господа́рство, найбі́льшъ тільки сами́ми журна́лами пробува́етця и, коли́ доста́тку не ма́е, то до–віку тихъ книжо́къ не зустріне, въ кото́рихъ листо́къ, чи два листки́ міжъ со́тнею, або́ й со́тня листківъ міжъ ти́сячею, про ёго́ рідну сто́рону оповідують. По собі зна́ю, зъ яко́ю, бува́ло, жадо́бою коло книжо́къ истори́чніхъ приписки́ перечи́туешъ, кото́ими себе́ писа́тель передъ товари́ствомъ оправля́е. Иноді було́ й про само́го а́втора зъ ёго розумова́ннямъ байду́же, а ёго́ приписки́ но́ві ми́сліі въ голові засіва́ють. Такъ же, мо́же, и́нший чита́тель, загля́нувши мимохідь у мій текстъ, нечи́танимъ ёго́ поки́не; ма́ючи жъ свій, некупо́ваний ро́зумъ, по моіхъ виписка́хъ пійде, и, чого́ здобу́ти більше нігде,—залюбки́ тутъ повичи́туе. Бага́то бо есть таки́хъ книжо́къ, до на́шого ді́ла потрібнихъ, кото́рихъ ні за я́кі гро́ші не доско́чишъ, кото́рихъ и́ноді на всёму́ сві́ті пять, або́ шість экземпля́рівъ и есть по библіо́текахъ дале́кихъ. Що́ жъ ска́зати про рукописні жере́ла истори́чні? Тутъ уже́ тре́ба притьмо́мъ свою́ по́вість широ́кими приписка́ми позаду́ книжки доповня́ти. Такъ же воно́ й бу́де въ ме́не, и, пе́вно, ніхто́ за те на ме́не не поре́мствуе.

Му́шу жъ тутъ іще́ словце́ дода́ти: що які́ бъ ні були́ въ ме́не приписки́, всі воні́ друкува́тимутця тільки про люде́й тяму́щихъ, кото́римъ нічого вже съ чужо́ї мо́ви на на́шу перекла́дувати, або́ старі, забу́ті слова́ новими приписка́ми вияснѧти. Кото́рі книжки́ бу́дуть у ме́не під рукою́ въ пере́кладі, а оригина́лівъ не ма́тиму, съ тихъ я бу́ду перекладно́ю мо́вою випи́сувати; якъ же тільки мо́жна бу́де приточи́ти ви́писку зъ оригина́лу, то вже му́шу пере́кладъ геть одсу́нути. Трапля́етця бо ча́сомъ такъ, що перекла́дчикъ не збагне́, якъ воно́ тамъ и́менно ска́зано, и сло́вомъ своімъ противъ оригина́лу схи́бить (1).

(1) Два таки́хъ случа́і недавно мині, за моімъ ді́ломъ, наверну́лося. Въ Ки́евськихъ *Памятникахъ*, въ томі 1, тре́тёі нумера́ціі, на стр. 70, козаки́, попа́вшивъ Полякамъ у ру́ки, одві́ту́ють на роспро́сі, по пере́кладу съ По́льского, такъ: »...при первой потребности, какъ скоро паны гетманы были схвачены и войско было разбито...«, а сами́ Полякй записа́ли козацькі слова́ такъ: »...w pierwszey potrzebie, kiedy P. P. Hetmanow poymano, y woysko zbito...«

А виписки́ ро́блятця по́часту въ таки́хъ случа́яхъ, що не то що, а й саму́ ходу́ ре́чи тре́ба узя́ти до ува́ги.

Ще одно́ сло́во. Підня́вшись *Исто́рию Украї́ни* написа́ти, му́шу я догоди́ти земляка́мъ, кото́рі Украї́ну свою́ коха́ють и шану́ють. Що жъ, якъ не ту вони́ въ ме́не старовину́ поба́чять, кото́ру зви́кли собі по книжка́хъ вообража́ти? Зви́кли въ насъ на исто́рию Украї́ни крізь на́ше коза́цтво споглида́ти и кругъ коза́цтва все рідне дієписа́нія оберта́ти. Тимъ ча́сомъ саме́ коза́цтво було́ тільки буйни́мъ цвітомъ, а и́ноді й коля́чимъ бодяко́мъ середъ на́шого ди́кого сте́пу. Росло́ въ насъ де́–чого бага́то й опрічъ коза́ччини, и все те, що́ росло́, цвіло́, умира́ло и на́ново въ и́ншому ви́ді роди́лося, все те исто́рию на́шої Украї́ни стапо́вить. Тимъ-то уся́ку си́лу му́шу я за́рівно вважа́ти, кото́ра тутъ зъ и́ншими си́лами боро́лася, а пільнува́ти найбільшъ того́, що́ въ да́вні ча́си для ча́сівъ да́льшихъ учини́лося, та й до насъ попереходило. Не скрізь коза́ччину тре́ба намъ на давнину́ дивитися, а зъ давнини́ на бли́жчі до насъ вікй, а въ нихъ и на коза́цтво споглида́ти. Да́вню исто́рию Украї́ни Тата́рщина намъ перебила́. Після́ Тата́рщини нові поря́дки по Вкраї́ні поста́ли, и тільки на́мять про князівъ та іхъ усо́бищі зоста́лася. Густи́мъ тума́номъ покри́лися ті вікй дотата́рські, и нау́ка не бага́то вдія́ла, той тума́нъ розганя́ючи. Тимъ-то пере́йдемо ми у двохъ, у трёхъ гла́вахъ ті літопи́сні спо́минки, та вже тоді свою́ річъ на всю ширину́ пу́стимо, якъ до Литви́ й Ляхівъ доберемо́ся.

Отсе́ жъ, поблагослови́вшись, зачина́емо свое́ оповіда́ння, това-ри́ству на вжи́токъ, молоди́мъ до чита́ння, старійшимъ до розу́много рахува́ння. »Се начнемъ повѣсть сію.«

Напусти́въ би исто́рикъ тума́ну своєю ви́пискою съ перекладно́і ре́чи; а зъ оригина́лу вся́кий тяму́щий поба́чить, що тутъ иде́ ді́ло не про яку́сь *потребность*, а про воє́нну потре́бу пі́дъ Ко́рсунемъ.—Дру́гий случа́й: Святосла́вівъ осели́дець памята́е вся́ке по Карамзину́ (*Ист. Г. Р.* изд. 2-е, I, 192), а самъ Карамзинъ довідавсь про ёго́ чуба́ту го́лову одъ Ле́ва Дя́кона, кото́рий, ма́бути, ба́чивъ Святосла́ва на свої о́чі. Исто́рию Ле́ва Дя́кона переложи́въ на Моско́вську мо́ву Д. Попо́въ и надрукува́въ ро́ку 1820. У тому́ пере́кладі про Святосла́вову чупри́ну напи́сано такъ (стр. 97): »Голова у него была совсѣмъ голая, но только на *одной* ея сторонѣ висѣлъ локонъ волосъ, означающій знатность рода«. Тимъ ча́сомъ у п. Соловьева, въ *Исторіи Россіи* (т. I, стр. 159) чита́емо: »Всѣ волосы на головѣ были у него выстрижены, кромѣ одного клока, висѣвшаго по *обымъ* сторонамъ, что́ означало его знатное происхож-

ГЛАВА I.

Съ-по́конъ-віку Поля́не грома́дськими вічами правува́лись.—Дани́ну Коза́рамъ плати́ли. — Князьки́-Русь Новгоро́дську зе́млю опану́вали. — Подніпря́нщину під свою́ ру́ку нахили́ли. — Князьки́ полю́дною и су́дне́ю дани́ною кори́стувались, и съ Гре́цькою земле́ю торгува́ли. — Вби́вшись у си́лу, князьки́ грома́дське пра́во почали́ зневажа́ти. —Поділи́вши зе́млю мі́жъ своїмъ ро́домъ, усо́бицями її пусто́шили. — Тимъ ча́сомъ уве́сь Ру́ський миръ під ни́ми до-ку́пи збіра́вся и самъ зъ собо́ю почі́въ обізнава́тись. — Гре́цька віра ще й бі́льшъ тому́ допомогла́ и Поля́ньску лю́дськість по всіхъ Ру́ськихъ сторона́хъ роспростёрла.

Яка́ була́ зъ да́вніхъ ча́сівъ до́ля на́шого рідного кра́ю, зазна́емо тільки за ти́сячу ро́кивъ. Въ ту давнину́, до кото́рої не сяга́е на́ша пи́сана па́мять, му́сило перевернути́сь на Вкраїні люде́й бага́то, а якъ вони́ зва́лись, намъ и того́ не переказано. Тільки прослідокъ іхъ по да́вніхъ кладови́щахъ невіголо́сихъ знахо́димо, та божи́ща іхъ камяні по степови́хъ моги́лахъ стоя́ть німу́ючи. Му́сили жъ ті недовідо́мі намъ наро́ди жи́ти въ на́шому кра́і перехо́жими зъ міста на місто скотаря́ми. Пе́вно, вони́ оди́нъ одного́ прогаля́ли, оди́нъ у одно́го—хто ду́жчий—одбива́ли найкра́щі на́ші під свої табуни́, гурти́, ота́ри: пе́вно ще тоді землі въ на́шому кра́і не о́рано. Якъ же степова́ подніпря́ська о́бширь вби́лась у хліборо́бство, тоді вже, ма́буть, оди́нъ людъ на сій о́бширі загніздився, и вже кочовники́ не поду́жали ёго́ зъ роскішно́ї ролі, оба́-поли Дніпра́, зігна́ти. Зовемо́ ми наро́дъ сей—звідкіля́ бъ він ні взя́вся—Украінськимъ, бо давно́ вже він живе́ на узграни́ччі двохъ вели́кихъ наро́дівъ, не міша́ючись ні зъ одни́мъ, ні зъ дру́гимъ, ані свого́ обли́ччя, ані свого́ ду́ху не одміня́ючи. Назва́вся сей наро́дъ Русь, съ того́ ча́су, якъ почали́ надъ нимъ захо́жі зъ Балти́цького побере́жжя князьки́-Русь панува́ти. Якъ же ще ніяко́го князюва́ння на подніпря́нщині не заво́дилось, зва́ли на́шихъ предківъ сусіде Поля́нами, що вони́ въ поля́хъ коха́лися; а вони́ своіхъ близьки́хъ сусідъ зва́ли—або́ Дерев'ля́не, що жили́ по пу́щахъ, або Сіверя́не, що къ півно́чі одъ нихъ по Десні, по Сейму, по Сулі порозсе́лювались [1]. Дале́кі жъ сусіде въ Поля́нъ були́—къ півно́чі: Дрего́вичи—поза річкою Прип'е́ттю; Кр'ивичи—у верхів'я́хъ Дніпра́; захо́жі Слав'я́не безъ прізвища — коло Ильме́ня о́зера; Ради́мичи—по ріцці Сожі; Вя́тичи — за

деніе«. Кому́ жъ тепе́ръ дава́ти віру: чи Карамзину́ й Д. Попову, чи п. Соловьеву? а оригина́ла де взя́ти, живучи́ під Лубня́ми або́ коло Ло́хвиці, щобъ дойти́ пра́вди? Тимъ-то на́ша ви́писка съ Гре́цького оригина́лу и ста́не тутъ у приго́ді чоловікові тяму́щому.

річкою Окóю; а къ полу́дню: Дуліби або́ Хорва́ти — по ріцці Бо́гу; Угличи и Тиве́рці — по Дністру́.

Чи вели́ка, чи мала́ була́ подніпря́нська о́бширь землі Поля́нської, чи гу́сто, чи зрідка залюдня́ли ії на́ши хліборо́бні пре́дки, доказа́ти сего́ не дока́жемо. Зна́емо тільки, що Поля́не, та й іхъ сусіде, пра́вились міжъ се́бе вічами,—сказа́ть би самúмъ віща́ннямъ слове́снимъ, — и старі лю́де на тихъ вічахъ замість пúсаного зако́ну імъ става́ли [2]. Зна́емо та́кожъ, що напада́ли на на́ші паха́рські городи́ й се́ла розбишáцькі наро́дове, кото́рі, не вмівши зъ землі кори́сть узя́ти, рабува́ннямъ чужúхъ осе́ль живúлися. Запе́вне, на́ші пре́дки одъ и́ншихъ до́бре одбива́лися, якъ же була́ не си́ла, то одчíшного плати́ли, чи то, мовля́въ, дани́ну дава́ли. Найду́жчий съ тихъ не-паха́рськихъ наро́дівъ були́ Коза́ре. Не здоліви́ши супротивъ нихъ стоя́ти, плати́ли імъ на́ші старода́вні пре́дки дань. Сами́ Коза́ре стоя́ли своїми кочови́щами у степа́хъ по–надъ Во́лгою и звідті́ля ходи́ли до насъ за дани́ною.

Одного́, мовля́въ, ба́тька, та не одна́кові дiти. Такъ му́сило бу́ти й міжъ на́шими пре́дками Поля́нами, що не всі одна́ково до ролі привика́ли, не всі одна́ково своїй до́лі кори́лись. Инші по пу́щахъ се́лами сіда́ли и звіроло́вствомъ та пасіка́ми корми́лися, якъ отъ Деревля́не, а дру́гі, ма́буть, по дале́кихъ зе́мляхъ то́ргомъ ходи́ли, по́ки собі кори́стне місто коло Ильме́ня о́зера вподо́бали и *по́вили го́родомъ*, замість Ки́ева, чи, мо́же, яко́го ще давнíйшого го́рода, сіли [3]. Дотéпні, ма́буть, були́ й смíливі лю́де ті Новгоро́дці, що на видноці, якъ и Поля́не, на само́му шляху́ водяно́му зъ Балти́ки въ Чо́рне мо́ре сіли и зо всіми хижака́ми, що зъ одного́ мо́ря въ дру́ге шве́ндяли, вмíли я́кось пово́дитись, а вкорени́вшись міжъ лісни́мъ и звіроло́вним лю́домъ, до́бре розжили́сь и росторгува́лися [4].

Въ ті невпокíйні, гвалто́вні ча́си по-надъ Балти́цькимъ убере́жжямъ ору́жні хижаки́ куёвдились, кото́рихъ нашъ літопúсець Не́сторъ зве по-Царігра́дськiй [5] Варя́гами, и зъ людськúхъ осе́ль пла́ту собі на збро́ю вимага́ли, або́ й до ще́нту жакува́ли и пліндрува́ли. Воні́, ті ору́жні хи́жі лю́де, опану́вали я́кось и Но́вгородъ та, осівшись поміжъ Новгоро́дцями, усімъ кра́емъ навкруги́ ору́дували и дани́ну съ Кри́вичівъ, Ме́рі, Ве́сі и и́ншихъ наро́дцівъ бра́ли. По́слі почали́ воні́, ма́буть, ду́же на люде́й налага́ти и за живе́ заколу́пувати, що Новгоро́дці зъ сусідами узяли́ собі ду́мку й во́лю еди́ну, усі ра́зомъ на нихъ підняли́ся, изъ своїхъ городівъ и сілъ іхъ повиганя́ли, переста́ли імъ дани́ну дава́ти и сами́ міжъ се́бе почали́ правува́тися. Воно́ жъ

би й до́бре, та вели́кі чва́ри мі́жъ ни́ми щось поста́ли, тяжкі бої счини́лися: не ста́ло пра́вди въ нихъ, мовля́въ літопи́сець. Тоді зновъ я́кось мі́жъ се́бе погоди́лись и и́ншихъ уже́ збройнихъ люде́й до се́бе призва́ли, яки́хся побере́жніхъ кня́зьківъ зъ ро́домъ и дружи́ною, кото́рі себе́ Ру́ссю зва́ли. Рю́рикъ яки́йся, Ру́синъ, підня́вся зъ брата́ми поря́докъ Новгоро́дцямъ и іхъ сусі́дямъ дава́ти и одъ и́ншихъ хижакі́въ іхъ боронити (ро́ку 862). Сі вже здоби́шники зъ Новгоро́дцями побрата́лись и вку́пі зъ ни́ми дале́ко свою́ власть на сусі́дні зе́млі роспросте́рли.

Впорядкува́вшись изъ кнізька́ми до́ма, Новгоро́дці й на своіхъ земляківъ Поля́нъ огля́нулись, кото́рі тоді Коза́рамъ дани́ну плати́ли. Якъ ма́ють вони́ чужи́хъ люде́й кори́стувати, то неха́й лу́чче на́шому кня́зеві на збро́ю скла́дуютця и одно́і зъ на́ми голови́ послуха́ють. Така́, пе́вно, була́ въ нихъ ду́мка, якъ вони́ съ кня́земъ своїмъ и его́ дружи́ною на вічі радува́ли. И отсе́ вже, кли́кнувши на охо́тника по сусі́дніхъ земе́лькахъ, по Чу́ді, Ме́рі, Ве́сі и Кри́вичахъ, настяга́ли Новгоро́дці до се́бе ку́пу люде́й вели́ку. Переволікся зъ ни́ми князь Оле́гъ черезъ Во́локъ, зъ річки Лова́ті на Дніпро́, и попли́въ Дніпро́мъ уни́зъ, се́ла й городи́ підъ одну́ си́лу підклоня́ючи, дани́ну накла́дуючи и охо́чихъ люде́й на воє́нну здо́бичъ закликаючи. Тоді ще ма́ло було́ про́їзду літомъ по ну́щахъ. Скрізь ихъ півно́чі стоя́ли ну́щі величе́нні; а боло́тні зато́ни та озе́ра по всіхъ низина́хъ извива́лися: [6] то му́сила стародавня Русь байдака́ми пла́вати и торги́ свої и во́йни водо́ю одбува́ти (торги́ бо тоді зъ войно́ю по́ручъ одправува́лися). Доро́гу Дніпрову́ зна́ли сі лю́де до́бре, бо зда́вна зви́кли одъ Балти́ки черезъ во́локъ на Дніпро́ спада́ти, Дніпро́мъ дале́ко внизъ гуля́ти и ажъ у Чо́рне мо́ре за торго́вою чи боєво́ю здо́биччю вганя́тись; тільки що невели́кими ку́пами ходи́ли, то му́сили яки́мъ кра́момъ зъ побережа́нами съ човні́въ своіхъ крамува́ти, або́ зненацька се́ла ша́рпати, а дани́ну зъ ро́ку въ рікъ не змогли́ хижаки́ на селя́нъ накла́дувати. Де́-які, спуска́ючись у мо́ре, до Царяго́рода дохожа́ли и въ Гре́цького царя́ служи́ти найма́лися; а по́тімъ зно́ву до своіхъ верта́лися и гайдама́цтвомъ хліба собі добува́ли. Були́ жъ, ма́буть, коло бо́ку въ Оле́га всяки: и такі, що торгу́вати й ша́рпати вміли, и такі, що въ Царігра́ді на слу́жбі побува́ли. Де вінъ зъ ни́ми поверну́вся, всюди взявъ го́ру. Вже ёму́ го́родъ Смоле́нське піддався и его́ кня́жого му́жа зъ дружи́ною, чи то бъ намі́стника кня́жого, до се́бе на людський хлібъ прийня́въ. Підда́вся Оле́гові й Лю́бечъ. И тамъ вінъ свого́ кня́жого му́жа зъ зало́-

гою посади́въ, щобъ уже́ ніхто́ дани́ни зъ Любеча́нъ не вимага́въ, щобъ уже́ дани́на на кня́зя й на его́ дружи́ну йшла. Тимъ ча́сомъ Оле́гови поту́ги бі́льшали. Незаба́ромъ вінъ и підъ Ки́ївъ підступи́въ. Не сприча́лися Оле́гові Кия́не, за кня́зя его́ до се́бе прийма́ли, и на оружію й на судову́ дани́ну згоди́тись му́сили.

Осівсь Оле́гъ на го́рахъ у Ки́еві, не звелівъ бі́льше Коза́рамъ да́ні плати́ти, поста́влявъ но́ві городи́ на узграни́ччяхъ Ки́евськихъ, понахиля́въ підъ свою́ во́лю Деревля́нъ, Сіверя́нъ и и́ншихъ полуде́нныхъ сусідъ Поля́ньскихъ, и ши́роко почі́въ гетьманува́ти. Оце́ жъ въ-осени́ й зимо́ю іздивъ князь изъ дружи́ною на вло́ви—добува́ти хуте́ръ; тутъ же полюючи ходи́въ и на поло́ддя, чи то бъ то по людськи́хъ осе́ляхъ збира́ти кня́жу дань, поди́мне, чи якъ воно́ тоді въ насъ зва́лось [7]. Тутъ уже́ сільска́ грома́да гурто́мъ его́ підійма́ла, меди́ й пива́ ждучи́ его́ вари́ла и всю его́ дружи́ну вгонобля́ла [8]. Тутъ ёму́ на судъ свої спра́ви, я́ко тре́тёму судді, оддава́ли и судову́ дани́ну скла́дували. Тутъ вінъ, въюки навя́зуючи и вози́ наклада́ючи вся́кого добра́, одсила́въ до свого́ кня́жого го́рода, щобъ було́ ёму́ съ чо́го свою́ дружи́ну зодя́гати, харчи́ти и коло свого́ бо́ку охо́тою вде́ржувати. Тутъ и дружи́на кня́жа и на вло́вахъ, и на збира́нню кня́жої роківщи́ни до́бре роскошува́ла, що му́сили селя́не зъ оста́ннёго добра́ хижакі́въ тихъ ору́жныхъ задовольня́ти и одъ се́бе въ дру́гі се́ла випровожа́ти [9].

Такъ усю́ осінь и зіму промишля́ли князьки́—Русь, Оле́гъ и и́нші, що пі́сля его́ на́шимъ кра́емъ ору́дували, и що́ въ нихъ було́ залишне, те въ города́хъ перепро́дували, скарби́ збира́ли и ти́ми скарбами собі дружи́ну прибі́льшували. По весні жъ човни́ споружа́ли, ме́домъ, во́скомъ, хутра́ми, бра́нцями, кото́рихъ бо́емъ добува́ли въ сусідъ, наладо́вували и до Чо́рного мо́ря спуска́лись. Було́ тоді Чо́рне мо́ре ще не Туре́цьке й не Татарське; то всі береги́ Кри́мськи, Дніпро́ві жере́ла и Білобере́жжя, чи, якъ навпо́слі его́ въ насъ зва́но, Килійське по́ле, все те було́ ще до́бре залю́днене и городами Гре́цькими оса́жене. Було́ де Варя́гамъ торгува́ти, було́ де й на́падомъ шарпати: у ті бо да́вні ча́си торго́ві лю́де ходи́ли ору́жно, и князі—Русь и зъ своїми дружи́нами не для чо́го, якъ для торго́вої при́бе́лі по дале́кихъ зе́мляхъ и моря́хъ шве́ндяли [10]: що́ въ одній землі бо́емъ здобува́ли, те въ дру́гій на до́бру оде́жу, на дорогу́ збро́ю, або́ на бистрі ко́ні міня́ли. То́ була́ іхъ честь и сла́ва; тимъ вони́ й сла́ву свою́ люби́ли, що вона́ імъ золото́ю здава́лась [11].

Отъ же й Олéгъ, підклонúвши пíдъ сéбе Деревлянъ и úншихъ сусíдъ, разъ-úразъ спускáвся, зъ своéю дружúною та зъ охóтникомъ, Днíпромъ у мóре, тó шáрпаючи Грéцькі побережжя, то мíняючись изъ Грéками своíмъ полúднимъ и здобúчнíмъ добрóмъ. Дáлі добрáвсь и до Царягóрода, и почáвъ ёго огнéмъ и мечéмъ навкругú пíндрувáти. Вжахнýлися Грéки и, знáвши, чого ёмý трéба, поступúли ёмý данúну, якý схóче. Гляньмо жъ, щó вимагáвъ и вúмігъ Олéгъ одъ Грéківъ. Постýплено ёмý по дванáдцять грúвень срíбла на чóвенъ [12], та ще осóбно на тихъ людéй орýжныхъ, що остáлись на Вкраíні стерегтú городú: Кúївъ, Чернíгівъ, Переяславъ, Полоцьке, Ростóвъ, Любечь и úнші. Дáлі — якъ прúйде Русь торгувáти въ Царíградъ, то нíякого жúта Грéкамъ не платúтимуть, та ще Грéки мýсять харчувáти íхъ зъ весни ажъ до зúми, пóки додóму вéрнутця, та й на дорóгу харчáми, якорямú, канáтами, парусáми и всякою потребúзною—обмúслити. А за се Олéгъ убезпéчивъ Грéківъ, що, торгýючи, не бýде Русь на сéла нападáти и торгóвихъ людéй Грéцькихъ рабувáти [13].

Оцé жъ ужé князькú-Русь одъ мóря до мóря водóю й суходóломъ владáли, бо, осівшись у Кúєві, держáвъ Олéгъ Новгородъ и úнші верхові зéмлі за своéю сторóжею и бравъ зъ нихъ на свої залóги орýжні не малý данúну, — изъ самóго Новгорода трúста грúвень срíбла. Мóже бъ Новгородъ и ёгó узграничáне й не схотíли бъ ужé Олéга послухáти, такъ осáгъ же вінъ и позаймáвъ Варязькими залóгами усі зéмлі низові ажъ до Волги; то булó де на охóтника клúкати, булó чимъ и вíйсько вдовольнúти, — страшнá булá ёго сúла. Та ще жъ тимъ вінъ, мáбуть, верхові зéмлі до сéбе притягувавъ, що вонú хлíбомъ зъ низовúхъ зéмель заживлялися, що якъ-бú не пустúвъ торгóвихъ людéй съ хлíбомъ угóру, то верховикáмъ довелóсь би голодувáти [14].

Оцé жъ ужé настáвъ úншúй порядокъ на Вкраíні, якъ почалú князькú-Русь íї оберегáти, зъ нéї собі данúну брáти и своéю, Рýською землéю íї називáти. Тó прáвили землéю старші родовúкú, громáдські мýжи, сходючись изъ двохъ, изъ трéхъ, изъ десятú сíлъ у одно́ мíсто на народне вíче и не булó бíльшъ нíякої влáсти на Вкраíні, а теперъ ужé коло князькíвъ старшúна орýжня настáла, боярами звáлась, по городáхъ замíсть самóго князя зъ дружúною сидíла, а дружúна, якó народъ орýжний и одягнúй, тежъ одъ селянъ одрізнялася, до робóти не брáлась, а все тільки воéнною здóбиччю та полúднимъ живúлася [15]. Ні подáтку, ні одбýтку нíякого, опрíчъ слýжби

підъ княжою рукою, дружинники не знали. Тимъ-то въ дружину щонайкращі люде вписувались, и ніби якийся особний нарідъ середъ люду Українського зъ нихъ учинився. Спершу коло князя найбільшъ ті затязці купились, що зъ нимъ издалека вийшли и вкупі великі землі даниною своєю обложили. Якъ же, після Олега, инші князьки, одинъ за однимъ, настали, тоді вже чужоземці поперевелись, а самі тубольці Українці городи княжі оберегали, по походахъ зъ княземъ ходили, изъ сілъ полюдне брали и здобичю по городахъ торгували [16]. А якъ у князя, підъ яку несподівану пригоду, війська омаль було, тоді винъ охочихъ молодцівъ до себе кликавъ, або й кочовниківъ изъ дикого степу наймавъ. Кочували тоді поузъ Україну, на безлюдныхъ степахъ, Печеніги [17], Половці, Торки, Берендії, що городівъ и сілъ не осажували, а такъ, ордою, съ поля на поле перелитали, сусідні землі шарпали и до різанини на всякий покликъ злиталися. Отъ же й було въ князьківъ три війська: одно — дружина, сказати бъ товариство, що близько коло боку въ князя держалось, друге—охоче військо зъ селянъ и городянъ, що то на здобичъ квапились, або свою землю боронячи, підъ княжу руку купились, або жъ силоміць у військо виганялись; трете—чужоземне, затяжне військо, орда степова. Все жъ те важко лежало на плечахъ у простого, неоружного люду: всю ту силу треба було селянамъ и простимъ городянамъ прохарчити, одежею обмислити и своєволю іхъ, яко люду оружного, перехожого и голодного, витерпіти. Тимъ-то, славлячи Олега князя, що винъ поставлявъ нові городи и своіми мужами іхъ повбезпечувавъ, що винъ и верхові и низові народи підъ одну власть зібравъ и гуртовою войною на Грековъ поміжъ себе потоваришивъ, не треба намъ его гетьманування на подніпрянщині якимся золотимъ вікомъ уважати. Коли бувъ золотий вікъ у нашій Україні, то ще до Олега, ще за тихъ давнезныхъ часівъ, которихъ наша письменна памятъ не зазнае: не одъ Олега бо, не одъ его княжого суду въ городахъ и на полюдді въ селахъ пішло наше вічове сільске право, що зъ роду въ рідъ черезъ невпокійні часи князькихъ усобиць, черезъ понурі часи Татарщини переходило та вже тоді почало въ вічистихъ книгахъ записуватись — а черезъ те й намъ объявилося — якъ держанці скрізь по Вкраіні его зневажили [18]. Певно князі, Русь пришли въ нашъ край на готове; певно, вміли й безъ нихъ Поляне воювати, коли допомогли імъ усі землі навкруги себе підъ Киевського князя підклонити [19]. Мабуть же й людськість у нихъ зъ давніхъ да-

вѣнъ завела́ся, що, договóрюючись изъ Грéками, зовсімъ не вáрварську рáдну вонú написáли. Не Олéгівъ бо то бувъ рóзумъ и не дружúни ёго́, що зросла́ на хижáцтві и въ хижáцтві всю свою́ честь и слáву ста́вила: въ тій Олéговій рáдні вважáемо ми рóзумъ нарóду поклáдливого, раховúтого, що давнó зъ сусідами знáється и прáво людськé по–лю́дській шануé [20].

Вже жъ, якъ би воно́ тамъ ні було́, а съ того́ часу, якъ прийняли́ Кня́не до сéбе Олéга зъ ёго́ рóдомъ за кня́зя, почúнáється виразнíйша для насъ нарóдня жизнь по Вкраíні. Більші одъ дáвніхъ потýги почáли́ пíдъ кня́жою рукóю кýпитись; більше почáли́ низові зéмлі подніпрáнські зъ верховúми и зъ заверховúнними обізнавáтися; більшу здóбичъ почáли́ нáші по чужúхъ зéмляхъ здобувáти и більше світу по далéкихъ краíнахъ убачáти; а тимъ часомъ твердíйша стáла нáша земля́ супротúвъ хижакíвъ городáми, и всякому Украíнцеві – Полянúну отчúзна ёго́ пошúршала: мáючи бо одного́ кня́зя зъ Крúвичами, зъ Деревля́нами и úншими своíми узграничáнами, и хóдючи, за ёго́ прúводомъ, по чужúхъ зéмляхъ, землякáми своíми почáли Поля́не своíхъ сусíдъ уважáти.

Не дéшево жъ нáші прéдки за все те приплатúлись, бо незабáромъ почáли́ князі–прúймакú одъ Грéцькихъ царíвъ царювáти вчúтись и по Вкраíні чужі порáдки завóдити. Дýмка–то була́ такá въ верховúхъ нáшихъ Славя́нъ, якъ завелúсь у нихъ домóві чвáри, що свій дýка земляковí дýці не підклóнитця и свої своíхъ не такъ–то бýдуть прáво судúти, памятáючи прéжні усóбиці й обúди або́ рíдъ за рíдъ рýку тя́гнучи, а вже князь–чужозéмець одъ уся́кого дýжчий и всякому чужúй, то ёго́ трéтёму судý всяке пíдклóнитця; сúдчюи жъ на громáдському хлíбові и мáючи собí сýдню данúну рíвно одъ уся́кого, нíчого бýде ёмý вíчовúй судъ перехúблювати. Владáтиме жъ вінъ тíльки своíмъ княженéцькимъ скáрбомъ, що на ёго́ сúлу збрóйну ёмý постýплять, а землéю не владáтиме, то й ні для чого ёмý бýде на сýдí прáвдою коверзувáти [21].

До якóгось часу воно́ такъ и держáлось, що князь изъ дружúною, зъ боя́рами й дворя́нами своíми бувъ самъ по собí, а миръ изъ своíми господáрствами, промúслами й торгáми—самъ по собí; а пóслі князі, мáючи по два, по три синú, почáли́ íмъ дíленúці роздавáти, а ті зновъ своíмъ синáмъ одъ своíхъ дéржавъ городú уділя́ти. Тó бувъ одúнъ князь на всю зéмлю (котóру вже скрíзь прóзвано землéю Рýською), и одна́ въ ёго була́ дружúна, и одного́ кня́зя слýхали воевóди, чи кня́жі мýжи, що

по городáхъ замість ёго сиділи, городи́ оберегáли и дани́ну на ёго збірáли, атó вже въ тóго своя́, а въ тóго своя́ дружи́на, и воевóди своі, и своі поря́дки. Хочъ же й накáзували імъ батьки́, ділени́ці уділя́ючи, щобъ вони́ стáршого, вели́кого князя—чи то бýде братъ, чи дя́дько—якъ отця́ слýхали, а про-тé незабáромъ завели́сь князі поміжъ собóю би́тись, брáтні ділени́ці собі привлáщувати, гóродъ на гóродъ, окóлицю на окóлицю підіймáти; а городя́не й селя́не, лю́блячи одногó кня́зя, а дрýгого не лю́блячи, кня́жу дружи́ну охóтникомъ запомагáли и крівáві боі звóдили, а та усóбиця іхъ же зéмлі пустóшила, трудя́щихъ людéй по Вкраіні вбавля́ла и замóжнихъ до вбóжества довóдила. И вже тоді мýсили кня́зі що-найбільшъ орýжного лю́ду коло бóку держáти, щобъ завзя́тому рóдичові не піддáтися; ввесь же той людъ съ кня́жихъ окóлиць харчувáвся. Пóки жъ знахóдився охóтникъ, зазивáвъ ёгó кня́зь до сéбе на воéнну здóбичъ; пóки були́ въ ёго скáрби, скáрбами до сéбе людéй одъ ролі, одъ рибáльства й звіролóвства примáнювавъ; якъ же ні такъ, ні сякъ нільга булó обернýтися, тоді людéй си́лою до воéнного одбýтку гнали [22], а ще гірша напáсть — хи́жу ордý зъ степівъ на шарпани́ну й полони́ну затя́гували [23]. Лучáлось не разъ, що, поби́вши кня́зя зъ ёгó дружи́ною, нелю́бній лю́дямъ кня́зь брáтню ділени́цю рабувáвъ, якъ чужý зéмлю, а пóтімъ надъ нéю не я́ко трéтій суддя́ и застýпникъ орýжний князювáвъ, а я́ко самовлáдній панъ на своéму діди́зному пáнстві, и вже тоді вічовóі рáди пéвно не такъ-то слýхавъ и прáвду кри́вдою пóчасту перевáжувавъ. Тутъ ужé мýсили лю́де князькáмъ вóлі ажъ нáдто попускáти, а князьки́ помáлу-мáлу себé за верхови́хъ влади́къ зви́кли вважáти, и не то самі стародáвні звичáі переступáли, та й своіхъ підрýчнихъ до тóго призвичáіли.

Не трéба жъ тутъ забувáти, що до селя́нъ діди́знихъ, стародáвніхъ, за князівъ прилучи́лись селя́не нóві, съ полоня́нъ, чи воéннихъ брáнцівъ князьки́хъ и боя́рськихъ [24]: на войнý бо князі ходи́ли до сусідъ не за одни́мъ зóлотомъ та едвáбами, не за габáми тільки та жемчугáми и бисерáми: найкрáща здóбичъ були́ въ іхъ брáнці, котóрихъ абó въ бою батувáли, абó по осéляхъ захопи́вши брáли. Тихъ брáнцівъ и брáнокъ до послýги собі держáли, абó на ролі осáжували, а хто не дбавъ про зéмлю, ті своіми брáнцями такъ якъ хутрáми, мéдомъ и вóскомъ торгувáли, и не то дóма, та и въ Царьгóродъ іхъ на-прóдажъ вивóзили [25]. Оцé жъ и завели́сь на Вкраіні сéла кня́жі й боя́рські спадкóві, котóрі вже багáтши князі й боя́ре у убóжшихъ

скупо́вували [26], а під'ъ ти́ми се́лами й земля́ вже ста́ла кня́жа, або́ боя́рська, и въ ті се́ла не то князі, та й іхъ боя́ре люде́й изъ во́льнихъ сіл'ъ перево́дили си́лою, або́ хи́трощами перема́нювали [27]; и въ тихъ уже́ се́лахъ була́ імъ во́ля що-хотя́ роби́ти [28]; а зви́кши безъ упи́ну на своіхъ волостя́хъ пово́дитись, ква́пились князі и боя́ре, запе́вне, по своій уподо́бі й городя́нами и во́льними селя́нами ору́дувати [29]. Черне́ць–літопи́сець нічо́го намъ про те не переказа́въ: до ёго въ скитъ не дохо́дивъ жаль люде́й убо́гихъ, неору́жнихъ. Князі зъ боя́рами ченця́мъ манастирі будува́ли и спе́ршу сами́ тільки съ підру́чніми до нихъ на моли́тву й на пора́ду ходи́ли; селя́не жъ про́сті, не покида́вши до́вго віри своє́і Славя́нськоі, попівъ и ченцівъ жаха́лися и, въ доро́зі зу́здривши, манівця́ми обхо́дили, або́ наза́дъ верта́лися [30]. Віра бо Гре́цька зненацька міжъ на́шихъ Славя́нъ упрова́жена. Старода́вні Поля́не, пре́дки на́ші, прийшли́ на Вкраїну безъ болвохва́льства, — се вже князі по города́хъ кумири позаво́дили, сами́ імъ кла́нялись изъ дружи́ною и, запе́вне, тубо́льцівъ кла́пятись невола́ли. Поля́не жъ съ-поконъ–віку сла́вили въ игрищахъ и пісня́хъ своіхъ со́нце, ого́нь, во́ду, зе́млю—и въ тому́ була́ віра іхъ [31]. Якъ же зложи́вся вже на Вкраїні, за кня́жимъ при́водомъ, станъ ви́щий по города́хъ княженецькихъ, то, оберта́ючись по́часту зъ Гре́ками, почавъ и звича́і Гре́цькі, я́ко наро́ду славе́тного, вели́кого, бага́того, перейма́ти, а да́лі й віру Гре́цьку гурто́мъ заможні́йші Кия́не надумались прийня́ти [52]. Пиха́ була́ не мала́ въ князівъ Ки́евськихъ: би́ли вони́ до́бре Гре́ківъ и и́ншихъ наро́дівъ одъ Карпа́тъ до Кавка́зу и вже себе́ сла́вними на ввесь світъ уважа́ли; то не до вподо́би імъ було́ хреста́ собі въ Гре́ківъ випро́шувати. Войно́ю Русь на Гре́цьку зе́млю наступи́ла, грізно почала́ царівну Гре́цьку за свого́ кня́зя сва́тати, и мовъ би тимъ тільки згоди́лась хрестъ на се́бе прийня́ти, аби́ царівну–христия́нку въ свою́ зе́млю ви́сватати. Найбільша річъ тутъ були́ торги́ зъ Гре́ками: ста́вши бо сами́ христия́нами, більший собі до́ступъ у Гре́цькі городи́ Русь одкри́ла, а потова́ришивши зъ Гре́ками, и на́дто почавъ Ки́ївъ и и́нші городи́ багатіти.

Такъ на́ша Вкраіна изъ старода́вньо́го свого́ поря́дку въ и́ншій поря́докъ увіхо́дила и одні свої вигоди на дру́гі миня́ла. До прихо́ду Рю́рикового кня́жого ро́ду, вміла вона́ я́кось одъ окольчнихъ хижаківъ борони́тись и въ своіхъ розло́гихъ поля́хъ доволі кохатися, а про-те́ за князька́ми и іхъ ору́жнимъ лю́домъ більший знайшла́ собі за́хистъ. Хочъ же й приймали́ бі́ду городи́ й се́ла одъ кня́жихъ дружи́нъ и усо–

биць, та вся Ру́ська земля́ у одну́ си́лу спая́лася. Ще жъ и на́дто: черезъ те са́ме, що князі оди́нъ на одно́го войно́ю ходи́ли, іхъ ділени́ці поміжъ се́бе лу́чче обізнава́лись и торги́ почали́ міжъ се́бе частійше ма́ти, и лю́дськости одні въ одни́хъ набіра́тись. Такъ же са́мо й до Гре́цькоі віри, що кня́жа дружи́на съ кня́земъ поприйма́ли, та й по всій землі Ру́ський приму́сомъ роспросте́рли. Не мало́го ко́лоту ся новина́ по всіхъ се́лахъ и города́хъ начини́ла; бо волхва́мъ невіголо́симъ тя́жко було́ своéі сла́ви поміжъ ми́ромъ збу́тися и своі прибу́тки нови́мъ попа́мъ уступи́ти. Вони́ наро́дъ бунтува́ли; по гая́хъ одъ попівъ кри́ючись, розбо́ями живи́лись; якъ же кня́жа дружи́на розбо́і вгамува́ла, вони́ по не́трахъ и болота́хъ слу́жби своі невіголо́сі пра́вили, старосві́тські пісні, игрища́ таемни́чі зъ ро́ду въ рідъ перека́зували, и до́вго міжъ селя́нъ, по́тай христия́нъ, пробува́ли, ажъ по́ки церкви́ по всій землі Ру́ській загусти́лися и попи́ люде́й страшни́мъ судо́мъ одъ нихъ оджахну́ли, або́ си́лою голдува́ти собі зму́сили. Тоді вони́ знахуря́ми й знахурка́ми по се́лахъ одригну́лися, а старода́вня віра Славя́нська по сей часъ у пісня́хъ, святкови́хъ игрища́хъ, звича́яхъ и забубо́нахъ поміжъ селя́нами оста́лася. Такъ Гре́цька віра Славя́нську віру изъ зеле́нихъ гаівъ, изъ лева́дъ, степівъ и па́шень ви́ругувала, гая́мъ и во́дамъ мовча́ти про предковічнихъ богівъ веліла и въ сумови́ті церкви́ селя́нъ позбіра́ла. Пова́жчало тоді на наро́дъ, бо князі, опрічъ свого́ су́ду кня́жого, судъ церко́вний уста́вили и за вся́ку вину́ противъ Гре́цького Номокано́ну пла́ту влади́камъ и іхъ підру́чникамъ назна́чили [33]. Чи хто зъ дівчя́мъ бли́зько зійшо́вся, чи дівчи́на необа́чно съ кимъ полюби́лася, чи хто прогна́въ одъ се́бе жінку, чи хто що вкравъ у ко́го, чи хто підпали́въ кого́, чи хто кого́ пога́но нала́явъ,—за все, про все му́сили городя́не и селя́не не меншъ трёхъ гри́вень срібла́ влади́камъ плати́ти, а три гри́вні тоді трёхъ волівъ коштува́ли. И вже въ церко́вному су́ді вічові звича́і геть уступа́ли; пра́вди тутъ голоса́ми мирськи́ми не дошу́кувались, бо въ Гре́цькій землі давно́ те повиво́дилось. Оце́ жъ Гре́цькі поря́дки черезъ Номокано́нъ почали́ по на́шому Слявя́нському ми́рові ши́ритись и на́шу Славя́нську жизнь на чужи́й ладъ перестро́ювати. Влади́ки по города́хъ и во́лостяхъ мовъ би по́ві уді́льні князі поста́ли, бо въ іхъ були́ й своі лю́де піднача́льні, кото́рихъ князі не суди́ли [34], и во́лостелі, кото́рі тако жъ, якъ и кня́жі во́лостелі, вся́ку вину́ поміжъ ми́ромъ вишу́кували, розбіра́ли и су́дній о́купъ на влади́ку бра́ли. Влади́ки по города́хъ вагу́ й міру уставля́ли; влади́ки десяти́ну съ кня́жого су́ду, одъ

торго́вого ми́та, одъ дани́ни и одъ ви́ри чи пені, и одъ уся́кого прибу́тку кня́жого на свої потреби́зни одбіра́ли. Вже жъ догада́тись, и въ літопи́сця не пита́ючи, мо́жна, чи влади́чні во́лостелі дошу́кувались проміжъ ми́ромъ, хто яку́ вину́ противъ іхъ Номокано́ну вдіявъ, коли́ й за те йшла на влади́ку пла́та, якъ хто по-жіно́чій оди́нъ зъ одни́мъ би́тися за́чне [35].

Тимъ ча́сомъ почало́ й добро́ съ то́і новини́ виника́ти. При церква́хъ, при кня́жихъ двора́хъ и манастиря́хъ почали́ книжки́ заво́дитись и що́ зазна́е Би́блія одъ поча́тку світу, и що́ перека́зано Гре́камъ, черезъ писа́ння, одъ старода́вніхъ ча́сівъ, все те почало́ до насъ потро́ху перехо́дити и людськи́й ро́зумъ розширя́ти. Опрічъ Би́бліі, кото́ра дала́ поча́токъ о́світу не одному́ вже наро́дові, и въ само́му Номокано́ні, кото́рий Ко́рмчою, чи то бъ то пра́вною кни́гою на́звано, бага́то де́-чого про и́нші зе́млі й наро́ди повпи́сувано. Все жъ те чита́лось, що да́льше, то все густі́йшъ по зе́млі Ру́ській, а хто чита́въ, той неписьме́ннимъ роска́зувавъ, и такъ о́світъ пома́лу міжъ людьми́ ши́рився, и на́ша Вкраіна почала́ потро́ху дознава́тися, якъ стоіть світъ и якъ жили́ й живу́ть по́ світу вся́кі наро́ди. Ще жъ се не все. По́ві Христія́не, упе́внившись, що на тімъ світі не бу́де вже ні печа́ли, ні воздиха́ння, а вічня ра́дість у раю́ въ Бо́га, покида́ли по́часту свої се́мъі й доста́тки, и ходи́ли въ Гре́цію, щобъ іще́ більшъ по дале́кихъ церква́хъ и монастиря́хъ ново́і віри навчи́тись и про доро́гу въ рай поміжъ людьми́ спасе́ними роспита́тися. Пало́мниками такі лю́де зва́лися, и сі пало́мники, верта́ючись до домівокъ, розно́сили въ наро́ді ніби живу́ слове́сну нау́ку про дале́кі зе́млі й зако́ни й звича́і. Отъ же, чого́ торго́ві лю́де не перенесли́ одъ Гре́ківъ у Русь, торгу́ючи найбільшъ по города́хъ и ма́ло прожива́ючи въ се́лахъ, те пало́мники по се́лахъ міжъ охо́чими слухача́ми роспростира́ли и зе́млю слу́хомъ про и́ншу, просвіще́нну жизнь исповня́ли.

Ще за кня́зя Влади́мера по зна́чнихъ города́хъ влади́ки поста́ли: въ Ки́еві, По́вгороді, Росто́ві, Черні́гові, Бі́лгороді, Влади́мері на Воли́ні. Ті влади́ки, для свого́ жъ прибу́тку, церкви́ де змогли́ будува́ли, а при церква́хъ шко́ли заво́дили, щобъ письме́нство міжъ людьми́ роспросте́рти и на попівство письме́ннихъ собі загото́вити. То була́ ще одна кори́сть одъ віри Гре́цькоі, кото́ра зъ собо́ю бага́то й Византійщини поміжъ насъ упрова́дила. Влади́ки бо пе́рвимъ князя́мъ найповажнійшими пора́дниками ста́лися, а у вся́кому ділі вони́ за взіръ Византію собі ма́ли, тимъ и князя́мъ по-Византійскій ра́яли и Визан-

тійський духъ іхъ княжимъ порядкамъ надавали. А про-те іхъ церковні суди, которими вони семьі въ домовихъ справахъ и случаяхъ судили, по всій Руській землі роспростирали спокволя людські звичаі, що тільки въ Полянъ съ-поконъ-віку бували. Тільки бо Полянъ и, запевне, Новгородцівъ не довелось імъ наставляти, що не треба жінокъ собі крадькома хапати, не треба по дві, по три жінки разомъ держати, що зъ женськимъ поломъ треба звичайно поводитись и ради матери, сестеръ и родичокъ одъ усякого гнилого слова вдержуватись. Оце жъ, змусивши всякого силою, коли не словомъ, кинути старе варварство, Грецька віра, що церковнимъ судомъ и словесною наукою, а що й книжками церковними, надала більше Руському мирові людськости и всіхъ тихъ Кривичівъ, Радимичівъ и иншу півночню звіролювню дичу до Полянъ, скільки змогла, приподобила, а тимъ часомъ Библію и письменство по всій землі, хочъ и не хутко, роспростерла, и такъ Руський миръ одъ конця до конця одним розуменнямъ, яке бъ воно вже ні було, звязала.

Після сего всего, що ми сказали, подніпрянська старосвіщина, ті давні, глухі часи, якъ ище одно одного Полянином, Кривичемъ, Радимичемъ, Деревлянцемъ, або Дулібомъ чи Тиверцемъ звало, такъ у нашому умі визначаютця. Далеко одъ старенезної Греції, що вже давно здорову силу втеряла, далеко й одъ західньої Европи, що саме почала въ силу вбиватись, лежали краіни безъ гряниць, страшенними пущами повкривані, великими, широкими річками, озерами, недоступними болотами поперетинані, повні звіря и птиці всякої, повні дикої бжоли, що по дуплахъ віковічніхъ дубівъ и сосенъ сама собі роілася. Гуртами круторогі тури по ій буяють; табунами дикі коні по ії степахъ, по вольнихъ травахъ носятця; лосі, олені, серни, сугаки одъ вовківъ по темнихъ нетрахъ шарахкають. Дико, понуро по тихъ краінахъ; людський голосъ рідко де чути. Скрізь ячять лебеді та гуси на тихихъ водахъ; скрізь гомонить лісове птаство та шумлять, якъ те море, високоверхі, зъ віку неруbані пущі. Тільки понадъ Дніпромъ людські осели позаймали узгіръя й долини та понадъ Припеттю, Окою и иншими річками тулятця по болотяніхъ зарослях села, ховаючись одъ лихихъ сусідъ и по всякъ часъ сподіваючись нападу. Літомъ немае проізду впоперекъ Украіни за водяністими низинами; зимою тільки звіролови та чужоземні торгові гості прокладують дороги черезъ болота, черезъ озера, скуповуючи шкури й воски на вивозъ у Німецькі и Грецькі землі. Уподовжъ Украіни

йде вели́ка водяна́ доро́га съ півно́чи на по́лудень. Ору́жний людъ просту́е хи́жими ку́пами зъ Варя́зького побере́жжя въ бага́ту Гре́цію шука́ти кра́щоі до́лі. Обізна́вшись изъ нимъ, почали́ на́ші Славя́не тихъ проча́нъ до се́бе оборо́нцями й су́ддями прийма́ти. За іхъ при́водомъ, Новгоро́дці підклони́ли підъ одну́ власть своіхъ сусідъ півно́чніхъ, а Поля́не—своіхъ сусідъ полуде́ннихъ. Тимъ спо́собомъ вся́ка земля́, чи близька́, чи дале́ка одъ Поля́нъ подніпря́нськихъ, почала́ зъ ни́ми обізнава́тися и лю́дськости звідсіля́ набіра́тися. Съ Ки́ева князі на полю́ддя ходи́ли и всю зіму зъ дружи́ною по се́лахъ перехо́домъ гуля́ли. Съ Ки́ева вони́ у своі ділени́ці прибува́ли и зъ собо́ю гото́ву дружи́ну приво́зили. Съ Ки́ева жъ почали́ навпо́слі й влади́къ по города́хъ ста́вити и ввесь причтъ імъ изъ люде́й Ки́евськихъ дава́ти. По́тімъ у Ки́еві манасти́рь Пече́рський прояви́вся и шко́лою черне́цтва на всю Ру́ську зе́млю ста́вся. Оце́ жъ съ того́ ро́ку, якъ Кия́не піддали́ся Оле́гові, почали́ Поля́не на всі сто́рони всіма́ спо́собами свою́ лю́дськість роспростира́ти, а да́лі (якъ поба́чимо ни́жче) и степови́хъ ди́кихъ хижаківъ, що по да́вніхъ узгряни́ччяхъ поза Сулою, поза Сту́гною кочува́ли, и тихъ почали́ Поля́не ого́втувати, на узгряни́ччахъ города́ми оса́жувати и въ своіхъ люде́й претворя́ти. Такъ Украіна и во́лею й нево́лею зъ нерухо́мости ви́йшла, на всі сто́рони свіжими си́лами ки́нулась и зъ роски́данихъ по безкра́ій о́бширі наро́дівъ одну́ Русь учини́ла. Не де́шево жъ ій сей вели́кий по́двигъ обійшо́вся: набра́лась вона́ вся́кого ли́ха одъ сами́хъ тихъ козарлю́гъ, що по всёму́ світу іі всла́вили и одъ сторо́нніхъ хижаківъ оборони́ли. Хоть же вони́, вою́ючи и порядку́ючи, тільки за здо́биччю ганя́лись и хижа́цьку пиху́ вдовольня́ли, а про людське́ добро́ ма́ло дба́ли, та все жъ, за іхъ при́водомъ, наша Вкраіна духъ свій наро́дній у боя́хъ и приго́дахъ загартува́ла, та й да́льшимъ, уже́ не кня́жимъ, а коза́цькимъ віка́мъ той сами́й гартъ передала́. Тимъ-то й годи́тця намъ у свою́ исто́рию іхъ по́двиги кріва́ві повпи́сувати и іхъ ди́кі, боёві о́брази передъ пото́мками впова́жнити.

ПРИПИСКИ ДО ПЕРВОІ ГЛАВИ.

1) Не самі себе́, ма́буть, прозва́ли сі лю́де Поля́нами, Деревля́нами, Сіверя́нами: до сёго́ бо ча́су на́ші Черні́гівці звуть Полта́вцівъ Полёвика́ми и Степовика́ми, а ті звуть Киівці́въ, що живу́ть ви́сче Киева, Поліщука́ми, такъ са́мо, якъ задесе́нськихъ Сіверя́нъ—Литви-

на́ми; самі жъ Полта́вці и верхові Київці́ не гово́рять про се́бе: »Ми—Полёвики́, ми—Степовики́, ми—Поліщуки́«, все одно́, якъ и за-Десе́нці не ска́жуть про се́бе: »Ми—Литвини́«. Пе́вне, вони́ зва́лись поміжъ се́бе тільки Славя́нами, розуміючи *сло̀во* одно́ дру́гого.

2) П. Соловьевъ, розбіра́ючи літопи́сця Не́стора, докла́дно ви́вівъ, що въ XI віку му́сивъ Не́сторъ позапи́сувати спо́минки про IX-й и давні́йші віки́, розуміючи діло по свое́му ча́сові,—тимъ вінъ и князівъ натвори́въ Поля́намъ ще до Аско́льда и Ди́ра. (*Истор. Росс.* III. 123). Спра́вді нічого й спомина́ти про Ки́я, Ще́ка и Хори́ва, кото́рі ніби-то кня́жили въ Поля́нъ. Чужозе́мні писа́телі, якъ отъ Проко́пий, запевня́ють, що Славя́не правува́лися спе́ршу безъ князівъ, ра́дами; та й самъ Не́сторъ пи́ше, що до Ки́я (про кото́рого не про́сто оповідуе, а припи́суе: *якоже сказуютъ*) Поля́не »живяху кождо съ родомъ своимъ и на своихъ мѣстехъ, владѣюще кождо родомъ своимъ«, и въ літопи́сці Перея́слава Су́здальского запи́сано: »а Деревляне собѣ, а Дрягвичи собѣ жить (начаша), а Словене собѣ Новгородци, а Полочане такожъ безъ князей«.

3) Не́сторъ хва́лить найбільшъ Поля́нъ, бо й спра́вді паха́рство ладна́е міжъ собо́ю люде́й найкра́сче и звича́і імъ надае́ найкра́счі: »Поляне бо своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣяху; брачныи обычаи имяху: не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завътра приношаху по ней, что вдадуче«. (*П. С. Русск. Лѣт.* I, 6). А Деревля́нъ Не́сторъ гу́дить, що вони́ »живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотськи: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця (1). И Ра-

(1) П. Соловьевъ, въ своій *Исторіи Россіи*, гово́рить, що Не́сторъ му́сивъ бу́ти самъ Поля́ниномъ, тимъ и хва́лить Поля́нъ, бо отъ же, ка̀же, и въ XVII віку въ Поля́нъ хапа́ли собі жіно́къ, такъ якъ, по Не́стору, було́ тілько въ Деревля́нъ, Сіверя́нъ и и́ншихъ Словя́нъ, та й зда́вся на Бопла́на. Шко́да, що п. Соловьевъ не завва́живъ, яку́ нісені́тницю роска́зуе Бопла́нъ на тому́ жъ са́мому листку́, де й про хапа́ння жіно́къ гово́рить: безъ сорома́ верзе́, що ніби-то на́ші дівча́та-Украінки сами́ ходи́ли сва́тати за се́бе лю́бого па́робка. Якъ же тако́му оповідачу дава́ти віру, та ще й Не́стора нимъ виясня́ти? Самъ Бопла́нъ постерігъ, що ду́же вже перехи́бивъ, та й ка́же: Pour moy, en dix sept ans que i'ay esté en se pays, ie n'ay point ouy parler que cela y soi arriué,—щобъ ухопи́въ собі си́лою жінку, а историку байду́же! Байду́же ёму й на те, що, по Бопла́ну, паробки́ не тілько свою́ рівню такъ хапа́ли, та хочъ би й па́нську дити́ну. Аби́ вхопи́въ та перехова́вся зъ не́ю су́тки, то вже, ка́же, й оддаю́ть за ёго. (Description d'Vkranie, etc., par le Sieur de Beauplan, a Rüen, MDCLX, p. 64.) Той же сами́й Бопла́нъ у тій же кни́зці пи́ше, що пани́ знуща́лись и гордува́ли ду́же підда̀ними. Якъ же до́чокъ своіхъ хапуна́мъ оддава́ли? Убо́гі, зада́влені лю́де хапа́ють собі до́чокъ у панівъ, и пани́ по́слі не спреча́ютця. Се якъ разъ годи́тця въ уче́ну цита́ту до Не́стора!... Ils sont contraints, пи́ше Бопла́нъ, de donner à leurs mestres ce qu'il leurs plaist demander, de sorte que ce n'est pa merueil si ces miserables n'amassent iamais rien, assuietis qu'ils sont à des conditions si dures:

димичи и Вятичи, и Сѣверъ одинъ (такій же) обычай имѣху«. (Тамъ же). Отó жъ пéвно все бувъ народъ звіролóвний, а не пахáрьский (1). Що Сіверя́не и Радúмичи не сховáлись у пу́щахъ одъ хижакíвъ Козáръ, то се тимъ, що вонú жилú по сей бікъ Днíпра́; Деревля́не жъ мáли собі зáхистъ: одно́—Днíпро́, дру́ге—Поля́нъ, а тре́тє—велúкі пу́щі и болотá; то жилú наро́домъ дúкимъ и во́льнимъ, и самóму Олéгові не зъ рáзу піддалúся, а пóслі на Игоря повстáли. Мáбуть, невóля іхъ змýсила до такóго звичáю, щобъ жінóкъ собі сúлою хапáти, бо Поля́не, живучú на ролі, не давáли своіхъ дівчáтъ (якъ-то домисля́тися мóжна) волоцю́гамъ, що одъ нихъ по гаяхъ поросхóдились, не хотівши, мáбуть, укýпі на ворогівъ бúти, або́ данúну хижакáмъ давáти. Пóслі вже, якъ обжилúсь у пýщахъ, то й самú въ сéбе, старúмъ звичáємъ, дівчáтъ хапáли. Истóрия úншихъ народівъ, що зъ розбишáкъ постáли, догáдку сю піднирáє. Новгородці жъ, вúдно, не съ такúхъ волоцю́гъ зложúлись, бо про нихъ Нéсторъ не спомянýвъ, говóрючи, що й Радúмичи, и Вя́тичи и Сіверъ одні звичáі мáють, та и вся іхъ истóрия свідчить, що вонú більшъ до Поля́нъ, аніжъ до якúхъ Вя́тичівъ, чи Радúмичівъ приподобля́лися. Се, мáбуть, булú дóбрі молóдці, котóрі човнáми по широ́кому Днíпру́ гуля́ли, всі ёго прúтоки зъіздили та й до слáвного óзера Ильмéня перескóчили, и Нóвгородъ собі, на взіръ старóго надніпря́нського гóрода, надъ річкою Вóлхвою збудувáли. Хочъ же й змýсили іхъ замóрські хижакú дань собі давáти, та гля́ньмо, якóго дýху се булú лю́де: »Изъгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти«. (*П. С. Русск. Лът.* I. 8.) Тільки жъ, що навпóслі, мáбуть, багáтші на убóжшихъ насіли, або́ однá сторонá другу обижáла, чи городя́не селя́нъ утискáли, або́ Новгорóдці Мéрю, Весь, Чудь почалú пíдъ сéбе пíдгортáти, а ті, мáбуть, не давáлись,—тимъ и написáвъ Нéсторъ: »и не бѣ правды въ нихъ«. Тоді-то, мáбуть, знемігшись у чвáрахъ та боя́хъ, я́кось поміркувáлись усі—стáршу гóлову, кня́зя, изза мóря собі вúзвати. А що *новúй гóродъ* надъ Вóлхвою (2) бувъ сúномъ старóго гóрода надъ Днíпромъ, вúдно по мóві й звичáяхъ Новгорóдськихъ (дармá, що Ивáнъ III Москóвський деся́тки тúсячъ сéмей у

Mais c'est encore peu de chose, car leurs Seigneurs ont puissance absoluë, non seulement sur leurs biens: mais aussi sur leurs vies (а дóчокъ не однімáють!), tant est grande la libertè de la noblesse Polonnoise (qui vivent comme en un Paradis, et les Paysans comme s'ils estoient en un Purgatoire). (Тамъ же, p. 8).

(1) Збива́е сю догáдку одно́ словцé у п. Соловьева, що Радúмичи платúли данúну Козáрамъ, а пóтімъ и Олегові по два шéляги одъ *рала* (*Ист. Рос.* I, 110). Тільки Нéсторъ про рàло не говóрить, а пúше такъ: »и вдаша Олегови по щьлягу, якоже и Козаромъ даяху«. (*П. С. Русск. Лът.* I, 10). Що разъ написáвъ Несторъ про сю данину: »Козары имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ, и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма«. (Стр. 8). А все-такú про рало немá въ ёго рéчи.

(2) Самі Новгорóдці говорúли *ся* Вóлховъ, а не *сей* Вóлховъ: »Волховъ наша съ молоду не молола, а чи на старость учнетъ молоть?» (*П. С. Русск. Лът.* IV, 297).

глибóку Москóвщину вúселивъ, а Москалівъ сюди́ понасилáвъ, а Ивáнъ IV Грозный ще бíльше Новгорóдцівъ, старúхъ и новúхъ, вúгубивъ); та й по тóну самóго літопúсця нáшого те жъ сáме завважити мóжна. Ось бо погляньмо. Підня́вши зъ собóю людéй охóчихъ до здóбичи зъ своїхъ підрýчніхъ сусíдъ: Чýді, Мéрі, Вéсі, Крúвичей, Олéгъ прийшóвъ до Кúева и заявúвъ, що Новгорóдський князь мáе до ёго прáво: »и рече Олегъ Асколду и Дирови: вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа, вынесоша Игоря, и се есть сынъ Рюриковъ. И убиша Асколда и Дира«. (Тамъ же, 10). Кúевъ приня́въ до сéбе Олéга Новгорóдського безъ бóю. А навпóслі Нóвгородъ прóсить собі за кня́зя, для поря́дку, кого–нéбудь изъ молодúхъ княжáтъ у отця́ іхъ, Кúевського князя Святослáва. Владúмеръ князь изъ Новгорóдцями вируговуе съ Кúева Ярополка; Ярослáвъ—Святополка; и завсегдá—чий Кúевъ, до тóго тя́гне й Нóвгородъ, и не одрива́етця вінъ одъ Кúева ажъ до Татáръ. Та й Нéсторъ, говóрючи, якъ прозива́лись сусіде Новгорóдські, про самúхъ Новгорóдцівъ пúше, що въ нихъ не булó нія́кого такóго имéння, якъ отъ: Весь, Чудь, Мéря, Крúвичи, а зва́лись вонú по–старóму Славя́нами. »Словѣни же сѣдоша около езеря Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новъгородъ«. (Тамъ же. 3). Вбача́емо въ тóму озна́ку, що Новгорóдці прийшлú на Ильмéнь, якъ ужé тамъ булú íнші нарóди, бо ка́же літопúсець *прозвашася*. Не самú вонú себé прозива́ли, а сусіде. Чогó жъ вонú звали іхъ Славя́нами, бýвши й самú (якъ домисля́ютця) тежъ Славя́нами? Отó, мáбуть, сі Славя́не позаходили здáвна и осíли поміжъ нарóдівъ не–Славя́нськихъ и зъ нúми вже пéвно помішáлися; якъ же прийшлú чúсті подніпря́нці, то я́къ íнше булó іхъ прозивáти? Подніпря́нами не до–ладý, бо Дніпрó бувъ дáлеко; Поля́нами тежъ не впадáло, бо вонú поля́ покúнули; а нарóдъ вонú булú чúстий, архи–Славянський,—отъ и »прозвашася своимъ имянемъ«. А що не прóзвано іхъ по рíцці абó по óзеру, то се—домисля́емось—тимъ, що вонú мýсили прийтú торгóвими гостьмú міжъ дáвніхъ тубóльцівъ, а якъ булú лю́де поря́дку вúсчого, ніжъ Мéря абó Весь, то зáразъ собі »сдѣлаша градъ.« Гля́ньмо: ні про кóго не сказáвъ Нéсторъ, щобъ прийшóвши зáразъ градъ изробúли. Пéвно, то булú лю́де зъ гóрода захóжі; пéвно жъ булó щó й оберегáти въ гóроді; пéвно жъ и поря́дку булú сі лю́де вúсчого одъ сусíдъ, колú гóродомъ умíли сидíти. И покáзуе–такú дáльша истóрия, що вонú булú поміжъ верховúми Славя́нами передовикáми, бо завсегдá були сéрцемъ всіхъ окрýжнихъ нарóдівъ. Гля́ньмо жъ ищé й зъ другóго бóку. Якъ осíлись Новгорóдці надъ Вóлхвою, то й Поля́не ніякъ íнше іхъ не звáли, якъ Славя́нами, абó, по *нóвому* гóроду, Новгорóдцями (причúна та жъ сáма, що й у сусíдъ Новгорóдськихъ),—все однó, якъ пізнíйші Укрáінці Запорожáнъ прозивáли по Порóгахъ Запорóзцями, по Дніпрóвому Нúзу Низовця́ми, а про–тé знáли, що вонú тáя жъ Русь, тúі жъ Украінці. Нéясторъ такъ сáмо споминáвъ письмóмъ про тіхъ Славя́нъ далéкихъ, якъ ми

въ своїхъ книжкáхъ споминáемо про далéкихъ нáшихъ земляківъ Запорóзцівъ, абó Чорномóрцівъ.

4) Колú Новгорóдці съ Полянъ похóдять, то, пéвно, не розбóемъ мандрувáли іхъ прéдки по річкáхъ–верховúнахъ: не зъ велúкою, мáбуть, сúлою вúйшли вонú зъ нúзу, що, зробúвши собі гóродъ, сусідъ пíдъ сéбе не підгóртували, а зъ малóю сúлою не здолáли бъ вонú пройтú розбóемъ лю́дні узріччя (бо тоді узріччя булú найлюднійші), та й мýсили бъ вернýтись до свогó кошá, внизъ; атó ні: перейшлú черезъ вóлокъ зъ Дніпрá на річку Ловáть и самé вúдне місце, до тóргу найгоднíйше, пíдъ новúй кíшъ вúбрали.

5) П. Костомáровъ вúяснивъ намъ докладно слóво *Варя́гъ* (*Совр.* 1860, кн. I, 6). Слóва сéгó ще й не булó тоді, якъ кня́зі Русь загніздúлись у Новгороді и въ Кúеві. Нéсторъ, писáвши въ XI вíкові, якъ ужé слóво *варя́гъ* почалó знáчити орýжного затя́зцю, приложúвъ се слóво и до кня́зівъ, котóрі булú Русь по своéму рóдові, а варя́гами не звáлись.

6) И про Кúївъ пúше Нéсторъ, оповідуючи про миойчнихъ кня́зівъ Кúя, Щéка и Хорúва: »Бяше около града лѣсъ и боръ великъ и бяху ловяща зверь«. (*П. С. Русск. Лът.* I, 4). И вдрýге: »наидоша я Козарѣ сѣдящая на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ«. (Тамъ же, 7.). То прáвда, що сúми самúми словáми Нéсторъ показýе, що за ёгó чáсівъ не булó вже навкругú Кúева велúкого бóру; такъ не забуваймо жъ, що двісті рóківъ пройшлó одъ пéрвого нáходу Рýсі до Нéсторового писáння; та ще жъ: колú Кúївъ такúмъ дúкимъ лісовúмъ містомъ здавáвся Нéсторові въ дáвні чáси, то мýсивъ вінъ—и мúмо традúції — съ чóгось узя́ти свою звіролóвню картúну. Що вóди стоя́ли тоді по Вкраíні велúкі и наповня́ли річні корúта, по котóрихъ тепéръ трáви кóсять, абó й плýгомъ óрють, се всякому відомо съ тихъ нáходокъ водохóдніхъ, що въ нáшихъ річкáхъ и болотáхъ знахóдять. Отъ и недáвніми чáсами найдено въ ріцці Золотонóші величéнний мідяни́й я́кірь; идóсі вінъ стоíть у Золотонóському манастирéві.

7) Нéсторъ пúше, що Поля́не и іхъ сусіде давáли Козáрамъ дань »по бѣлѣ и вѣвериць отъ дыма«, то, мóже, ся данúна и тоді вже звáлась подúмнимъ.

8) Знáемо, що такъ воно́ мýсило бýти съ тóго, що, якъ поздáвано навпóслі дé–які сéла манастиря́мъ, то чéнці ходúли въ–осени на полюддя тимъ же самúмъ рóбомъ, що й кня́зі. Старосвíцькі звичáі не запúсувались, бо зъ рóду въ рíдъ іхъ памятáли и úншого прáва надъ звúчай не знáли. Се вже тоді почалú звичáі закóнами въ статýти и въ уставні грáмоти вписуватись, якъ нові порядки на Вкра-

іні позаво́дились и старе́ звичаёве пра́во ста́ли занедбо́вувати. Тимъ-то держа́вці випро́шували на своі зе́млі у князівъ Лито́вськихъ и въ королівъ По́льскихъ оборо́нні гра́моти, и въ гра́мотахъ поновля́ли письмо́мъ старода́вні звича́і и на да́льші ча́си уже́ зако́номъ іхъ перека́зували. До насъ дійшла́ съ поча́тку XV віку за́пись про грошові и медові да́ні Софи́йськоі митрополи́чоі о́тчини, и зъ не́і ми вбача́емо старода́вній зви́чай підійма́ти и вгонобля́ти бірчихъ. Напи́сано тамъ: »Подолѣшенськая земля подъ Полозомъ, а съ ней идутъ три ведра меду и поданье, а ночь пити«. (*Акты З. Р.* I, підъ 1415 р.).

9) Що тя́жко ляга́ло на селя́нъ кня́же люднува́ння ([1]), ви́дно съ то́го, що де схотівъ князь, тамъ и прибільшувавъ дань. Новгоро́дці плати́ли Оле́гові »ми́ра дѣля« (одчепно́го бъ то) 300 гри́вень, якъ перейшо́въ вінъ у Ки́івъ, а за Влади́мера вже се́е »ми́ра дѣля« коштува́ло імъ у де́сятеро, бо 2,000 гри́вень присила́ли вони́ въ Ки́івъ та 1,000 роздава́ли дружи́ні, що стоя́ла въ Но́вгороді зало́гою. Яки́й же бувъ драпіка Игорь Рю́риковичъ, се ми зна́емо до́бре. »И приспѣ осень, нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большую дань— —иде въ Дерева въ дань и примышляше къ первой дани, насиляше имъ, и мужеве его; возъемавъ дань, поиде въ градъ свой. Идущю же ему въспять, размысливъ рече дружинѣ своей: идѣте съ данью домови, а я возъвращюся, похожю и еще——и вышедше изъ града Изъкоръстеня Деревляне, убиша Игоря и дружину его«. (*П. С. Русск. Лѣт.* I, 23.) Послу́хаймо жъ ище́ Дани́ла Зато́чника, що́ вінъ про князівъ пи́ше: »Не имѣй себѣ двора близь княжа двора, не держи села близь княжа села, потому что тіунъ его—какъ огонь и рядовичи его—какъ искры«. (*Пам. Слов. XII в.* 235).

10) Тимъ-то й Оле́гъ, підпли́вши човна́ми підъ Ки́івъ, оповісти́въ себе́ Аско́льдові и Ди́рові лю́домъ торго́вимъ, ро́дичами держа́вцівъ Ки́евскихъ. Сю исто́рию ми въ свое́му те́ксті пропусти́ли, бо вона́ й Не́стору да́внімъ пода́ннямъ пере́дана, и хто зна́е, скільки въ ій пра́вди? Здае́тця, воно́ такъ було́, що не всімъ Рюрича́намъ у верхови́хъ зе́мляхъ уподо́балось, то дво́е яки́хсь зна́чнихъ люде́й кликну́ли на охо́тника, та й спусти́лись уни́зъ кра́счоі до́лі собі шука́ти. Аско́льдомъ и Ди́ромъ Не́сторъ іхъ назива́е. Въ Ки́еві імъ до́бре повело́ся; пла́вали вони́ Дніпро́мъ и въ Гре́цьку зе́млю за здо́биччю, Гре́цькі се́ла жа-

---

([1]) Не зна́емо, чи було́ таке́ сло́во, чи ні, тілько на́ше ильнува́ннє троха́ чи не сяга́е ча́сівъ полю́дноі кня́жоі да́ні. За ти́сячу ро́ківъ воно́ скриви́лось, а зви́чай оста́вся: ильну́ють у насъ попа́ді якъ разъ такъ, якъ князі ходи́ли на полю́ддя. Ду́мають, що *ильнува́ння* пішло́ одъ лёну, що попа́ді лёнъ у селя́нъ вимага́ють; а намъ здае́тця, що се кня́же полюднува́ння одрига́етця: не за одни́мъ бо лёномъ попа́ді хо́дять по лю́дяхъ; та въ и́ншихъ се́лахъ и въ заво́ді нема́е лёну, а ильнува́ння всю́ди есть, де есть, піпъ, а въ попа́—попадя́.

кува́ли и хижа́цькоі сла́ви собі набува́ли. Ся–то, ма́буть, сла́ва дійшла́ й до Но́вгорода. Новгоро́дські князі, пе́вно, Аско́льдові й Ди́рові позави́дували и приплили́ съ поту́гами підъ Ки́івъ. Поки́нувши більшу часть човнівъ оддалікъ Ки́ева, підплили́ вони́ двома́ чи трёма́ до при́стані, похова́ли підъ чердаки́ свою́ дружи́ну, щобъ люде́й не поло́хати, и посла́ли до Аско́льда и Ди́ра. »Ро́дичі ваші, мовля́въ, прийшли́; ходіть на при́стань привіта́йтеся«. Ті прийшли́, про свою́ го́лову не порахува́вши, а тутъ іхъ за́разъ обско́чили, та й те́мний по́хоронъ імъ спра́вили. »И убиша Аскольда и Дира, несоша на гору, и погребоша и на горѣ, еже ся нынѣ зоветь Угорьское, гдѣ нынѣ Олъминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ Олъма церковъ святаго Николу, а Дирова могила за святою Ориною«. (*П. С. Русск. Лѣт.* I, 10).

11) Козаки́ воюва́ли звича̀емъ варя́зьскимъ и зва́ли свою́ сла́ву золото́ю. Пе́вно, такъ вона́ звала́сь и въ варя́гівъ. Святосла́въ говори́въ про сла́ву (у Ле́ва Дя́кона кн. IX, гл. VII) зовсімъ такъ, якъ козаки:

»Пропаде́, мовъ пороши́на зъ ду́ла,
Та коза́цька слѐва,
Що по всёму світу ди́вомъ ста́ла...

12) По *Ру́ській Пра́вді* гри́вню пла́чено за вола́: така́ була́ іі ціна́. »Оже за кобылу 60 кунъ, а за волъ гривну«. (*Изсл. о Р. Правдѣ*, Н. Калачова, 95). Про гри́вню див. у Карамзина́ въ *Ист. Г. Р.* I, прим. 298.

13) До́бре, мабу́ть, вдали́ся въ зна́ки Гре́камъ ті хижаки́, що, догово́рюючись изъ Игоремъ, вони́ постанови́ли, щобъ, прийшо́вши Русь у Царьгра́дъ, жили́ тільки коло свято́го Ма́ми, а не по всёму́ го́роду, и въ го́родъ щобъ увіхо́дили съ човнівъ своіхъ невели́кими ку́пами, по півъ–со́тні, безъ ору́жжя. »Да входятъ въ городъ одинѣми вороты со царевымъ мужемъ безъ оружья мужь 50, и да творятъ куплю, якоже имъ надобѣ, паки да исходятъ; и мужь царства нашего да хранитъ я́.« (*П. С. Русск. Лѣт.* I, 21).

14) Такъ навпо́слі на́ші гетьмани́ держа́ли собі въ поко́рі Запоро́зький Низъ, кото́рий до́бре промишля́въ звіроло́вствомъ, ри́бою, стада́ми, табуна́ми й ота́рами, а хліба роби́ти не спромігся (за Тата́рами). Гетьма́нъ Виго́вський говори́въ царсько́му посланце́ві Ра́гозину 1657 ро́ку: »Якъ не звелю́ я до Запоро́зцівъ пропуска́ти зъ запа́сами люде́й торго́вихъ, то імъ нічого бу́де істи«. (Моск. Арх. Мин. Ин. Д. 1657, № 16).

15) Якъ воюва́въ Святосла́въ изъ Цими́схиемъ, то одвітува́въ ёму́ зго́рда, що ёго́ дружи́на не поде́нщики; своіми рука́ми собі хліба не

роблять. (Leo Diac. VI.) Наверта́ютця тутъ на па́мять коза́цькі слова́ зъ наро́днёі ду́ми.

И вже мині не честь, не подо́ба по рілля́хъ спотика́ти,
Жо́вті сапъя́нці каля́ти,
Дороги́і су́кні пи́ломъ набива́ти;
А хо́четця мині, ма́ти,
Підъ го́родъ Тяги́ню піти́ погуля́ти,
Сла́ви-лица́рства коза́цькому вій'ську доста́ти.

16) Вже въ догово́рі Игоря зъ Гре́ками, ро́ку 945, між ро́дичами кня́жими и торго́вими людьми́ вбача́емо йме́ння Славя́нські; а въ догово́рі Оле́га все ще були́ чужозе́мні.

17) За Оле́га кня́зя, Печеніги воюва́ли съ Коза́рами и іхъ підда́ними Уграми, а по́слі, погна́вши Угрівъ на за́хідъ, прису́нулись вони́ до землі Ки́евської. Не́сторъ спомина́е про нихъ упе́рве підъ 915 ро́комъ.

18) Гипоте́за п. Ива́нишева, кото́рий про ту су́дню ра́ду ви́явивъ учёному ми́рові вели́кої ваги́ и ціни́ фа́кти. (*Русск. Бес.* 1857, III, 18).

19) По́ки сиділи кнізі-Русь въ Новгоро́дській землі, то притягли́ підъ свою́ ру́ку тільки Кри́вичівъ, Ме́рю, Весь, Чудь; більшъ не си́ла була́ притягти́; Коза́ре на низу́ панува́ли. Та й про похо́ди іхъ було́ не чува́ти. А, сівши въ Ки́еві, ки́нулись вони́ и на Во́лгу, и на Чо́рне, и на Каспи́йське мо́ре. Хто жъ імъ ту си́лу нада́въ? Не аби́-якихъ, ма́буть, люде́й знайшли́ вони́ на Подніпря́нщині.

20) Спра́вді диву́е насъ та Оле́гова ря́дна зъ Гре́ками: тако́і ря́дни не зложи́въ би ніякі́й ва́рварський людъ того́ ча́су,—не зложи́ли бъ и Норма́ни, що всю́ди тоді въ Евро́пі побере́жжя ша́рпали. Тамъ ска́зано: »на удержаніе и извѣщеніе отъ многыхъ лѣтъ межю христіяны и Русью бывшую любовь.« Ото́ жъ, пе́вно, Гре́ки зда́вна торгува́ли съ Поля́нами, и не за ди́кихъ ва́рварівъ іхъ зна́ли, коли́, у ря́дні божбу́ іхъ за оборо́ну пра́ва прекладали; коли́, тамъ же въ ря́дній, кара́ючи чоловіка за душогу́бство сме́ртю и худо́бу ёго́ ро́дичамъ уби́того оддаючи́, части́ну добра́ на жінку винова́того одділя́ли; коли́ за злодійство въ ря́дні пеню́ зъ ни́ми уставля́ли; коли́ чужозе́мське судно́, на бе́регъ ве́ржене, вповали Гре́ки въ цілости мі́жъ ни́ми бу́ти и на іхъ сторо́жу вбезпеча́лися.

21) Яка́ була́ умо́ва въ Новгоро́дцівъ съ пе́рвими князя́ми, которихъ вони́ до се́бе попріймали, ні звідкіля́ не зна́емо. Ма́буть, тоді ще скрізь по на́шій Славя́нщині зако́нъ изъ ро́ду въ рідъ звича́емъ

переходивъ, и старі голови були на вічовихъ радахъ замість вічистихъ книгъ и писаного права, якъ отъ п. Иванишевъ и въ XVI вікові ще завважившъ (1). Якъ же одъ крутої волі князької почало судне право итй въ непамять, або умисне князькими похлібцями притлумлятися, тоді Новгородці узяли въ свого князя Ярослава писану *Руську Правду*, щобъ не всякий тиунъ княженецький щохотя дравъ зъ виноватого на князя, а послі, приймаючи до себе новихъ князівъ, укладали зъ ними особні умови одъ *старійшихъ* и *меншихъ* людей (2). Отъ изъ тихъ-то найстарійшихъ писанихъ правъ довідуемось, що князь стоявъ тілько на оборони права мирського, яко третій суддя міжъ сутяжними, и на оборони землі мирської, яко отаманъ оружної сили, а самъ — щобъ ні податківъ надъ давній звичай не вимагавъ, ні землі въ свій рідъ не привлащувавъ. Вишшемо съ *первої Новгородської грамоти*, якъ вона ветця, найголовнійші річи: »На семъ, княже, цілуй хрестъ къ всему Новугороду, на цімъ то ціловали дѣди и отци и отець твой Ярославъ: Новъгородъ ти держати въ старинѣ по пошлинѣ (3); что волостій всѣхъ Новгородъскыхъ того ти, княже, не держати своими мужи, нъ держати мужи Новгородьскыми, а даръ имати тобѣ отъ тѣхъ волостій, а безъ посадника тебѣ волостій не роздавати; а кому роздаялъ

---

(1) *Русск. Бес.* 1857, III, 4:——»связь между селеніями крестьяне доказывали не законами и не договорами, а одною только давностію: »они сохо»датаи наши здавна будучіе«, или: »они издавна съ нами о шкоды вшелякія схо»живалися«. Далі, на стр. 7: »Такъ какъ каждый домохозяинъ обязанъ былъ присутствовать въ народныхъ собраніяхъ, и такъ какъ крестьяне въ молодыхъ лѣтахъ вступали въ бракъ и могли основывать отдѣльныя хозяйства, то поэтому каждый изъ нихъ имѣлъ возможность, въ теченіи многихъ лѣтъ, изучать народное обычное право и, въ свою очередь, передавать его младшимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ вѣче было не только народнымъ собраніемъ, но и школою для изученія права, которое, безъ помощи письма, сохранялось въ памяти мужей-сходатаевъ, переходя отъ одного поколѣнія къ другому.« Навернулося після сей виписки намъ на память, що говорить Хризостомъ Пасекъ про Польскі сейми, котрі були ті жъ віча, тільки що шляхетські віча: Powiadam więc każdemu, że wszystkie na swiecie publiki cień to jest przeciwko sejmom. Nauczysz się polityki, nauczysz prawa, nauczysz się tego o czém u szkołach jako żyw nie słyszałeś. (*Pam. Chr. Paska, S. Peterb.* 1860, str. 185).

(2) Раньше XII віку до насъ не дійшла ні одна така умова, а *Руська Правда* написана въ концѣ X віку, або на самому початку XI-го, бо, мабуть, князі зъ своими тиунами перше почали вічовимъ судомъ хибити, а землю вже послі собі привлащувати. Въ *Руській Правді* ще нема річи про княжу землю: у князя есть тільки коні, борті, гроші и ёму въ спадокъ идѣ тільки добро смерда, якъ умре смердъ безъ наслідниківъ, а въ первій Новгородській грамоті голосно говорится, щобъ князі не привлащували собі землі ні силою, ні куповаиямъ, ані якъ инше.

(3) *Пошлина* — давній звичай, давнина. »Ино то обыскано, что то было учинилося ново, не по пошлинѣ, а нынѣча то не надобѣ.« (*Акты Арх. Эксп.* I, 5). »Пріѣхавше послы великы отъ Свѣйского короля, и докончаша миръ вѣчный съ княземъ и съ Новымгородомъ, по старой пошлинѣ.« (*И. С. Русск. Лит.* III, 73).

волости братъ твой Александръ или Дмитрій съ Новгородцы, тобѣ тѣхъ волостій безъ вины не лишати;———а въ Бѣжицахъ, княже, тобѣ, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ селъ не дьржати, ни купити, ни даромъ прінмати, и по всей волости Новгородьской;———а изъ Бѣжиць, княже, людій не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородьской, ни грамоть имъ даяти, ни закладниковь прінмати, ни княгыни твоей, ни бояромъ твоимъ, ни дворяномъ твоимъ, ни смерда, ни купцыни;—а что, княже, брать твой Александръ дѣялъ насильнѣ на Новѣгородѣ, а того ся, княже, отступи. А что, княже, мытъ по твоей земли и по иной волости, и по всей Суждальской земли, а то, княже, имати по двѣ векши отъ лодье и отъ воза, и отъ льну, и отъ хмѣльна короба; а дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовь не имати, развѣ ратной вѣсти. Тако, княже господине, пошло отъ дѣдь и отъ отець, и отъ твоихъ и отъ нашихъ, и отъ твоего отчя Ярослава.« (*Ист. Г. Р.* изд. 2-е, IV, пр. 114).

22) Не минáли, мáбуть, и старíхъ людéй, що въ Нéстора запúсано: »И прiиде единъ старъ мужъ ко князю, и рече ему: княже! суть у мене единъ сынъ меншей дома, а съ четырми есмь вышелъ, а онъ дома.« (*П. С. Рус. Лът.* I, 53).

23) Помагáючи князя́мъ, хи́жа орда́, якъ отъ По́ловцi, хана́ла людéй у невó́лю, старíхъ побива́ла, осéлi пали́ла, бо то була́ для неї найкрáсча забáва, тáкъ вона́ войну́ розумiла. Де пройшла́, щобъ було́ пу́сто,—отто́ була́ Половéцька слáва. Затя́гши одúнъ князь на дру́гого орду́ и побúвши свого́ супротúвника, сiдáвъ у го́родi кня́жити, а орду́ напускáвъ на сéла: то́ була́ дя́ка iй за по́мiчъ. Такъ отъ у Нéстора читáемо, що Олегъ Святосла́вовичъ, внукъ Ярослáва Владúмеровича, ви́руговавши зъ своéї во́лости дя́дька Владúмера, за пiдмо́гою Половéцькою, давъ iмъ во́лю що-хотя́ навкруги́ Чернiгова робúти. »Приде Олегъ съ Половци, изъ Тмутороканя приде Чернигову, Володимеръ же затворися въ градѣ, Олегъ же приде къ граду и пожже около града, и манастирѣ пожже; Володимеръ же створи миръ съ Олгомъ, и иде изъ града на столъ отень Переяславлю, а Олегъ вниде въ градъ отца своего. Половци же начаша воевати около Чернигова, Олгови не взбранящю, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати. Се уже третьее наведе поганныя на землю Руськую; его же грѣха дабы и Богъ простилъ, занеже много хрестьянъ изгублено бысть, а друзiи полонени и расточени по землямъ.« (Тамъ же, 96). Ро́ку 1160 Изясла́въ Давúдовичъ привівъ Половцiвъ на Смоле́нську во́лость, и воно́ ви́вели звiдтiля́ бiльшъ 10,000 полону́, а скiльки жъ то побúто! »Той же зимы оттудѣ иде въ Смоленскую волость Изяславъ, и повоевавъ; и тамо много зла створиша Половци, взяша душь болѣ тмы, а иныя изсѣкоша.« (Тамъ же, II, 87). Бра́ли поло́нъ

князі й безъ Половцівъ одинъ въ одного. Року 1148 ходивъ Изяславъ Мстиславовичъ у землю Ростовську воювати князя Юрия: 7,000 полону зашсавъ літописець.»... приде Изяславъ Новугороду, сынъ Мьстиславль, изъ Кыева, иде на Гюргя Ростову съ Новгородці, и много воеваша людье Гюрьгево, и по Волзѣ възяша 6 городовъ, оли до Ярославля попустиша, а головъ възяша 7,000.« (Тамъ же, III, 10).

24) Що князі такихъ невольничихъ сілъ у насъ не застали, видно съ того, що Славяне наші полонянъ брали въ неволю на годи, а не на-віки, а послі випускали на волю, або приймали въ своє товариство. Про се пишуть Мавркий и Левъ Мудрий.

25) Въ договорі Олеговімъ есть уже річъ про Руськихъ бранцівъ, рабівъ. Игорь, помирившись изъ Греками, одпустивъ іхъ послі съ Кіева, »одаривъ скорою и челядью и воскомъ«. (*П. С. Рус. Лът.* I, 23). Княгиня Ольга оддала Деревлянъ у неволю своімъ дружинникамъ: »... овыхъ изби, а другія работѣ предастъ мужемъ своимъ.« (Тамъ же, 25). Грецький царь, по Нестору, переказувавъ Ользі черезъ свої послі: »ты бо глаголаше ко мнѣ, яко аще возъвозвращаюся въ Русь, многи дары пришлю ти, челядь, воскъ и скору и вои въ помощь.« (Тамъ же, 26). Про Ярослава и Мстислава Несторъ пише: »идоста на Ляхы и заяста грады Червенскыя опять и повоеваша Лядьскую землю и многи Ляхы приведоста и раздѣлиста я, и посадивъ Ярославъ своя по Рси.« (Тамъ же, 64).

26) Що въ князівъ були куповані слободи, видно изъ літописца: »Въ лѣто 6666 (1158). Заложи Андрѣй князь въ Володимери церковь каменну— —и да ей много имѣнья и свободы купленыя и съ даньми.« (Тамъ же, 149).

27) Въ первій Новгородській грамоті читаемо: »Изъ Бѣжиць, княже, людей не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородьской, ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ пріимати, ни княгыни твоей, ни бояромъ твоимъ, ни смерда, ни куцыни «

28) Мабуть, добре налягали вони на свої маетности, що, якъ іздила княгиня Ольга землю Руську порядкувати, то мусила вызволити селянъ съ-підъ права такъ званого *княжого* (думають, що се право було jus primae noctis). У Татищева, который стародавні літописі докупи позводивъ (II, 45, 329), знаходимо, чого нема въ иншихъ списках первого нашого літописца: »Тогда жъ отрѣши княжее, а уложила брать отъ женихъ по черной кунѣ, какъ князю, такъ боярину отъ его подданнаго.«

29) Не мало жъ, мабуть, вони й броіли, коли Новгородці, найсмілійшій и вольнійшій людъ зъ усіхъ нашихъ Славянъ, написали въ

своій гра́моті: »А что былъ отъялъ братъ твой Адександръ пожнѣ, а то ти, княже, не надобѣ; а что, княже, братъ твой Александръ дѣялъ насильнѣ на Новгородѣ, а того ся, княже, отступи.« Згада́ймо жъ ище́, що витворя́въ князь Влади́меръ у Ки́еві, ніко́го не боячи́сь и не соро́млячись: »И бѣ несытъ блуда, приводя къ себѣ мужськи жены и дѣвицѣ растляя.« (*П. Я. С. Русс. Лѣт.* I, 34). Згада́ймо, якъ ви́бивъ Яросла́въ Новгоро́дцівъ за те, що заступи́лись за своіхъ жіно́къ и поби́ли ёго́ варя́гівъ: »И разгнѣвася Ярославъ, и шедъ на Рокомъ, сѣде въ дворѣ; пославъ къ Новгородцемъ, рече: «уже мнѣ сихъ (варягівъ) не крѣсити.« И позва къ собѣ нарочитые мужи, иже бяху изсѣкли Варяги, обольстивъ и́ сѣче.« (Тамъ же, 61). Згада́ймо, якъ зляка́лись Кия́не, прочу́вши, що Изясла́въ, кото́рого вони́ прогна́ли, верта́етця зъ Ляха́ми. Хоро́ший, мабуть, бувъ, що хотіли Ки́івъ запали́ти и втіка́ти зо всімъ наща́дкомъ у Гре́цьку зе́млю: »А се ведетъ на ны Лядьскую землю — — зажегше градъ свой, ступимъ въ Гречьску землю.« Брати́ не дали́ Изясла́ву пліндрува́ти отцівського го́рода; такъ вінъ, аби́ зогна́ти се́рце, посла́въ попередъ се́бе си́на свого́ Мстисла́ва въ Ки́івъ. »И прише́дъ Мьстиславъ, и сѣче иже быша высѣкли (ви́рубали съ темни́ці) Всеслава, числомъ 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же бе́зъ вины погуби, не испытавъ.« (Тамъ же, 74).

30) Не́сторъ пи́ше: »Аще ли кто усрящетъ черноризца, то възращается.« (Тамъ же 73). Князі й боя́ре, охристи́вшись, но́вому бо́гові по свое́му ро́зуму дого́жали и не то по города́хъ и се́лахъ до хреста́ люде́й си́лували, та й по пу́щахъ исъ попа́ми за старовірцями ганя́ли; то му́сили по́пи й че́пці до́бре іхъ наляка́ти. Съ тихъ ча́сівъ и до́сі въ се́лахъ веде́тця при́мха, що, якъ стрінешъ попа́, або́ ченця́ въ доро́зі, то безъ приго́ди тобі не мине́тця.

31) Чужозе́мські писа́телі не спомина́ють, щобъ у Поля́нъ були́ куми́ри. Пе́рве сло́во про богівъ ро́бленихъ знахо́димо въ Не́стора, якъ присяга́въ князь Игорь изъ свое́ю дружи́ною, покла́вши передъ Перу́номъ свою́ збро́ю и зо́лото, — и то були́ боги́, запе́вне, не Поля́нські, а прихо́жі зъ варя́гами. Пи́ше Не́сторъ, що князь Влади́меръ, верну́вшись одъ варя́гъ у Ки́івъ, поста́влявъ по го́рахъ Ки́евськихъ куми́ри. Той же Влади́меръ іхъ по́слі поруба́въ, попали́въ, або́ въ во́ду поки́давъ. Пла́кали, ка́же, лю́де за бога́ми, а які лю́де, того́ въ літопи́сці не ска́зано: мо́же, варя́ги та захо́жі, кото́рихъ до кня́зя въ Ки́івъ назбіра́лось бага́то зъ усіхъ зе́мель. Що куми́ри були́ не Новгоро́дські, ви́дно съ то́го, що тільки, опанува́вши Ки́івъ, Влади́меръ поста́вивъ Перу́на въ Но́вгороді. »Володимеръ же посади Добрыну уя своего въ Новѣгородѣ; и пришедъ Добрына Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье Новгородстіи аки Богу.« (Тамъ же, 34). Що Перу́на Новгоро́дцямъ наки́ну-

то, вбача́емо и съ то́го ще, я́къ дорека́въ ёму́ ганча́рь Новгоро́дський ти́ми же́ртвами, що, пе́вно, му́сили лю́де неволею дава́ти. Якъ уки́нули Перу́на въ рі́чку Во́лхву, то ставъ зака́зъ, щобъ ніхто́ не переима́въ ёго́. »Иде Пидьблянинъ рано на рѣку, хотя горнеци везти въ городъ, оли Перунъ приплы къ берви, и отрину и́ шестомъ: ты, рече, Перунище, до сыти еси ѣлъ и пилъ, а нынича поплови прочь.« (Тамъ же V, 121). Ще жъ зве́рнемо ува́гу й на те, що, коли́бъ кумі́ри були́ наро́дні, а не ви́везені варя́гами изъ Жму́ди, чи відкіля́ зза мо́ря, то въ літопи́сцяхъ би писа́лося, що ве́лено іхъ по всій землі руйнува́ти, або́—що знахо́дили іхъ попи́ по гая́хъ, чи що́, и пали́ли; ато́ ні: тільки за волхва́ми гоня́лись, а про кумі́ри ні слове́чка! До насъ подохо́дили каза́ння и посла́ння попівъ и ченцівъ X, XI, и XII віку. Попи́ й че́нці дорека́ють лю́дямъ, що вони́ прино́сили же́ртви біса́мъ на болота́хъ и коло крини́ць, та все-таки́ вихо́дить — духа́мъ, а не кумі́рамъ; дорека́ють селя́намъ, що вінча́ються безъ попа́, що не хо́дятъ до церко́въ, а ні о́динъ ні ра́зу не сказа́въ, що лю́де кла́няються кумі́рамъ. Въ уста́ві пе́рвого Влади́мера »о церковныхъ судѣхъ и десятинахъ« перелічені всі случа́і, въ кото́рихъ церко́вний судъ ма́е суди́ти городя́нъ и селя́нъ. Про кумі́ри нема́ ні сло́ва, а есть про молитви́ до хліба свято́го и до краси́ Бо́жої поміжъ дерева́ми и понадъ вода́ми. Уже́ бъ же по́пи напередъ усёго вписа́ли въ уста́въ, щобъ бра́ти су́дню пла́ту, якъ зна́йдуть де кумі́ра, и ди́ку бъ ви́ру (повше́хну пла́ту зъ села́ чи во́лости) назна́чили за сю на́ходку; ато́ ні: тільки й ска́зано всёго́»...или кто подъ овиномъ молится, или во ржи, или подъ рощеніемъ, или у воды.« (Тамъ же, VI, 83). Пи́сана старосві́щина спомина́е такі ча́си, що не було́ ще въ Слова́нъ Перу́на: мо́же, се вона́ спомина́е про то вре́мя, якъ ще князі-Русь Поля́нъ не опанува́ли. Есть у Кири́ловому манастире́ві на Білому озе́рі старода́вній збірникъ, а въ тому́ збірнику напи́сано: »Оттуда же ізвыкоша елени класти требы артемиду і артемидѣ, рекше роду рожаницѣ. таціи же егуптяне. Тако і до Словѣнъ доіде се слово і ті начаша требы класти роду и роженицамъ прежде Перуна бога ихъ, а переже того клали требу упиремъ и берегинямъ.« (Шевирева *Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь*, 11, 33). Про Славя́нську миоологію писа́ли въ насъ неда́вніми ча́сами п. Срезневській (*О богослуженіи древнихъ Славянъ*) и п. Костомаровъ (*Славянская Миѳологія*). Ні той, ні дру́гий не знайшли́ у Славя́нъ камяни́хъ, чи дерева́нихъ божи́щъ. Що були́ людські же́ртви бога́мъ у Ки́еві, ви́дно зъ Не́стора; тільки зновъ ніхто́ не дока́же, щобъ се не пришéльці богівъ своіхъ людською кро́вью вгнобля́ли. Въ одному́ варія́нті старосві́тськоі ду́ми про Олексія Попо́вича козаки́ врі́зали винова́тому передъ Бо́гомъ мизи́нного па́льця, пусти́ли въ мо́ре крові—и мо́ре, зачу́вши кровъ, утиха́е. Се спо́минъ да́вніхъ жертвъ людськи́хъ, а все жъ и тутъ хто дока́же, що не варя́ги занесли́ до Поля́нъ ра́зомъ съ Перу́номъ людські же́ртви? а козаки́ пішли́ одъ

стародáвніхъ княжихъ дружúнъ, то й далéкимъ рóдамъ сю прúмху переказáли.

32) »Созва Володимеръ боляры своя и старцы градскіѣ. Да что ума придасте? что отвѣщаете?« (*П. С. Русс. Лѣт.* I, 45).

33) »Развергъше Гречьскый Номоканонъ«, пúше въ своéму устáві пéрвий Владúмеръ, »и обрѣтохомъ въ немъ, оже не подобаетъ сихъ судовъ и тяжь князю судити, ни бояромъ его, ни тіуномъ: и азъ сгадавъ своими дѣтми, со всѣми князи и со всѣми бояры далъ есмь тѣ суды церквамъ Божіимъ, митрополитомъ и всѣмъ епископьямъ по Русской земли.« (Тамъ же VI, 82).

34) Не судúли князі не то ченцівъ и черниць, попівъ, попáдь, попóвичівъ, та й тихъ, що по манастирáхъ на прóщу ходúли (палóмниківъ), и тихъ, що якúмъ-нéбудь ремéствомъ, чи робóтою манастирáмъ служúли (»кто порти чернечьскые свержетъ«), хто чýдомъ ніби-то одýжавъ и коло цéркви тулúвся, кого́ на вóлю рáди душú спасіння вúпущено (»задушный человѣкъ«) и кого́ за винý у церкóвний домъ узя́то; не судúли удівъ, калікъ и всіхъ старцівъ. (Тамъ же, 84).

35) »Аже мужа два біетася женьски, или укусить, или одереть, епископу 3 гривны.« (Тамъ же, 86).

36) Див. припúску 3. Нéсторъ Полянъ одъ усіхъ úншихъ одрізнúвъ звичáями. Зáразъ и вúдно, що вонú повúнні всімъ сусідямъ за взіръ стоя́ти, якъ дійдетця до христия́нства. Ще не говóрючи про христия́нство, Нéсторъ описáвъ іхъ такúми, якúми мýсили úнші невóлею вчинúтись, черезъ новý віру.

П. Кулішъ.

ЧТО́ ЕСТЬ МНѢ И ТЕБѢ, ЖЕНО?

Іоанна гл. II. ст. 4.

(Дорогóму землякові Зінчéнкові).

О, я́къ тебé, Спáсе, у тімъ слóві бáчу!
О, я́къ твоé сéрце моімъ сéрцемъ чýю!
Читáю Завітъ твій,—читáючи плáчу:
Вúсоко пíдня́въ ти натýру людськýю.

Чужá тобі стáла и рідная мáти;
Зостáвсь ти безъ рóду, безъ хáти на свíті,
Щобъ рóдомъ коханимъ сéрця не сковáти,
Хáтнімъ упокóемъ дýха не вгасúти.

О, знáю я, знáю, я́къ те сéрце бúлось,
Якъ той духъ висóкий злітáвъ надъ землéю!..
Щó дітямъ на лóні у мáтери снúлось,
Чогó мéртві чáють—обня́въ ти душéю.

Снúлись дітямъ рáйські вікóвічні квіти;
Чáють мéртві жúзні грядýщого віку...
Справ́дишъ ти, щó бáчять чúстимъ сéрцемъ діти;
Справ́дишъ, щó дорóжше всёгó чоловíку.

Ужé зъ рáю твоімъ дýхомъ
На насъ повівáе;
Ужé знóву твоé слóво
Мéртвихъ воскрешáе.

Виростáють, приближáють
Твоé цáрство діти.
Ой не дýрно жили́ й гúбли
Прáведники въ свíті!

Виростáють,—твоімъ слідомъ,
Зъ мáтернёго лóна
Утікáють роспинáтись
Середъ Вавилóна.

»Же́но ма́ти! що́ тобі я?
Ти своє́ вчини́ла,
Якъ, радіючи, підъ се́рцемъ
Дити́ну носи́ла.

»Мину́лися ті ра́дощи,
Мину́лися й му́ки...
Не вмістити тобі въ се́рці
Но́вої нау́ки!

»Спочива́й, спасе́нна ду́шо,
У ти́хій госпо́ді,
А ми бу́демъ святу́ пра́вду
Сіяти въ наро́ді.

»Дай намъ, ма́ти, те справди́ти,
Що́ на чи́стімъ ло́ні
Сни́тця дітямъ непоро́чнимъ
Въ грішнімъ Вавило́ні.

»Дай намъ, ма́ти, доказа́ти,
Що ми — рідні діти
Тихъ вели́кихъ, що за пра́вду
Ги́нули на світі.«

П. Кулішъ.

ПАМЯТНОЕ ДѢЛО.

Окончаніе.

Управлявшій министерствомъ юстиціи, въ предложеніи своемъ правительствующему сенату, изъяснилъ слѣдующее:

Въ этомъ дѣлѣ подлежатъ разрѣшенію три вопроса:

1) Александръ, воспитанный подъ именемъ Заботина, рожденъ ли женою генералъ-маіора Степана Ширая, Ульяною Ширай, во время существованія законнаго ихъ брака?

2) Если рожденъ въ семъ бракѣ, то слѣдуетъ ли, по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ рожденіе и воспитаніе Заботина, признавать его сыномъ Степана Ширая, или происходящимъ отъ прелюбодѣянія?

3) Въ случаѣ признанія законности рожденія Александра, какія права принадлежатъ ему, по закону, на имѣніе, оставшееся послѣ Степана Ширая и жены его Ульяны?

По первому вопросу обстоятельства дѣла показываютъ, что, въ продолженіе законно-нерасторгнутой брачной жизни, Ульяна Ширай, въ ноябрѣ 1818 г., въ родовомъ имѣніи генерала Ширая, селѣ Соловѣ, гдѣ она имѣла безвыѣздное пребываніе, родила сына, названнаго при крещеніи Александромъ. Дѣйствительность сего событія положительно подтверждается: во 1-хъ, объясненіями самихъ дочерей Ширая, Долинской и Чернолузской, замѣчаніями ихъ повѣреннаго, и показаніями: а) священника Ивана Лапчинскаго, присутствовавшаго; въ званіи дьячка соловской церкви, при крещеніи младенца Александра, б) 18-ти присяжныхъ свидѣтелей, въ томъ числѣ Ракицкаго и Гаевскаго, управлявшихъ имѣніями Ширая, и в) 25-ти дворовыхъ людей села Соловы, спрошенныхъ по священническому увѣщанію.

Въ отношеніи ко *второму вопросу* о томъ, можетъ ли младенецъ Александръ, рожденный въ ноябрѣ 1818 года Ульяною Ширай,

во время законно-нерасторгнутаго брака, быть признанъ законнымъ сыномъ мужа ея, Степана Ширая, или происходящимъ отъ прелюбодѣянія, необходимо обозрѣть предварительно всѣ дѣйствовавшія до начала сего дѣла постановленія о дѣтяхъ законныхъ и незаконныхъ, потомъ всѣ представленныя по дѣлу доводы, въ опроверженіе законности рожденія Александра Заботина, и наконецъ сличить сіи доводы съ законами и обстоятельствами самаго дѣла.

Въ законахъ постановлено:

Ст. 121 (X. т. зак. гр.). Всѣ дѣти, рожденныя въ законномъ бракѣ, признаются законными, хотя бы они родились:

1, По естественному порядку слишкомъ рано отъ совершенія брака, если только родители не отрицали законности ихъ рожденія.

2, По смерти отца, если только между днемъ ихъ рожденія и днемъ смерти отца не прошло времени болѣе того, сколько обыкновенно проходитъ между днемъ зачатія и днемъ рожденія младенца.

Ст. 122. Законными почитаются всѣ дѣти, законность коихъ не была оспорена:

1, При жизни ихъ родителей.

2, Въ теченіи десяти лѣтъ отъ ихъ рожденія.

Примѣчаніе. Законность рожденія лица почитается неоспоренною, когда признаніе онаго законнымъ оглашено надлежащими актами, или же другими событіями при жизни обоихъ родителей его, и потомъ въ продолженіе десяти лѣтъ никѣмъ не было оспорено; по минованіи сего срока, а равно и послѣ смерти обоихъ или одного изъ родителей, хотя бы и прежде истеченія десятилѣтія, никакой уже споръ о законности рожденія дѣтей, когда признаніе онаго законнымъ было, какъ сіе сказано выше, оглашено при жизни обоихъ родителей надлежащими актами, или же другими событіями, не допускается ни отъ постороннихъ, ни отъ пережившаго родителя.

Ст. 123. Доказательства законнаго рожденія суть:

1, Бракъ родителей, законно совершенный; въ случаѣ же спора о законности брака, признаніе онаго законнымъ отъ духовнаго суда.

2, Приходскія (метрическія) книги, родословныя, городовыя обывательскія книги и ревизскія сказки.

3, Свидѣтельство людей честнаго и незазорнаго поведенія, какъ-то: приходскаго священника и двухъ обывателей того же прихода.

4, Для дѣтей, прижитыхъ въ супружествѣ, по естественному порядку слишкомъ рано, доказательствомъ законности признаются соб-

ственныя показанія и письма отца и матери, не отрицающихъ законнаго ихъ рожденія.

Ст. 124. Отецъ не можетъ оспаривать законнаго рожденія дѣтей:

1, Въ гнѣвѣ на нихъ или на ихъ мать, а свою жену.

2, Если не малое время, имѣвъ ихъ у себя въ домѣ, признавалъ ихъ своими дѣтьми, а мать, и по рожденіи ихъ, своею женою.

3, При мачихѣ.

Ст. 126. Епархіальное начальство, въ слѣдствіе отношеній присутственныхъ мѣстъ и начальствъ, для разрѣшенія дѣлъ о законности рожденія, обращается прежде всего къ метрическимъ книгамъ, и если найдетъ, что рожденіе и крещеніе лица, о которомъ идетъ дѣло, записаны въ нихъ и запись сія не подлежитъ сомнѣнію, то доставляетъ требуемое о семъ свѣдѣніе присутственному мѣсту или начальству, или же выдаетъ свидѣтельство просителю, желающему имѣть метрическое свидѣтельство.

Ст. 127. Если рожденіе лица, о которомъ идетъ дѣло, въ указанномъ приходѣ въ показанное время не записано, или если метрическая запись сомнительна потому, что находится подъ другимъ числомъ или съ разнорѣчіемъ въ именахъ рожденнаго или родителей, или съ подчистками, или по другимъ причинамъ, то дѣлается справка съ исповѣдными росписями, начиная отъ указаннаго года рожденія до года производства дѣла, также съ метрическою и обыскною книгою о бракѣ родителей, и производится слѣдствіе, въ которомъ вопрошаются воспріемники и лица, бывшія при крещеніи.

Ст. 129. Если родителей нѣтъ въ живыхъ, то сверхъ показаній отъ священника, крестившаго, и бывшихъ при крещеніи, преимущественно обращается вниманіе на всѣ относящіеся до лица, о которомъ идетъ дѣло, документы, изъ коихъ можно было бы видѣть, какъ признавали его родители, какъ оно вообще признаваемо было при жизни родителей, и не было ли при жизни родителей спора о законности его происхожденія.

Ст. 130. Смотря по надобности, консисторія собираетъ свѣдѣнія и изъ другихъ источниковъ, каковы суть: формулярные списки родителей, родословныя, городскія и обывательскія книги, ревизскія сказки и проч.

Ст. 131, незаконныя дѣти суть:

1, Рожденныя внѣ брака, хотя бы родители ихъ въ послѣдствіи соединены были законнымъ бракомъ.

2, Прижитыя въ незаконномъ бракѣ.

3, Происшедшія отъ прелюбодѣянія.

Ст. 132. Незаконныя дѣти, хотя бы они воспитаны были ихъ родителями, не имѣютъ права ни на фамилію отца, ни на законное послѣ него въ имуществѣ наслѣдство. Участь дѣтей невиннаго мужа или невинной жены, обманомъ вовлеченныхъ въ противозаконный бракъ, можетъ быть предаваема, по усмотрѣнію обстоятельствъ дѣла, монаршему милосердію.

Статута литовскаго, раздѣлъ III, артикула 28, § 3. Незаконнорожденнымъ признавать и таковаго, отъ котораго бы отецъ, при жизни своей, отрекся и сыномъ своимъ не признавалъ, токмо бы не учинилъ сего по ссорѣ и ненависти противу сына и жены своей, законной его матери, а если бы чрезъ немалое время его своимъ дѣтищемъ признавалъ и по его рожденіи его мать, а свою жену, въ домѣ своемъ терпѣлъ и когда однажды его своимъ дѣтищемъ принялъ и при себѣ его имѣлъ, въ домѣ своемъ терпѣлъ; то послѣ отречься отъ него не можетъ: ибо непристойно честному человѣку что-либо худое и безчестное въ своемъ домѣ терпѣть.

Представленные по дѣлу доводы противу законности рожденія Александра могутъ быть приведены къ слѣдующимъ четыремъ категоріямъ:

Во-первыхъ, что подлогъ въ метрикахъ церкви села Соловы за 1818 годъ совершенъ не ранѣе 1842 г. и что метрическая тетрадь села Соловы за 1818 годъ, представленная титулярнымъ совѣтникомъ Заверухою, непрошнурованная и никѣмъ неподписанная, лишена всякой юридической достовѣрности, а потому записка въ ней Александра сыномъ Ширая и жены его Ульяны не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія.

Во-вторыхъ, что супружеское сожитіе Ширая съ женою съ 1809 г., по самую смерть сей послѣдней, прекращено было въ слѣдствіе несогласій и болѣзни, которою она была одержима до конца жизни.

Въ-третьихъ, что Александръ, воспитанный подъ именемъ Заботина, никогда не былъ признаваемъ законнымъ сыномъ ни Степаномъ Шираемъ, ни женою его Ульяною, а законность рожденія Александра не только никѣмъ и ничѣмъ оглашена не была, но напротивъ того изъ выданнаго Шираю дворянами свидѣтельства и изъ составленныхъ имъ распорядительныхъ объ имуществѣ актовъ явствуетъ,

что за смертію сына Михаила, мужеское колѣно въ его родѣ пресѣклось, что̀ въ свое время оспорено не было ни Ульяною Ширай, ни отцомъ ея Петромъ Бороздною, ни сыновьями сего послѣдняго, однокровными ея братьями.

Въ-четвертыхъ, что Высочайше учрежденная коммисія при производствѣ слѣдствія по сему дѣлу нарушила предписанныя закономъ формы и обряды и не произвела розысканія объ обстоятельствахъ, могущихъ служить къ разъясненію дѣла.

Въ отношеніи сихъ возраженій изъ дѣла видно:

I. О МЕТРИКАХЪ.

Слѣдственною гражданскою коммисіею, учрежденною по Высочайшему повелѣнію, и духовною, по указу святѣйшаго синода, обнаружено четыре книги церкви села Соловы за 1818 годъ.

О церковной книгѣ не имѣется въ дѣлѣ свѣдѣній, кромѣ удостовѣренія слѣдователей, что по сличеніи она оказалась не подлинною, а списанною съ книги, хранившейся въ духовномъ правленіи. Тетрадь, представленная Заверухою, никѣмъ не подписана, безъ печати и непрошнурована. Въ книгѣ этой, 8 ноября, *въ статьѣ подъ № 15-мъ значится:* «отъ генералъ-маіора Ширая и жены его Ульяны Петровны дочери Бороздновны родился сынъ Александръ, крещенъ сего мѣсяца 8-го числа приходскимъ священникомъ Николаемъ Лапчинскимъ, воспріемникомъ отъ св. крещенія тому младенцу былъ тогожъ села Соловы священникъ Николай Яковлевъ сынъ Лапчинскій».

Стародубское духовное правленіе увѣдомило слѣдователей, что метрическія книги за 1818 годъ дѣйствительно не были завѣряемы духовнымъ правленіемъ, какъ сіе видно изъ книгъ, имѣющихся въ архивѣ.

При обозрѣніи слѣдственною коммисіею и судебными мѣстами консисторскаго и правленскаго экземпляровъ метрическихъ книгъ села Соловы за 1818 годъ, найдено въ нихъ по одному поддѣльному, вшитому, обрѣзанному листу, которые отличаются отъ прочихъ цвѣтомъ бумаги и чернилъ, внутренними водяными знаками и размѣромъ графъ. Скрѣпа на сихъ листахъ протоіерея Павла Рклицкаго, священника Николая (умершаго) и дьячка Ивана Лапчинскихъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ ихъ скрѣпою на прочихъ листахъ, что̀ подтвер-

дили, кромѣ слѣдователей, сами подписавшіе и скрѣпившіе книги Рклицкій и Иванъ Лапчинскій.

Очевидность сихъ наружныхъ признаковъ подлога въ метрическихъ книгахъ подтверждается еще, во-1-хъ, тѣмъ, что вписанный въ консисторскую и правленскую метрическія книги за 1818 годъ родившимся сынъ дворянина Василія Лапчинскаго, Павелъ Лапчинскій, въ тѣхъ книгахъ показанъ умершимъ 6-го декабря, 2-хъ лѣтъ, и во-2-хъ, тѣмъ, что унтеръ-офицеръ Иванъ Лапчинскій, сынъ священника Николая Лапчинскаго, подъ присягою сознался, что онъ, по приказанію отца, писалъ поддѣльные листы и вшилъ ихъ на мѣсто прежнихъ, о чемъ онъ впослѣдствіи сообщилъ священнику Ивану Лапчинскому, который это показаніе при слѣдствіи также подтвердилъ по іерейской совѣсти.

Засимъ, остается разрѣшить вопросъ, былъ ли рожденный Ульяною Ширай сынъ Александръ записанъ въ тѣхъ книгахъ, на тѣхъ листахъ, которые замѣнены другими.

По вопросу сему изъ слѣдствій гражданскаго и духовнаго вѣдомства видно:

а, Священникъ Иванъ Лапчинскій, бывшій въ 1818 году дьячкомъ соловской церкви, по іерейской совѣсти, показалъ, что въ метрической книгѣ, хранившейся до 1839 года при помянутой церкви, Александръ былъ записанъ сыномъ Ширая и жены его Ульяны, но въ семъ послѣднемъ году, по приказанію Ширая, объявленному ему Заверухою, книга эта была отдана имъ Заверухѣ, который замѣнилъ ее другимъ экземпляромъ, гдѣ уже не было записано рожденія Александра. Въ доказательство справедливости сказаннаго, Иванъ Лапчинскій представилъ письмо къ нему благочиннаго Демы. Священникъ Иванъ Лапчинскій книгу, хранившуюся у Заверухи, признаетъ подлинною, взятою у него симъ послѣднимъ въ 1839 году. Показаніе это 16 марта 1843 года Лапчинскій подтвердилъ предъ архіепископомъ черниговскимъ Павломъ, сдѣлавшимъ о томъ письменное на оберточномъ листѣ засвидѣтельствованіе.

б, Священникъ Оедоръ Лапчинскій, бывшій дьякономъ соловской церкви, по іерейской совѣсти, подтвердилъ показаніе Ивана Лапчинскаго, дополнивъ оное сознаніемъ, что въ 1839 или 1840 году, вскорѣ послѣ смерти жены Ширая, онъ, изъ угожденія сему послѣднему, по порученію Заверухи, писалъ копію съ экземпляра метрической книги духовнаго правленія, въ которомъ не было записано рож-

денія Александра. Этою копіею впослѣдствіи была замѣнена подлинная церковная метрическая книга.

в, Благочинный Дема подтвердилъ показаніе Лапчинскихъ во всемъ, что̀ до него касалось.

г, Дворянинъ Ракицкій, занимавшійся письменными дѣлами у Ширая, подъ присягою засвидѣтельствовалъ, что Александръ былъ записанъ въ метрику, но безъ спроса и желанія Ширая, и когда членъ духовнаго правленія, священникъ Пашинскій (умершій), объявилъ ему о томъ, то Ширай разсердился и велѣлъ тому священнику выключить Александра; но ка́къ исполнено было это желаніе, онъ, Ракицкій, не знаетъ.

д, Унтеръ-офицеръ Иванъ Лапчинскій (сынъ священника Николая Лапчинскаго) подъ присягою сознался, что метрическія книги села Соловы за 1818 годъ были писаны имъ; что въ этихъ книгахъ, въ числѣ родившихся въ ноябрѣ 1818 г., записанъ былъ сынъ Ширая Александръ, но чрезъ годъ послѣ рожденія сего послѣдняго, а настоящее не помнитъ, онъ, Лапчинскій, по приказанію своего отца, въ книгахъ метрическихъ, присланныхъ протоіереемъ Леонтіемъ Рклицкимъ, переписалъ листы, гдѣ Александръ былъ вписанъ; и вмѣсто него, на вновь вшитыхъ листахъ, вписалъ сына дворянина Лапчинскаго, Павла, и что скрѣпы на новыхъ листахъ, вмѣсто священника и дьячка, сдѣлалъ онъ, Лапчинскій, по приказанію отца.

е, Титулярный совѣтникъ Заверуха, подъ присягою сознался, что онъ дѣйствительно, по приказанію Ширая, выпросилъ у священника Іоанна и дьячка Федора Лапчинскихъ бывшую при соловской церкви метрическую книгу, въ которой, какъ Ширай неизвѣсто отъ кого узналъ, значился записаннымъ Александръ, непризнанный имъ сыномъ; что въ замѣнъ взятой книги Ширай просилъ отдать копію съ метрики стародубскаго духовнаго правленія, доставленную ему столоначальникомъ Барщевскимъ; что показаніе священника Ѳедора Лапчинскаго, будто бы онъ, Заверуха, убѣждалъ его писать копію, несправедливо, и что когда онъ, Заверуха, получилъ подлинную соловскую церковную метрическую книгу, то предъявилъ ее Ираю, который, прочитавъ, возвратилъ ему и сказалъ: «пусть у тебя останется».

На данной Заверухѣ съ священникомъ Ѳедоромъ Лапчинскимъ очной ставкѣ, каждый изъ нихъ остался при своемъ показаніи.

ж, Вдова секретаря стародубскаго духовнаго правленія Масловская

(родственница Заверухи, по словамъ повѣренныхъ Долинской и Чернолузской), подъ присягою показала, что она, по болѣзни мужа, принимала соловскія метрическія книги, и въ оныхъ былъ записанъ Александръ сыномъ Ширая, и что въ послѣдствіи, въ февралѣ или мартѣ 1819 года, она видѣла, какъ книги эти взялъ изъ правленія священникъ Пашинскій.

3, Поручикъ Иванъ Губчицъ, дальній родственникъ Ширая, въ письменномъ отзывѣ объяснилъ, что когда въ 1839 или въ 1840 году онъ сказалъ Шираю, что московскій (Заботинъ) имѣетъ метрическое свидѣтельство, то съ симъ словомъ Ширай, встревоженный, вскочилъ и сказалъ Заверухѣ: «что это значитъ?» — «Несправедливо, ваше превосходительство, отвѣчалъ Заверуха, вездѣ уничтожено».

Совокупность сихъ сознаній и показаній, учиненныхъ по іерейской совѣсти или подъ присягою (кромѣ Губчица), въ опроверженіе которыхъ противная сторона противопоставляетъ однѣ лишь догадки, неимѣющія предъ закономъ судебной достовѣрности, уничтоженіе въ метрическихъ книгахъ консисторіи и правленія тѣхъ именно листовъ, въ коихъ записаны были родившіеся въ ноябрѣ 1818 года, и наконецъ логическая послѣдовательность выше доказанныхъ фактовъ рожденія и крещенія въ селѣ Соловы Александра, требующая записки сего послѣдняго, подъ какимъ бы то званіемъ ни было, въ метрическихъ книгахъ соловской церкви, въ которыхъ его нынѣ вовсе не значится,—приводятъ къ слѣдующимъ убѣжденіямъ: 1, что Александръ Заботинъ въ ноябрѣ 1818 года былъ записанъ въ метрическихъ книгахъ соловской церкви сыномъ Степана Ширая и, по распоряженію сего послѣдняго, единственнаго лица, имѣвшаго въ томъ интересъ, исключенъ изъ книги, и 2, что всѣ подлоги и подмѣны въ метрическихъ книгахъ учинены были до кончины Ширая, послѣдовавшей въ августѣ 1841 года.

II. О ЛИЧНЫХЪ СУПРУЖЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ СУПРУГОВЪ ШИРАЙ.

Изъ присяжныхъ свидѣтельскихъ показаній видно:

Гаевскій, управлявшій соловскимъ имѣніемъ съ мая 1818 г., и Ракицкій, занимавшійся по письменнымъ дѣламъ Ширая съ 1811 г., объявили: Ширай жилъ съ женою въ несогласіи, но посѣщалъ ли онъ ее, не знаютъ и не замѣтили. Къ сему Гаевскій присовокупилъ, что Ширай, проѣзжая въ Черниговъ, заѣзжалъ въ Солово, останав-

ливался въ большомъ домѣ и проживалъ тамъ по нѣскольку дней; что въ началѣ 1818 года Ширай былъ въ Соловѣ и что въ день рожденія его женою сына Александра ночевалъ тамъ и поутру уѣхалъ въ Черниговъ. Это подтвердили и пять соловскихъ дворовыхъ людей, спрошенныхъ по священническому увѣщанію, присовокупивъ къ тому, что Ширай, бывая въ Соловѣ, видѣлся съ женою.

Заверуха, поступившій къ Шираю на службу въ 1834 году, показалъ, что съ 1834 года Ширай жены не навѣщалъ.

Титулярный совѣтникъ Середа,—что, по носившимся въ народѣ слухамъ, Ульяна Ширай родила сына, но не отъ мужа.

Животкевичъ, — что во время освѣщенія соловскаго дома, когда Шираи жили вмѣстѣ, преосвященный черниговскій, по просьбѣ Степана Ширая, назидалъ жену его Ульяну, въ особыхъ покояхъ, о вѣрности супружества; а коллежскій регистраторъ Янжулъ, что при женѣ Ширая видѣлъ сына ея Александра, который жилъ при ней до 5-ти лѣтъ, но отъ Ширая ли рожденъ Александръ,—не знаетъ.

Показаніе свидѣтелей насчетъ образа жизни Ульяны Ширай разногласны; одни утверждаютъ, что она содержалась въ Соловѣ неприлично своему званію и терпѣла недостатки, другіе напротивъ того свидѣтельствуютъ, что ей производилось приличное и достаточное содержаніе.

О болѣзняхъ, которыми была одержима Ульяна Ширай, коллежскій ассесоръ Животкевичъ подъ присягою показалъ, что она имѣла припадки въ родѣ сумасшествія и тогда выходила изъ благопристойности къ мужчинамъ.

Графъ Гудовичъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Искрицкій въ письменныхъ отзывахъ показали: *первый*, что рѣдко имѣлъ случай видѣть Ульяну Ширай, но ему казалось, что въ свободное время отъ болѣзненныхъ припадковъ, она была женщина скромная и кроткая, а *второй* слышалъ, что въ болѣзненныхъ припадкахъ она предпочитала бесѣду, званію ея несвойственную.

Наконецъ докторъ Кузминскій, пользовавшій Ульяну Ширай съ 1834 года, въ отзывѣ объяснилъ, что она вскорѣ послѣ смерти сына Михаила страдала желтухою, потомъ водяною и отъ двухъ послѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ 1838 году параличныхъ ударовъ, въ 1839 году скончалась. Во время малоколичественныхъ очищеній имѣла общее умопомѣшательство, продолжавшееся иногда и по недѣлѣ и

обнаруживавшееся безсонницею, говорливостію, или молчаливостію и угрюмостію.

По единогласнымъ отзывамъ секретарей стародубскихъ присутственныхъ мѣстъ, сличавшихъ письмо Петра Бороздны, отъ 16 августа, съ другими его письмами и документомъ, имъ подписаннымъ, въ почеркѣ сего письма не найдено сходства съ почеркомъ его на другихъ бумагахъ; второе письмо Бороздны, отъ 17 іюня, въ которомъ онъ приглашаетъ Ширая для сообщенія какой-то тайны, не можетъ служить къ разъясненію обстоятельствъ настоящаго дѣла, а третье письмо Ширая, хотя и не оспоренное въ подлинности почерка, есть не болѣе, какъ черновой проэктъ письма, неизвѣстно когда и къ кому писаннаго и посланнаго или нѣтъ.

По показанію Долинской и Чернолузской, Ширай писалъ письмо сіе въ 1811 году къ Немировичу-Данченкѣ. Въ письмѣ этомъ есть смыслъ, но обвиненія, которыя въ немъ взводятся, не оправдываются ни обстоятельствами дѣла, ни единодушнымъ показаніемъ о характерѣ и душевныхъ качествахъ Ульяны Ширай. Во всякомъ случаѣ проэкты писемъ Ширая, въ которыхъ онъ по произволу могъ писать все, что ему вздумалось, недолжны быть приняты за доказательства при рѣшеніи дѣла. Но признавая даже бумаги, представленныя Долинскою и Чернолузскою, несомнѣнно писанными въ 1809 и 1811 годахъ Бороздною и Шираемъ, очевидно, что если юридически невозможно по двумъ письмамъ обвинить Ульяну Ширай въ прелюбодѣяніи въ томъ періодѣ времени, къ которому письма эти относятся, то тѣмъ менѣе они могутъ служить доказательствомъ къ обвиненію Ульяны Ширай въ нарушеніи въ 1818 году супружеской вѣрности, по истеченіи 8-ми или 9-ти лѣтъ отъ ихъ написанія, ибо предшествовавшія событія или поступки не могутъ служить основаніемъ къ обвиненію въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ. Тѣмъ менѣе принять можно за юридическій доводъ къ обвиненію Ульяны Ширай въ прелюбодѣяніи въ 1818 году, показаніе Животкевича, что преосвященный черниговскій во время освященія соловскаго дома, по просьбѣ Степана Ширая, назидалъ въ особомъ покоѣ жену его въ вѣрности супружеской. Судя по словамъ Животкевича (Шираи жили тогда вмѣстѣ), событіе это должно быть отнесено къ промежутку времени между 1801—1810 годами. Что же касается до побудительной причины къ означенной просьбѣ Ширая, то столько же вѣроятно, что поводомъ къ тому могло быть нарушеніе женою супружескаго долга, сколько, если не болѣе, неосно-

вательная подозрительность и даже одно простое желаніе утвердить жену силою пастырскаго слова въ неизмѣнной супружеской вѣрности.

При подробномъ разсмотрѣніи всѣхъ свидѣтельскихъ показаній, не оказывается между оными не только удостовѣренія, но даже и намека на преступную съ кѣмъ либо связь Ульяны Ширай. Сдѣланное повѣреннымъ дочерей Ширая указаніе на Рухлядку (умершаго), управлявшаго соловскимъ имѣніемъ до 1818 года, явно опровергается и своею голословностію и присяжнымъ показаніемъ помѣщика Янжула, что Рухлядка обращался съ Ульяною, по своему невѣжеству, грубо. Нѣкоторые изъ спрошенныхъ по дѣлу лицъ (Ракицкій, Гаевскій, Заверуха, Попсуй, Гредченко) говорятъ о несогласіи Ширая съ женою; но несогласіе не доказываетъ еще совершеннаго и постояннаго разрыва супружескихъ отношеній. Въ представленномъ Долинскою и Черноузскою проэктѣ черноваго письма Ширая сказано, что онъ до нѣкотораго только времени не можетъ видѣться съ женою; слѣдствіемъ же обнаружено, что онъ, Ширай, бывалъ по нѣскольку дней въ селѣ Соловѣ, гдѣ жена его постоянно жила и что въ имѣніи семъ онъ былъ какъ въ началѣ 1818 г., такъ и въ день рожденія женою Александра, а по удостовѣренію пяти дворовыхъ людей, онъ не только бывалъ въ селѣ Соловѣ, но даже видѣлся съ женою своею Ульяною. Въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ Ширай, какъ удостовѣряетъ черниговское дворянское депутатское собраніе, находился въ стародубскихъ своихъ имѣніяхъ, а не въ Черниговѣ, какъ доказывали его дочери.

Законъ (ст. 121 и 131 X Т.) рожденныхъ въ законномъ бракѣ дѣтей признаетъ незаконными въ томъ единственно случаѣ, когда они произошли отъ прелюбодѣянія. Показанія противной стороны о рожденіи Александра Ульяною Ширай отъ прелюбодѣянія, или явно опровергнуты, или ничѣмъ не доказаны, а въ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшаго довода о нарушеніи Ульяною Ширай, въ 1818 году, супружескаго долга и со стороны соперниковъ Александра не представлено никакихъ указаній, которыя бы приводили къ вѣроятному предположенію о томъ, кто могъ быть отцомъ его, Александра, или существовалъ ли канцеляристъ, или другое какое либо лицо, сыномъ котораго онъ могъ быть, подъ фамиліею Заботина, поступить въ воспитательный домъ.

III. О НЕПРИЗНАНІИ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРОМЪ ШИРАЕМЪ И ЖЕНОЮ ЕГО УЛЬЯНОЮ АЛЕКСАНДРА ЗАКОННЫМЪ ИХЪ СЫНОМЪ И О НЕОГЛАШЕНІИ ЗАКОННОСТИ СЕГО ПОСЛѢДНЯГО.

Подложное исключеніе Александра изъ метрическихъ книгъ села Соловы, непомѣщеніе его въ свидѣтельствѣ, взятомъ въ 1819 году отъ суражскаго предводителя дворянства, для предъявленія правъ на наслѣдство послѣ полковника Будлянскаго, и наконецъ оговорка Ширая во всѣхъ, составленныхъ имъ въ 1838 году распорядительныхъ, актахъ объ имуществѣ, что за смертію сына Михаила мужеское колѣно пресѣклось, неоспоримо доказываютъ нежеланіе Ширая признавать Александра законнымъ своимъ сыномъ. Но если нѣтъ въ фактѣ семъ ни малѣйшаго сомнѣнія, то равномѣрно не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что такого рода непризнаніе не можетъ служить основаніемъ къ лишенію Заботина такихъ правъ, которыя, по рожденію его въ законномъ бракѣ, закономъ ему присвоены. По литовскому статуту (разд. 3 артикулъ 28, § 3), дѣйствовавшему до 1842 года въ Черниговской губерніи, не признавшій законнымъ сына, рожденнаго женою, долженъ былъ учинить отреченіе и не держать ни жены, ни дитяти въ своемъ домѣ, ибо непристойно, какъ сказано въ семъ законѣ, честному человѣку что либо худое и безчестное въ своемъ домѣ терпѣть. Соображая съ обстоятельствами дѣла сей законъ, современный по рожденію Заботина въ 1818 г. и мѣстный по совершенію событій въ Черниговской губерніи, нельзя упустить изъ виду, что послѣ рожденія Ульяною Ширай сына Александра, она безвыѣздно до самой кончины жила въ родовомъ имѣніи своего мужа въ Соловѣ, въ которомъ бывалъ и самъ Ширай, а сынъ, ею рожденный, оставался при ней въ томъ же имѣніи до 4-хъ лѣтъ. По дѣлу видно, что Ширай зналъ о рожденіи женою его сына Александра, и этого обстоятельства не отвергаютъ противники Заботина, а потому пребываніе Александра въ домѣ Ширая до 4-хъ лѣтъ и неучиненіе симъ послѣднимъ формальнаго отреченія, узаконяютъ такъ сказать рожденіе Александра, хотя бы Ширай убѣжденъ былъ и въ противномъ, ибо по общимъ основаніямъ гражданскихъ законовъ неотрицаніе въ установленномъ порядкѣ мужемъ такого событія, какъ рожденіе его женою сына, равносильно въ послѣдствіяхъ признанію его законнымъ.

Переходя отъ литовскаго статута къ общему своду законовъ, долж-

но признать, что действовавшіе и действующіе законы наши имѣли всегда въ виду, съ одной стороны, ограждение освященныхъ церковью отношеній мужа и жены отъ всякаго посторонняго вмѣшательства, а съ другой, защиту гражданскихъ правъ дѣтей, происходящихъ отъ сего союза. Посему отреченіе отъ дитяти, рожденнаго женою въ законномъ бракѣ, зависитъ не отъ произвола мужа, а отъ закона, вслѣдствіе предъявленнаго имъ установленнымъ порядкомъ и своевременно спора и доказаннаго имъ нарушенія женою супружеской вѣрности. Съ сею цѣлію, въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта 6-го февраля 1850 года (которое впрочемъ по времени изданія на настоящее дѣло не распространяется), установленъ даже срокъ, для предъявленія мужемъ спора о законности младенца, рожденнаго его женою; съ сею же цѣлію постановлено въ ст. 121 и 131, что рожденные въ законномъ бракѣ признаются незаконными, въ случаѣ доказаннаго происхожденія отъ прелюбодѣянія жены, а въ ст. 122 X Т. и примѣчаніи къ оной, что законность рожденія младенца не подлежитъ спору, если не была она оспорена, при жизни его родителей или въ теченіи 10-ти лѣтъ послѣ рожденія его, когда только признаніе лица было оглашено надлежащими актами и событіями. Прочія постановленія X Т. Св. Зак. гр. о дѣтяхъ законныхъ, по внутреннему ихъ содержанію, исключительно относятся къ дѣтямъ, рожденнымъ внѣ законнаго брака.

Изложенными выше обстоятельствами дѣла обнаружено, что Александръ записанъ былъ законнымъ сыномъ Ширая и жены его Ульяны въ метрическихъ книгахъ соловской церкви, слѣдовательно рожденіе его было оглашено въ исключительно установленномъ для сего актѣ; если же Ширай имѣлъ основаніе признавать Александра не своимъ сыномъ, а происходящимъ отъ прелюбодѣянія жены, то обязанъ былъ представить доказательства въ установленномъ порядкѣ и своевременно; но самовольное устраненіе Александра посредствомъ свидѣтельства и распорядительныхъ актовъ отъ правъ гражданскихъ, усвоенныхъ рожденіемъ въ законномъ бракѣ, лишеніе и присвоеніе которыхъ не зависитъ отъ произвола частнаго лица, предъ лицомъ закона не можетъ имѣть никакой силы и дѣйствія. Александръ рожденъ Ульяною Ширай въ 1818 году, оставался при ней въ родовомъ имѣніи Ширая Соловѣ до 4-хъ лѣтъ, потомъ отправленъ въ деревню Болдовку, а оттуда отданъ Михаиломъ Шираемъ, сперва на воспитаніе въ Новгородъ-Сѣверскъ священнику Мануйловичу, а потомъ въ

московскій воспитательный домъ подъ вымышленнымъ именемъ Заботина. Всѣ сіи событія, подтвержденныя свидѣтельскими показаніями, не были и не могли быть для Ширая тайною. Этого не отрицаютъ даже дочери его Долинская и Чернолузская. Объясненіе же, что Ширай не оспаривалъ законности рожденія въ видахъ нравственныхъ для избѣжанія соблазна и позора, едва ли имѣетъ прочное основаніе. Рѣшеніе всякаго рода дѣлъ должно быть утверждаемо на фактахъ и на точной силѣ закона, а не на нравственныхъ убѣжденіяхъ, подлежащихъ разнообразнымъ сужденіямъ, и не на умозрительныхъ догадкахъ, которымъ могутъ быть всегда противопоставлены другія догадки, для опредѣленія относительнаго достоинства которыхъ въ законѣ не преподано ни правила, ни руководства. Нельзя также допустить начала, не признаннаго положительнымъ законодательствомъ, что отъ непосредственнаго, основаннаго часто на одномъ подозрѣніи, усмотрѣнія отца зависитъ признаніе однихъ дѣтей, рожденныхъ женою его въ законномъ бракѣ, законными, а другихъ незаконными. Такое начало не только ослабило бы освященное уставомъ церкви состояніе семейное, но вовлекло бы къ самоуправству, неумѣстному въ благоустроенномъ государствѣ, и можно сказать клонилось бы къ потрясенію гражданскаго общества въ самыхъ его основаніяхъ.

Объясненіе Долинской и Чернолузской, что Ульяна Ширай никогда не признавала Александра своимъ сыномъ, какъ основанное не на доводахъ, а однихъ голословныхъ предположеніяхъ, не представляется уважительнымъ. Письма Ульяны Ширай къ священнику Мануйловичу показываютъ нѣжнѣйшую материнскую привязанность ея къ своему дитяти. Въ этихъ письмахъ, она называетъ его своимъ Сашинькой, своимъ маленькимъ Сашинькой, своимъ малюткой, а Михаила старшимъ своимъ сыномъ, что служитъ доказательствомъ того, что былъ у нея въ сіе время и младшій сынъ Александръ, потому что съ 1809 года Петра не было уже въ живыхъ. Изъ дѣла ясно видно, что отъ Ульяны Ширай скрывали судьбу сына Александра и отдачу его въ воспитательный домъ, ибо когда Александръ находился въ Москвѣ, то она въ письмѣ къ Мануйловичу считала его очень далеко за Москвою. Раскрытыя слѣдствіемъ тайная подмѣна листовъ въ метрическихъ книгахъ духовныхъ консисторій и правленія и выносъ метрической книги изъ церкви села Соловы, послѣ смерти Ульяны Ширай, приводятъ къ заключенію, что и самъ Степанъ Ширай не рѣшался гласно отвергать законность рожденнаго женою его Уль-

яною сына Александра. При неимѣніи въ виду со стороны Ширая спора о законности рожденнаго женою его Ульяною Ширай сына, сія послѣдняя не имѣла ни повода, ни основанія заявлять актами и доказывать судомъ законность, никѣмъ не отвергаемую. Во время составленія Шираемъ въ 1838 году распорядительныхъ объ имѣніи актовъ, какъ видно изъ свидѣтельства врача Кузминскаго, она разбита была параличемъ и притомъ, оставаясь безвыѣздно, въ селѣ Соловѣ, въ полной власти мужа, не имѣла возможности знать о тѣхъ актахъ, которые мужъ ея совершилъ, въ стародубскомъ уѣздномъ судѣ. Молчаніе отца Ульяны Ширай, Петра Бороздны, который, впрочемъ, по показанію Долинской и Чернолузской, умеръ чрезъ 2 года послѣ рожденія Александра, во время пребыванія сего послѣдняго при матери, а также молчаніе прочихъ родственниковъ Ульяны Ширай, не могло и не можетъ лишить Александра, воспитаннаго подъ именемъ Заботина, тѣхъ правъ, какія ему законно принадлежатъ.

По всѣмъ симъ соображеніямъ, доказывающимъ положительно, что законность рожденія Александра женою Ширая Ульяною Ширай, утвержденная метрическою книгою, не была формальнымъ порядкомъ оспорена Степаномъ Шираемъ, и слѣдуя точному смыслу современнаго настоящему событію закона литов. статута разд. III, артик. 28 § 3, а также т. X св. зак. гр. ст. 121, 131 и 122 и примѣч. къ сей послѣдней статьѣ, нельзя не придти къ заключенію, что Александръ, воспитанный подъ именемъ Заботина, долженъ быть признанъ законнымъ сыномъ генералъ-маіора Ширая и жены его Ульяны.

Что же касается до ссылки Долинской и Чернолузской на примѣрное дѣло о званіи дочери княгини Касаткиной-Ростовской (Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта 16-го октября 1844 г.), то дѣло сіе, по самому существу своему, не можетъ быть поставляемо въ примѣръ въ настоящемъ случаѣ: въ дѣлѣ княгини Касаткиной-Ростовской доказано было: а) что княгиня Касаткина-Ростовская созналась письменно московскому митрополиту и словесно въ духовной консисторіи, что въ теченіи 6-ти лѣтъ не имѣла съ мужемъ сообщенія; сознанія сіи учинены одно за 7-мь мѣсяцевъ до рожденія ею дочери, а другое чрезъ 15-ть мѣсяцевъ послѣ рожденія; б) что княгиня Касаткина-Ростовская не жила въ домѣ мужа, а вела отдѣльную, свободную, независимую жизнь, и в) что дочь, рожденная ею проѣздомъ чрезъ Курскъ, была записана въ метрикѣ безъ означенія отца, который о существованіи дочери и не зналъ.

Изъ обнаруженныхъ же слѣдствіемъ событій о происхожденіи Александра, воспитаннаго подъ именемъ Заботина, напротивъ того, видно, что мать сего послѣдняго Ульяна Ширай никогда и ни предъ кѣмъ не заявляла о прекращеніи супружескихъ отношеній; что она, Ульяна Ширай, жила постоянно и безвыѣздно въ имѣніи своего мужа, въ полной отъ него зависимости; что рожденный ею младенецъ былъ записанъ, въ метрикахъ, сыномъ ея мужа Степана Ширая, и что сей послѣдній о существованіи младенца, жившаго при матери 4 года, не былъ безъизвѣстенъ. По симъ основаніямъ, а равно и потому еще, что постановленныя по одному дѣлу рѣшенія частныя, или такъ называемыя сепаратныя, по 68 и 69-й ст. 1-го т, основ. зак., не имѣютъ силы закона для другаго дѣла,—послѣдовавшее по дѣлу Касаткиной-Ростовской рѣшеніе не можетъ быть примѣняемо къ настоящему дѣлу.

IV. ОБЪ УПУЩЕНІЯХЪ, ДОПУЩЕННЫХЪ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЮ СЛѢДСТВЕННОЮ КОММИСІЕЮ.

По всеподданнѣйшему докладу генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО повелѣть соизволилъ: обстоятельства, изложенныя въ запискѣ флигель-адъютанта Демидова 2-го о самовольномъ лишеніи генераломъ Шираемъ сына, рожденнаго его женою, правъ дворянства и наслѣдства, изслѣдовать черниговскому губернскому предводителю дворянства Ладомирскому съ полковникомъ корпуса жандармовъ Ливенцовымъ и флигель-адъютантомъ Демидовымъ. Черниговскій, полтавскій и харьковскій генералъ-губернаторъ, объявляя о семъ Высочайшемъ повелѣніи, предложилъ предводителю дворянства: «для избѣжанія всякихъ происковъ, взять всѣ возможныя мѣры предосторожности, дабы въ особенности, прежде приступленія къ слѣдствію, настоящая Высочайшая воля оставалась въ тайнѣ и чтобы всѣ дѣйствія, которыя будутъ предприняты къ раскрытію сущности этихъ обстоятельствъ, отнюдь не дѣлались гласными прежде ихъ совершенія». Такимъ образомъ учрежденная, по Высочайшему повелѣнію, слѣдственная коммисія для изслѣдованія противузаконныхъ поступковъ Степана Ширая, и по своему составу, и по указанному для нея образу дѣйствія, выходила изъ разряда обыкновенныхъ слѣдственныхъ коммисій.

Тѣмъ не мѣнѣе нельзя не признать, что слѣдователями допущены были два главныя отступленія отъ закона при производствѣ розысканій по настоящему дѣлу: а) въ противность 1 и 2 п. 2367 ст. X т., спрошенъ подъ присягою прикосновенный къ дѣлу титулярный совѣтникъ Заверуха, и б) приведены къ присягѣ вдова Масловская и Заверуха на другой день послѣ допроса (2386 ст. X т.). Объ участіи же унтеръ-офицера Лапчинскаго въ подлогахъ по метрическимъ книгамъ слѣдователи могли узнать не прежде, какъ послѣ допроса, которому по закону предшествовала присяга.

Что касается до другихъ упущеній, то слѣдуетъ принять во вниманіе:

1) Свѣдѣніе о рожденіи Ульяною Ширай, кромѣ Александра, сына Константина, основано на препровожденной къ слѣдователямъ черниговскимъ, полтавскимъ и харьковскимъ генералъ губернаторомъ запискѣ, никѣмъ не подписанной, а потому имѣющей всѣ свойства и признаки подметнаго письма. Рожденный, будто бы, Ульяною Ширай Константинъ не значится въ метрическихъ книгахъ, какъ увѣдомило слѣдователей стародубское духовное правленіе; никто изъ спрошенныхъ лицъ не сдѣлалъ указанія, въ подтвержденіе сего обстоятельства, а Долинская и Чернолузская никакихъ свѣдѣній, по сему предмету, не сообщили. Очевидно, что слѣдователи не имѣли ни повода, ни основанія производить дальнѣйшія розысканія о лицѣ небываломъ.

2) Равномѣрно не представлялось основанія производить дальнѣйшія розысканія о сочинителѣ письма изъ г. Шацка, подписаннаго А. Заботинъ, и адресованнаго къ Долинской и Чернолузской. Другой Заботинъ, кромѣ того, о которомъ въ дѣлѣ семъ рѣчь идетъ, и который въ то время находился въ Черниговской губерніи, до сихъ поръ не являлся, а по секретному розысканію, какъ увѣдомилъ тамбовскій гражданскій губернаторъ, въ Шацкѣ Заботина не оказалось. Сего, кажется, достаточно для убѣжденія, что письмо изъ Шацка есть вымыслъ, неимѣющій даже признаковъ правдоподобія, тѣмъ болѣе, что въ тождествѣ Заботина, неоспариваемомъ Долинскою и Чернолузскою съ младенцемъ, рожденнымъ въ 1818 году Ульяною Ширай, не представляется ни малѣйшаго сомнѣнія. Это доказываютъ показанія: по іерейской совѣсти священника Мануйловича, у котораго Александръ воспитывался, подъ присягою жены Мануйловича, которая указала даже примѣты его, Александра, штабсъ-капитана Емельяновича, директора ремесленнаго заведенія при воспитательномъ домѣ коллежскаго

совѣтника Розенкампфа и предсмертное письмо Михаила Ширая къ своимъ сестрамъ.

3) Сличеніе подписи Петра Бороздны на письмѣ, представленномъ Долинскою и Чернолузскою, учинено было секретарями стародубскихъ присутственныхъ мѣстъ, которые единогласно признали письмо это неимѣющимъ по почерку сходства съ другими бумагами, писанными и подписанными Бороздною. Законность обряда сличенія Долинская и Чернолузская не оспариваютъ, и такъ-какъ нѣтъ закона, чтобы производить вторичное сличеніе и давать предпочтеніе въ степени достовѣрности показаній секретарямъ губернскихъ мѣстъ и правительствующаго сената предъ секретарями судовъ 1 степени, то возраженіе по сему предмету не имѣетъ законнаго основанія.

4) Изъ дѣла видно, что Александръ находился до 4-хъ лѣтъ при матери, а до 7 лѣтняго возраста у новгородъ-сѣверскаго священника Мануйловича. Посему, и какъ на основаніи 116 правила Номоканона и 3 п. указа 6 ноября 1822 г., дѣти обоего пола допускаются къ исповѣди не ранѣе 7 лѣтняго возраста, то Александръ, до отправленія въ Москву, не могъ значиться въ исповѣдныхъ книгахъ, а потому и дальнѣйшія розысканія по сему предмету безполезны.

5) Возраженіе Долинской и Чернолузской, что слѣдователи допустили мѣстнаго священника Іоанна Лапчинскаго къ увѣщеванію нѣкоторыхъ лицъ, спрошенныхъ безъ присяги, и къ приводу нѣкоторыхъ изъ допрошенныхъ къ присягѣ, не имѣетъ основанія. Нѣтъ закона, воспрещающаго участвующему въ дѣлѣ священнику приводить къ присягѣ и увѣщевать допрашиваемыхъ, а потому дѣйствія слѣдователей въ семъ случаѣ не могутъ быть признаны противузаконными. Къ тому же и увѣщанія и присяга производились священникомъ въ присутствіи слѣдователей.

6) Жалоба Долинской и Чернолузской о недопущеніи ихъ, во время слѣдствія, къ отводу свидѣтелей и къ присутствованію при приведеніи къ присягѣ лицъ, спрошенныхъ по сему дѣлу, не имѣетъ также основанія. Слѣдователи, на точномъ основаніи Высочайшаго повелѣнія о приведеніи въ извѣстность обстоятельствъ, изложенныхъ въ запискѣ полковника Демидова о поступкахъ, относящихся собственно до генерала Ширая, не считали и не могли считать Долинскую и Чернолузскую отвѣтчицами за отца въ подлогахъ, симъ послѣднимъ учиненныхъ. Кромѣ того, изъ дѣла видно, что возраженіе сіе было въ виду государственнаго совѣта, при разсмотрѣніи вопроса о поряд-

кѣ производства предлежащаго дѣла и, Высочайше утвержденнымъ 16 октября 1844 г. мнѣніемъ совѣта, предоставлено было Долинской право участія только въ дальнѣйшемъ производствѣ сего дѣла.

По всѣмъ вышеизложеннымъ основаніямъ и принявъ на видъ: Высочайшее повелѣніе, чтобы дѣло сіе не затягивалось, и ст. 2443 X т., которая воспрещаетъ, подъ видомъ приведенія въ ясность обстоятельствъ дѣла, заводить справки, кои къ существу дѣла не принадлежатъ, а служатъ только къ промедленію онаго, я не нахожу достаточнаго основанія обращать настоящее дѣло къ новому переслѣдованію, тѣмъ болѣе, что новый допросъ въ семъ случаѣ, касаясь не другаго, а именно того же предмета, о которомъ большая часть спрошенныхъ лицъ уже разъ показали подъ присягою, имѣлъ бы нѣкоторымъ образомъ видъ вызова ихъ къ клятвопреступленію и заключалъ бы въ себѣ совершенное отступленіе отъ законовъ, охраняющихъ силу и важность данной единожды присяги.

Изъясненныя соображенія, основанныя на розысканіяхъ о происхожденіи Александра, воспитаннаго подъ именемъ Заботина, обнаруживаютъ: а) что сей послѣдній рожденъ въ 1818 г. Ульяною Ширай въ законномъ бракѣ съ генералъ-маіоромъ Шираемъ и воспитывался при матери до 4 лѣтъ въ имѣніи ея мужа, для котораго существованіе сего младенца не было тайною; б) что законность рожденія отъ Ширая и жены его Ульяны сына Александра оглашена была метрическими книгами, изъ которыхъ онъ впослѣдствіи исключенъ подлогами и подмѣнами; в) что большинство свидѣтелей, спрошенныхъ подъ присягою и по священническому увѣщанію, утвердили рожденіе Александра Ульяною Ширай отъ мужа ея Степана Ширая; г) что Ульяна Ширай не вела отдѣльной, независимой жизни отъ мужа, а имѣла постоянное, безвыѣздное пребываніе въ родовомъ имѣніи сего послѣдняго, въ которомъ онъ проживалъ по нѣскольку дней, и видѣлся съ своею женою; д) что нарушеніе Ульяною Ширай супружеской вѣрности въ предшествовавшее до рожденія Александра время ничѣмъ не доказано; е) что Ширай законность рожденія женою его сына Александра не только нигдѣ и никогда не оспаривалъ формальнымъ порядкомъ, но даже нигдѣ и не оглашалъ до самой смерти своей; ж) что посредствомъ представленныхъ противною стороною доводовъ легко можно оспаривать законность рожденія, если не всякаго, то весьма многихъ, въ явное оскорбленіе святости брака, ограждаемаго законами, и наконецъ, з) что подлогъ не можетъ быть оправ-

дываемъ никакими нравственными убѣжденіями, которыя, какъ выше уже замѣчено, подлежатъ разнообразнымъ сужденіямъ.

Всѣ сіи уваженія и прилагаемое къ нимъ общее правило, по коему всякое невинно-утраченное или похищенное право должно быть возстановлено силою закона, приводятъ къ положительному заключенію, что рожденнаго въ 1818 году Ульяною Ширай сына Александра, на основаніи значащихся по дѣлу сему неотрицаемыхъ данныхъ и по точному содержанію лит. ст. разд. III арт. 28 § 3 и ст. 121, 122 и примѣчанія къ оной X т. св. зак. гр., надлежитъ признать законнымъ ея и генералъ-маіора Ширая сыномъ и, вслѣдствіе того, возвратить ему отчество и фамилію, по закону принадлежащія, и всѣ права, съ сею фамиліею сопряженныя.

Признавъ такимъ образомъ Александра законнымъ сыномъ генералъ-маіора Ширая и жены его Ульяны, и обращаясь затѣмъ къ разрѣшенію *третьяго и послѣдняго вопроса*—о правахъ Александра Ширая на имущество, оставшееся послѣ родителей, нельзя не замѣтить, что права Александра Ширая на имущество, оставшееся послѣ его родителей, различны по разнообразію свойствъ сихъ имуществъ. При разрѣшеніи сего вопроса слѣдуетъ разсмотрѣть: а, права Александра Ширая на благопріобрѣтенное имѣніе отца; б, права на родовое имѣніе сего послѣдняго, и в, права на родовое имѣніе матери.

Генералъ-маіоръ Ширай крѣпостнымъ духовнымъ завѣщаніемъ, писаннымъ 9 ноября 1838 года, сознаннымъ и явленнымъ въ установленномъ порядкѣ, предоставилъ все свое благопріобрѣтенное имѣніе двумъ дочерямъ Маріѣ, по мужу Долинской, и Анастасьѣ, вышедшей впослѣдствіи замужъ за Чернолузскаго. Посему и имѣя въ виду, что по раздѣлу 8 артик. II § 1 всякій властенъ вещи свои движимыя и недвижимое имущество, имъ самимъ пріобрѣтенное, записать кому пожелаетъ, слѣдуетъ признать, что Александръ Ширай не можетъ имѣть никакого участія въ благопріобрѣтенномъ имѣніи отца.

Родовому же своему имѣнію генералъ-маіоръ Ширай составилъ, 1 ноября 1838 г., распредѣлительный актъ, сознанный въ установленномъ литовскимъ статутомъ порядкѣ. Въ актѣ семъ сказано, что онъ, Ширай, симъ распредѣлительнымъ вѣчистымъ записомъ, утверждаетъ и опредѣляетъ въ вѣчное и потомственное владѣніе единственнымъ по немъ наслѣдницамъ, полковницѣ Маріѣ Долинской и дѣвицѣ

Анастасьѣ Ширай (нынѣ Чернолузская), все родовое, по наслѣдству доставшееся ему имѣніе, съ тѣмъ, что онѣ могутъ вступить во владѣніе симъ имѣніемъ не прежде, какъ послѣ его смерти. Актъ сей, по самому своему названію распредѣлительный, не можетъ быть причисленъ къ разряду актовъ дарственныхъ, а ближе всего подходитъ, и по названію и по существу своему, къ актамъ завѣщательнымъ. Всякій актъ, посредствомъ коего распредѣляется имѣніе на случай смерти, есть безспорно не дарственный, а завѣщательный актъ; симъ единственно отличается повсемѣстно даръ отъ завѣщанія.

По литовскому статуту (разд. 8 арт. II § 1) дозволено было завѣщевать имѣніе благопріобрѣтенное, но не отцовскія и материнскія родовыя имѣнія.

Сообразивъ означенный распредѣлительный актъ Ширая о родовомъ его имѣніи, учиненный на случай его смерти, съ приведеннымъ закономъ литовскаго статута, оказывается, что актъ сей, какъ содержащій завѣщательныя распоряженія о родовомъ имѣніи, предъ закономъ не можетъ имѣть силы, а потому Александръ Ширай имѣетъ неотрицаемое право на полученіе изъ родоваго имѣнія, оставшагося послѣ отца, наслѣдственной части, на точномъ основаніи ст. 828 и 952 X т. Св. Зак. Гражд.

Переходя засимъ къ обсужденію правъ Александра Ширая на родовое материнское имѣніе, слѣдуетъ замѣтить, что объ имѣніи семъ имѣются въ виду два акта:

Первый, дарственная запись самой Ульяны Ширай, составленная 17 августа 1809 г., по коей она все движимое и недвижимое свое имѣніе утвердила вѣчно и потомственно сыновьямъ своимъ Михаилу и Петру и дочерямъ Марьѣ и Анастасіи, съ тѣмъ, чтобы, по причинѣ ихъ малолѣтства, отъ сего времени владѣлъ и распоряжалъ имѣніемъ по смерть свою мужъ ея, безъ всякаго со стороны ея препятствія и противорѣчія. Сверхъ того дарительница предоставила мужу своему права и власть сказанныхъ дѣтей ея распредѣлить наслѣдственнымъ записаннымъ отъ нея имѣніемъ, по его усмотрѣнію и знанію положенія и выгодъ тѣхъ имѣній, и что кому изъ дѣтей опредѣлено имъ будетъ, о томъ никто съ нимъ спорить права не имѣетъ; себѣ же Ульяна Ширай предоставила право пользоваться продовольствіемъ и жизненными припасами. Далѣе Ширай постановила, что она запись свою перемѣнить и нарушить не можетъ, и что равнымъ образомъ

мужъ ея не можетъ присвоивать себѣ правъ и власти болѣе той, которыя отъ нея въ сей записи точными и ясными словами ему предоставлены. Актъ сей сознанъ и вписанъ въ актовыя книги, въ предписанномъ литовскимъ статутомъ порядкѣ.

Ближайшее разсмотрѣніе сего акта Ульяны Ширай показываетъ, что сія послѣдняя при жизни своей, съ самаго дня совершенія записи (отъ сего времени, какъ сказано въ записи) отчуждала отъ себя и предоставила постороннимъ лицамъ и право собственности и право владѣнія и распоряженія принадлежавшимъ ей имѣніемъ; посему запись сія содержитъ въ себѣ необходимыя условія дарственной записи. А какъ на основаніи литовскаго статута разд. III арт. 41 дозволено было вотчинникамъ дарить какъ благопріобрѣтенныя, такъ и родовыя свои имѣнія, то совершенная Ульяною Ширай дарственная запись должна сохранить свою силу.

Признавать сію запись дарственною на случай смерти нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Существенное различіе, между дарственною записью при жизни, дарственною на случай смерти и духовнымъ завѣщаніемъ, въ томъ и заключается, что на основаніи сихъ послѣднихъ актовъ, какъ владѣніе, такъ и распоряженіе даримымъ имуществомъ оставляется за дарителемъ до самой его кончины и переходитъ къ постороннему лицу только послѣ его смерти; настоящимъ же актомъ Ульяна Ширай, какъ выше уже сказано, и право владѣнія и право распоряженія, съ самаго дня совершенія акта, предоставила постороннимъ лицамъ.

Возраженіе, что дѣти Ульяны Ширай, получивъ по акту отъ матери право собственности на подаренное имъ имѣніе, могли вступить во владѣніе и распоряженіе онымъ только по смерти отца своего, и что посему самый актъ нельзя не признать актомъ на случай смерти, не имѣетъ законнаго основанія потому, что одно только условіе о смерти самаго дарителя имѣетъ вліяніе на признаніе акта дареніемъ на случай смерти или духовнымъ завѣщаніемъ. Въ настоящемъ же случаѣ смерть дарительницы не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на право дѣтей ея вступить во владѣніе и распоряженіе подареннымъ имъ имѣніемъ. Что касается до условія относительно вступленія дѣтей Ульяны Ширай во владѣніе имѣніемъ послѣ смерти ея мужа, то это условіе не ослабляетъ силы акта, ибо не только по литовскому ста-

туту, но даже по законамъ общимъ, право пользованія можетъ быть отдѣляемо отъ права владѣнія.

Второй актъ о родовомъ имѣніи Ульяны Ширай есть актъ распредѣлительный мужа ея Степана Ширая 5 ноября 1838 года, которыми онъ по праву, предоставленному ему предъидущею дарственною записью жены, раздѣлилъ поровну родовое имѣніе Ульяны Ширай между двумя дочерьми, съ тѣмъ, чтобы онѣ вступили во владѣніе послѣ его смерти.

Право собственности на родовое имѣніе Ульяны Ширай принадлежало, по дарственной ея записи 1809 года, ея дѣтямъ: сыновьямъ Михаилу и Петру и дочерямъ Маріи и Анастасіи, и потому настоящій распредѣлительный актъ Ширая есть не что иное, какъ послѣдствіе предоставленнаго ему женою права раздѣлить между ними подаренное имѣніе. Въ такомъ видѣ законность распредѣлительнаго акта Степана Ширая не можетъ быть оспариваема. Но съ другой стороны, разсматривая сей послѣдній актъ въ отношеніи къ наслѣдственнымъ правамъ Александра Ширая, нельзя не принять во вниманіе, что если бы, при составленіи Шираемъ распредѣлительнаго акта на родовое имѣніе жены, сыновья его Петръ и Михаилъ находились въ живыхъ, то, по точнымъ словамъ дарственной записи ихъ матери, онъ, Ширай, не могъ бы сыновей своихъ лишить слѣдующихъ имъ частей изъ подареннаго имъ матерью имѣнія. Дарственною записью 1809 г. Ульяна Ширай, утверждая права собственности на принадлежавшее ей имѣніе за дѣтьми, тогда ею рожденными, сдѣлала въ актѣ семъ оговорку, что мужъ можетъ только распредѣлить между сказанными дѣтьми имѣніе, по знанію положенія и выгодъ имѣнія; слѣдовательно, не исключая изъ нихъ ни одного. Въ окончаніи дарственной записи, какъ бы въ подтвержденіе вышесказаннаго, Ульяна Ширай объяснила, что мужъ ея присвоивать себѣ права и власти болѣе той, которая ему въ сей записи точными и ясными словами предоставлена, не можетъ. Очевидно, что если бы сыновья Шираевъ Михаилъ и Петръ находились въ живыхъ, то Степанъ Ширай не имѣлъ бы права, по силѣ упомянутой записи жены своей, лишить ихъ участія въ имѣніи, подаренномъ имъ матерью. При совершеніи распредѣлительной Ширая записи, Петра и Михаила не было уже въ живыхъ: первый умеръ въ 1809 году, а второй въ 1833 году, но каждый изъ оставшихся въ живыхъ законныхъ наслѣдниковъ вступалъ въ законныя права собственности послѣ умершаго. Такимъ образомъ послѣ Петра въ принадлежавшую

ему по акту матери часть вступили: братъ Михаилъ и сестры, а послѣ Михаила долженъ наслѣдовать признанный законнымъ братъ его Александръ и сестры Марья и Анастасья. Соображенія сіи о порядкѣ наслѣдованія, въ правахъ собственности на материнское имѣніе, основаны на разд. 3, арт. 17 § 2 литовскаго статута, въ которомъ сказано, что въ томъ случаѣ, если бы братья и сестры и не раздѣлили еще доставшееся имъ послѣ родителей имѣніе и одинъ изъ братьевъ, не оставя по себѣ дѣтей, умеръ, тогда его часть отческихъ и купленныхъ имѣній идетъ въ раздѣлъ токмо на братьевъ или на ихъ потомковъ, на сестеръ же слѣдуетъ выдѣлъ приданаго соразмѣрно четвертой части всего отческаго и купленнаго имѣнія. А если бы осталась материнская часть, то братья съ сестрами поровну между собою оное раздѣлить должны. Въ настоящемъ случаѣ Петръ и Михаплъ умерли въ то время, когда материнское имѣніе по записи принадлежало имъ въ собственность, но не было раздѣлено по случаю пожизненнаго владѣнія отца; посему, на основаніи вышеприведеннаго закона, какъ собственная Михаила Ширая часть въ материнскомъ имѣніи, такъ доводящаяся ему по наслѣдству послѣ брата Петра, должны быть раздѣлены поровну между Александромъ Шираемъ и сестрами его Марьею Долинскою и Анастасьею Чернолузскою.

Руководствуясь вышеизложенными соображеніями и законами, управлявшій министерствомъ юстиціи полагалъ:

1) Рожденнаго въ 1818 году Ульяною Ширай сына Александра признать законнымъ сыномъ ея и генералъ-маіора Ширая, возвративъ ему отчество, фамилію и всѣ права, по рожденію принадлежащія.

2) Родовое имѣніе генералъ-маіора Ширая раздѣлить между сыномъ Александромъ и дочерьми, женою генералъ-маіора Марьею Долинскою и женою коллежскаго совѣтника Анастасьею Чернолузскою, на точномъ основаніи 828 и 952 ст. X. т. св. зак. гр.

3) Изъ родоваго материнскаго имѣнія часть, доводящуюся умершему, въ 1833 году, Михаилу Шираю, какъ по собственному праву, такъ и по наслѣдству послѣ умершаго въ 1809 году брата Петра, раздѣлить поровну, между Александромъ Шираемъ и сестрами Долинскою и Чернолузскою; все затѣмъ остальное имѣніе материнское оставить въ безспорномъ владѣніи настоящихъ вотчинницъ.

4) Благопріобрѣтенное недвижимое и движимое имѣніе генералъ-маіора Ширая, согласно завѣщанію его, оставить въ безспорной собственности генералъ-маіорши Долинской и коллежской совѣтницы Чернолузской.

По выслушаніи сего предложенія, въ общемъ собраніи сената составилось узаконенное большинство гг. сенаторовъ, согласныхъ съ предложеніемъ и такимъ образомъ дѣло получило окончательное разрѣшеніе, согласно мнѣнію г. управлявшаго министерствомъ юстиціи.

ПЕРЕДОВЫЕ ЖИДЫ.

«Папе! сказалъ жидъ Янкель... знаете ли, что́ дѣлается?»

Т. Бульба, Гоголя.

Основа (VI-я книжка), по поводу рѣзко-высказаннаго ей неудовольствія одного изъ ея читателей за слово *Жидъ*, употребляемое ея сотрудниками, выразила, между прочимъ, свое участіе къ живущимъ на украинской почвѣ Жидамъ, какъ къ людямъ, которые, вмѣсто любви и уваженія къ себѣ, внушали и внушаютъ всему не-еврейскому населенію Украины чувства противоположныя. Въ статьѣ *Основы* съ сожалѣніемъ говорилось, что еврейское племя живетъ особнякомъ среди южно-русскаго населенія; до-сихъ-поръ оно не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ народомъ, и не сдѣлало ни одного шага къ сближенію съ нимъ, а, напротивъ, не рѣдко дѣйствуетъ противно духу и пользамъ нашего народа.»

Говоря такимъ образомъ, *Основа* надѣялась, что передовые люди еврейскаго племени въ Украинѣ, безпрестанно доводящіе до свѣдѣнія публики о своей образованности, поймутъ насъ какъ люди въ самомъ дѣлѣ образованные, и употребятъ зависящія отъ нихъ средства къ распространенію между украинскими Жидами новыхъ гражданскихъ идей, на обоюдную пользу пришельцевъ и туземцевъ. Не тутъ-то было! Не въ ту сторону направлены умы передовыхъ Жидовъ. Правда, они сами признали за нами историческое и филологическое право — называть ихъ этимъ именемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ извѣстнаго рода ловкостью и дальновидностью, они вывели (въ 10 № своего журнала — *Сіонъ*) заключеніе, что «стремленія» *Основы* очевидно — *исключительно* національныя»; что «*Основа* никакъ не допускаетъ, чтобы въ Малороссіи могли жить другіе люди, кромѣ малороссовъ»; что *Основа* не дозволяетъ никому быть равно-

душнымъ къ *особымъ* судьбамъ украинской націи; что эта нація готова приняться за *истребленіе* или *изгнаніе* Жидовъ; что *Основа* требуетъ отъ Жидовъ сочувствія не къ судьбамъ цѣлаго отечества, а къ судьбамъ одной изъ частей его, и т. п.

Каждому, надѣемся, изъ этого ясно, къ какимъ мѣрамъ прибѣгаютъ передовые Жиды, для достиженія своей цѣли; каждый, кто читалъ *Основу* вообще и VI книжку въ-особенности, знаетъ, есть ли, во всемъ, сказанномъ *сіонскимъ* публицистомъ, хоть одно слово правды... За то, что мы не восхищаемся дѣлами предковъ ихъ на украинской почвѣ и не видимъ благословенія небеснаго въ томъ, что дѣлаютъ вообще Жиды въ наше время вездѣ, гдѣ имъ дозволено и не дозволено жить, передовые Жиды, не обинуясь объявляютъ насъ проповѣдниками инквизиціи и обновителями варварскихъ и феодальныхъ временъ. Тутъ же рядомъ, они отпускаютъ такого рода фразы: «Въ равнодушіи къ общимъ судьбамъ *нашего отечества Россіи*... въ противодѣйствіи его пользамъ — *Основа* не упрекаетъ насъ и, *при всемъ желаніи*, не могла бы упрекнуть: *безчисленное множество* фактовъ могли бы мы привести въ такомъ случаѣ въ свою защиту.» Каково!.. Невольно вспоминается гоголевская сцена, въ которой Жиды увѣряютъ Запорожцевъ, что они съ ними, какъ братья родные... Въ статьѣ, занимающей пять столбцовъ *Сіона*, не менѣе пяти разъ упомянуты слова: *отечество*, *отечественные интересы*, *все наше отечество*, — словомъ, передовые Жиды относительно «собиранія земли Русской» опереживаютъ и самихъ Іоанновъ московскихъ. Съ такими литераторами не намъ имѣть дѣло. Мы готовы отстаивать свои убѣжденія со всею искренностію любви къ правдѣ, насколько она намъ ясна, но странно было бы сражаться неравнымъ оружіемъ. Предоставимъ передовымъ Жидамъ идти къ своей цѣли избранною ими дорогою. Не впервые слова: *прогресъ*, *цивилизація*, *гуманность*, *просвѣщеніе*, подвергаются подобному злоупотребленію.

Выражая такимъ образомъ личное мое мнѣніе о недостойномъ способѣ полемики, къ которому, въ слѣпомъ увлеченіи національнымъ эгоизмомъ, прибѣгнули передовые Жиды, я руковожусь чувствомъ, пробужденнымъ оскорбленіемъ достоинства печатнаго слова, тѣмъ-самимъ чувствомъ, которое, около трехъ лѣтъ тому назадъ, заставило меня взяться за перо въ пользу Евреевъ, обиженныхъ *Иллюстраціею*. Статью, помѣщенную въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1858, т. XVIII, ноябрь, кн. 2-я) и подписанную, вмѣстѣ со мною, Костомаровымъ, Маркомъ Во-

вчкомъ, Номисомъ и Шевченкомъ, писалъ я. Въ ней было сказано слѣдующее:

«Много вѣковъ уже христіанскія націи, составляющія нынѣ Русскую имперію, клеймятъ скитающееся по всему міру племя Евреевъ именами злодѣевъ, предателей, обманщиковъ, враговъ Божіихъ и человѣческихъ. И не на словахъ только высказывалось противъ Евреевъ негодованіе обществъ и правительствъ, которыя не умѣли увлечь ихъ человѣческими средствами на путь истины и добра. Ихъ изгоняли, топили, жгли и рѣзали, какъ хищныхъ звѣрей. Было бы неестественно этимъ жертвамъ слѣпаго озлобленія фанатиковъ оставить обычаи, за которые ихъ ненавидѣли, и усвоить себѣ характеръ своихъ гонителей. Не говорю уже о самомъ вѣроисповѣданіи, которое, чѣмъ ожесточеннѣе было поносимо христіанами, тѣмъ казалось выше и святѣе въ глазахъ Евреевъ, тѣмъ тѣснѣе связывало ихъ въ одинъ корпоративный союзъ, во имя не-до-конца прогнѣваннаго ими Еговы. Такимъ образомъ, христіане, ревнуя по вѣрѣ и отъ всего сердца желая обратить на путь истины скитающихся по свѣту потомковъ Израиля, этимъ самимъ отдаляли ихъ отъ пути истины и дѣлали глухими къ евангельскому слову. Евреи видѣли и должны были видѣть своихъ враговъ въ проповѣдникахъ человѣколюбиваго ученія, прибѣгавшихъ къ брани, угрозамъ, гоненіямъ и убійствамъ. Евреи сдѣлались и должны были сдѣлаться заклятыми врагами иновѣрцевъ, возверзающъ хулы на ихъ вѣру, на ихъ учителей, на ихъ храмы-школы и на священные для нихъ обычаи. Евреи, стѣсняемые повсемѣстно даже самими законами, поневолѣ обратились къ хитрости и плутовству, поневолѣ освятили вѣроученіемъ своимъ всякій вредъ, который они могутъ сдѣлать безнаказанно христіанину» (но извинительно ли прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ передовымъ Жидамъ *нашего времени?*) «Евреи дошли до изувѣрства въ ненависти къ христіанамъ. Какъ ни возмутительно для насъ многое изъ того, что мы знаемъ о Евреяхъ по достовѣрнымъ, письменнымъ и печатнымъ, свидѣтельствамъ, но это должно служить для насъ только мѣрою золъ, которымъ такъ долго и такъ повсемѣстно подвергались несчастные потомки Израиля. Съ другой стороны, современный практическій разумъ доказываетъ намъ очень убѣдительно, что ни къ чему доброму не привела Евреевъ всеобщая вражда къ нимъ христіанскихъ народовъ, и что одно свободное просвѣщеніе да равенство гражданскихъ правъ способны очистить еврейскую національность отъ всего, что въ ней

есть непріязненнаго къ иновѣрцамъ. Русскіе литераторы, стоящіе во главѣ новаго русскаго движенія къ человѣчности, глубоко сознали эту истину. *Русскій Вѣстникъ* первый сдѣлался органомъ просвѣщенныхъ представителей еврейскаго племени, во имя независимости всякой сознающей себя народности, и первый представилъ торжественную манифестацію русскихъ и польскихъ писателей противъ *Иллюстраціи*, которая, пося европейское имя, дышетъ временемъ Іоанна IV Грознаго въ своихъ сужденіяхъ о Евреяхъ. Въ сорока осьми именахъ, подписавшихъ протестъ, напечатанный въ 21 № *Русскаго Вѣстника*, я увѣренъ, есть и имена малороссіянъ, которые, вообще, никогда не оставались позади представителей Великороссіи, во всякомъ истинно-человѣческомъ движеніи. Но, между этими именами, я не вижу ни одного, съ которымъ связана идея собственно-малороссійской, украинской или южнорусской народности, проявившаяся въ послѣднее время въ литературныхъ произведеніяхъ разнаго рода. Много или мало извѣстно покамѣстъ такихъ именъ, но голоса ихъ имѣютъ въ этомъ дѣлѣ особенно важное значеніе, выражая мнѣніе о еврейскомъ вопросѣ того народа, который больше Великороссіянъ и Поляковъ терпѣлъ отъ Евреевъ и выразилъ свою ненависть къ Евреямъ, во времена оны, многими тысячами кровавыхъ жертвъ. Этотъ народъ не могъ входить въ причину зла, заключавшуюся не въ Евреяхъ, а въ религіозно-гражданскомъ устройствѣ Польши. Онъ мстилъ Евреямъ съ такимъ простодушнымъ сознаніемъ праведности кровопролитій, что даже воспѣлъ свои страшные подвиги въ своихъ истинно-поэтическихъ пѣсняхъ. И несмотря на то, современные литературные представители этого народа, дыша инымъ духомъ, сочувствуя инымъ стремленіямъ, прикладываютъ свои руки къ протесту *Русскаго Вѣстника* противъ статей *Иллюстраціи*.»

То, что написалъ я года три назадъ, я повторяю и теперь, какъ доказательство, что мой взглядъ на вопросъ о Евреяхъ не измѣнился; но ни прежде, ни послѣ я не допускалъ и не допускаю за Евреями права—дѣйствовать безъ разбора всякимъ оружіемъ,—въ родѣ *сіонскаго*, или въ родѣ неумѣстнаго притязанія г-на П—ва,—для достиженія хотя бы самыхъ естественныхъ и справедливыхъ цѣлей. *Основа*, безъ-сомнѣнія, вполнѣ со мной согласна.

П. Кулишъ.

О ПОВѢСТИ Г. КУЗЬМЕНКА.

Есть таланты, ненуждающіеся въ пособіи критики, для того, чтобъ быть оцѣненными по достоинству. Широкій взмахъ крыльевъ генія самъ за себя говоритъ каждому слишкомъ-убѣдительно. Самые нападки тупыхъ, привязчивыхъ судей искусства еще больше возвышаютъ его достоинство въ глазахъ общества, которое чуетъ душою живую силу, исходящую изъ души поэта. Но не всѣ начинаютъ одинаково; не всѣ на первый разъ производятъ созданія, отъ которыхъ сіяетъ сверхъестественнымъ свѣтомъ. Тяжкія обстоятельства жизни, густой мракъ, окружающій юношескіе годы талантливаго писателя, внѣшній гнетъ, душевное уныніе, недостаточность научной образованности—все это вмѣстѣ можетъ парализовать иногда самыя прекрасныя способности ума и сердца, можетъ сдѣлать то, что человѣкъ, призванный къ высшей общественной дѣятельности, навсегда останется въ низменномъ кругу поденщиковъ, едва зарабатывающихъ насущный хлѣбъ, едва заслуживающихъ вниманія со стороны дѣятелей мысли и слова. Къ такимъ талантамъ принадлежитъ, по своимъ тяжкимъ житейскимъ обстоятельствамъ, г. Кузьменко. Мы не имѣемъ права раскрывать ихъ передъ обществомъ въ подробности, но скажемъ, что они едва не подавили окончательно его благородной природы, отличенной искрой таланта истиннаго, самобытнаго. Первыя его стихотворенія, напечатанныя мною въ *Хатѣ*, были таковы, что я не могъ ихъ представить читающему обществу иначе, какъ съ охранительнымъ предувѣдомленіемъ. Это были цвѣтки, испускающіе едва замѣтное благоуханіе посреди безвонныхъ злаковъ и посреди растеній, поражающихъ обоняніе сильно, но непріятно. Надобно было освѣжить вокругъ нихъ воздухъ, чтобы люди, непривыкшіе узнавать подобныя вещи сразу, дали имъ какую-нибудь цѣну. И дѣйствительно, нѣкоторые изъ читателей дали имъ цѣну высокую,— не потому, чтобы эти стихотворенія были сильно проникнуты поэзіею сердца, но потому, что въ нихъ слышался какой-то трогательный напѣвъ, какой-то тихій, очень тихій и робкій, но задушевный голосъ. Казалось, что авторъ ихъ поетъ въ присутствіи ка-

кой-то грубой, тупой силы и боится, чтобъ его пѣсня не разбудила этой силы отъ ея сна животнаго, а между-тѣмъ желаетъ подѣлиться своими чувствами съ подобными себѣ несчастливцами, въ услажденіе, какъ своего собственнаго, такъ и ихъ горя. Но, несмотря на выгодное впечатлѣніе, произведенное этими стихотвореніями на нѣкоторыхъ изъ моихъ собесѣдниковъ, ни я, ни они не чаяли въ г. Кузьменкѣ автора замѣчательнаго, не пророчили ему свѣтлой литературной будущности. Мы слишкомъ хорошо знали тяжесть его житейскаго положенія и мертвящее дѣйствіе окружающей его среды. Участіе къ нему, какъ къ человѣку, заостряло нашу чувствительность къ его поэзіи, и мы давали ей, казалось намъ, больше цѣны, чѣмъ бы, можетъ быть, слѣдовало. Но прошло около двухъ лѣтъ, и имя Кузьменка появилось въ *Основѣ* между пишущими прозою. Возвратясь въ Россію послѣ продолжительнаго отсутствія и перечитывая изданныя безъ меня книжки *Основы*, я съ грустью встрѣтилъ это имя: я не ожидалъ, никакъ не ожидалъ, чтобы г. Кузьменко, при тѣхъ данныхъ, какія мнѣ были извѣстны о немъ, могъ произвести что-нибудь. способное занять меня, какъ простаго читателя. Но я ошибся самымъ пріятнымъ образомъ. Повѣсть его, носящая заглавіе: *Не такъ ждáлося, да такъ склáлося*, поразила меня изящною простотою языка и необыкновеннымъ тактомъ изложенія. Я съ радостью увидѣлъ, что имѣю дѣло съ талантомъ, который, подобно живому ручью, прокладываетъ себѣ дорогу черезъ засоренныя всякимъ соромъ мѣста и вноситъ свѣжесть и жизнь всюду, гдѣ безъ него были только тлѣнь и запустѣніе. Тихо, тихо журчитъ этотъ ручеекъ, тихо льется по кореньямъ въ густой тѣни, но съ перваго взгляда видно, что онъ течетъ въ великое море мысли, примыкая къ болѣе могучимъ и свѣтлымъ потокамъ. Говоря просто, я былъ нетолько занятъ, увлеченъ, но даже тронутъ простымъ и скромнымъ, до убожества скромнымъ, разсказомъ г. Кузьменка. Выведенные имъ на сцену характеры развиваются и дѣйствуютъ какъ-будто мимо вѣдома автора. Онъ пишетъ такъ, какъ-будто въ его повѣсти вовсе не участвуетъ художническое соображеніе, какъ-будто она вовсе не вымышлена,— и въ этомъ именно заключается ея главное достоинство. Часто подходитъ онъ къ такимъ мѣстамъ въ своемъ разсказѣ, которыя для писателей, менѣе чуткихъ къ искусству, составляютъ камень претыканія на пути, и всегда минуетъ ихъ съ умѣньемъ, внушаемымъ однимъ художническимъ инстинктомъ. Съ трепетомъ слѣдилъ я за его повѣстью, до конца опасаясь, чтобъ онъ не впалъ въ обычную у насъ болтливость, уничтожающую все удовольствіе, какое чувствуешь отъ прикосновенія къ другому уму, къ другому сердцу,— нѣтъ! онъ до послѣдней черты остался вѣренъ тому цѣломудрію фантазіи, которая отли-

чаетъ всѣ истинные таланты. Въ повѣсти его кое-чего (впрочемъ весьма немногаго) недостаетъ, но нѣтъ ничего лишняго. *Ничего лишняго*:—эти слова можно сказать о весьма-весьма немногихъ литературныхъ произведеніяхъ вообще, и въ особенности о произведеніяхъ нашей украинской словесности. Этими словами мы выражаемъ г. Кузьменку величайшую похвалу, какую считаемъ себя вправѣ, покамѣстъ, высказать ему передъ читающимъ обществомъ. Если г. Кузьменко не напишетъ ничего больше, то повѣсть его останется всегда на примѣтѣ у знатоковъ нашей молодой литературы. Если онъ не напишетъ ничего плоше, то займетъ очень видное мѣсто въ ряду нашихъ писателей. Но если онъ напишетъ хоть одну вещь, настолько выше своей повѣсти, насколько она выше всѣхъ его стихотвореній, то мы станемъ указывать на него, какъ на писателя образцоваго.

П. Кулишъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ И ЮРИДИЧЕСКІЕ АКТЫ.

V.

Грамота на Рощицы и разборъ ея. (*)

I. ГРАМОТА.

На оборотѣ написано: «Божіею милостію Пресвѣтлейшіе и Державнѣйшіе Великіе Государи Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы.»

Внизу написано: «Справилъ подъячій Иванъ Биринъ.»

(Пергаментъ. Сверху орелъ, кругомъ ободокъ и цвѣты, все золотое. Годы означены ц.-славянскими буквами).

Божіею милостію мы Пресвѣтлѣйшіе и Державнѣйшіе Великіе Государи Цари и Великіе Князья Іоаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы; Московскіе, Киевскіе, Владимірскіе, Новгородскіе, Цари Казанскіе, Цари Астраханскіе, Цари Сибирскіе, Государи Псковскіе и Великіе Князья Смоленскіе, Тверскіе, Югорскіе, Пермскіе, Вятцкіе, Болгарскіе и иныхъ, Государи и Великіе Князи Новагорода Низовскіе земли, Черниговскіе, Рязанскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Бѣлозерскіе, Удорскіе, Обдорскіе, и всея сѣверныя страны, Повелители и Государи Иверскіе земли, Картолинскихъ и Грузинскихъ Царей, и Кабардинскіе земли, Черкаскихъ Князей, и иныхъ многихъ государствъ и земель, восточныхъ и западныхъ, и сѣ-

(*) Эту статью, составленную покойнымъ Михайломъ Александровичемъ Стаховичемъ для «Юридическихъ Записокъ,» сообщилъ намъ издатель этого сборника, П. Г. Рѣдкинъ, какъ прямо подходящую, по своему содержанію, къ предмету *Основы*. Подлинная грамота находится у П. Г. Рѣдкина. *Ред.*

верныхъ, отчичи и дѣдичи, и наслѣдники, и Государи и Обладатели. *Наше Царское Величество* (золотомъ) пожаловали знатного войскового товарища Ивана Павлова сына Лисицу велѣли ему дать сію нашу Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества жалованную грамоту на село Рошицы, да на селцо Пекари и на мельницы на рекѣ Ромнѣ, и на иныхъ рѣчкахъ стоящіе со всѣми къ нимъ угоди, да на мельницу з греблею и ставомъ в селѣ Локоткахъ обрѣтающуюся. Для того въ нынѣшнемъ во ЗРЧИ–мъ году билъ челомъ Намъ Великимъ Государямъ Нашему Царскому Величеству онъ Иванъ, что въ прошлыхъ годѣхъ служилъ отецъ ево Павелъ Отцу Нашему Блаженыя и вѣчно–достойныя памяти Великому Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, и на тѣхъ службахъ подъ Оржищевымъ убитъ отъ непріятелей. Такъ же и онъ Іванъ служилъ Отцу нашему блаженныя памяти Великому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичю всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу Его Царскому Величеству, и Брату Нашему блаженныя памяти Великому Государю Царю и Великому Князю Ѳеодору Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу Его Царскому Величеству; такъ же нынѣ и Намъ Великимъ Государямъ Нашему Царскому Величеству служитъ со всякимъ усердіемъ многіе годы и посыланъ былъ во Царь–городъ ко святѣйшимъ вселенскимъ патріархамъ отъ митрополіи Кіевской, чтобъ оную митрополію Святѣйшій Константинопольскій Патріархъ уступилъ и отдалъ подъ благословеніе святѣйшаго Московскаго и всея Россіи и иныхъ сѣверныхъ странъ Патріарха. И по той ево посылкѣ та митрополія святѣйшему Московскому Патріарху уступлена и совершенно отдана. Да и въ Чигиринскихъ и въ иныхъ во многихъ такъ же и въ лѣто ЗРЧЕ и въ лѣто ЗРЧЗ во обоихъ крымскихъ походехъ онъ былъ, и съ непріяли съ турскими и съ крымскими людми бился, не щадя головы своей. И за тѣ ево службы, по Нашему Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества указу, поданной Нашъ войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра Гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа далъ ему Ивану въ Нашихъ Царского Величества Малороссійскихъ городѣх для пополненія Нашей Царскаго Величества службы въ уѣзде Роменскомъ село Рошицы съ людми посполитыми съ мелницами на Ромнѣ и на иныхъ рѣчкахъ стоящими и со всеми къ нему принадлежащими угодьи, да ему жъ Ивану подтвердилъ листомъ своимъ

селцо Пекари, въ полку Прилуцкомъ въ сотне Краснанской обрѣтающееся съ людми посполитыми, которымъ селцомъ онъ и прежде сего владѣлъ Да мельницу зъ греблею и ставомъ въ уѣздѣ воронежскомъ въ селѣ Локоткахъ обрѣтающуюся бывшаго Гетмана за которую мельницу заплатилъ онъ въ войсковую казну тысячю сто золотыхъ готовыхъ своихъ денегъ. А Нашей же Великихъ Государей Нашего Царского Величества жалованной грамоты, во укрепленіе и утвержденіе того въ семъ на вѣчное владѣніе, ему и женѣ и дѣтямъ ево недàно, и чтобъ Мы Великіе Государи Наше Царское Величество пожаловали ево Ивана велѣли на тѣ ево вышеписанные село Рошицы, да на село Пекари и на мельницы и на всякия угодья дать Нашу Царского Величества жалованную грамоту, а въ листу подданнаго нашего войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра Гетмана Ивана Степановича прошлаго РЧS году написано: «по Нашему Государеи Нашего Царского Величества указу, видя онъ въ войске запорожскомъ многия службы знатнаго войсковога товарыща Ивана Лисицы, которыя онъ отъправлялъ, и впредь отправлять ихъ Царскому Величеству имѣетъ со всякою вѣрностію, далъ ему в роменскомъ уѣздѣ село Родинецъ съ людми посполитыми съ мельницами на рекѣ Ромнѣ и на иных рѣчкахъ стоящими со всѣми къ нему принадлежащими угодьи и принадлежностями, да ему жъ утверждаетъ въ полку прилуцкомъ въ сотне Краснянской селцо Пекари съ людми посполитыми и со всѣми къ нему надлежащими угодьи, которыми онъ и при бывшемъ Гетманѣ прежде сего владѣлъ, также утверждаетъ ему въ воронежскомъ уѣздѣ въ селѣ Локоткахъ мелницу зъ греблею и съ ставомъ бывшаго Гетмана за которую заплатилъ онъ Лисица въ войсковую казну тысячю сто золотыхъ готовыхъ своихъ денегъ, и приказалъ ему Ивану и женѣ ево и дѣтемъ владѣть ею совсякими приходящими съ нее доходы вѣчно, а селомъ рошищами и селцомъ Пекарями и мелницами и всякими къ нимъ належащими угодьи владѣть ему, и всякое отъ людей посполитыхъ опричь казаковъ, послушаніе и повинность, а съ мелницъ размѣровые доходы обирати вѣчножъ. А до казаковъ ему, которые полковые Ихъ Царскаго Величества службы служатъ,—дѣла нѣтъ, и чтобъ ему въ томъ владѣніи нихто изъ старшихъ и черни ныне и впредь не имѣли никакъ не чинити препоны, а войты тѣхъ селъ съ людми посполитыми во всемъ были ему послушны.

Мы Пресвѣтлѣйшіе і Державнѣйшіе Великіе Государи Цари и

Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, наше Царское Величество, слушавъ того ево Иванова челобитья и, подданнаго нашего войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра Гетмана Ивана Степановича данного ему листа, пожаловали его Ивана за службы отца Его и его и Намъ Великимъ Государемъ Нашему Царскому Величеству вышеписанные вѣрные и родѣтельные службы велѣли ему тѣмъ селомъ и селцомъ и мелницами со всякими къ нимъ належащими угодьи которые по Нашему Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества указу написалъ ему въ вышеписанномъ листу подданной Намъ войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра Гетманъ Иванъ Степановичь, такъ же и купленою его мелницею въ селѣ Локоткахъ будетъ кого въ чемъ спору какова не будетъ владѣть и всякіе съ нихъ обыклые подати и пожитки употреблять, на что и сію Нашу Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества жалованную грамоту дать ему указали. и впредъ будущимъ роду ево; и то все Мы Великіе Государи Наше Царское Величество силою сей нашей Царскаго Величества жалованной грамоты ему Ивану и женѣ его и дѣтямъ и роду ево укрѣпляемъ и утверждаемъ, и быти тому селу и селцу и мелницамъ и всякимъ угодьямъ за нимъ въ вотчинѣ, потому, что онъ ту Нашу Царского Величества милость и жалованье получилъ за свои вѣрные и радѣтельные и знатные къ Намъ Великимъ Государямъ Нашему Царскому Величеству службы, и чтобъ впредь, смотря на тѣ его службы и вѣрное радѣнье, дѣти его и внучати и кто по немъ роду его будетъ такъ жеб Намъ Великимъ Государемъ Нашего Царскаго Величеста и Нашимъ Государскимъ Наслѣдникомъ служили, и ему вышеупомянутому Лисицѣ и женѣ его и дѣтямъ и внучатамъ и правнучатамъ, тѣмъ селомъ и селцомъ и мѣлницы съ надлежащими къ нимъ угодьи владѣть и всякіе доходы имать и пожитки употреблять. И тѣ вышеписанные (все опять именуется) ему Ивану и т. д, въ роды ихъ неподвижно; и волно имъ тѣ вотчины продать и заложить и въ приданые дать и во всякіе крѣпости укрѣпить. А для вящаго утвержденія Нашей Царскаго Величества милости и вѣчного владѣнія тѣмъ селомъ и селцомъ и мелницами со всѣми къ нимъ подлежащими угодьи ему Ивану и женѣ его и дѣтямъ сеѣ Нашу Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества жалованную грамоту утвердить Нашею Царского Величества печатію повелѣли. Писана ся Наша Царскаго Величества жалованная грамота,

въ Нашемъ царствующемъ велицемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра ЗРЧИ мѣсяца Марта ВІ дня, государствованія Нашего И году.

Великих Государей Их Царскаго Величества думный дьякъ Емельянъ Игнатьевичь Украинцовъ.

При грамотѣ въ серебряномъ кругломъ ковчегѣ, печать; на крышкѣ гербъ,—двуглавый орелъ безъ московскаго герба со скипетромъ и державою; внутри отлично-сохранившаяся краснаго воску печать, съ гербомъ: орелъ съ московскимъ гербомъ на груди, подъ нимъ столъ; на столѣ булава; на одной сторонѣ 7 человѣкъ:—передніе видно, что кругловолосые, въ латахъ, короткихъ кафтанахъ съ саблями, а одинъ съ знаменемъ; съ другой стороны въ длинныхъ шубахъ, одинъ со скипетромъ; кругомъ печати краткій титулъ Царей. На грамотѣ обертка шолковой матеріи; у печати кисти серебряныя, идутъ отъ пришитаго куска серебряной парчи.

II. РАЗБОРЪ.

Извѣстно, что, послѣ ослабленія южной системы русскихъ княжествъ, главнымъ центромъ русской православной іерархіи была Москва. Въ ней основалась единственная (кромѣ кіевской) митрополія и возрасла до патріархіи. Сначала Москва и Кіевъ сносились съ греческими патріархами отдѣльно, такъ же, какъ въ древнія времена и многія великія княжества находились въ самостоятельныхъ отношеніяхъ съ Греціею, особенно Владимірское. До временъ московскаго патріаршества по разнымъ русскимъ городамъ являются греческіе епископы и архіепископы, посвящаемые въ Константинополѣ. Со времени же патріарховъ московскихъ, сѣверная и восточная части Россіи единственно отъ нихъ стали получать своихъ пастырей; греческіе исчезаютъ, а разсадникомъ русскихъ пастырей становятся русскіе сѣверные монастыри. Но кіевская митрополія и подчиненныя ей епископства продолжаютъ, въ это время, находиться въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ константинопольскому патріарху, который рукополагаетъ ихъ митрополитовъ. Однако, значеніе православныхъ іерарховъ, въ странѣ, угнетенной католицизмомъ, стало такъ маловажно въ это время, что уніаты присвоивали себѣ часто имя кіевскихъ митрополитовъ, вмѣстѣ съ властью и управленіемъ. Жестокая оппозиція, которую составлялъ народъ, противилась такому порядку, и кровью отстаивала свою православную

независимость отъ хитростей польской политики, въ то самое время, какъ на сеймахъ открыто разсуждали о томъ, чтобы всѣми силами стараться обѣднить и ослабить русское духовенство, и тѣмъ унизить его въ глазахъ народа. Еще въ недавнее время видны были слѣды этихъ ужасныхъ мѣръ. Когда послѣдовало распоряженіе о поддержаніи благолѣпія и порядка русскихъ церквей въ Бѣлоруссіи, (гдѣ часто въ помѣщичьихъ селеніяхъ католическіе костелы, посѣщаемые единственно господиномъ и его домочадцами, были каменныя и богатоукрашенныя зданія, а русскія церкви—полуразрушенныя, деревянныя, съ бѣднѣйшею утварью и одеждами), то многіе изъ крестьянъ того края приносили, для новыхъ, строившихся, церквей, утвари и дорогія церковныя вещи. Одинъ крестьянинъ принесъ хранившіяся съ незапамятныхъ временъ серебряныя церковныя врата, преданіе о коихъ передавалось отъ отца къ сыну, на смертномъ одрѣ. Съ самого начала преобладанія Литвы и Польши, въ южно-русскомъ краѣ, видно стремленіе къ соединенію подъ одно управленіе съ православною Москвою въ церковномъ отношеніи. Начало новой московской митрополіи положилъ св. Петръ митрополитъ, родомъ волынецъ, который удержалъ при себѣ и кіевскую митрополію. Но литовскіе князья успѣли разъединить эти митрополіи: Кіевъ началъ имѣть отдѣльныхъ митрополитовъ, которые большею частью держались сношеній съ папою и уніею, такъ-что единственною оградою православія на югѣ осталась община козацкая и нѣкоторые его представители. Вотъ причина, почему многія лица изъ знатныхъ родовъ стали вступать въ ряды духовенства. — Обычай этотъ еще недавно существовалъ въ Малороссіи, гдѣ многіе изъ дворянъ были священниками и архіереями, напр. Іоасафъ Горленко, гдѣ и теперь многія церкви имѣютъ своихъ настоятелей изъ дворянскихъ родовъ. Многіе преданные-православію митрополиты кіевскіе, по рукоположеніи ихъ въ Царьградѣ, оставались при одномъ имени, но безъ власти. По освобожденіи Россіи отъ самозванцевъ и внутреннихъ неустройствъ, южно-русская козацкая община не преминула содѣйствовать ближайшему средству охраненія вѣры и первой ея колыбели, Кіева — соединенію южной Руси съ Москвою и кіевской митрополіи съ московскою патріархіею. Кіевскій соборъ постановилъ это іерархическое соединеніе. Тогда Гедеонъ Святополкъ князь Четвертинскій, вторично прибылъ въ Москву, для рукоположенія въ митрополиты. О поставленіи его во епископа Переяславскаго хлопоталъ еще Богданъ Хмельницкій, но признано было необходимымъ испросить предварительно

согласіе патріарха Діонисія на подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріарху. Отъ кіевской митрополіи былъ посланъ въ Цареградъ войсковой товарищъ Иванъ Павловъ Лисица, для исходатайствованія отъ патріарха уступки кіевской митрополіи подъ благословеніе московскаго и всея Россіи патріарха, и вслѣдствіе этой посылки, кіевская митрополія была уступлена и навсегда отдана московскому патріарху. За такія службы дана была Лисицѣ вотчина, перешедшая къ его дочери, которая была замужемъ за предкомъ нашимъ, городецкимъ сотникомъ, Андреемъ Стаховичемъ. Онъ же, Андрей Стаховичъ, получилъ вотчину и жалованную на нее грамоту по купчей, съ утвержденіемъ универсальнымъ Гетмана Скоропадскаго, отъ брата умершаго Ивана Лисицы, кіевскаго монаха Досифея, *трактовавшаго науки* въ кіевской академіи.

Вотъ отношеніе напечатанной здѣсь грамоты къ полититеской исторіи Малороссіи и исторіи церкви русской. Подобные документы, несомнѣнно важные въ историческомъ отношеніи съ точки зрѣнія государственной, доселѣ составляютъ основаніе гражданскихъ правъ нынѣшняго малороссійскаго дворянства, и потому они не менѣе важны въ юридическомъ отношеніи. Грамота на Рощицы съ этой стороны весьма замѣчательна. Постараемся представить краткій экзегетическій разборъ ея.—

Грамотою укрѣпляются войсковому товарищу Лисицѣ данныя ему отъ Мазепы вотчины: села Рощицы и Пекари, по пожалованію, и мельница съ прудомъ въ селѣ Локоткахъ, на рѣкѣ Воронежѣ, купленная у Мазепы на наличныя деньги. Владѣлецъ просилъ объ укрѣпленіи его правъ жалованною грамотою, которая нужна была ему, несмотря на то, что гетманъ далъ и записалъ за нимъ вотчины съ людьми посполитыми, по указу великихъ государей. Владѣнія, по данному гетманскому листу и по другимъ утвердительнымъ листамъ, были приказаны «для пополненія царской службы,» почему Лисица и выражается въ просьбѣ, что вотчины даны ему за службы (исчисляя ихъ, онъ упоминаетъ и о посольствѣ въ Цареградъ) и «для службы;» въ жалованной же грамотѣ велѣно селу быть за нимъ «въ вотчинѣ.» Что́ же значитъ, спрашивается, владѣніе для службы и по службѣ, котораго недостаточно для правъ вотчинника, и для чего нужна Лисицѣ грамота, если былъ у гетмана царскій указъ о пожалованіи? Разберемъ сначала смыслъ владѣнія по гетманскому листу. Гетманъ приказываетъ Ивану Лисицѣ владѣть вѣчно имѣніемъ, со всѣми доходами, и всякое послушаніе отъ людей посполитыхъ имѣть, а до

козаковъ, которые Ихъ Царскаго Величества службу чинятъ, ему дѣла нѣтъ, и чтобъ никто изъ старшинъ и изъ черни не имѣлъ ему чинить препоны, а войты съ людьми были бы послушны. Здѣсь раздѣляется народъ на два сословія: на козачество и поспольство. До козаковъ владѣльцу дѣла нѣтъ: они въ отношеніи къ нему составляютъ особое сословіе, и не должны ему чинить препоны. Войты, ближайшіе начальники людей посполитыхъ, должны быть ему вмѣстѣ съ ними послушны. Въ слѣдующихъ за этою грамотою универсалахъ гетмана Мазепы, (коихъ списки я имѣю), также различаются сословія, напримѣръ по одному: » Пани Лисичена подала просьбу въ томъ, что въ имѣніи ея тѣ люди, которыхъ небожчикъ (Лисица) съ козацства до громады привернулъ, опять знова ухиляются и не хотятъ за громадою тянути и посполыхъ повинностей отбувати, велитъ ихъ до громады привернути. » Въ другихъ универсалахъ, посполымъ людямъ велятъ не укрываться въ козачество, и отбывать повинности на стояковъ (расположенныя на квартирахъ военныя команды), старшинамъ не велятъ дѣлать владѣльцу кривды и шкоды (универсалы Скоропадскаго слѣдующему владѣльцу, Якову Лисицѣ). То же самое повторяется въ листахъ и универсалахъ при вводѣ во владѣніе. Такимъ образомъ, гетманскій листъ опредѣляетъ отношенія владѣльца къ людямъ, живущимъ въ мѣстахъ его владѣнія. Онъ долженъ распоряжать отправленіемъ общихъ повинностей. Гетманъ даетъ свой листъ, по царскому указу, т. е. по общему своему праву раздавать имѣнія для исполненія службы. На этомъ основаніи, онъ утверждаетъ прежнія владѣнія и гражданскія сдѣлки объ отчужденіи имѣній и назначаетъ новыя помѣстья въ награду за службу; назначая кому–либо имѣніе. Гетманъ опредѣляетъ право владѣнія извѣстнаго лица и даетъ оное со всѣми средствами въ предѣлахъ предоставленной ему власти. Грамотою же утвеждается право поземельной собственности. Въ ней нѣтъ уже распоряженій объ отношеніяхъ владѣльца къ людямъ: это дѣло гетманскаго управленія, и о немъ упоминается въ грамотѣ, какъ въ протоколѣ, вмѣстѣ съ просьбою и съ гетманскимъ представленіемъ къ наградѣ. Грамота утверждаетъ распоряженіе гетмана, и для частнаго лица опредѣляетъ его твердое и нерушимое право чисто гражданскаго характера: цари велятъ быть имѣніямъ за Лисицею »въ вотчинѣ.« Различіе укрѣпленія по грамотѣ и листамъ гетманскимъ весьма отчетливо выражается въ слѣдующихъ словахъ этихъ актовъ: Гетманъ велитъ вотчиннику владѣть и всякое отъ людей

послушаніе имѣть; а грамотою цари велятъ владѣть и пожитки употреблять; укрѣпляютъ изъ рода въ родъ неподвижно. Вотчину эту воленъ онъ продать, заложить, въ приданое дать и во всякія крѣпости укрѣпить, т. е. грамотою дается право собственности, тогда какъ гетманъ даетъ одно право владѣнія. Владѣніе дается по общимъ чиновнымъ распорядкамъ, а собственность — какъ частное, неограниченное право. На этомъ основаніи грамота, единственный оплотъ такого права, дается со всею торжественностью, нетолько юридическою, но даже дипломатическою. Печать краснаго воску, приложенная къ этой грамотѣ, вѣроятно, осталась со времени сношеній царя Алексѣя Михайловича съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ.

М. Стаховичъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ, КАСАЮЩІЯСЯ ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

I.

ОБЩІЯ

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Новый уставъ объ акцизѣ съ табаку.

1-го августа 1861 года обнародованъ Высочайше утвержденный 4 іюля 1861 года уставъ объ акцизѣ съ табаку, при особомъ указѣ сенату, въ которомъ сказано, что дѣйствующія объ акцизѣ съ табаку постановленія были подвергнуты общему пересмотру, вслѣдствіе того, что потребленіе табаку постоянно распространяется во всѣхъ сословіяхъ, доходъ же казны отъ налога на сей предметъ роскоши не возрастаетъ въ достаточной съ его потребленіемъ соразмѣрности.

Согласно новому уставу, потребленіе табаку въ имперіи подлежитъ платежу пошлины; а посему производство табачной промышленности, во всѣхъ ея видахъ, кромѣ разведенія и продажи табаку плантаторами, допускается не иначе, какъ съ соблюденіемъ особыхъ, въ уставѣ семъ постановленныхъ, правилъ.

По уставу, табакъ раздѣляется на 2 вида: сырой и приготовленный. Сырымъ табакомъ признаются табачные листья и стебельки, высушенные и вывѣтренные въ папушахъ или связкахъ, не свернутые въ рули и кароты. Приготовленнымъ же табакомъ почитаются: а) листья и стебельки, свернутые въ рули и кароты; б) табакъ тертый и крошеный, нюхательный и курительный; в) всякаго рода табакъ, свернутый или завернутый въ табачные листья, бумагу, солому и т. п. г), табачныя крошки и вытерки. Разводители табаку могутъ, безъ платежа акциза и взятія свидѣтельства на право продажи, продавать плантаціяхъ, ярмаркахъ и торгахъ собственный свой табакъ въ сыромъ видѣ оптомъ и въ разницу, для внутренняго употребленія и вывоза за границу.

Съ приготовленнаго табаку внутренней выдѣлки взимается акцизъ, посредствомъ бандеролей. Привозный иностранный табакъ оплачивается установленными таможенными пошлинами.

Лица, желающія содержать заведенія, для приготовленія и продажи таб аку, кромѣ соблюденія общихъ постановленій о производствѣ торговли, обязаны брать ежегодно особыя акцизныя свидѣтельства. Развозъ и разносъ всякаго рода табаку производится не иначе, какъ по свидѣтельствамъ и накладнымъ.

Наблюденіе за правильнымъ производствомъ табачной промышленности, для обезпеченія исправнаго поступленія въ казну установленныхъ съ табаку сборовъ, возлагается на акцизный надзоръ.

О разведеніи табаку и развозкѣ его съ плантацій. Согласно этимъ правиламъ, разведеніе табаку предоставляется лицамъ всѣхъ состояній.

Сырой табакъ внутренняго произрастенія развозится съ плантаціей, въ предѣлахъ акцизнаго округа или губерніи, если таковая не принадлежитъ къ округу, не иначе, какъ уложенный въ связки или другія помѣщенія вѣсомъ, не менѣе пуда (netto), по свидѣтельствамъ, выдаваемымъ на сей предметъ отъ мѣстныхъ городскихъ и сельскихъ начальствъ. На вывозъ сыраго табаку за предѣлы акцизнаго округа, или губерніи, выдаются отъ акцизнаго надзора особыя накладныя, съ платою за каждую по 30 к. Табакъ же, застигнутый на пути или торгѣ, безъ свидѣтельства или накладной, подлежитъ задержанію, какъ корчемный.

О приготовленіи табаку и табачныхъ фабрикахъ. Приготовленіе табаку дозволяется только на табачныхъ фабрикахъ; домашнее же приготовленіе табаку, только для собственнаго употребленія, а не для продажи, дозволено единственно табакоразводителямъ, въ жилищахъ при плантаціяхъ. Табачныя фабрики могутъ быть учреждаемы купцами всѣхъ гильдій и лицами торгующими, по свидѣтельствамъ первыхъ трехъ родовъ, въ столицахъ, портовыхъ, губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, со взятіемъ акцизныхъ свидѣтельствъ и съ разрѣшенія министра финансовъ. Владѣльцы табачныхъ фабрикъ обязаны ежегодно выбирать накаждую фабрику изъ казны бандеролей: въ Одессѣ на сумму не менѣе 3000 рублей, во всѣхъ другихъ южнорусскихъ городахъ и мѣстахъ не менѣе 1500 рублей. Фабрики, коихъ владѣльцы не выберутъ, въ какую либо треть, опредѣленной пропорціи бандиролей, закрываются. Фабрика, по этой причинѣ закрыая, можетъ быть вновь открыта, въ теченіе того же года, не иначе, какъ по дополнительной выборкѣ обязательнаго количества бандеролей, какое за весь годъ съ нея причиталось бы, по самый день ея возобновленія. По прошествіи же года, таковая фабрика можетъ быть открыта не иначе, какъ по предварительной выборкѣ количества бандеролей, причитающагося за цѣлую треть года, сверхъ узаконенной годовой пропорціи. Содержаніе, при табачныхъ фабрикахъ, лавокъ и лавочекъ, для разничной продажи табаку, не дозволено. Внѣ фабрики и совершенно отъ нея отдѣльно, табачный фабрикантъ можетъ имѣть двѣ лавки, для разничной продажи своихъ издѣлій, а если желаетъ имѣть ихъ болѣе, то долженъ брать на каждую особый билетъ, съ платежемъ, на основаніи 517 ст. уст. о пошл., независимо отъ установленнаго акцизнаго свидѣтельства, на каждую табачную лавку.

Табачные фабриканты обязаны ежегодно, въ декабрѣ мѣсяцѣ, представлять мѣстному акцизному надзору, для скрѣпы приложенія печати, двѣ прошнурованныя книги, въ которыя фабриканты, въ теченіе слѣдующаго за симъ года, обязаны записывать приходъ и расходъ сыраго и приготовленнаго на фабрикѣ табаку.

Объ акцизныхъ свидѣтельствахъ. Акцизныя свидѣтельства ежегодно выда-

ются изъ уѣзднаго казначейства всѣмъ желающимъ открыть или продолжать содержаніе табачной фабрики, склада для оптовой продажи табаку, лавки, или лавочки, или производить продажу табаку, для мѣстной раскурки въ трактирѣ или на гульбищахъ, а равно перепродажу русскаго листоваго табаку въ развозъ.

За акцизныя годовыя свидѣтельства на право приготовленія и продажи табаку взимается слѣдующая плата: 1) На табачныя фабрики: въ Одессѣ по 150 руб. а въ другихъ мѣстахъ по 100 руб.

2.) На склады для оптовой продажи: а) исключительно листоваго табаку внутренняго произрастенія, по 15 руб;. б), всякаго рода табаку, русскаго и иностраннаго, въ сыромъ и приготовленномъ видѣ, по 30 руб.

3.) На табачную лавку и на право розничной продажи приготовленнаго табаку, русскаго и иностраннаго: въ Одессѣ по 25 руб., въ другихъ мѣстахъ по 15 руб.

4.) На табачныя лавочки и на право розничной продажи приготовленнаго табаку, внутренней выдѣлки: въ Одессѣ по 10 руб., въ другихъ мѣстахъ по 5 рублей.

5.) На право продажи табаку и сигаръ изъ бандероленныхъ помѣщеній, для куренія на мѣстѣ: а), для трактировъ, ресторановъ, гостинницъ, кофейныхъ домовъ и буфетовъ при клубахъ, театрахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и въ другихъ публичныхъ заведеніяхъ: въ губернскихъ и портовыхъ городахъ по 20 руб; въ другихъ мѣстахъ и на пароходахъ по 10 рублей; б), для харчевенъ, портерныхъ лавочекъ, ренсковыхъ погребовъ и питейныхъ домовъ: въ губернскихъ и портовыхъ городахъ по 15 руб.; въ другихъ мѣстахъ по 7 рублей; в), для корчмъ: въ губернскихъ и портовыхъ городахъ по 10 руб.; въ уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ, равно въ мѣстечкахъ и селеніяхъ по 5 руб.

6.) На право разноса табаку и сигаръ на публичныхъ гульбищахъ, гдѣ дозволено курить, для продажи цѣльными и обандероленными помѣщеніями, по 1 руб.

7.) На право перепродавать, русскій сырой табакъ въ развозъ, по 2 руб.

О торговлѣ табакомъ. Покупка сыраго табаку внутренняго произрастенія у плантаторовъ, пудовыми связками или помѣщеніями. дозволяется лицамъ всѣхъ состояній повсемѣстно; лица же, занимающіяся перепродажею сего табаку въ развозъ, обязаны брать акцизное свидѣтельство, которое выдается лицамъ всѣхъ званій, съ платою по 2 руб. въ годъ. Содержаніе складовъ, для оптовой продажи исключительно русскаго сыраго табаку, внутренняго произрастенія, дозволяется купцамъ всѣхъ трехъ гильдій и лицамъ, торгующимъ по свидѣтельствамъ первыхъ трехъ родовъ, со взятіемъ на каждый таковой складъ узаконеннаго акцизнаго свидѣтельства. Склады для оптовой продажи всякаго табаку, т. е. русскаго и привознаго, въ сыромъ и приготовленномъ видѣ, могутъ содержать только купцы первыхъ двухъ гильдій, по узаконеннымъ акцизнымъ свидѣтельствамъ.

Изъ табачныхъ лавокъ дозволяется розничная продажа всѣхъ сортовъ приготовленнаго табаку внутренней выдѣлки и привознаго. Содержать табачныя лавки могутъ купцы и лица, торгующія по свидѣтельствамъ первыхъ трехъ родовъ, въ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ, гдѣ сіе дозволено, со взятіемъ на каждую акцизнаго свидѣтельства.

Изъ этого правила сдѣлано исключеніе для черноморскихъ козаковъ, которымъ, на основаніи дарованныхъ привиллегій, дозволено, въ предѣлахъ своихъ

земель, производить продажу табаку, подъ установленными бандеролями, въ лавкахъ, вмѣстѣ съ прочими товарами, безъ взятія гильдейскихъ свидѣтельствъ, по однимъ только акцизнымъ свидѣтельствамъ, на табачныя лавки установленнымъ.

Табачныя лавочки, со взятіемъ на нихъ акцизныхъ свидѣтельствъ, могутъ содержать мѣщане и лица, торгующіе по свидѣтельствамъ четвертаго рода; изъ сихъ лавочекъ дозволяется продавать въ разницу табакъ внутренняго приготовленія.

Розничная продажа сыраго табаку русскаго произрастенія дозволена только изъ табачныхъ лавокъ и лавочекъ. Розничная же продажа привознаго иностраннаго табаку, въ листьяхъ и стебелькахъ, повсемѣстно запрещена.

Крестьяне, имѣющіе въ селеніяхъ мелочныя лавочки, могутъ продавать изъ нихъ табакъ внутренняго приготовленія безъ взятія свидѣтельствъ четвертаго рода и только по акцизнымъ свидѣтельствамъ на табачныя лавочки. Право это предоставлено и отставнымъ нижнимъ воинскимъ чинамъ, приписаннымъ къ селеніямъ.

На ярмаркахъ торговля табакомъ должна производиться съ заявленіемъ о томъ ярмарочному начальству и по особымъ выданнымъ отъ него билетамъ.

О порядкѣ развоза табаку. Согласно правиламъ, въ этой главѣ изложеннымъ, всякій табакъ-приготовленный, равно иностранный, въ листьяхъ и стебелькахъ, долженъ быть развозимъ не иначе, какъ по свидѣтельствамъ городскихъ и сельскихъ начальствъ, или по форменнымъ накладнымъ, отъ акцизнаго надзора выдаваемымъ, со взиманіемъ за каждую по 30 коп. платы.

Накладныя пишутся по особой формѣ; въ нихъ, за подписью акцизнаго пристава, должны быть обозначены: а), количество и качество отправляемаго табаку; б), имя возчика; в), имя отправителя, день отправленія и мѣсто, откуда табакъ высылается; г), трактъ, по коему онъ слѣдуетъ; д), мѣсто назначенія и лицо, коему онъ адресованъ.

Для полученія накладной, акцизнымъ чиновникамъ предъявляются бумаги, удостовѣряющія, что отправляемый табакъ достался отправителю законными путями, а именно: а), въ случаѣ пріобрѣтенія табаку отъ разводителей, въ предѣлахъ акцизнаго округа, свидѣтельства мѣстнаго городскаго или сельскаго начальства; б), въ случаѣ привоза изъ-за границы—таможенные провозные ярлыки, и в), въ случаѣ привоза изъ другихъ мѣстъ—накладныя мѣстнаго надзора.

Накладныя, ярлыки и свидѣтельства, при транспортахъ табаку, должны быть предъявляемы во всякое время акцизному надзору, городской и сельской полиціи, по ихъ востребованію.

Транспорты съ табакомъ, слѣдующіе при накладныхъ, подвергаются только поверхностной повѣркѣ числа и знаковъ помѣщеній и цѣлости печатей надзора, къ нимъ приложенныхъ; а внутренней, подробной повѣркѣ могутъ быть подвергнуты только въ случаѣ, если печати окажутся взломанными, или число и знаки помѣщеній не будутъ соотвѣтствовать означеннымъ по накладной.

О вывозѣ русскаго табаку за границу. Вывозъ сыраго табаку русскаго произрастенія за границу предоставляется плантаторамъ и купцамъ всѣхъ трехъ гильдій, съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для развоза табаку по имперіи.

Фабрикантъ, желающій отправлять свои табачныя издѣлія за границу, обязанъ всякій разъ приглашать мѣстный акцизный надзоръ, для осидѣтельство-

вания предназначенныхъ къ вывозу помѣщеній, которыя могутъ быть, безъ обложенія бандеролями, перевозимы въ таможни, за печатями надзора и съ его удостовѣреніемъ о количествѣ отправляемаго табаку. Таможни, освидѣтельствовавъ вновь сіи помѣщенія, выдаютъ отправителю свидѣтельство, которое должно быть имъ представлено акцизному надзору, въ теченіи полугода; въ случаѣ же непредставленія въ сей срокъ свидѣтельства таможни, о дѣйствительномъ вывозѣ за границу безбандерольнаго табаку, съ фабрики, подъ печатями надзора, отпущеннаго, содержатель фабрики обязанъ внести причитающійся за все количество акцизъ, по высшему сорту табаку. Купцы, производящіе заграничную торговлю, но неимѣющіе своихъ фабрикъ, могутъ представлять въ таможни приготовленный табакъ внутренней выдѣлки, для вывоза за границу, не иначе, какъ въ помѣщеніяхъ обандероленныхъ; стоимость бандеролей возвращается имъ, если, по предварительномъ удостовѣреніи таможни, что таковыя помѣщенія ею пропущены, отправитель представитъ еще удостовѣреніе россійскаго консульства того мѣста, куда табакъ отправленъ, о томъ, что онъ дѣйствительно туда, въ опредѣленномъ количествѣ, прибылъ.

Этимъ кончается первый раздѣлъ устава, носящій общее заглавіе: »о порядкѣ производства табачной промышленности и взиманіи акциза съ табаку«.

Засимъ слѣдуетъ второй раздѣлъ: *»учрежденіе акцизнаго управленія по табачному сбору.«*

Центральное управленіе сосредоточивается въ министерствѣ финансовъ, по департаменту мануфактуръ и внутренней торговли, а надзоръ за ходомъ табачной промышленности, въ губерніяхъ, возложенъ на казенныя палаты и уѣздныя казначейства, на начальниковъ акцизныхъ округовъ, ихъ помощниковъ, табако-акцизныхъ приставовъ, надзирателей и корчемную стражу по акцизу съ табаку.

Акцизный надзоръ за точнымъ поступленіемъ табачныхъ сборовъ и за правильнымъ производствомъ табачной промышленности распредѣляется на акцизные округи и дистанціи или районы.

Акцизный округъ составляется изъ одной или нѣсколькихъ смежныхъ губерній.

Каждый табако-акцизный округъ управляется начальникомъ онаго, который имѣетъ въ своемъ вѣдомствѣ всѣ дистанціи, составляющія округъ и есть главный начальникъ окружной корчемной стражи. Мѣстопребываніемъ начальниковъ округовъ назначаются главные центры табачной промышленности, въ томъ числѣ: Кіевъ, Одесса и Полтава или Харьковъ.

Дистанціею называется извѣстная часть округа. Каждою дистанціею завѣдываетъ акцизный приставъ 1 или 2 класса.

Для вспомоществованія надзору за правильнымъ производствомъ табачной промышленности, состоитъ при ономъ корчемная стража.

При акцизныхъ округахъ, полагается, для порученій и пріобрѣтенія познаній въ дѣлахъ акцизныхъ, одинъ или два чиновника.

Акцизные округи учреждаются постепенно, по мѣрѣ того, какъ потребуетъ распространеніе табачной промышленности; на первое время учредятся семь округовъ, въ томъ числѣ Югозападный: изъ губерній: Кіевской, Волынской и Подольской, Новороссійскій, изъ губерній: Херсонской, Таврической, Екатеринославской и области Бессарабской, и Малороссійскій, изъ губерній: Полтавской, Черниговской, Харьковской и Курской.

Въ губерніяхъ, не въ акцизновключенныхъые округи, наблюденіе за правильностью производства табачной промышленности возлагается на казенныя палаты, отъ которыхъ надзоръ поручается: въ губернскихъ городахъ—чиновникамъ ихъ вѣдомства, а въ уѣздныхъ и другихъ городахъ—чиновникамъ уѣздныхъ казначействъ, винным и солянымъ приставамъ, акцизнымъ надзирателямъ по питейнымъ сборамъ и проч. чиновн.

Начальники губерній, палаты государственныхъ имуществъ, удѣльныя конторы и всѣ мѣстныя управленія, а равно и городскія и земскія полиціи должны оказывать акцизному надзору полное, съ ихъ стороны, содѣйствіе.

Акцизный надзоръ по табачнымъ сборамъ, тамъ, гдѣ онъ учрежденъ отдѣльно отъ казенныхъ палатъ, не зависитъ отъ нихъ, собственно по прямымъ его обязанностямъ, состоящимъ въ наблюденіи за табачною промышленностью во всѣхъ ея видахъ, но долженъ представлять казеннымъ палатамъ всѣ свѣдѣнія и справки и исполнять всѣ порученія, какія, по отчетности, взысканіямъ и дѣламъ исковымъ, палаты сіи отъ него потребуютъ.

Начальники округовъ обязаны осматривать лично всѣ ввѣренныя имъ дистанціи не менѣе двухъ разъ въ году. Всѣмъ чиновникамъ, на коихъ возложенъ надзоръ по табачному сбору, предоставляется употреблять, для открытія злоупотребленій, лицъ всякаго званія, подъ ихъ личною отвѣтственностью.

Акцизный надзоръ, направляя дѣйствія свои къ раскрытію и предупрежденію незаконнаго приготовленія и продажи табаку, обязанъ притомъ поступать съ надлежащею умѣренностію, не дѣлая помѣшательства торговцамъ и фабрикантамъ. Въ частныя жилища надзоръ доступа не имѣетъ; но въ случаѣ основательныхъ подозрѣній, если встрѣтится надобность сдѣлать домовый обыскъ, то таковой производится, на основаніи общихъ узаконеній.

Денежныя взысканія за нарушеніе правилъ новаго устава и суммы, поступающія отъ продажи конфискованныхъ предметовъ, за вычетомъ 10%, для причисленія къ пенсіонному капиталу государственнаго казначейства, обращаются въ особый капиталъ, для выдачи награжденій служащимъ по части акциза съ табаку. Если же открыватель не принадлежитъ къ акцизному вѣдомству, то изъ означенныхъ суммъ поступаетъ въ капиталъ только половина, а другая выдается открывателю. Кромѣ того, для увеличенія средствъ надзора и поощренія служащихъ, съ дохода, превышающаго сборъ отъ продажи бандеролей и свидѣтельствъ, въ 1858 году по каждому акцизному округу или губерніи поступившій, ежегодно отчисляется 15%, изъ коихъ 5 употребляются на усиленіе средствъ и улучшеніе надзора; остальные же 10 раздѣляются, въ пособіе къ жалованью между мѣстнымъ спеціальнымъ надзоромъ и чиновниками, занимающимися дѣлопроизводствомъ, по части акциза съ табаку, въ министерствѣ финансовъ.

Акцизные чиновники, за всякое умышленное попущеніе корчемнымъ дѣйствіямъ по табачной промышленности, исключаются изъ службы, съ утратою всѣхъ заслуженныхъ, по силѣ сего устава, преимуществъ, а если доказано, что это сдѣлано ими изъ корыстныхъ видовъ, то подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ за лихоимство.

Лица, которымъ порученъ надзоръ за исполненіемъ табако-акцизныхъ узаконеній, за всѣ преступленія и проступки по службѣ, подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ вообще за нарушеніе обязанностей службы, а за нанесеніе, своими несправедливыми дѣйствіями, частнымъ лицамъ убытковъ—денежному вознагражденію обиженныхъ, по приговору суда.

О порядкѣ производства дѣлъ по задержанію корчемнаго табаку и слѣдствій по нарушеніямъ акцизныхъ, по табачной части, правилъ. Главная цѣль спеціальнаго табако-акцизнаго надзора состоитъ въ наблюденіи за правильнымъ производствомъ табачной промышленности, во всѣхъ ея видахъ, въ открытіи злоупотребленій и въ ихъ немедленномъ пресѣченіи; а посему, на всѣхъ акцизныхъ чиновникахъ лежитъ прямая обязанность, всякое уклоненіе отъ акцизныхъ правилъ, открытое ими самими непосредственно, или чрезъ объявленіе городской или земской полиціи, или чрезъ доносъ частнаго лица, прекращать, и, составивъ о нарушеніи письменный актъ, при постороннихъ свидѣтеляхъ, представить оный на разсмотрѣніе и рѣшеніе мѣстной казенной палаты.

Актъ объ открытіи нарушенія акцизныхъ правилъ, касающихся табачной промышленности, долженъ быть составленъ акцизнымъ чиновникомъ, съ точнымъ объясненіемъ обстоятельствъ дѣла, подписанъ составителемъ, скрѣпленъ двумя постороннимъ свидѣтелями и предложенъ къ подписанію самому нарушителю.

Еслиже сей послѣдній отъ сего откажется, то о семъ должно быть упомянуто въ самомъ актѣ, и въ такомъ случаѣ акцизный надзоръ обязанъ потребовать мѣстную полицію, для засвидѣтельствованія акта. Таковый актъ имѣетъ силу полнаго доказательства, доколѣ не будетъ опровергнутъ положительными противъ него доводами.

Корчемной стражѣ вмѣняется въ обязанность задерживать всякаго, кто продаетъ табакъ безъ бандеролей, а равно останавливать всякаго рода табакъ, развозимый безъ оправдательныхъ видовъ, т. е. безъ форменныхъ накладныхъ свидѣтельствъ мѣстныхъ начальствъ, или таможенныхъ ярлыковъ, и представлять какъ задержанныхъ людей, такъ и табакъ, при нихъ найденный, своему ближайшему начальству, которое, по разсмотрѣніи представленнаго стражею обстоятельства, или составляетъ актъ, истребовавъ отъ задержанныхъ людей обезпеченіе въ исправномъ взносѣ могущаго причитаться съ нихъ взысканія, каковой актъ получаетъ законное движеніе, или, въ случаѣ невиновности задержанныхъ, ихъ освобождаетъ. Задержанные корчемною стражею люди подлежатъ аресту только въ случаѣ, если откроется подозрѣніе въ поддѣльныхъ на табакѣ бандероляхъ, или въ подложныхъ бумагахъ, или если, при ихъ задержаніи, они окажутъ сопротивленіе, съ нанесеніемъ оскорбленій или побоевъ корчемной стражѣ, или если не представятъ достаточнаго обезпеченія или благонадежнаго поручительства, въ могущемъ причитаться съ нихъ взысканіи. За исключеніемъ сихъ случаевъ, задержанные должны быть немедленно отпущены, съ отобраніемъ у нихъ показанія объ ихъ личности и о мѣстѣ ихъ жительства, а равно и всѣхъ другихъ свѣдѣній, въ коихъ окажется надобность.

Казенная палата, получивъ отъ акцизнаго надзора актъ объ открытомъ имъ нарушеніи акцизныхъ правилъ, безъ замедленія, и не позже семи сутокъ, считая со времени поступленія сего акта въ палату, обязана сдѣлать постановленіе, о мѣрѣ взысканія съ виновнаго. Если же дѣло должно быть произведено судебнымъ порядкомъ, то палата дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ формальнаго слѣдствія чрезъ судебнаго слѣдователя.

Если, по разсмотрѣніи дѣла казенною палатою и по утвержденіи департаментомъ мануфактуръ и внутренней торговли, или по рѣшенію судебнаго мѣста, задержанные табакъ и другіе предметы признаются некорчемными, то оные возвращаются хозяину ихъ или его повѣренному, съ предоставленіемъ имъ права понесенные убытки отыскивать съ виновныхъ въ неправильномъ задержаніи-

Если цѣнность предметовъ, признанныхъ некорчемными и потому подлежащими возврату, не будетъ превышать ста руб., то возвратъ ихъ предоставляется казеннымъ палатамъ, безъ особаго разрѣшенія департамента, и только съ увѣдомленіемъ его.

Дѣла, о нарушеніи акцизныхъ по табаку правилъ, подлежатъ вѣдомству судебныхъ мѣстъ, когда обвиняемый въ семъ нарушеніи можетъ подлежать личному наказанію, разумѣя подъ симъ и запрещеніе или ограниченіе правъ по торговлѣ табакомъ.

Подлежащія судебному разсмотрѣнію дѣла о нарушеніи устава объ акцизѣ съ табаку производятся въ судебныхъ мѣстахъ, на основаніи правилъ, установленныхъ для производства дѣлъ, сопряженныхъ съ казеннымъ интересомъ.

Дѣла о нарушеніи акцизныхъ правилъ, когда обвиняемый, по существу падающаго на него обвиненія, можетъ подлежать одному денежному взысканію, съ конфискаціею табаку и другихъ предметовъ, или безъ оной, вѣдаются и рѣшаются мѣстными казенными палатами, съ соблюденіемъ слѣдующаго порядка: по разсмотрѣніи акта акцизнаго надзора, если дѣло признается подлежащимъ рѣшенію казенной палаты, сія послѣдняя немедленно постановляетъ рѣшеніе, которое объявляется съ подпискою виновному или его повѣренному, съ тѣмъ, чтобы въ сей же подпискѣ онъ показалъ, доволенъ или не доволенъ рѣшеніемъ.

Недовольный рѣшеніемъ палаты можетъ, въ теченіе мѣсяца, со дня объявленія ему рѣшенія, принести на него жалобу въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли. Таковая жалоба можетъ быть подаваема въ самую казенную палату, которая, не приводя своего рѣшенія въ исполненіе, обязана поданную жалобу немедленно отправить въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, вмѣстѣ съ дѣлопроизводствомъ и своимъ по жалобѣ объясненіемъ. Если подписавшій на рѣшеніе казенной палаты неудовольствіе, въ теченіе мѣсячнаго срока, жалобы не подастъ, то рѣшеніе сіе вступаетъ въ законную силу.

Объявившій неудовольствіе на рѣшеніе департамента мануфактуръ и внутренней торговли можетъ принести жалобу правительствующему сенату не позже 3-хъ мѣсяцевъ, по объявленіи ему рѣшенія.

Плантаторы, фабриканты и торговцы, уличенные въ нарушеніи законовъ объ акцизѣ, подвергаются штрафу, количество котораго зависитъ отъ важности нарушенія, вмѣстѣ съ тѣмъ конфискаціи снарядовъ и табаку, закрытію фабрики или лавки, лишенію права приготовлять табакъ и торговать онымъ, и, наконецъ, въ случаѣ поддѣлки свидѣтельствъ, накладныхъ и бандеролей, исправительному наказанію.

При новомъ уставѣ приложенъ тарифъ бандеролей по табачному акцизу и продажныхъ цѣнъ табаку и сигаръ.

Не выписывая вполнѣ всего тарифа, въ которомъ означены цѣны табаку и бандеролей отъ 1 фунта до $^1/_4$ фунта, мы выпишемъ только цѣны табаку въ количествѣ 1 фунта, точно также, какъ и цѣны бандеролей, соотвѣтствующихъ этому количеству табаку.

Табакъ нюхательный:

1 фунтъ.

IV сортъ ц. табака съ включ. бандер. не выше 12 к., ц. одного бандер. 4 к.
II — » — » — — » — 24 к., » — — 8 к.

II — » — » — — » — 48 к., » — — 16 к.
I — » — » — — » отъ 63 к., » — — 30 к.

Табакъ куритѣльный:

1 фунтъ.

V сортъ ц. табака со включ. бандер. не выше 10 к., ц. одного бандер. 3 к.
IV — » — » — — » — 22 к., » — — 6 к.
III — » — » — — » — 40 к., » — — 12 к.
II — » — » — — » — 80 к., » — — 25 к.
I — » — » — — » — 92 к., » — — 36 к.

Сигары и папиросы:

100 штукъ.

V сортъ для однѣхъ папиросъ . . . . . не выше 30 к. . . . 9 к.
IV — — — — . . . . . » — 46 » . . . 14 к.
III сортъ для сигаръ и папиросъ . . . . 1 р. . . . . 30 к.
II — — — » — . . . . 2 р. . . . . 65 к.
I — — — » — . . отъ 2 р. 36 к. . . 1 р. — »

Табакъ въ каротахъ:

1 фунтъ.

II сортъ со включеніемъ бандероля не выше 84 коп. . . . . 19 к.
I — » — — отъ 1 р. 4 коп. . . . . 38 к.

Табакъ въ руляхъ:

1 фунтъ.

II сортъ со включен. бандер. не выше 62 коп. ц. одного бандер. 14 к.
I — » — — » — отъ 73 коп. » — — 24 к.

О порядкѣ введенія въ дѣйствіе новаго устава объ акцизѣ съ табаку. Вслѣдъ за изданіемъ новаго устава, 18 августа обнародовано высочайше-утвержденное 4 іюля сего года мнѣніе государственнаго совѣта о приведеніи означеннаго устава въ дѣйствіе не позже 5-и мѣсяцевъ, со дня его утвержденія, съ соблюденіемъ притомъ постепенности по слѣдующимъ предметамъ: 1) дозволено фабрикантамъ и торговцамъ продажу табачныхъ издѣлій, подъ прежними бандеролями, производить до 1-го мая 1862 г. съ сего же срока должны быть приведены въ исполненіе правила о развозѣ табаку, по свидѣтельствамъ и накладнымъ, и 2), правила о выборкѣ бандеролей въ усиленномъ, противъ нынѣшняго, размѣрѣ, о платѣ за акцизныя свидѣтельства и веденіе контрольныхъ книгъ, по новой формѣ, на табачныхъ фабрикахъ и складахъ, и о содержаніи уже существующихъ фабрикъ, съ соблюденіемъ условій, чтобы при нихъ не было лавокъ для розничной продажи табаку и чтобы запасы сыраго табаку не находились отдѣльно отъ самыхъ фабрикъ, а равно чтобы не содержались фабрики въ одномъ домѣ и на одномъ дворѣ съ лавками для розничной продажи и съ заведеніями для раскурочной продажи табаку,—обязательны для табачныхъ фабрикантовъ и торговцевъ лишь съ 1-го января 1862 г., причемъ предоставлено министру финансовъ, разрѣшать и болѣе продолжительные сроки, для тѣхъ фабрикантовъ и торговцевъ, которые связаны особыми, по найму фабричныхъ и торговыхъ помѣщеній, контрактами (мнѣн. госуд. сов. 4 іюля въ сен. вѣд. 18 августа 1861 г. № 66).

Новое положеніе о питейномъ сборѣ.

1-го августа обнародовано высочайше-утвержденное 4-го іюля 1861 года положеніе о питейномъ сборѣ. Цѣль новаго положенія ясно видна изъ высочайшаго указа, при которомъ оно обнародовано. Дѣйствующіе нынѣ, сказано въ этомъ указѣ, способы взиманія въ казну питейнаго сбора, составляющаго одинъ изъ главныхъ источниковъ государственнаго дохода, представляютъ многія существенныя неудобства, какъ по разнообразію своему и неравномѣрности распредѣленія въ разныхъ частяхъ имперіи, такъ и еще болѣе по существованію почти всюду откупной системы, сопряженной съ крайнимъ для народа отягощеніемъ и стѣсненіемъ частной промышленности. Далѣе, въ указѣ повелѣно открыть губернскія и окружныя акцизныя управленія съ 1-го іюля 1862 года, въ тѣхъ мѣстностяхъ и въ томъ составѣ, въ какихъ окажется нужнымъ, по усмотрѣнію министра финансовъ, и ассигновать, съ того же срока, на содержаніе сихъуправленій въ-теченіе 1862 года до 1,500,000, а съ 1-го января 1863 года до 3,000,000 р. въ годъ изъ государственнаго казначейства.

По новому положенію, въ губерніяхъ великороссійскихъ, Ставропольской, прибалтійскихъ, западныхъ, малороссійскихъ и новороссійскихъ, въ областяхъ: Бессарабской, Кубанской и Терской, въ землѣ войска Донскаго, а также въ губерніяхъ и областяхъ Восточной и Западной Сибири, доходъ съ питей въ пользу казны, съ 1863 года, получается въ видѣ: 1) акциза съ производимаго количества питей, и 2) патентнаго сбора съ заводовъ для приготовленія питей и издѣлій изъ вина и спирта, а также съ заведеній для продажи питей. Акцизу подлежатъ: а) спиртъ и вино, выдѣланные изъ хлѣба, картофеля, свекловицы, свеклосахарныхъ остатковъ и китайскаго проса (сорго); б) водки, выдѣлываемыя изъ виноградныхъ винъ, винограда, фруктовъ, сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ и, такъ называемые, пейсаховыя; в) приготовляемые въ Россіи: портеръ, пиво всѣхъ родовъ и медъ; г) брага, приготовляемая на особо-устроенныхъ заводахъ. Не подлежатъ платежу акциза: а) всѣ спиртовые напитки и издѣлія, приготовляемые изъ спирта и вина, оплаченныхъ уже акцизомъ; б) спиртъ, употребляемый для выдѣлки освѣтительной жидкости; в) спиртъ и вино и издѣлія изъ опыхъ, вывозимые за границу; г) виноградное вино, уксусъ и медовый квасъ.

Акцизъ съ спирта и вина, а также съ водокъ пейсаховыхъ и выдѣлываемыхъ изъ виноградныхъ винъ, винограда, фруктовъ, сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ, назначается по разсчету содержащагося въ нихъ безводнаго спирта; акцизъ съ портера, пива и меда, а также съ выдѣлываемой на особыхъ заводахъ браги, назначается, соразмѣрно силѣ и продолжительности дѣйствія заводовъ, на которыхъ приготовляются сіи напитки. Патентный сборъ соразмѣряется съ родомъ заведеній и выгодами мѣстности.

Продажа оплаченныхъ акцизомъ питей составляетъ предметъ вольнаго промысла, и потому ни опредѣленной цѣны, ни нормальной крѣпости напиткамъ, ни числа мѣстъ продажи опыхъ не назначается.

Акцизъ съ спирта, вина и водокъ взимается въ казну, по мѣрѣ ихъ продажи. Акцизъ съ заводовъ пиво- и медоваренныхъ и съ заводовъ для выдѣлки браги вносится, за время ихъ дѣйствія, впередъ.

Патентный сборъ взимается, при выдачѣ патентовъ на право производства напитковъ или на право торговли ими.

Управленіе питейнымъ сборомъ. Главное управленіе дѣлами, относящимися до взиманія въ казну дохода съ питей принадлежитъ Министерству Финансовъ, по департаменту разныхъ податей и сборовъ.

Мѣстное завѣдываніе, въ губерніяхъ и областяхъ и въ землѣ войска Донскаго, питейнымъ доходомъ возлагается на губернское акцизное управленіе, которому въ уѣздахъ подчиняются окружныя акцизныя управленія. Губернское акцизное управленіе завѣдываетъ питейнымъ доходомъ въ одной только губерніи или области или въ нѣсколькихъ сосѣдственныхъ, смотря по числу и обширности заводовъ; точно также и окружное управленіе назначается для одного или для нѣсколькихъ уѣздовъ.

Губернское акцизное управленіе состоитъ изъ управляющаго акцизнымъ сборомъ, его помощника и ревизоровъ. Окружное акцизное управленіе составляютъ: надзиратель акцизнаго сбора и его помощники. Всѣ должностныя лица акцизнаго управленія имѣютъ, во всякое время, право свободнаго входа въ винокуренные, водочные, пиво—и медоваренные заводы, а равно и въ заводы, приготовляющіе другія издѣлія изъ оплаченныхъ акцизомъ вина и спирта,. Равнымъ образомъ они имѣютъ свободный доступъ во всѣ мѣста оптовой и раздробительной продажи питей, подлежащихъ акцизу, во всякое время, пока заведеніе открыто для публики, а когда оно не открыто, то, въ видахъ надзора, могутъ требовать впуска въ эти мѣста, днемъ отъ 5 часовъ утра до 9-ти часовъ вечера; ночью же осмотръ производится только въ крайней необходимости.

Главнѣйшія обязанности управляющаго акцизнымъ сборомъ слѣдующія: 1) наблюденія за исполненіемъ правилъ о винокуреніи, пиво—и медовареніи и о выдѣлкѣ водокъ и издѣлій изъ вина и спирта; 2) наблюденіе за исполненіемъ правилъ о питейной продажѣ; 3) наблюденіе за дѣйствіями должностныхъ лицъ акцизнаго управленія; 4) наблюденіе за поступленіемъ доходовъ съ питей; 5) наблюденіе за ревизіею дѣлъ и отчетности подвѣдомственными ему должностными лицами; 6) доставленіе вѣдомостей и отчетовъ надлежащимъ мѣстамъ; и 7) разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ, по нарушеніямъ правилъ положенія.

Помощникъ управляющаго исполняетъ его обязанности, во время его отсутствія, болѣзни, увольненія въ отпускъ изъ службы и кромѣ того, наравнѣ съ ревизорами, исполняетъ возложенныя на него управляющимъ порученія. Обязанности окружнаго акцизнаго управленія состоятъ: въ повѣркѣ описаній заводовъ, приготовляющихъ питья, подлежащія платежу акциза, и въ измѣреніи заводской посуды; въ выдачѣ свидѣтельствъ на производство напитковъ и патентовъ на заводы и торговлю напитками; въ наблюденіи за выдѣлкою и продажею напитковъ; въ наблюденіи за поступленіемъ казенныхъ доходовъ; въ полученіи и доставленіи отчетныхъ свѣдѣній губернскому акцизному управленію и въ производствѣ дѣлъ, по нарушеніямъ правилъ положенія.

Казенная палата ревизуетъ отчетъ губернскаго акцизнаго управленія и представляемыя имъ заводскія, подвальныя и другія книги.

Уѣздное казначейство принимаетъ поступающія въ уплату акциза суммы, ведетъ отдѣльный счетъ акцизу, поступающему съ каждаго завода, продаетъ гербовую, для патентовъ, бумагу, доставляетъ, куда слѣдуетъ, вѣдомости и отчеты, по питейнымъ доходамъ.

Начальникъ губерніи, имѣя наблюденіе за исполненіемъ положенія, не только долженъ содѣйствовать акцизному управленію, по его распоряженіямъ и

представленіямъ, но и принимать непосредственно зависящія отъ него мѣры къ огражденію казны, во всѣхъ случаяхъ, клонящихся къ ущербу питейнаго дохода; онъ также ревизуетъ акцизное управленіе на общихъ основаніяхъ, постановленныхъ для обозрѣнія губерній.

Городскія и земскія полиціи, съ своей стороны, имѣютъ непосредственное наблюденіе за исполненіемъ, заводчиками и продавцами питей, установленныхъ въ положеніи правилъ.

О лицахъ, имѣющихъ право на выдѣлку напитковъ, подлежащихъ акцизу.

Напитки эти приготовляются на особыхъ для каждаго заводахъ, которые должны устроиваться отдѣльно одинъ отъ другаго и не имѣть никакой связи, какъ между собою, такъ и съ заводами, выдѣлывающими изъ спирта и вина другіе, высшихъ сортовъ, напитки и издѣлія.

Правомъ винокуренія, въ губерніяхъ западныхъ, малороссійскихъ и новороссійскихъ и области Бессарабской, пользуются: 1) дворяне, владѣющіе недвижимыми населенными имѣніями; 2) войсковые обыватели въ Харьковской губерніи, пользовавшіеся симъ правомъ до 12 февраля 1837 года; 3) колонисты въ Таврической губерніи, до истеченія дарованныхъ имъ привилегій; 4) владѣющіе въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ винокуренными заводами, по правамъ заставнымъ, традиціоннымъ и экспдизиторскимъ, на основаніи прежнихъ законовъ, если тѣ лица принадлежатъ къ потомственному дворянству, признанному департаментомъ герольдіи; 5) недворяне, владѣющіе населенными имѣніями въ Бессарабіи, только на тѣхъ винокурняхъ, которыя ими устроены, до изданія акцизнаго положенія 23 ноября 1849 г., или на устройство которыхъ они получили до означеннаго времени дозволеніе, и 6) лица, имѣющія право на фабричную и заводскую промышленность въ области Бессарабской.

Въ землѣ войска Донскаго право курить вино принадлежитъ: чиновникамъ и войсковымъ обывателямъ.

Правомъ дѣланія водокъ, изъ виноградныхъ винъ, винограда, выжимокъ и остатковъ его, и изъ фруктовъ, пользуются: 1) дворяне и чиновники; 2) купцы всѣхъ трехъ гильдій; 3) лица, коимъ даны особыя привилегіи; 4) всѣ войсковые обыватели въ землѣ войска Донскаго; 5) люди всѣхъ состояній, имѣющіе собственные виноградные сады, а въ области Бессарабской и Крымскомъ полуостровѣ и неимѣющіе собственныхъ садовъ, всякаго состоянія владѣльцы поземельной собственности и другія лица, въ томъ числѣ и государственные крестьяне.

Правомъ выдѣлки водокъ, изъ сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ, пользуются лица, имѣющія сахарные и свеклосахарные заводы.

Правомъ приготовленія пейсаховой водки пользуются Евреи въ губерніяхъ: Полтавской, Черниговской, Кіевской, Харьковской, Волынской и Подольской.

Правомъ варенія пива, портера и меда, а также браги, на пивоварняхъ, для продажи, пользуются: въ губерніяхъ западныхъ, малороссійскихъ, новороссійскихъ и области Бессарабской, въ городахъ, а въ новороссійскихъ губерніяхъ и области Бессарабской и въ казенныхъ селеніяхъ: дворяне, чиновники, купцы всѣхъ трехъ гильдій, мѣщане и крестьяне, имѣющіе торговыя свидѣтельства. Въ землѣ войска Донскаго, право то имѣютъ: чиновники, войсковые обыватели, почетные граждане, купцы трехъ гильдій, мѣщане и крестьяне, имѣющіе торговыя свидѣтельства.

Въ селахъ и деревняхъ свободное вареніе пива, браги, меда, въ корчагахъ и котлахъ, для домашняго обихода, дозволяется всѣмъ, проживающимъ въ сихъ мѣстахъ, лицамъ, съ тѣмъ: а) чтобы, для производства сихъ издѣлій въ котлахъ, не было возводимо особыхъ постоянныхъ построекъ и чтобы вываріваемое пиво и медъ не были пускаемы для распитія въ другихъ деревняхъ, а также, чтобы пиво и медовареніе производилось только для храмовыхъ и мѣстныхъ сельскихъ праздниковъ, для свадебъ и такъ называемыхъ помочей, во время полевыхъ работъ, и б) вареніе же пива и браги въ корчагахъ можетъ быть производимо во всякое время.

Правила о винокуреніи. Учрежденіе винокуренныхъ, также, какъ пиво- и медоваренныхъ и другихъ заводовъ производится съ вѣдома акцизнаго управленія и мѣстной полиціи.

Система винокуренія и устройства завода предоставляется усмотрѣнію заводчика, съ тѣмъ, что наименьшій размѣръ для винокуреннаго завода полагается въ 540 ведеръ емкости всѣхъ квасильныхъ чановъ въ совокупности при 4-хъ суточномъ броженіи, т. е. чтобы каждый чанъ былъ не менѣе 135 ведръ; устроивать заводы меньшаго размѣра не дозволяется, а гдѣ такіе существуютъ, то должны быть къ 1 января 1863 года или доведены до законнаго размѣра или закрыты.

Выкурка вина дозволяется изъ хлѣба, солода, свекловицы и картофеля, но безъ примѣси патоки и другихъ сахаристыхъ веществъ. Каждый срокъ винокуренія, на который заводчикъ испрашиваетъ особое свидѣтельство, долженъ быть не короче двухъ недѣль, и въ разрѣшенный срокъ винокуреніе должно производиться безъ перерыва.

Объявленія заводчиковъ, желающихъ производить винокуреніе, должны быть подаваемы надзирателю акцизнаго сбора, по-крайней-мѣрѣ, за недѣлю предъ наступленіемъ срока.

О выдѣлкѣ водокъ виноградныхъ, фруктовыхъ, изъ сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ и пейсаховыхъ. Заводы, для выдѣлки этихъ питей, устроиваются съ вѣдома окружнаго акцизнагоуправленія и полиціи, всякихъ размѣровъ, но употреблять на нихъ можно только квасильные чаны и перегонные кубы.

Приготовлять водки изъ меда, медовыхъ остатковъ и такъ называемаго воронка запрещено; изъ этого исключаются только пейсаховыя водки, употребляемыя евреями, которыя дозволяется дѣлать изъ меда и патоки.

О пиво- и медовареніи.

Пивоваренный заводъ можетъ быть устроенъ, по совокупному объему заторныхъ и вспомогательныхъ чановъ и котловъ, не менѣе 100 ведръ, а медоваренный, если онъ устроенъ отдѣльно отъ пивовареннаго, не менѣе 35 ведръ ёмкости котла.

Порядокъ же осмотра завода, подачи объявленій и выдачи свидѣтельства на пиво и медовареніе почти тотъ же, какъ и для винокуренныхъ заводовъ.

Приготовленіе браги, на особыхъ для того заводахъ, подчиняется правиламъ о пивоваренія.

Объ акцизѣ съ вина и спирта. Для учета надлежащаго акциза за вино и спиртъ, выдѣлываемые на заводахъ, принимается въ основаніе: а) крѣпость

этихъ напитковъ и б) ихъ выходы нормальные и дѣйствительные. Крѣпости, т. е. содержаніе въ винѣ безводнаго спирта опредѣляется по спиртомѣру Траллеса.

Нормальная выкурка вина или спирта опредѣляется, по расчисленіи количества и рода припасовъ, употребленныхъ на винокуреніе, и сообразно установленнымъ нормамъ выходовъ вина изъ каждаго рода продуктовъ.

Выходы вина исчисляются на градусы безводнаго спирта, и для сего принимаются слѣдующія двѣ нормы, изъ которыхъ одна называется высшею, а другая низшею:

Изъ 1 пуда ржаной муки и всякаго сухаго

		низшая 32%	высшая 34%
—	Солода	—	—
—	Зеленаго солода	— 31%	— 23,5
—	Пшеничной муки и кукурузы . .	— 34	— 36
—	Ячменной муки	— 29	— 31
—	Овсяной	— 24	— 25,5
—	Гороховой	— 32	— 34
—	Гречишной	— 29	— 31
—	Проса	— 25,5	— 27
—	Картофеля	— 8	— 8,5
—	Свекловицы	— 6,5	— 7

Каждый заводчикъ можетъ избрать ту или другую норму, съ тѣмъ, чтобы, по избранной имъ нормѣ, куреніе производилось въ продолженіи цѣлаго срока; по избранной нормѣ и опредѣляется количество акциза.

Объ акцизѣ съ вина и спирта, выдѣлываемыхъ изъ свеклосахарныхъ остатковъ и китайскаго проса и съ водокъ кизлярскихъ, пейсаховыхъ и вообще выдѣлываемыхъ изъ виноградныхъ винъ, винограда, фруктовъ, сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ. Акцизъ съ этихъ издѣлій взимается также, по количеству содержащагося въ нихъ безводнаго спирта; подробныхъ же правилъ объ исчисленіи акциза съ этихъ предметовъ, въ положеніи не имѣется, и они будутъ изданы особо.

Объ акцизѣ съ пиво- и медоваренія. Акцизъ съ пивоваренія взимается по совокупной вмѣстимости (въ ведрахъ) заводской посуды, по числу заторовъ производимыхъ въ сутки и числу 13 дневныхъ сроковъ, въ продолженіе которыхъ было разрѣшено производить пивовареніе.

Акцизъ съ медоваренія взимается, по вмѣстимости медоваренныхъ котловъ и также числу 13 дневныхъ сроковъ, на которые было разрѣшено медовареніе.

Относительно продажи вина и спирта, безъ платежа акциза, и о возвращеніи акциза, постановлено: что вино и спиртъ, отправляемые за границу, не подлежатъ платежу акциза: при отправленіи жеводокъ, лака и другихъ издѣлій изъ оплаченнаго акцизомъ вина и спирта, акцизъ возвращается изъ казны отправителямъ этихъ издѣлій.

Спиртъ, употребляемый для выдѣлки освѣтительной жидкости, отпускается изъ заводскихъ подваловъ и оптовыхъ складовъ, безъ оплаты акцизомъ, когда такой спиртъ будетъ измѣренъ и сдѣланъ негоднымъ для питья—примѣсью скипидара, въ количествѣ не менѣе 1/30 ведра на одно ведро спирта.

О приготовленіи питей и издѣлій изъ вина, оплаченнаго акцизомъ. Напитки и издѣлія всѣхъ родовъ, приготовляемыя изъ оплаченныхъ акцизомъ вина, спирта, или водокъ, не подвергаются платежу вторичнаго акциза.

При этомъ, правомъ дѣланія для продажи разныхъ напитковъ пользуются: въ губерніяхъ западныхъ, малороссійскихъ, новороссійскихъ и области Бессарабской: 1) помѣщики въ ихъ имѣніяхъ; 2) лица, имѣющія на то особыя привиллегіи, впредь до прекращенія оныхъ; 3) временные владѣльцы казенныхъ имѣній; и 4, въ городахъ (исключая владѣльческихъ) лица, записанныя въ торговыя гильдіи.

Въ землѣ же войска Донскаго правомъ этимъ пользуются всѣ вообще обыватели.

Дозволяется учреждать въ городахъ повсемѣстно заводы, въ которыхъ изъ оплаченнаго акцизомъ вина приготовляются на продажу разныя водки, настойки, наливки, лакъ, политура, освѣтительная жидкость, одеколонъ, духи и другія издѣлія.

Въ селеніяхъ устройство подобныхъ заводовъ вновь, въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ по введеніи сего положенія въ дѣйствіе, не допускается, а по истеченіи двухъ лѣтъ будутъ по этому предмету составлены особыя правила.

О патентномъ сборѣ съ заводовъ для выдѣлки напитковъ и разныхъ издѣлій изъ вина и съ заведеній для продажи питей.

Съ заводовъ, выдѣлывающихъ напитки, подлежащіе оплатѣ акцизомъ, и издѣлія изъ спирта или вина, а равно съ заведеній, изъ которыхъ производится продажа питей (за исключеніемъ заводскихъ подваловъ), взимается патентный сборъ. Сборъ этотъ получается съ содержателей заведеній, обязанныхъ ежегодно брать патенты, на установленной для того бумагѣ.

Слѣдующіе заводы для выдѣлки напитковъ, подлежащихъ акцизу, и издѣлій изъ вина и спирта оплаченныхъ акцизомъ, — обязаны брать патенты: 1) винокуренные; 2) выдѣлывающіе водки виноградныя, фруктовыя, изъ сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ и пейсаховыя; 3) пивоваренные и медоваренные; 4) выдѣлывающіе разныя водки изъ оплаченныхъ уже акцизомъ вина и спирта; 5) выдѣлывающіе освѣтительную жидкость; 6) приготовляющіе лакъ, политуру, одеколонъ и духи.

Заведенія, назначенныя для продажи напитковъ, обязанныя брать патенты, суть: 1) оптовые склады вина и спирта, открываемые частными лицами, за исключеніемъ складовъ собственно при заводахъ); 2) ренсковые погреба, продающіе напитки на выносъ, постоянные, а равно и временные, на ярмаркахъ: Нижегородской, Ирбитской, Коренной, Ростовской, Харьковской (Крещенской), Кіевской (Контрактовой), и Полтавской (Ильинской); 4) погреба, продающіе исключительно русскія вина на выносъ и распивочно; 5, трактирныя заведенія, если въ нихъ пожелаютъ производить распивочную продажу; 6) питейные домы, шинки и корчмы; 7) постоялые дворы съ питейною продажею; 8) временныя выставки; 9) портерныя и пивныя лавки; 10) ренсковые погреба съ распивочною продажею, постоянные и временные на ярмаркахъ.

Сверхъ того, обязаны брать патенты домы малороссійскихъ казаковъ, войсковыхъ обывателей, колонистовъ, панцырныхъ бояръ и западныхъ одноодворцевъ, живущихъ на собственныхъ или общественныхъ земляхъ, если въ сихъ домахъ производится продажа питей.

Общія положенія о торговлѣ напитками.

Оптовая и дробная продажа питей составляетъ предметъ свободной торговли; самая продажа напитковъ производится по вольной цѣнѣ, причемъ опредѣленной крѣпости питей въ продажѣ не установляется; напикти должны

быть доброкачественные, безъ вредной примѣси и могутъ быть всякой крѣпости.

Продажу питей дозволяется производить изъ заводскихъ подваловъ и, кромѣ того, а) изъ слѣдующихъ торговыхъ заведеній: оптовыхъ складовъ, ренсковыхъ погребовъ, штофныхъ, фруктовыхъ, мелочныхъ и т. п. лавокъ; б) изъ трактирныхъ заведеній, питейныхъ домовъ, шинковъ, временныхъ выставокъ, ренсковыхъ погребовъ (съ распивочною продажею), портерныхъ лавокъ, корчемъ, или заѣзжихъ домовъ и постоялыхъ дворовъ (съ питейною продажею); в) изъ станціонныхъ и частныхъ домовъ.

Склады, для оптовой продажи вина и спира, дозволяется учреждать: а) винокуреннымъ заводчикамъ безъ торговыхъ свидѣтельствъ, для продажи вина и спирта только собственныхъ своихъ заводовъ, и б) всѣмъ лицамъ, состоящимъ въ гильдіяхъ, или имѣющимъ торговыя свидѣтельства первыхъ трехъ разрядовъ. Ренсковые погреба (безъ распивочной продажи) могутъ содержать купцы и крестьяне, торгующіе по свидѣтельствамъ первыхъ трехъ родовъ.

Питейные домы, шинки, временныя выставки, портерныя лавки, корчмы и постоялые дворы (съ питейною продажею), а равно и погреба, назначенные исключительно для продажи русскихъ виноградныхъ винъ, предоставляется содержать всѣмъ лицамъ, имѣющимъ право на мелочную торговлю.

Евреямъ, въ мѣстахъ постоянной ихъ осѣдлости, дозволяется питейная торговля только въ городахъ и мѣстечкахъ.

Открытіе питейныхъ заведеній, а также ренсковыхъ погребовъ съ распивочною продажею, разрѣшается: а) въ городахъ и посадахъ—думами и замѣняющими ихъ мѣстами; б) въ казенныхъ и удѣльныхъ селеніяхъ—по мірскимъ приговорамъ сельскихъ обществъ, съ утвержденія: въ казенныхъ селеніяхъ, палатъ государственныхъ имуществъ, а въ удѣльныхъ — удѣльныхъ конторъ; в) въ земляхъ казачьихъ войскъ—станичными сборами; г) на земляхъ, находящихся въ непосредственномъ вѣдѣніи министерствъ государственныхъ имуществъ и удѣловъ,—палатами государственныхъ имуществъ и удѣльными конторами; и д) на земляхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, — владѣльцами сихъ земель.

Открытіе продажи питей, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, производится не иначе, какъ съ разрѣшенія ихъ владѣльцевъ; на земляхъ же, отведенныхъ въ пользованіе крестьянъ, (согласно мѣстныхъ положеній 19 февраля 1861 г. о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, именно ст. 108-й положенія для губерній новороссійскихъ и малороссійскихъ; 80-й для губерній Кіевской, Подольской и Волынской), заведенія для продажи питей открываются съ согласія сельскаго схода и разрѣшенія помѣщика

Въ губерніяхъ западныхъ и въ Бессарабской области, въ тѣхъ владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ, въ коихъ право продажи питей принадлежало исключительно ихъ владѣльцамъ, право это сохраняется за ними.

Питейная продажа въ мѣстахъ, не принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, не можетъ быть отдаваема исключительно одному лицу, или какимъ-либо образомъ стѣсняема въ пользу одного или нѣсколькихъ лицъ. Равномѣрно жители (не исключая живущихъ въ имѣніяхъ владѣльческихъ) имѣютъ полное право покупать для собственнаго употребленія, а не для продажи, напитки тамъ, гдѣ найдутъ выгоднѣе.

О раздробительной продажѣ питей. Раздробительная продажа производится: 1) распивочно и на выносъ — изъ питейныхъ домовъ, временныхъ выста-

вокъ, шинковъ, корчемъ, или заѣзжихъ домовъ, постоялыхъ дворовъ, портерныхъ лавокъ, ренсковыхъ погребовъ и изъ частныхъ домовъ лицъ, имѣющихъ на то право; 2) только на выносъ—изъ питофныхъ, а также фруктовыхъ, мелочныхъ и т. п. лавокъ и изъ ренсковыхъ погребовъ; 3) только распивочно — въ трактирныхъ заведеніяхъ, въ буфетахъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и въ станціонныхъ домахъ.

Заведенія для раздробительной продажи дозволяется учреждать во всякомъ населенномъ мѣстѣ; но учрежденіе корчемъ и постоялыхъ дворовъ съ питейною продажею дозволяется и не въ населенныхъ мѣстахъ, не иначе однакоже, какъ на проѣзжихъ дорогахъ, на переправахъ и пристаняхъ.

Заведенія, производящія распивочную продажу питей, не могутъ быть помѣщаемы въ зданіяхъ, занимаемыхъ учебными и богоугодными заведеніями, казармами и тюрьмами.

Не дозволяется учреждать питейные дома, шинки и выставки ближе 40 саженъ отъ христіанскихъ церквей, монастырей и кладбищъ, равно учрежденіе сихъ заведеній не допускается въ срединѣ селеній, гдѣ существуютъ волостные сходы, и они должны быть помѣщаемы въ концѣ селеній.

Не дозволено быть содержателями питейныхъ заведеній или сидѣльцами въ оныхъ лицамъ, состоящимъ подъ уголовнымъ преступленіямъ или оставленнымъ по суду въ подозрѣніи, по такимъ преступленіямъ, за которыя опредѣлены въ законахъ наказанія, соединенныя съ потерею правъ состоянія. Въ селеніяхъ не дозволяется содержаніе питейныхъ домовъ и шинковъ должностнымъ лицамъ сельскихъ управленій.

Во всѣхъ мѣстахъ, для продажи питей назначенныхъ, должны быть соблюдаемы чистота и опрятность и отнюдь не должно быть допускаемо неустройства и безчинства.

Продажу въ питейныхъ домахъ и выставкахъ разрѣшается производить въ зимнее и осеннее время съ 7 часовъ утра, а въ лѣтнее и весеннее отъ восхожденія солнца до 10 часовъ вечера; въ городахъ же и на ярмаркахъ,—съ того же времени до 11 часовъ вечера.

Въ воскресные и табельные дни въ портерныхъ лавкахъ, питейныхъ домахъ, шинкахъ, выставкахъ и въ ренсковыхъ погребахъ, воспрещается распивочная продажа: въ селеніяхъ, гдѣ есть церкви, и въ городахъ до окончанія въ приходской церкви литургіи и во время крестнаго хода.

Въ селеніяхъ, гдѣ происходятъ волостные или мірскіе сходы, распивочная продажа запрещается въ тѣ дни, когда происходятъ сіи сходы, до окончанія оныхъ.

Питья не дозволено продавать въ долгъ, на счетъ будущаго урожая, или подъ закладъ платья, посуды или иныхъ вещей, и промѣнивать на хлѣбъ и другія сельскія произведенія, но всегда на наличныя деньги. Равнымъ образомъ воспрещается виноторговцамъ, подъ какими бы то ни было условіями, выговаривать и производить уплату, вмѣсто денегъ, виномъ, а также производить подобную уплату, по долговымъ обязательствамъ или за произведенныя для нихъ работы.

Запрещается продавать вино и другіе напитки распивочно малолѣтнимъ.

Виноторговцы и сидѣльцы обязаны не допускать покупателей напиваться до безпамятства; но еслибы это случилось, то присмотръ за такимъ лицомъ лежитъ на обязанности виноторговца или сидѣльца. Если же пьяный, остав-

ленный безъ присмотра, умретъ, изувѣчитъ себя, или будетъ обокраденъ, то виноторговецъ или сидѣлецъ подлежитъ отвѣтственности.

За частыя уклоненія виноторговцевъ отъ правилъ для продажи напитковъ, если только они навлекаютъ неудовольствіе большинства мѣстныхъ жителей, предоставляется обывателямъ того мѣста просить подлежащее судебное мѣсто о закрытіи такихъ заведеній, хотя бы срокъ, на который дозволено существованіе заведенія, еще не истекъ.

При новомъ положеніи приложено росписаніе патентнаго сбора съ заведеній для приготовленія питей и издѣлій изъ вина и спирта и съ заведеній для продажи питей, а также размѣра акциза съ вина и съ пиво-и медоваренія.

I. Относительно патентнаго сбора постановлено, что онъ взимается: или въ одинаковомъ повсемѣстно размѣрѣ, или въ разныхъ размѣрахъ, смотря по мѣстностямъ, которыя раздѣляются на три разряда: къ 1-му разряду относятся обѣ столицы, ко 2-му разряду причисляются города: всѣ губернскіе и кромѣ того въ числѣ другихъ: Кишиневъ, Новочеркаскъ, Бердянскъ, Керчь, Николаевъ, Одесса, Ростовъ на Дону, Таганрогъ, Ейскъ, Аккерманъ, Бердичевъ, Кременчугъ и Елисаветградъ; къ 3-му же разряду относятся всѣ прочія мѣстности.

На этомъ основаніи патентный сборъ съ 1-го января 1863 года взимается ежегодно въ слѣдующихъ размѣрахъ:

А) съ заведеній для выдѣлки напитковъ.

повсемѣстно.

1) съ винокуренныхъ заводовъ, имѣющихъ квасильные чаны въ совокупности ёмкостью . . . . . въ 540 ведръ, 10 р.
отъ 540 до 1,080 — 20 р.
и затѣмъ на каждые 540 ведръ емкости сихъ чановъ прибавляется по. . . . . 10 р.

2) съ пивоваренныхъ заводовъ, имѣющихъ посуду емкостью
въ 100 ведръ, 20 р.
отъ 100 до 150 — 30 р.
и затѣмъ на каждыя 50 ведръ емкости посуды прибавляется по 10 р.

3) съ медоваренныхъ заводовъ, имѣющихъ котлы емкостью
въ 35 ведръ, 20 р.
отъ 35 до 50 — 30 р.
и затѣмъ на каждыя 15 ведръ емкости котловъ прибавляется по 10 р.

4) съ заводовъ водочныхъ: въ мѣстностяхъ 2-го разряда. . 75 р.
— — 3-го — 50 р.

5) съ заводовъ, выдѣлывающихъ лакъ, политуру, духи и освѣтительную жидкость, повсемѣстно . . . . . 10 р.

Б) съ заведеній для продажи напитковъ:

1) съ оптовыхъ складовъ: въ мѣстностяхъ 2-го разряда. . . 50 р.
— — 3-го — 25 р.

2) съ питейныхъ, фруктовыхъ, мелочныхъ и т. п. лавокъ:
въ мѣстностяхъ 2-го разряда. . . . . 25 р.
— — 3-го — . . . . . 10 р.

3) съ рейсковыхъ погребовъ:
а) безъ распивочной продажи: въ мѣсти. 2-го разряда. . 100 р.
— — 3-го — . . 35 р.

б) съ распивочною продажею, добавочныхъ:

въ мѣстностяхъ 2-го разряда . . . . . 50 р.
— — 3-го — . . . . . 25 р.

Съ открываемыхъ на ярмаркахъ: Ирбитской, Коренной, Ростовской, Харьковской (Крещенской), Кіевской (Контрактовой) и Полтавской (Ильинской) временныхъ ренсковыхъ погребовъ:

безъ распивочной продажи . . . . . 35 р.
съ распивочною продажею. . . . . 60 р.

На всѣхъ прочихъ ярмаркахъ, временные ренсковые погреба, открываемые безъ распивочной продажи, не обязаны брать патентовъ, а съ распивочною продажею каждый временный погребъ обязанъ брать патентъ того же размѣра, какой назначенъ для временныхъ выставокъ.

4) съ погребовъ, продающихъ исключительно русскія виноградныя вина (на вынось и распивочно), въ мѣстностяхъ 2-го разряда. . . 15 р.
— — 3-го — . . 5 р.

5) съ трактирныхъ заведеній: въ мѣстностяхъ 2-го разряда. 30 р.
— — 3-го — 15 р.

6) съ буфетовъ повсемѣстно:

а) при театрахъ и на пароходахъ . . . . . 15 р.
б) на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. { главныхъ . . . . . 75 р. / остальныхъ. . . . . 15 р.

7) съ портерныхъ и пивныхъ лавокъ:

въ мѣстностяхъ, 2-го разряда. . . . . 25 р.
— — 3-го — . . . . . 10 р.

8) съ питейныхъ домовъ, шинковъ и корчемъ:

въ мѣстностяхъ 2-го разряда . . . . . 30 р.
— — 3-го — . . . . . 15 р.

Съ шинковъ, открываемыхъ въ собственныхъ домахъ малороссійскими козаками, войсковыми обывателями, колонистами, панцырными боярами и западными однодворцами, живущими на собственныхъ или общественныхъ земляхъ . . . . . 10 р.

9) съ постоялыхъ дворовъ, гдѣ производится питейная продажа:

въ мѣстностяхъ 2-го разряда . . . . . 35 р.
— — 3-го — . . . . . 10 р.

10, съ временныхъ выставокъ повсемѣстно по 5 р. за каждый разъ, на который она открывается, но за продолжающіяся болѣе недѣли по 5 р. за каждую недѣлю.

II Что касается до размѣра акциза съ выкуриваемаго на заводахъ вина или спирта, то онъ взимается по количеству содержащагося въ нихъ алкоголя или безводнаго спирта, и съ 1-го января 1863 г. назначается акцизъ по 4 к. съ градуса ($^4/_{100}$ ведра) или по 4 р. съ ведра безводнаго спирта.

Съ 1-го же января назначется акцизъ а,) въ губерніяхъ: Волынской, Екатеринославской, Кіевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Харьковской, Херсонской, и Черниговской и въ области Бессарабской съ пивоваренія: съ ведра емкости пивоваренной посуды за каждый день дѣйствія при одномъ заторѣ въ день по 9 коп., при двухъ заторахъ по 15 коп. и при трехъ-по 21 коп., съ медоваренія: по 80 к. съ каждаго ведра емкости медоваренаго котла за каждый день дѣйствія завода; б,) въ землѣ войска Донскаго съ пи-

вованія, съ ведра емкости пивоваренной посуды, за каждый день дѣйствія, при одномъ заторѣ въ день, по 13 коп., при двухъ заторахъ по 22 коп., а при трехъ—по 31 коп. съ медоваренія по 1 р. 20 коп. съ каждаго ведра емкости медоваренаго котла, за каждый день дѣйствія завода.

Въ новомъ положеніи особо изложены правила о разсрочкахъ въ платежѣ акциза за вино, отпускаемое изъ заводскихъ подваловъ и оптовыхъ складовъ. Согласно этимъ правиламъ, заводчику или хозяину оптоваго склада предоставляется право отпускать изъ подвала или склада въ продажу вино, съ полученіемъ отъ покупателей слѣдующаго за оное акциза, но съ тѣмъ, чтобы у него никогда не оставалось невзнесенной въ мѣстное уѣздное казначейство акцизной суммы болѣе 1000 руб. ср. и чтобъ на первое число каждаго мѣсяца онъ непремѣнно взносилъ сполна акцизъ за все вино, имъ проданное, въ теченіи истекшаго мѣсяца, хотя бы собранная акцизная сумма и не доходила до означеннаго размѣра.

При отправкѣ вина изъ завода въ оптовые склады, разсрочки во взносѣ акциза допускаются для заводчика или хозяина склада, подъ залоги или ручательства благонадежныхъ и владѣющихъ недвижимою собственностію лицъ, въ исправномъ и своевременномъ взносѣ разсроченнаго акциза, управляющимъ акцизнымъ сборомъ той губерніи, гдѣ имѣется заводъ или гдѣ находится складъ.

Къ изданному положенію приложены правила о переходѣ къ казенному съ 1-го января 1863 года завѣдываніи питейнымъ сборомъ.

Главнѣйшія правила, по привиллегированнымъ губерніямъ и по землѣ войска Донскаго, слѣдующія:

А, по привиллегированнымъ губерніямъ:

1. *Мѣры въ отношеніи заводовъ, приготовляющихъ питія, подлежащія акцизу и издѣлія изъ вина и спирта.*

Всѣ существующіе винокуренные заводы должны быть къ началу винокуренія 1862–1863 г. описаны, и посуда ихъ измѣрена и заклеймена, на основаніи новаго положенія, которому и подчиняется въ періодъ 1862–1863 г. производство винокуренія; для сего заводы должны быть снабжены патентами и свидѣтельствами, вести установленныя книги и состоять подъ наблюденіемъ и учетомъ акцизнаго управленія.

Всѣ обязанности, возлагаемыя положеніемъ объ акцизѣ съ хлѣбнаго вина, 23 ноября 1843 года, на заводчиковъ и покупателей, въ отношеніи куренія, продажи и провоза вина и платежа акциза должны исполняться, по 1-е января 1863 года, въ точности.

Винокуреннымъ заводамъ дозволяется, независимо отъ откупа вина на существующихъ правилахъ, на продовольствіе 1862 года, отпускать его оптовымъ торговцамъ, открывшимъ склады въ мѣстахъ нынѣшнихъ чарочныхъ откуповъ, для продажи въ 1863 году по ярлыкамъ уѣздныхъ казначействъ, на существующемъ нынѣ основаніи и по предъявленіи заводчикамъ покупателями разрѣшеній на открытіе оптовыхъ складовъ и по взносѣ въ казну акциза.

При этомъ откупщики не должны дѣлать никакихъ притѣсненій, подъ опасеніемъ взысканія понесенныхъ торговцами или заводчиками убытковъ. Пиво и медоваренные заводы должны быть къ 1-му января 1863 г. тоже описаны и измѣрены и съ этого времени они дѣйствуютъ, на основаніи новаго положенія. Къ 1-му января 1863 года приводится, чрезъ акцизное управленіе, въ извѣстность наличность пива и меда на заводахъ и ледникахъ, принадлежащихъ заводчикамъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ эти остатки пива и меда были оплачены акцизомъ по 20 к. съ ведра.

Заводы, для приготовленія хлѣбныхъ водокъ и разныхъ издѣлій изъ спирта, должны къ 1-му января 1863 г. снабдить себя установленными новымъ положеніемъ патентами и книгами.

Къ тому же сроку приводится на этихъ заводахъ въ извѣстность наличность, какъ вина и спирта, такъ и приготовленныхъ изъ нихъ издѣлій. При приведеніи въ извѣстность наличности разныхъ издѣлій изъ вина, принимается, по спиртомѣру Траллеса, содержаніе безводнаго спирта:

Въ ведрѣ рома, разныхъ водокъ и наливокъ 60%
въ ведрѣ лака и политуры, освѣтительной жидкости, гофманскихъ капель, одеколона и духовъ . . . . . 75%.

Всѣ виноиздѣлія на этихъ заводахъ, оказавшіяся въ наличности къ 1-му января 1863 г. оплачиваются акцизомъ.

2. *О заготовленіи запасовъ питей на 1863-й годъ.*

Винокуреннымъ заводчикамъ и купцамъ, желающимъ открыть оптовую торговлю виномъ изъ складовъ, въ мѣстахъ нынѣшнихъ чарочныхъ откуповъ, дозволяется учреждать эти склады не ранѣе, какъ за 4 мѣсяца до 1863 года, съ заявленіемъ о томъ мѣстному акцизному управленію и платежемъ акциза; вино же провозится, по ярлыкамъ уѣзднаго казначейства.

Вино, находящееся въ складахъ, нынѣ существующихъ по мѣстамъ, гдѣ уничтожены чарочные откупа, должно быть приведено къ 1-му января 1863 года въ извѣстность и оплачено акцизомъ, въ противномъ случаѣ должно быть подвергнуто публичной продажѣ. Продажа питей изъ откупныхъ заведеній, по чарочнымъ откупамъ, прекращается въ 10 часовъ вечера 31 декабря 1862 года.

3. *О мѣрахъ къ отвращенію напуска вина.*

Нѣкто изъ нынѣшнихъ чарочныхъ откупщиковъ не долженъ, нигдѣ и ни подъ какимъ предлогомъ, открывать питейной продажи, кромѣ питейныхъ, въ откупѣ каждаго, заведеній, которыя правительствомъ дозволены.

4. *О приведеніи остатковъ питей въ извѣстность.*

Всѣ, содержимыя чарочными откупщиками и частными лицами, заведенія для продажи питей, могутъ имѣть остатки оныхъ къ 1-му января 1863 года, и для того къ 20-му декабря 1862 года содержатели означенныхъ заведеній должны доставить объявленіе о количествѣ вина, спирта, водокъ, наливокъ, портера, пива и меда, могущихъ примѣрно остаться у нихъ къ 1-му января 1863 г.; повѣрка сихъ объявленій акцизнымъ управленіемъ производится 31 декабря 1862 года; при этомъ должна быть внесена разность между новымъ и прежнимъ акцизомъ.

Б, по землѣ войска Донскаго.

Мѣры, установленныя въ привиллегированныхъ губерніяхъ относительно описанія и измѣренія заводовъ, приготовляющихъ питья, подлежащія акцизу,

и издѣлія изъ вина и спирта и подчиненія ихъ новому положенію, примѣняются и къ землѣ войска Донскаго.

Винокуреннымъ заводамъ, дозволяется отпускать вино для продовольствія 1863 года: а) въ частные оптовые склады и б, въ питейные домы и штофныя лавки. Отпускъ вина въ оптовые склады производится, съ начала 1862 года, какъ изъ-винокуренія 1861–1862 года, такъ и изъ винокуренія 1862–1863 г., а въ питейные домы и штофныя лавки только изъ винокуренія 1862–1863 г., и не ранѣе 15 декабря 1862 года; за вино, выпускаемое изъ винокуренія 1862–1863 г. долженъ быть внесенъ акцизъ.

Къ 1-му января 1863 г. приводится въ извѣстность наличность пива и меда на заводахъ и въ ледникахъ, причемъ питья сіи отплачиваются акцизомъ по 30 к. сер. за ведро.

При приведеніи въ извѣстность наличности разныхъ издѣлій изъ вина и спирта, принимается содержаніе безводнаго спирта: въ ведрѣ настоекъ и наливокъ 38% по Траллесу; въ ведрѣ сладкихъ водокъ и ликеровъ — 53%; въ ведрѣ политуры, лака, духовъ и проч. – 95%.—

Казна заготовляетъ вино, на 1863 годъ, въ тѣ мѣста, гдѣ это будетъ признано нужнымъ и тѣмъ порядкомъ, какой окажется удобнѣйшимъ, и хранитъ вино въ войсковыхъ подвалахъ. Оптовые склады въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находятся войсковые подвалы, а если не встрѣтится препятствій, то и въ другихъ, дозволяется учреждать винокуреннымъ заводчикамъ, купцамъ и всѣмъ, имѣющимъ въ войскѣ Донскомъ право на торговлю, соотвѣтствующую торговлѣ купцовъ 3-й гильдіи, съ разрѣшенія войсковаго правленія по ярлыкамъ, для провоза вина, окружныхъ казначействъ; причемъ выпускъ вина изъ оптовыхъ складовъ въ питейные домы и штофныя лавки не дозволяется ранѣе 15 декабря 1862 г.

Продажа питей изъ откупныхъ заведеній прекращается 31 декабря 1862 года.

Порядокъ заявленія остатковъ питей, въ войсковыхъ подвалахъ и во всѣхъ мѣстахъ продажи питей, а равно и у частныхъ лицъ, въ войскѣ Донскомъ, тотъ же, какъ и въ привиллегированныхъ губерніяхъ. Войсковое вино приводится въ извѣстность, первоначально по расчету на пѣнное вино для окончанія счетовъ съ коммисіонеромъ, а затѣмъ доброта его опредѣляется по спиртомѣру Траллеса и оно принимается въ казну, по взаимному соглашенію министерствъ военнаго и финансовъ. За тѣ остатки, которые окажутся къ 1-му января 1863 года въ разныхъ заведеніяхъ для продажи питей, у частныхъ лицъ и на заводахъ водочныхъ и выдѣлывающихъ разныя издѣлія изъ вина, и за которые войскомъ уже полученъ питейный сборъ, на основаніи дѣйствующаго положенія, причитающійся въ казну акцизъ возвращается войскомъ, съ которымъ казна и производитъ, по сему предмету, расчеты.

Всѣ разсчеты съ коммисіонеромъ производятся войсковымъ правленіемъ на основаніи положенія о хозяйственномъ управленіи питейными сборами въ войскѣ Донскомъ.

Новое положеніе о трактирныхъ заведеніяхъ. 1-го августа 1861 г. обнародовано новое положеніе о трактирныхъ заведеніяхъ, вызванное, какъ видно изъ особаго высочайшаго указа, неудобствомъ дѣйствующихъ нынѣ о трактирныхъ заведеніяхъ правилъ. Въ этомъ указѣ сказано, что какъ устройство трактирныхъ заведеній тѣсно связано съ системою питейнаго сбора, и какъ новое положеніе о системѣ этого сбора будетъ приведено въ исполне-

ніе съ 1-го января 1863 г., то и новое положеніе о трактирныхъ заведеніяхъ должно быть приведено въ полное дѣйствіе также съ этого времени, для чего и должны быть опредѣлены и указаны, по взаимному соглашенію министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, тѣ предварительныя мѣры, которыя будутъ приняты, для введенія въ дѣйствіе сего положенія.

Акцизъ съ трактирныхъ заведеній за право содержанія ихъ опредѣляется мѣстнымъ городскимъ обществомъ, съ утвержденія губернскаго начальства; заведеніе, обложенное этимъ акцизомъ, платитъ его въ городскую казну, причемъ количество этого средняго акциза соразмѣряется какъ съ состояніемъ трактирнаго промысла въ городскомъ поселеніи, такъ и съ потребностями городской казны, для удовлетворенія общественныхъ расходовъ. Внутреняя раскладка общей суммы акциза, слѣдующей въ доходъ городскаго поселенія, производится особымъ платежнымъ обществомъ, составленнымъ изъ всѣхъ содержателей трактирныхъ заведеній; это общество, черезъ каждые четыре года, выбираетъ изъ среды своей, для раскладки акциза, депутатовъ, одновременно съ которыми выбирается и равное число кандидатовъ. Депутаты эти приступаютъ къ раскладкѣ акциза на слѣдующій годъ, не позже 1-го ноября каждаго года. При раскладкѣ средній годовой акцизъ помножается на общее число трактирныхъ заведеній, и получаемая такимъ образомъ сумма составляетъ общую сумму акциза, подлежащую поступленію въ доходъ городскаго поселенія. Составленная депутатами раскладка выставляется, для общаго свѣдѣнія, въ самой думѣ, или замѣняющемъ оную мѣстѣ, съ 15-го ноября по 1-е декабря. Сверхъ того, не позже 20-го ноября раскладка печатается въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ. Кто изъ содержателей трактирныхъ заведеній найдетъ себя несправедливо обложеннымъ, по раскладкѣ сравнительно съ другими содержателями, тотъ можетъ, не позже 1-го декабря, обратиться съ жалобою къ депутатамъ, которые, не входя ни въ какую переписку, постановляютъ окончательное, по сему предмету, заключеніе и утверждаютъ раскладку не позже 15-го декабря; причемъ объявляется каждому содержателю количество акциза, причитающагося съ него къ уплатѣ на слѣдующій годъ. Въ случаѣ прекращенія трактирнаго промысла, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, заплаченный за полгода акцизъ не возвращается городокою казною. Содержатели заведеній обязаны: 1) держать у себя въ услуженіи благонадежныхъ людей; 2) учредить въ заведеніяхъ внутренній присмотръ за недопущеніемъ безпорядковъ или воровства; и 3) имѣть у дверей прочные запоры и замки.

Содержаніе постоялыхъ дворовъ и съѣстныхъ лавочекъ дозволяется всѣмъ лицамъ, имѣющимъ право торговли, и число сихъ заведеній не ограничивается. Свидѣтельства на содержаніе ихъ выдаются думою или замѣняющимъ ее мѣстомъ порядкомъ, опредѣленнымъ для трактирныхъ заведеній вообще; но акцизъ, съ нихъ взимаемый, установляется не посредствомъ городской раскладки, а однообразно, и опредѣляется ежегодно городскимъ обществомъ. Правила, касающіяся благочинія и полицейскаго надзора въ этихъ заведеніяхъ тѣ же, что и въ трактирныхъ. Разрѣшеніе на содержаніе трактирнаго заведенія внѣ города дается казенною палатою, которая при этотъ взимаетъ съ просителя акцизъ, выдаетъ свидѣтельство на гербовой бумагѣ и увѣдомляетъ о выданномъ разрѣшеніи мѣстную земскую полицію. Число такихъ заведеній не ограничивается; къ содержанію ихъ допускаются купцы всѣхъ трехъ гильдій, мѣщане, цеховые и крестьяне, безъ записки въ торговые разряды.

Акцизъ съ трактирныхъ заведеній внѣ города раздѣляется на 3 класса: въ первомъ онъ составляетъ 60 руб., во 2-мъ — 30 руб., въ 3-мъ — 15 руб.; при подведеніи заведенія подъ тотъ или другой классъ, принимаются въ соображеніе выгоды, представляемыя каждою мѣстностью. Причисленіе по каждой губерніи трактирныхъ заведеній внѣ городскихъ поселеній къ тому или другому классу дѣлается казенною палатою, съ утвержденія губернатора. Что же касается до постоялыхъ дворовъ и корчемъ, внѣ города, то учрежденіе и содержаніе ихъ предоставляется всякому, безъ испрошенія особыхъ на то дозволеній и безъ платежа акциза въ пользу казны. (Сен. вѣд. 1 августа 1861 г., № 61.)

ВІСТІ.

Де-що зъ Полтави.

(*до Редактора.*)

Сёго року весна здавалась бути раннёю, а на ділі вийшло що пізня. Передъ Юріемъ травй зовсімъ не видко було, а зъ половини квітня дощі стали перепадать частійшъ и частійшъ. Зазеленіло поле и лу́ки, мовъ заткались травою та квітами; жита́ и пшениці, крий Боже, які гарні! яринами жъ похвалитись не можно. На Йвана Купала тільки-що почалась у насъ косовиця. Дощі багато мішали: сонце вияснитця, косарі ударять у кòсі, а громадільники тільки-що поспіють згромадити, якъ дощъ знову пуститця и поміша роботі. Дощі и досі перепада́ють. Давно уже у насъ було таке літо: ажъ любо подивитись на тра̀ви та на лани́ зъ пашне́ю.

Окру́гъ Полтави мало козачої землі, а хоча й е у якімъ селі, то и багато вже народилось на неі. Наші Полтавські козаки більшъ хлібороби и беруть землю за скіпщину у панівъ, а траву косять зъ половини, та ще зъ того треба й покористуватись. Поневолі прийде та́ думка що:

Въ того доля ходить полемъ,
Колоски збірае,
А моя десь ледащиця..

Але-жъ, добро́дію, якъ би то ви самі подивились, сёго-літа, на нашъ край, то, може бъ, що й весе́ле згадали. У насъ, після знесе́ння крепацтва, здаетця, усе помолодшало: и степъ, и лани, и лю-

де. Хочъ воно нашимъ, тільки-що визволенимъ крепакамъ, и не все гараздъ... ну, та надія и воля—велике діло. Подивились би, кажу, ви, сёго щастливого літа, на косарівъ та на дівчатъ у стёнжкахъ и барвінковихъ вінкахъ, або прислухались, якъ вітеръ повіе... почули бъ, якъ звенить коса гонівъ за пьять, а пісня зъ усіхъ сторонъ такъ степомъ и розлягаетця, якимъ-сь новимъ та добримъ гáласомъ .. то й сказали бъ: «збрехали ті незвані пророки, що віщували катъ зна що!» Весело подивитись—якъ зірки засяють на блакитнімъ небі и пе-репели начнуть перекликатись—якъ наші косарі и громадільники, напрацювавшись за цілісінький день вдоволь, биля табору, повечерявши співають. Не знали ті пророки нашого працёвитого народу, або й не хотіли знати...

Не вспіли ми обізнатись зъ полемъ, нанюхатись доволи того весняного паху и надивитись на васильки, на материнку, на петрівъ батігъ, що такъ блакитними квітами увесь степъ укривъ, на червону рожу—та куди вамъ! нашихъ усіхъ квітівъ и не перелічишъ... не вспіли дослухати куковання зозулі и нескіньчаёмої пісні жайворінка, а вже треба, завгодя, лагодитись зъ своімъ добромъ у городъ на ярмалокъ, бо вже земляки, битимъ шляхомъ, зъ різнихъ сторонъ, идуть зъ хурами, низкою тягнутця москалі повозками зъ вагою, скриплять татарськи гарби и тарабанять, усі у пилу, якъ у диму, жидівські брики...

Наша Иллінська, у послідні роки, безъ спору взяла гору надъ усіма українськими ярмарками. Оборотъ, котрий у Ромні не підіймався вище 9 милліонівъ, теперъ сягае до 25 милліонівъ, а часомъ и більшъ, бо й не диво: Екатеринославщина, Херсоньщина и Кримъ не тягнули до Ромна, а після переводу у Полтаву, стали висилати на сей ярмарокъ свої степові багатства. У Ромні вовна була на невеликі гроші, а тутъ відъ вовни залежить увесь ярмарокъ. Иллінська-не одинъ ярмарокъ, а два, одинъ по другімъ: першъ *кінний* чи сільский, а потімъ *красний*, чи мануфактурній. Сей становитця у самімъ городі, у камъяныхъ и дощаныхъ лавкахъ и шопахъ. Про нёго нехай хто другий напише. А що до сільского — то мині самому привелось на німъ що дня товктися—то я зъ вами про нёго и побалакаю.

Підъ ярмарокъ городъ відступивъ велику лощину, поміжъ Подоломъ и Ворсклом. Есть то плащина рівна, котра сягае десятинъ трохи не на сто; е де поміститись и води хорошої вдоволі. Відъ вызду зъ Полтави по праву-ручъ иде, самою серединою ярмарка, подовжня широка вулиця верстовъ на пъять. По обохъ бокахъ тіеі вулиці стоять, збу-

довані підъ ярмарокъ, дощані ятки́ й балагани зъ крамомъ низчого сорту: килимами, полóтнами, рядовинóю, панчохами и иншимъ. Тутъ бувае продажа и у гуртъ, и у розницю. Рядомъ стоять шопи зъ бакáлiею, а по серединi *зборний рядъ* (гостинниці, трахтирі, вино, пиво. .). Подовжня вулиця прорізуетця у перпендикулярі поперешніми; кожна зъ своімъ особнимъ товаромъ, якъ отъ: залізомъ, ремінною роботою, кожухами, линтварями, смухами, брилями, люлькáми, чобітьми... усёго не перелічишъ. За зборнимъ рядомъ по ліву-ручъ—тютюнъ. Поручъ зъ нимъ вовна—найбільшъ шпанка. Сей товаръ первий на весь ярмарокъ; вінъ займае одинъ велику плащину, по-надъ Ворсклою, геть ажъ до самої толоки. Вовна стоіть зложена високо рядами—ніби тіи мури—розділена перéулками. Черезъ шляхъ відъ вовни-шкури, на возахъ и купами, и кримськi невироблені смушки; далій вози, колéса, скрині, бóндарська робота и усякий вúробъ зъ дерева; щé далій вже починаютця лýки, де, скільки око сягнé, розсипались по зеленому килиму чумацькі валки́ и табуни. Ближай икъ Ворсклу, простяглася друга подовжня вулиця, паралéльне до першо. Се й е спражня *кінна*. Тутъ стоять, безъ перерву, по обидва боки, коні коло коновъязівъ, щось верстви чи не на дві. Далій, у загонахъ товчутця косяки степовихъ кóней. За ними скотъ и баранú, а по надъ сáмою річкою стоять, одні проти другихъ черезъ вулицю, московські звощики и наші чумаки, дожидаючись одправи. Зъ другого жъ боку, по близý Подола по-надъ самою течiéю, котрá колись прозивась Полтавкою, иде третя подовжня вулиця; тутъ почуешъ дзвінкúй галасъ нашихъ перéкупокъ и перепечаёкъ; тутъ готуетця и продаетця зъiжа. Рядомъ зъ ними сіль, пóтімъ сіно на возахъ, а тамъ, поминувши цілий рядъ зъ бочкáми дёгтю, попадешъ знову на кінну. По тимъ вулицямъ и перéулкамъ снуе народъ пішій и кінний и переливаетця, мовъ водянá филя.

Україна и сусідні краі вислали сюди кóженъ свое добро: Москва—красний товаръ, залізо, ýпряжъ; Донщинá—коней, вино, кавъяръ и рибу; Кримъ—вина, бакáлію, шкури, смухи; Польща—коляси, нетичанки; Ніженъ, Прилука и Роменъ—тютюнъ; зъ-за Десни, Дніпромъ—дёготь, вирёвкú, дошкú; Кременчукъ—волокá, пéводи, мило; Біла Церква—машини; Черкаси й Сміла—сахарь; Кавказъ и Чорноморье—косяки кóней. Вовни шпанки найбільшъ вислала Полтавщина и Екатеринославщина, а тако-жъ Слобідська Україна, Херсоньщина, Німці зъ Молошної и зъ підъ Марнó-поля (Маріуполя). Наші мі-

сте́чка: Грунь, Котельва и Водолаги вислали повозки́, коле́са и инше зъ дерева; Решетилівка, Санжари и Білики—смушки; Полтава и Красний Кутъ—бо́ндарські вироби; Опошня и Великі Будища—гончарські. Харчі, овесъ и сіно достача́ла Полтава и ближні села.

Найкращі коні у косякахъ були панівъ: Озеровського, Иловайского, Куликовського и баришниківъ зъ Курської губерни—іДятлова и Циганка́. Жиди пригнали косяки коней найнизчого сорту. Кіньми вищого сорту, зъ панськихъ заводівъ, Воронежської, Курської, Полтавської и Екатеринославської губерний и баришниківъ Курськихъ и Воронежськихъ, були биткомъ набиті великі стайні, на Подолі збудовані підъ ярмарокъ. Але—жъ заводські коні, на сёгорочнімъ ярмарку, мали невеликий збитъ, бо для конниці мало закупали; за те коні зъ косяківъ збувались ле́гко: іхъ продавали по ціні відъ 40 до 70 карбо́ваньцівъ; найбільшъ брали наіжі жиди, москалі—звощики, панки́ и для погряничнёї сторо́жі, на прусську гряницю—туди куплено однимъ за́ходомъ 900 штукъ.

Вовна не вся продана; зъ Австріи и Пруссіи було закупщиківъ сего року меньшъ, якъ торікъ, а більшъ закуплено у Чернигівську губернію, Білгородъ, Москву, підмосковні губерніи и Польщу. Привезено жъ було дуже багато: були партіи и такі, що мали відъ $2^1/_2$ до 4 тисячъ пудівъ, панівъ полтавськихъ и екатеринославськихъ (Базилевського, Струкова). Продавалась: обніжки відъ 8—ми до 11—ти, а перегонъ відъ 15—ти до 17—ти карбованьцівъ. Тютюнъ продавався відъ 1-го до $2^1/_2$ карбованьцівъ за пудъ, ди́влячись по зборці и сорту. Найкрасчий тютюнъ бувъ серебрянський, Прилуцького повіту. Пахарськихъ машинъ, на сёгорочний ярмарокъ, було багато привезено зъ Білої Церкви. Мастаки́ того діла похвалювали наибільшъ парову́ мукомельню, Варшавської роботи, що меле за годину 15 пудівъ на три сорта бо́рошна, а для винниці то й 20 пудівъ. Ціпилась вона до 3-хъ тисячъ карбованьцівъ. Молотилка зъ кінськімъ приводомъ, у 6 силъ, молотила по 8 кіпъ за́ годину; ціпилась за 1500 карбованьцівъ. Були виставлені на про́дажъ и для заказу: віялки, сіялки, соломорізки и кінські граблі Білоцерковської роботи. Жа́токъ не було. Скотъ хоро́ший бувъ тільки зъ заводівъ князя Кочубея. Ціна на скотъ була не висо́ка. Бараны́ на росплодъ, электоральної породи, зъ добримъ руномъ, продавались тожъ поціпно. Сіно платилось відъ $1^1/_2$ до 3-хъ карбованьцівъ за візъ; овесъ черезъ пізню ве́сну бувъ тільки торіш-

ній и продававсь по 23 копійки за мірку. Чумаки платили, за попáсъ, зъ пари волівъ відъ 5–ти до 10 копіёкъ нá–день.

Ярмарокъ почався 12-го іюля; дощі перепадали и попсували шляхъ, а 14–го підъ самий горячий торгъ на коні, обіднёї пори, набігла хмара, загримотівъ грімъ и пішовъ чустрити дощъ, якъ зъ відра. Середъ народу блúскавка убила въ смерть двохъ жидівъ и порозбивала багато телеграфнихъ стовпівъ. Народъ обступивъ вбитіхъ; жиди джеркотіли, галасували... ажъ ось, надійшовъ чумакъ, и почувши, що блúскавка кого-сь убила, знявъ шапку и перехрестивсь. «Экой ты! Богъ жидовъ побилъ, а ты крестишься,» гукнувъ на нёго якій–сь москаль съ гурту. «Хиба–жъ жиди й не люде? Богъ надъ усімá!» одізвався чумакъ. Жиди, якъ почули, кинулись до чумака, обнимають, за руки беруть. »Правда, братіку, правда... Ось цоловікъ! сей правдиве у Бога віруе.» 20–го іюля стали розъізжатись хури зъ товаромъ. Чумаки брали підъ хуру до Австрійскоі гряниці по 90 копіёкъ зъ пуда, у Чернигівську губернію по 30 коп., у Маріуполь по 40 к., у Харківъ по 20 к., у Кримъ на Бериславъ по 30 к. 30–го іюля на ярмарковому плацу вже було пусто; ярмарокъ стоявъ троха не три тижни.

Теперъ, икъ слову, добавлю де які подýмки, котрі навіявъ на мене сёгорочній ярмарокъ. Коли нашу Иллінську дробити по націямъ, то можно вивести такий рішинéць: на сільскімъ, чи кіннімъ, ярмарку найбільша груда товару йде зъ рукъ нашихъ земляківъ, чи то панівъ, чи прóстихъ; тутъ наші беруть гору и лічбою и капиталомъ. Москалі у своихъ рукахъ держуть тільки торгъ невисокимъ краснимъ товаромъ и то на половину зъ нашими. Залізо жъ и ремінна робота уся въ московськихъ рукахъ. Торгъ бáкаліею у рукахъ у орменъ, караімівъ и грековъ та вони більшъ торгують не тутъ у самімъ гóроді, на особнімъ плацý. У татаръ тільки торгъ шкурами й смухами, а що до жидівъ, то сей народъ, по правді сказати, нічого не вироблюе самъ, а тільки перекупае и перепродуе чуже—найбільшъ вовну, коні, смухи и пірья. Біднійші торгýють, не маючи ніякого капиталу и якось-то перебиваютця. На сімъ ярмарку жиди й москалі мало у чімъ конкурирують поміжъ себе. Инáкъ воно стоіть на ярмарку краснімъ чи то мануфактурнімъ, котрий починаетця у самімъ гóроді черезъ десять днівъ згодя́, на сáмого Иллю. Тутъ уже нашимъ землякамъ нема просвіту; нашъ панъ тільки купователь на роздробъ, а простий–за потикача. Московські купці, що торгують висчимъ краснимъ товаромъ, мають тутъ, у жидахъ Бердичівськихъ и Полськихъ, жвавихъ и сильнихъ

капіталомъ конкурентівъ. Мабуть жахаютця московські кущі и фабриканти, що жиди одібъють у нихъ торги по Україні, коли такъ добиваютця, щобъ постягувати усі наші ярмарки у Харьківъ, де́ вони позакуповували усі ярмарко́ві будо́ви, та й жиди тамъ великоі сили не мають, бо жити імъ у тімъ місті не вільно. Гомонять москалі-себъ то на більшу користь усёму краеві, а навспражки для того, щобъ загарбати у свої руки усі торги зъ початку на сімъ боці Дніпра, а по́тімъ посунутись и за Дніпръ, тай тамъ поборюкатись зъ жидами. Гарний та далекий нюхъ у того купецьтва! Знаемо ми дуже добре тую московську монополію, що бувало привезе украінський панъ у Харьківъ вовну, а московський купчина дае ціну яку самъ схоче, та, заклавши назадъ руки а шапку зігнувши на ба́кіръ, усміхаючись и каже: «Ужъ, батюшка, напрасно-съ изволите безпокоиться, знаемъ-ста, что барынѣ платьицо надо, а барышнѣ на башмачки,» та й веред'у́е до́ти, ажъ поки панъ не покло́нитця и на ёго волю здастця. Якъ дивитись очима московськихъ фабрикантівъ, то воно може й добре було бъ на світі, якъ би тільки самі фабрики процвітали та добрі зи́ські давали, а багатирі-монополисти, ще більшъ, кишені набивали; а якъ же поди́вишся очима тутёшнёго хліборо́ба, поглянешъ на нашъ плодючий край та поміркуешъ объ тімъ, що́ найкористнійше для нашого батьківського промислу—хліборобства, то й скажешъ спасибі тимъ жидамъ та чужоземськимъ закупщикамъ, що своею конкуренціею, на усюди-роскинутихъ по краю ярмарка́хъ, ціну на наші пахарські продукти підіймають, а красний товаръ, и красчий и дешевший до насъ привозють. Якъ прислухаешся до того галасу купецького, то за́разъ зрозумієшъ, що се ті самі наші добродіі, що не дуже давно такъ галасували за тарифъ: «не треба, казали, збавляти пошлинъ, бо якъ у московськихъ фабрикантівъ на копійчину буде меньшъ баришівъ, то усімъ вамъ прійдетця вмірати, хочъ у васъ токи й набиті стогами.» Не диво, що наша плодюча країна бідна на гроші, бо такъ усе добре, спасибі за ласку, добродіі умудрува́ли, щобъ капітали поштягати туди десь за Оку. «Продавайте, кажуть, вашу пшеницю у Одесъ або Бердянськъ та привозьте ті грошики, що візьмете, до насъ—ми вамъ ситцівъ за те надаемо́, такихъ що, може, черезъ тиждень й на ганчірки́ згодятця; а у бусурменівъ не купуйте, бо й законъ не позволя, та й дежъ той патріотизмъ буде? Продавати імъ свое добро, а гроші намъ, за хамло́, віддати—то инше діло—таке, якъ слідъ доброму патріотові робити; бо то наше діло, за-

сівши у Харькові, далій відъ чужої конкуренціи, грошима орудувати та зъ вашої праці розживатися, а ваше... у землі копатися, а гроші вамъ, хахламъ, на віщо здалися?.. »Эге жъ, правда! отъ хочъ бий до заліза; нашому хліборобові треба ёго, куди не киньсь; наші степи тільли дожидають заліза доброго и дешевого, щобъ прокинутись та за дігo новимъ ладомъ узятись. Э! такъ, бачите; уральскі заводчики—отті бідні, що Европа на нихъ дивуетця—треба іхъ пожаліть—старцями стануть, якъ захóдне залізо у нашъ край (для користи нашого, багатиря бъ то, хлібороба) пустять. Наша Украіна найбільшъ, здаетця, витерпіла відъ того тарифу, а ії ще й лають, що, бачъ би то, до праці не здатна. Оце тежъ саме и зъ нашими ярмаркáми; здаетця и сліпий побаче, що легше купцéві переізжати зъ своімъ легкимъ крáмомъ зъ ярмарку на ярмарокъ, а ніжъ намъ, зъ нашими важкими пахарськими продуктами, до одного пункту, зъіздитися та одинъ другому ціну збавляти, а чуже у дорожнету підіймати. Тай зъ самої натури того діла бачитця, що край, де пахарьство покриває усякий другий роздобутокъ, повиненъ роскинути свої ярмарки по усімъ зáкуткамъ, а не стягувати у одинъ пунктъ. Отъ хочъ би на прúкладъ: Владимирська губернія має усего 8 ярмарківъ, а у Полтавській іхъ безъ малого 300. Ще кажуть:—коли по шляхахъ покладуть залізні колії, то ярмаркú самі зведутця ні нащо. Але жъ ми бачимо, що у тихъ краяхъ, де пахарьство бере гору надъ фабриками, а земля поділена на невелички маетности (якъ и у насъ), тамъ ярмаркú держатця и тоді, якъ вже залізні колії покривають цілий край, а тільки де-які великі підупали. Та хочъ би й такъ, то на що жъ завгодя́ псувати те, що повстало зъ самого життя народнёго и поки до чого—має ще свою силу? Сама наука навчае, що у те діло мішатись не треба, бо силоміць можно тільки зтурбувати ціле краеве господарьство, а покорúстуютця тільки де-які капиталисти. Для нашого краю булобъ найкористнійшъ, щобъ наші ярмаркú зоставались такъ, якъ були, безъ жадныхъ добавокъ и перéставокъ, а вже самъ часъ и місце покажуть, де торгъ вúмре, а де зацвітé, бо того не вгадаешъ; знаемо ми добре такі ярмаркú, де тильки на папері торгують, а є й такі, що й не щитаютця ярмаркáми, а товару й народу повнісінько. Такъ чи тожъ насъ хліборобівъ послухають? Змагаютця московські багачі за центральний пунктъ для свого товару; годі, кажуть, швендяти зъ ярмарка на ярмарокъ—велика трата, такъ треба десь вище клопотатися, щобъ силою іхъ до одного міста позтягувати. А чи намъ

відъ того легше чи важче—проте хто дбатиме?.. А бодай васъ, панове купецьтво, які жъ то ви патріоти для своеі кишені! Се вже, бачите, такé кòло: що зъ централизаціі, куди не верни, а вийде монополия; а зъ монополіі, централизация. Воно такъ усюди дiялось.

В. Куликъ.

Полтава. Р. 1861, 4 авг.

P. S. Я вже мавъ одсилати до васъ сей листъ, ажъ ось набігли дві новéнькі звістки: перша та, що звóлено будувати у Полтаві великі камъяні лавки підъ ярмарокъ, а друга — сарана́. Сёго дива тутéшні старі люде не памьятáють. Добре тому, хто убрався зъ хлібомъ завгода́. У давні рокі сарана зупинялась на степахъ, и до Полтавщини ніколи не долітала; сёго жъ року дотягла, кажуть, ажъ до Чернігівщини.

В. К.

ОТЪ МАРТА ДО ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ЯРМАРКИ.

Вы слышали жалобы на ужаснѣйшіе снѣга прошлой зимы, на это безпримѣрное бездорожье въ нашей Украйнѣ и знаете, что многимъ отраслямъ украинской производительности и торговли былъ нанесенъ чувствительный вредъ. Такъ, напримѣръ, для сахарныхъ заводовъ не было возможности заготовить дровъ. Снѣга были до-того глубоки, что въ лѣсахъ нельзя было рубить, самая же перевозка еще труднѣе потому, что и на большихъ транспортныхъ битыхъ дорогахъ тянулась узкая, едва отвердѣвшая полоса, съ неисчислимымъ множествомъ ухабовъ, ѣзда совершалась гуськомъ и при встрѣчахъ одинъ всегда тонулъ въ глубокомъ рыхломъ снѣгу: что же можно было сдѣлать съ нашимъ рабочимъ скотомъ, при вывозкѣ изъ луговыхъ или лѣсныхъ мѣстъ?

Крещенскую ярмарку и контракты, какъ вамъ извѣстно, торговали хорошо, но сахарники были очень наказаны: вмѣсто настоящей пропорціи сахара, у нѣкоторыхъ едва была получена третья часть. Снѣга на югѣ были глубже, чѣмъ на сѣверѣ — извощики ѣхали по тридцати и болѣе дней тамъ, гдѣ обыкновенная ѣзда 10, 12 дней. Вслѣдствіе недоставки на Крещенскую изъ заводовъ сахара, у многихъ были незначительные сборы денегъ, а въ виду вслѣдъ затѣмъ

наступающихъ контрактовъ, гдѣ совершаются рафинерами главныя покупки песку, это имѣло нѣкоторое вліяніе на дѣла рафинадныхъ заводчиковъ.

Съ первыхъ чиселъ марта настушила весна, ознаменовавшая себя снесеніемъ во многихъ мѣстахъ мостовъ, но къ апрѣлю путь отвердѣлъ и появились извощики на колесахъ. — Всякій съ жаромъ бросался дополнить несдѣланныя отправки, и цѣны на извозъ были не ниже зимнихъ. — Въ нашихъ мѣстахъ, особенно поддерживалъ цѣну на провозы Бѣлгородъ, по случаю большой отправки до Москвы сала. Несмотря, однакожъ, на дороговизну весеннія отправки обошлись выгоднѣе; товаръ пришелъ своевременно, межъ тѣмъ, какъ слышно, много товару, отправленнаго по зимнему пути изъ Кіевской губерніи, получено въ Москву чрезъ два и три мѣсяца.

Теперь о прошлой зимѣ, межъ украинскими торговцами, нѣтъ и помину, всякій смотритъ впередъ и старается разгадать «будущее», но это будущее, несмотря на опытность многихъ, закрыто отъ насъ непроницаемой завѣсой.

Первая наша весенняя ярмарка Елисаветградская–Егорьевская. Благодаря Бога, въ этомъ году, эта ярмарка вышла хороша. Многіе покупатели–Евреи появились ранѣе настоящаго начала, т. е. 23-го числа, и хорошо покупали недорогіе бумажные, нестрядные и холщевые товары. Хорошіе покупатели были большею частію изъ тѣхъ мѣстъ, откуда прежде не бывали, какъ–то: Кишинева, Бердичева и Каменецъ–Подольска. Нѣкоторые полагали, что причиною хорошей торговли на этой ярмаркѣ отдаленность времени отъ зимнихъ ярмарокъ — Воскресенской и другихъ; положительно можно сказать — не это причина. Какъ увидите ниже, несмотря на возрастающую цѣну бумажныхъ товаровъ отъ дороговизны хлопка, этими товарами торгуютъ хорошо на всѣхъ ярмаркахъ, и потому, навѣрное, это можно отнести къ перемѣнѣ положенія крестьянъ, какъ все равно никто не похвалится торговлей шелковымъ товаромъ и т. п.

Егорьевская ярмарка, за немногими исключеніями, чисто мануфактурная. Цѣнность товара привозимаго я опредѣлить вамъ не могу, но мануфактурныхъ товаровъ было количествомъ до $2^1/_2$ т. лошадей. — Эта ярмарка удалена отъ семьи украинскихъ ярмарокъ, отъ-чего, въ нѣкоторые года, она страшно наказываетъ торговцевъ. Наша яр–

морочная система такова: если товаръ остался въ Маслянской, то будетъ лежать до Вознесенской, если остался въ Вознесенской, отправится въ Ильинскую, оттуда въ Харьковъ или Кролевецъ. Все это разстоянія такія, что провозъ не составляетъ значительнаго расчета; но совсѣмъ другое если товаръ остался въ Егорьевской. До Елисаветграда провозъ всегда стоитъ особенно-дорого, по случаю весенняго времени и затруднительной переправы въ Кременчугѣ. Въ этомъ году провозъ изъ Москвы былъ отъ 1½ до 2-хъ рубл. съ пуда, да кромѣ того, въ Кременчугѣ за переправу черезъ Днѣпръ на разстояніи 2-хъ верстъ платили 3 рубл. съ лошади, 6 рублей съ пары и 9 рубл. съ тройки!. Слѣдовательно, если къ этому провозу прибавить провозъ до Полтавы (куда обыкновенно отправляютъ остатки отъ Егорьевской), то это ужъ будетъ крайне большой расходъ на недорогіе мануфактурные товары.

Интересуетъ многихъ эта ярмарка продажею за деньги, не на кредитъ; но и при хорошей торговлѣ, какая была въ этомъ году, ярмарка приноситъ убытки. На многіе бумажные товары расходъ среднимъ числомъ составляетъ 15%, тогда-какъ на другихъ ярмаркахъ не болѣе 5 и 7%. Помѣщенія для ярмарки хороши: лавки каменныя, цѣны за нихъ умѣренныя; дѣйствія комитета ярмарочнаго заслуживаютъ благодарности.

Вслѣдъ за Егорьевскою ярмаркою, слѣдуетъ Вознесенская. — Бумажными недорогими мануфактурными товарами, несмотря на прибавку въ цѣнѣ 3% и даже 5%, торговали также хорошо; были хорошіе покупатели для Ермолинца (Каменецъ-подольск. губерн.). Тонкими бумажными, шерстяными и шелковыми товарами торговали обыкновенно. — Я не былъ на этой ярмаркѣ, и потому, къ-сожалѣнію, не могу сообщить вамъ, подобно Маслянской ярмаркѣ, статистическихъ данныхъ, относительно украинскихъ товаровъ, — могу только сказать вамъ, что гг. сахарникамъ съ Вознесенской пришлось выдерживать постепенное пониженіе цѣны на свой товаръ. Попричинѣ того, что Москва и Петербургъ мало требовали песку и отъ несвоевременной продажи его въ Крещенскую и др. ярмарки, накопились излишніе запасы на заводахъ и въ складахъ, и потому, несмотря на незначительность Вознесенской ярмарки, сахаръ понизился на нѣкоторые сорты 25 коп., а на другіе и 50 коп. на пудѣ. — Воску оказалось до 4-хъ т. пудъ, но покупателей было мало и цѣна упала до 20 рублей. — О табакѣ свѣдѣній не имѣю.

Троицкая ярмарка (въ Харьковѣ) имѣетъ для нашего края большое значеніе. Характеристическая черта ярмарокъ, описаныхъ мною выше, состоитъ въ томъ, что къ намъ привозятъ мануфактурные товары, продаютъ, и везутъ отъ насъ деньги. Эта же ярмарка наоборотъ:—она какъ бы возвращаетъ назадъ увезенныя деньги своимъ солиднымъ товаромъ — шерстью; но, къ-сожалѣнію, мы не такъ счастливы, какъ великорусскіе, мануфактуристы — Шерсть въ этомъ году значительно понизилась въ цѣнѣ и нашъ край противъ прошлаго года теряетъ въ этомъ товарѣ болѣе милліона рублей серебромъ!

Количество шерсти на ярмаркѣ было до 250 т. пуд.

Грязной помѣщичьей до 130 т. пуд.
Перегона « « « 100 т. пуд.
Нѣмецкихъ колоній и др. 20 т. пуд.

Грязная шерсть продавалась отъ 8 до 8 р. 75 к., нѣкоторыя лучшія партіи проданы отъ 9 до 9 р. 40 к. *Перегонъ* нѣмецкій и купеческій проданы отъ 12 до 13½ рублей; перегонъ помѣщичій— отъ 13½ до 15½ рублей; нѣсколько партій лучшаго сорта проданы отъ 16 до 18 рублей. *Обножки* изъ хорошихъ партій перегона проданы отъ 9 до 12 рублей.

Покупатели были изъ Австріи, Пруссіи, Москвы, Черниговской губерніи, Харьковскіе, Бѣлгородскіе и Изюмскіе моечники.

40 т. пуд. осталось непроданнымъ.

Разничная торговля въ городѣ шла тихо и многіе магазины очень жаловались.

О. Нез — ій.

УКРАИНЦЫ ВЪ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Изъ Саратова.)

Прошло сто лѣтъ, какъ нашъ край наводнился различными колонистами, какъ-то: украинскими, татарскими, нѣмецкими, гернгутерами и, наконецъ, переселенцами изъ губерній Тамбовской, Пензенской, Калужской и Костромской.

Колонисты-украинцы превосходятъ другихъ численностію; жизнь ихъ, по сравненію съ другими, также больше имѣетъ значенія для нашего края.

Волга для украинца сдѣлалась извѣстной еще во времена бунта Стеньки Разина, у котораго много было охотниковъ изъ Украины попировать на чужой счетъ. Они видѣли широкія степи саратовскія, привольныя землей и водой, и по ихъ слѣдамъ, земляки стали ходить на далекую Волгу, для заработковъ на судахъ или рыбныхъ ватагахъ. Дальній путь заставлялъ многихъ оставаться здѣсь у хозяина и на зиму. Мало-по-малу они сроднялись съ чужой вольной стороной и многіе изъ нихъ вовсе не торопились домой, гдѣ вольная воля была только богачамъ да чиновникамъ, замѣнившимъ польско-панскую администрацію въ Украинѣ. Облюбовавъ себѣ на Волгѣ уютное мѣстечко, захожіе селились, обзаводились семействами и забывали о своемъ родѣ-племени въ Украинѣ. Возвращавшіеся домой бурлаки разсказывали про привольное житье-бытье волжское, конечно съ безчисленными прибавленіями, и увлекали въ наши степи новыхъ переселенцевъ. Такъ было до временъ Екатерины II, которая, именнымъ указомъ 1763 года, повелѣла назначить огромное пространство свободныхъ земель на саратовскихъ степяхъ, для желающихъ тамъ поселиться. Украинцы, одни уже знакомые съ вольной приволжской жизнью, другіе наслушавшись разсказовъ о нашемъ краѣ, охотно бросали свои родныя села и переселялись къ намъ. Они селились гдѣ кому было любо. Первыми *хатами* большею-частью были *землянки*; но эти землянки устроивались на самыхъ живописныхъ мѣстахъ. Стóитъ только посмотрѣть на слободы Покровскую, Никольскую, Дубовскую и Рыбинскую, чтобъ отдать честь украинскому вкусу и уму. Двѣ первыя особенно отличаются нетолько прекраснымъ мѣстоположеніемъ, но и выгоднымъ положеніемъ для торговли. Слобода Покровская (украинскія слободы никогда не называются *селами*) стоитъ на лѣвомъ берегу Волги, на небольшомъ возвышеніи. Во время большаго разлива Волги, она стоитъ какъ бы на островѣ. Здѣсь и въ слободѣ Никольской первоначально построены были, въ 1797 году, по повелѣнію Екатерины II, запасные соляные магазины, куда они обязаны были возить соль съ Элтонскаго озера. Въ этихъ двухъ пунктахъ сгруппировалось почти все первое поселеніе, такъ-что впослѣдствіи колонистамъ нужно было выселиться изъ этихъ слободъ,—что̀ дало начало многимъ другимъ малымъ слободамъ и хуторамъ. Слободы Покровская и Николаевская называются, по своему богатству, городками. Въ той и другой—по три каменныхъ церкви, что̀ рѣдко можно встрѣтить въ нашихъ уѣздныхъ городахъ. По своей величинѣ и богатству,

эти церкви могутъ стать наравнѣ съ городскими—уѣздными. Что́ касается другихъ слободъ и хуторовъ украинскихъ, то объ нихъ можно сказать только то, что они всѣ живутъ лучше великорусскихъ селъ, т. е. и богаче и чище. Обогащаютъ ихъ поля и степи. Лѣтомъ украинцы работаютъ въ полѣ, а зимою возятъ сѣно для своего скота и для продажи. Лишь только въѣдешь въ украинскую слободу, ее сейчасъ можно отличить отъ великорусской: украинскія хаты всегда обмазаны бѣлою глиною, съ чистыми окнами и окрашенными ставнями. Дворъ у украинца очень рѣдко можно встрѣтить съ плотными тесовыми заборами или сараями, и съ крѣпкими воротами, особенно въ тѣхъ селахъ гдѣ украинцы живутъ одни. Жизнь открытая вытекаетъ у нихъ изъ ихъ правовъ. Воръ–украинецъ — явленіе очень рѣдкое. Кони и волы никогда у нихъ не запираются замкомъ. Войдете въ хату—передъ вами печь безукоризненно–бѣлая, порядокъ въ домашней посудѣ и опрятность во всемъ домѣ. При этой внѣшней чистотѣ, нельзя не обратить вниманія на ихъ нравственную чистоту. Чтобъ узнать украинца съ этой стороны, нужно только побывать на ихъ *вечерни́цяхъ*, куда у нихъ собираются *дівча́та* и *парубки́* въ осенніе и зимніе вечера. Здѣсь парубокъ и дівчина, единственно по свободному выбору влюбляются другъ въ друга и остаются вѣрными до гроба. Здѣсь нѣтъ корыстныхъ расчетовъ, а одна любовь чистыхъ и неиспорченныхъ сердецъ. Оттого–то у украинцевъ царствуетъ любовь и въ семействѣ. Украинецъ очень рѣдко оставляетъ свой домъ, а если оставляетъ, то ужъ вмѣстѣ съ своей *жінкою*. Да и соблазнить украинку тоже почти невозможно.

Въ дѣлѣ религіи, украинецъ понимаетъ вещи просто и ясно. Сектантовъ и раскольниковъ нѣтъ между украинцами нашего края. Всѣ зажиточные украинцы отдаютъ своихъ дѣтей къ дьячку, для обученія грамотѣ, чтобы имѣть удовольствіе слышать ихъ пѣніе на клиросѣ и чтеніе во время богослуженія. Прихожанинъ – украинецъ удѣляетъ отъ своего имѣнія для церкви очень охотно, не такъ, какъ дѣлаютъ крестьяне селъ великорусскихъ, особенно приволжскихъ, гдѣ попъ долженъ выпрашивать, домогаться того, что́ ему слѣдуетъ, и при этомъ слышать укоры. Въ церковь наши украинцы ходятъ почти всѣ; одѣваются для этого всегда чистенько; стоятъ съ благоговѣніемъ. Украинецъ любознателенъ и понятливъ. Только бѣда въ томъ, что ему приходится читать книги на чужомъ языкѣ, и съ трудомъ усвоивать смыслъ ихъ, особенно подъ руковод-

ствомъ безграмотныхъ грамотѣевъ. Украинецъ съ особенною охотою читаетъ книги на своемъ языкѣ, и еслибы на это обратили вниманіе, то дѣло образованія пошло бы гораздо успѣшнѣе. Украинецъ добръ, даже черезчуръ добръ, когда онъ имѣетъ дѣло съ своими сосѣдями въ торговыхъ и семейныхъ отношеніяхъ. Естественно, ихъ простота не иначе должна считаться, какъ глупостію, въ глазахъ такихъ сосѣдей, которые стоятъ на томъ, чтобы что продать, то и надуть,—а не обмануть, такъ и не продать. Торговать украинецъ нашъ мало способенъ, потому что онъ обезпеченъ во всѣхъ своихъ домашнихъ потребностяхъ; а если онъ продаетъ, то единственно то, что у него лишнее, какъ напримѣръ: лѣтомъ — траву, а зимою—сѣно, хлѣбъ и проч. Украинское купечество, сосредоточенное въ Покровскомъ городкѣ, большею частію занимается закупкою зерноваго хлѣба.

Украинскія пѣсни поются иногда и нашими великороссіянами. Лучшими пѣвцами у саратовскихъ великороссіянъ считаются тѣ, которые, кромѣ своихъ пѣсенъ, знаютъ много и украинскихъ. Когда украинскіе купцы закупаютъ хлѣбъ въ великорусскихъ селахъ, то великоруссы имѣютъ дѣло съ ними всегда охотнѣе, чѣмъ съ своими, потому что украинецъ не обманетъ и не обвѣситъ.

Въ заключеніе, сообщу свѣдѣніе объ одномъ украинцѣ—самоучкѣ-механикѣ.

Никита Зуенко, уроженецъ Покровской слободы, всю свою жизнь ломалъ свою, непросвѣщенную наукой, голову надъ нѣсколькими машинами, и между прочимъ надъ такою, которая бы возила тяжести по водѣ безъ паровъ. Саратовцы видѣли эту машину, только вполовину сдѣланною. Одинъ купецъ брался отлить эту машину, но, кажется, смерть его уничтожила и послѣднія надежды бѣдняка-украинца. Онъ теперь живетъ въ Астрахани, и надѣется, съ помощію какого-нибудь богача, докончить свое давно-задуманное дѣло.

Великороссіянинъ О—овъ.

О МАЛОРОССІЯНАХЪ
ВЪ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Оставляя Малороссію, быть-можетъ надолго, я думалъ, что, во все время моего пребыванія въ Сибири, я не увижу родного человѣка, не услышу родного слова. Каково же было мое удивленіе, когда, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ моемъ въ Пермь, гуляя, или, вѣрнѣе, блуждая по берегамъ рѣки Камы, услышалъ я родные звуки! Я сначала самъ себѣ не повѣрилъ и подумалъ, что слышу мѣстный говоръ крестьянъ Пермской губерніи (1), но прислушавшись, разъубѣдился, и подошедши поближе къ кучкѣ людей, состоявшей изъ пяти человѣкъ, увидѣлъ тутъ козаковъ, изъ которыхъ два говорили по-малороссійски. Чтобы удостовѣриться, что они точно говорятъ по-малороссійски, я спросилъ у одного изъ нихъ: ка́къ называется эта рѣка? »Яка? де? оце, кажуть, Кама. Та ми сами не тутешні«. — »А відкіля жъ ви?« началъ я по-малороссійски. — »Такъ и ти, мабуть, не тутешній, ти землякъ нашъ!« Распросивши, я узналъ, что они въ 1847 году вышли изъ Саратовской губерніи и поселились въ Петропавловскомъ уѣздѣ Тобольской губерніи; нынѣ служатъ въ пограничномъ Тобольскомъ козачьемъ войскѣ, защищающемъ границу отъ набѣговъ Ташкенцевъ и Коканцевъ. Земляковъ нашихъ въ этомъ войскѣ около трехъ тысячъ. Потомъ я узналъ отъ нихъ, что они встрѣтились въ Перми, съ земляками же козаками Оренбургскаго войска и были очень рады этой встрѣчѣ. Выпроводивши ихъ въ Кіевъ, куда они шли на богомолье, мнѣ хотѣлось повидаться съ Оренбургскими козаками-земляками. Черезъ нѣсколько уже мѣсяцевъ, я познакомился съ тремя изъ нихъ. Всѣ три отличались стройностью, проворствомъ, расторопностью и энергіей, и всѣ три отлично говорили

(1) Въ мѣстномъ говорѣ Пермской губерніи *ъ* выговаривается какъ и у малороссіянъ за *и*, *г* за h, а не за g, *о* безъ ударенія за *о*, а не за *а*, и пр.; словъ также много сходныхъ съ малороссійскими, наприм. слобо́да, нехай и проч.; даже головная стржика такая же, какъ у нашихъ земляковъ. Все это объясняется тѣмъ, что здѣшнія мѣста заселены выходцами изъ Новгородской земли, а Новгородцы, по мнѣнію профессора Н. Ив. Костомарова, часть южно-русскаго племени, оторванная силою неизвѣстныхъ намъ теперь обстоятельствъ и удалившаяся на сѣверъ. *Основа*, кн. 1 и 3, статьи: «о федеративномъ началѣ» и «Двѣ русскія народности».

по-велико-русски и по-малороссійски, такъ что, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, я имѣлъ хорошую практику малороссійскаго языка. Меня очень удивляло то, во-1-хъ, какъ они, живя постоянно между чуждымъ имъ населеніемъ, не забыли роднаго языка; во-2-хъ, какъ они не изуродовали его, что́ весьма часто случается у насъ, въ Украинѣ, съ тѣми земляками, которые поживутъ съ великороссами или съ панами. Я хотѣлъ-было, по ихъ разсказамъ, составить полное описаніе быта нашихъ земляковъ Оренбургскихъ козаковъ, но, за выѣздомъ изъ Перми, не успѣлъ. У меня, впрочемъ, сохранились отрывки ихъ разсказовъ, которые сообщаю:

«Оренбургскі козаки живуть у Троицкому уізді Оренбургскои губерні; наши земляки (козаки) живуть не вмісті зъ руськими, а особо. У Ключевскій станиці наши живуть у двохъ селахъ, тільки не знаю, якъ звуть; у Чисменській ст., у селахъ Новому-Чорному, Богородинському и у Лищяхъ; у Миколаевській стан. у Кулибчинському селі, у Шерпеновапській ст. одно село, у Магнитній кріпості; 7-го полку на ричци Судуку е одно село; 6-го полку село № 7-й, 5-го полку село Березовське; у степу на линіи на р. Тургай, на Иргизи (городокъ е Иргизъ); у городкахъ Ахмечети, Старо-Орському и Ново-Орському; у сели Кумакъ подъ Орськимъ; коло Оренбурга по селамъ: Каминьському, Нижеиському и Краснохолі 1-го полку (село велике, сотъ вісиіъ душъ; зъ ёго повиходили у самий степъ, у городокъ Карабутакъ и инші); 1-го жъ полку, по селахъ: Бурганьці, Статишчевій, Озірній, Микольціяхъ, Пидгорнощському. У самому Оренбурсі живуть козаки и міщане-земляки, а селяне живуть відъ Оренбурга къ Самарі. У Челябинському уізді у одному селі живуть селяне.

Козаки наши спершу повиходили селянами зъ губерній: Харьківськоі, Самарськоі, Саратовськоі, Воронежськоі, Курськоі и зъ иншихъ. Виселялись, бо тутъ славно, просторно було жить; линія була, мало людей було. Такъ вони жили селянами до 1842 году. У козаки повернули, щобъ вони образовані були, щобъ оружіе було и все чисто. Которі сами хотіли, бо гля дітей, шобъ у салдати не виддавать и шобъ земля була; якъ у крестьянахъ жили, то землю миряли четвертями, а теперъ — скільки твоя душа бажа, стільки й ори. — —

Запорожці жили спершу у Краснохолі, ми по однімъ боці річки

Чорної, а вони по дру́гимъ. Скільки ми жили у Краснохолі, такъ іхъ усе було дражнять:

Білогірці дурні вівці —
Не молятця Богу;
Запрягають и родичівъ —
Ідуть у дорогу.

Вони у церкву ходять и хрестятця, тільки мова якась така, що й ми не розберемъ. Зъ нихъ ще глузуютъ такъ: ишовъ, кажуть, запорожець, зустрівся зъ руськимъ, та й каже: «чи не знаходивъ ти, шо я загубивъ, *тірбочки* (торбочки), симъ вилупеньцівъ (яйця), и три перепічки (пышка), висвищакою (батигъ) завязана?» Руській каже: я найшовъ торбочку зъ яйцями, та пишками, батогомъ завъязана. «Ні, це не моя.» Відъ своеі торби одперся! Іжаківъ (по іхнёму *дикі кабаньці*) іли. Жінки ходять, якъ и наші, у очіпкахъ, дергахъ, або запаскахъ, а дівчата у білихъ свиткахъ (куцина). Звичаі: вечерниці, різдвяньскі святки, паски святять, и всі звичаі, якъ и у насъ.

Теперъ ми обжились у козакахъ, такъ лучче и привільній. Лісівъ багато: сосновихъ, березовихъ, дубовихъ, то–що; до якого села бліжче, то до того й ліси. У Орській стан. и у другихъ—гори, а у Краснохолі—степъ азіятська, рівна, и у Чисменській стан. степъ, озера по линіи и у Чисменській стан. Зъ солонихъ озеръ сіль беремо даромъ, не одъ казни; тільки сіль тоді бува, якъ засуха. Річки у насъ: Уралъ, Уй, Уильця, Иргизъ, Чорнивця, Буранка, Тулзакъ, Сундукъ и Орь; річки не великі, очеретомъ поросли; риба: лини, сазани, щука, окунь; у озерахъ одинъ карась. У Троицькому уізді е й болота. За нами починаютця степи, днівъ десять безъ корму, тільки полинець росте, пісокъ. На Тургаі и Иргизи дикі коні, дикі свині, сайгаки, тигри, а за Тургаемъ полози. Полозъ такій ясний, наче луска рибъяча, наче серебрений; де вінъ пролізе, тамъ и трава не росте, вінъ якъ махне хвостомъ, такъ и зобье, потімъ кровъ ссе.

По степу и у Троіцькому уізді е могили, наче копані, середина западе, наче тамъ шо провалитця, кажуть, шо розбойники тутъ стояли и накопували: Мамай и Пугачъ; и клади е, тільки взять іхъ не можна, бо давно положені; которі добували, такъ ні — не йдуть уже. На нашому степу виведена—называетця киркою, на церкву по-

хожа, и гробки кругомъ, верху нема. Ни хто не зна, відъ кого вона зосталась.....

Хлібъ роблять зъ цілого и живуть. Пахатної, окроме сінокосу и лісу, 30 десятинъ на душу; тільки родитця, заразъ и нарізують землю. Починають сіяты після паски, на 1-мъ тиждні. и до паски тиждневъ за два, якъ весна тепла, и сіють до Тройці. Сіють года три зряду пшеницю, а потімъ якъ помякша, овесъ, або жито. Пшеница у насъ: кубанка, або турка, чорноколоска, гирка и чорногузка; ячмінь: зъ остюкамы и голий, просо кійкувате. Горохъ сіють по цілині, просо, и лёнъ; коноплі по мякому, після лёну. Пшеницю и жита жнуть, а овесъ та ячмінь жнуть и косять. Кісъ—*горбушъ* нема (2). Жнуть після Петра, й місяць жнуть и неділь три жнуть. Хлібъ кладуть на степу, у токахъ, а до дому не возять, а уже возять чисте зерно. Молотять ціпами, биками и кіньми. Пшенишний хлібъ щодня ідять, житнє борошно Орда бере, у городі продають, ячмінь у рудники на крупи беруть, вівсяною соломою кормлять биківъ, а житна, пшенишна, то-що, лежить, поки зогніе, бо сіна багато. Лёнъ и коноплі продають, а собі сімъя на масло йде, масло бьють.

Повинности: 25 асс. земської повинности зъ душі, штраховка домівъ, якій домъ скільки стое, 3 р., 10 р., 15 р. то-шчо. За казенні кобили 15 к. ср. зъ душі. Служба 25 літъ, 3 годи на службі, а годівъ 5 отдихаемо. Коні и зброя-все свое. Якій бидний козакъ—иде у робітники.

Скотину пасуть Киргізи и Камличини, за корову 10 к. у літо, за пару биківъ тожъ 10 к., за вівцю зъ ягнямъ 27 к., за коней 30 к. с., за телятъ 6.

Оруть усю Петрівку на пшеницю, а весною на овесъ та жито. Оруть плугомъ та волами, у кого нема спрягаютьця. Якъ починають орать, Богу молятця и землю цілують. На сорокъ святихъ, печуть хрестики изъ кіста и жайвороночки: хрестики кладуть у ту пшеницю, шо весною сіють, а коли положить на ниві-и починае

(2) Косами *горбушами* въ Пермской губерніи называются косы съ выгнутымъ болѣе обыкновеннаго желѣзомъ и съ короткой рукояткой; онѣ поэтому очень неудобны. Косецъ долженъ находиться безпрерывно въ согнутомъ положеніи и трава скашивается только по верхамъ; наши косы въ Пермск. губ. называются *литовками;* ихъ здѣсь не много.

орати, зъоравши–зъість; а жайвороночки на сорокъ святихъ ідять. Волочать волами и бороною (боронять), раломъ ралять овси и жита. Живуть всю весну и святкують на полі, поки одсіютця, до самоі Тройці. Тамъ и хати е, и бані. И по селамъ е бані, зімою у дворі, а літомъ на березі бані. Жнуть помочами: просять помочі и горілку пьють, наче весілля усе літо, хочъ не просипайся...»

П. Ефименко.

Красноуфимскъ, Пермской губ.
Іюнь 1861.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

№№ XIV и XV изображаютъ нѣсколько портретовъ, снятыхъ съ натуры И. И. Соколовымъ, въ Полтавской губерніи. На рисункѣ № XV, одинъ портретъ представляетъ чумака съ *чупрйною* и въ шапкѣ, — снятый въ Золотоношскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Вереміевкѣ.

Рисунокъ № XVI изображаетъ *старцівъ* (нищихъ) и снятъ мною съ натуры, на ярмаркѣ, въ селѣ Срібномъ, въ Полтавской губерніи, Прилуцкаго уѣзда.

Л. Ж.

ОДЪ РЕДАКЦІИ.

Просимъ гг. авторовъ извинить насъ за непомѣщеніе въ этой книжкѣ статей, которыя были для нея предназначены, но, по обстоятельствамъ, откладываются до слѣдующей.

Въ нѣсколькихъ письмахъ насъ просятъ высказать наше мнѣніе по поводу статьи, помѣщенной въ одной изъ послѣднихъ книжекъ *Современника*, подъ названіемъ: »Національная безтактность.«

Не имѣвъ, до настоящей минуты, подъ-рукою русинской литературно-политической газеты — *Слово*, по затруднительности полученія

славянскихъ изданій изъ Австрійской имперіи,—мы не могли удовлетворительно отвѣчать на сдѣланные намъ запросы; теперь же, получивъ, наконецъ, при помощи с.-петербургской газетной экспедиціи, послѣдніе номера *Слова*, мы надѣемся, въ X-ой книжкѣ *Основы*, сообщить нашимъ читателямъ данныя, убѣдительныя для всякого, что вина враждебныхъ отношеній между Русинами и Поляками вовсе не со-стороны Русиновъ и, въ-особенности, не со-стороны уніатскаго духовенства, которое, въ Галичинѣ, лучше, чѣмъ гдѣ-либо, поняло свое призваніе посреди пренебреженнаго народа, открыто и прямодушно становится на сторону угнетаемыхъ и смѣло борется за его права, не смотря на свою бѣдность, на оскорбленія и поруганія, которыми щедро надѣляютъ своихъ противниковъ сильные интригою, богатствомъ и политическимъ преобладаніемъ іезуиты — въ ксендзовской и не-ксендзовской одеждѣ, (какъ говоритъ авторъ польской же брошюры: Rączę że się pojednamy) въ религіозной и не-религіозной сферѣ.

При этой книжкѣ, равно и при другихъ журналахъ и газетахъ, прилагается подробное объявленіе объ изданіи *Основы и Живописной Украины* въ будущемъ году. Просимъ поспѣшить подпискою, дабы дать возможность редакціи распорядиться своевременнымъ напечатаніемъ и доставленіемъ на почту надлежащаго числа экземпляровъ. Редакція принимаетъ всѣ зависящія отъ нея мѣры для устраненія медленности въ выходѣ и пересылкѣ нашего вѣстника въ отдаленныя мѣста.

Остающіеся экземпляры *Основы* за *текущій* годъ могутъ быть уступлены: выписывающимъ не менѣе пяти экземпляровъ—по 9 рублей за экземпляръ съ пересылкою, и по 8 р.—безъ пересылки; выписывающимъ не менѣе десяти экземпляровъ—по 8 р. съ пересылкою, и по 7 р. — безъ пересылки.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 9-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Ба́витись — мѣшкать.

Введе́нитись — надорваться.
Верства́ — верста.
Вки́нутись — приключиться.
Ви́гебле́ваний—гладко выстроганный.
Вирачкова́тий—съ большими вытаращенными глазами.
Ви́шарова́ний — вымытый, вычищеиный (полъ).

Ги́дко — гадко.
Гли́ва — родъ грушъ.
Голу́бити — лелѣять.
Гу́дзикъ — пуговица.

Дмухну́ти—сильно дунуть; быстро побѣжать, ускакать.
Дуже́нний — очень сильный.

Же́рдка — жердь, вѣшалка.

Закаля́тись — запачкаться; замараться.
За́спіль — за-одно.
Збагну́ти — понять, уразумѣть.
Збіга́тись — сбѣгаться.
Здо́бичъ — добыча.
Злі́нути — улетѣть; взлетѣть.

Кану́перъ, кану́піръ — душистое растеніе.
Квасо́ля — турецкіе бобы; фасоля.
Ки́хоть — когть.
Кожні́сінькый—всякій безъ исключенія.
Колистра́торъ—пол. регистраторъ.
Кори́тись — покоряться; повиноваться.

Ма́ло-що — чуть-чуть, немного.
Ма́ри — родъ посилокъ для покойниковъ.
Меже́ (и) — межъ; между.
Ми́ттю—скоро, орометтю; со всѣхъ ногъ.
Млинови́й — мельничный.
Мрець — мертвецъ.

Неда́внечко—(умен.) не такъ давно.
Німке́ня — Нѣмка.
Ну́да — скука.

Обі́ня́ти — обнять.
Обночува́ти — переночевать.
Овра́шокъ — хорекъ.
Око́лія — околодокъ.
Онупрій — Онуфрій.
Опе́нтати—опутать, попутать, отуманить кого.
Опри́скливий—сердитый; огрызающійся.
Орчико́вий — пристяжной.

Па́дькатись — принадать; ухаживать.
Па́хощі—духи, благовонный запахъ.
Підцю́кувати—подрубать.
По-близу́—вблизи, возлѣ.
По-дру́зькій—по-дружески.
Поли́вьяній.—
Посіяти — (въ переносномъ смыслѣ растерять.
Попа́сувати—кормить лошадей въ дорогѣ.
Просто́ро—просторно; пространно.
Прохолоди́ти—прослудить.
Пти́шня—птичникъ.
Пу́дити—бить, гнать.
Пу́ндикъ—сладкій пирожокъ.

Ра́тище—копье.
Розже́врілий—разгорѣвшійся, пышащій.

Росплóджений—разведенный, взрощенный.

Садови́ти — сажать; усаживать.
Сво́локъ — балка, поддерживающая потолокъ въ хатѣ.
Семий — седьмой.
Сівъ — посѣвъ.
Сіду́ха — сидѣлка.
Сірий — сѣрый.
Скри́нечка — (уменьш.) сундучокъ.
Снага́—способность, удача къ чему нибудь.
Стерня́—стебли соломы, остающіеся на корню послѣ жнивъ.
Степо́къ — небольшая стень.
Стілець — маленькая скамеечка.
Стина́тись — схватиться съ кѣмъ.
Су́джений — суженый.

У-рòстичъ — куда попало; во всѣ стороны.

Филюва́тись — волноваться.

Хи́жий — хищный, жадный, своекорыстныи.
Хо́льварокъ — родъ фермы.

Чига́ти — поджидать кого въ засадѣ.
Чмо́кнутись — поцѣловаться.
Чужая-чужина—чужіе люди.

Яструбъ — ястребъ.

ПОПРАВКИ.

1) Въ статьѣ: *Украинскія незабудки*, стр. 37, строка 30, вмѣсто *закипала*, слѣдуетъ читать—*закипѣла*.

На стр. 42, стр. 34, вмѣсто *и насъ въ уѣздѣ*, слѣдуетъ читать—*у насъ въ уѣздѣ*.

На стр. 46, стр. 13, вмѣсто *Трещотки*, слѣдуетъ читать—*Чечотки*.

2) Въ примѣчаніяхъ къ думѣ *Кумейки*, на стран. 53, стр. 18 снизу напечатано: *не чуждается*, должно быть—*не чуждалось*.